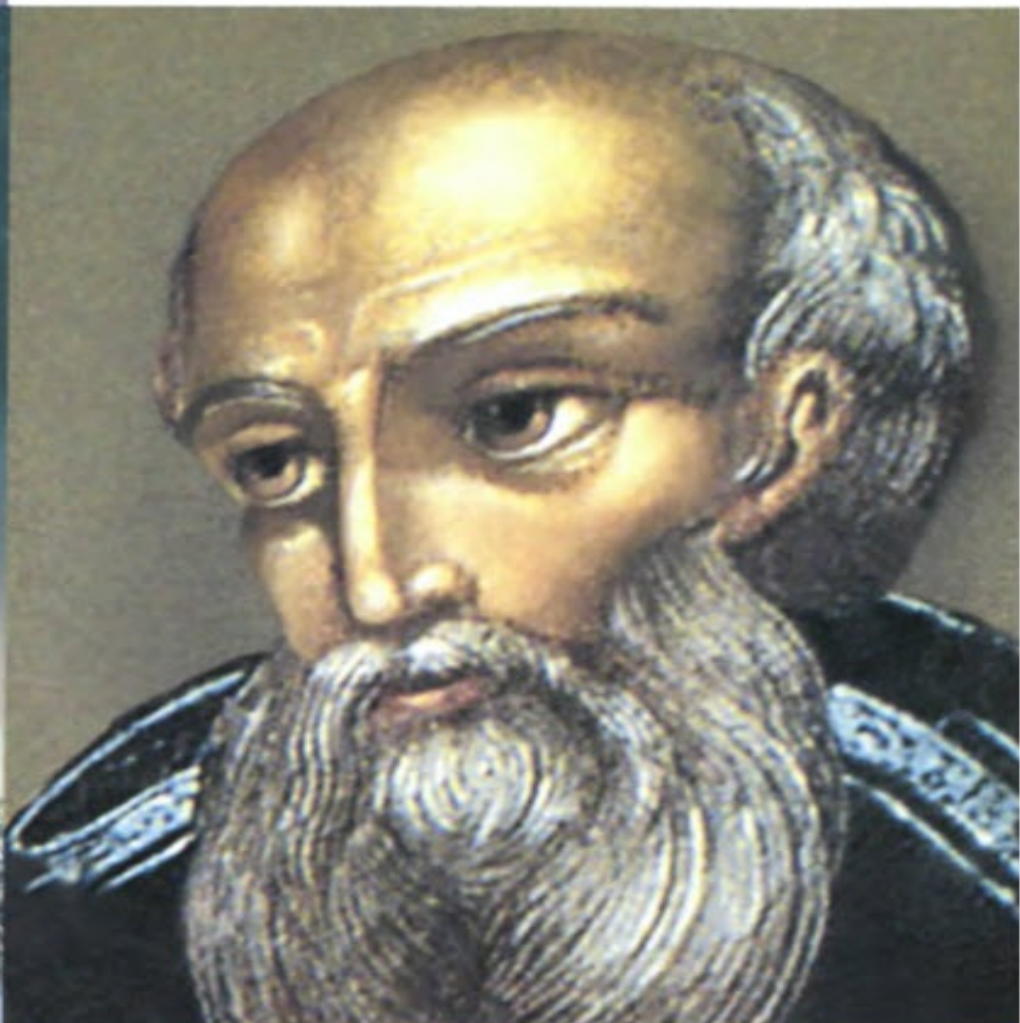

САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ

Константин
Кобалев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Данная книга — одна из первых попыток полно и последовательно рассказать о загадках жития Звенигородского чудотворца и одного из самых почитаемых в России святых — преподобного Саввы Сторожевского, которого именуют «молитвенником за царей» и «защитником Москвы». О жизни его известно очень мало. Ученик и сподвижник Сергия Радонежского, духовник семьи Дмитрия Донского, он был связан с великими свершениями и переменами на Руси после победы на поле Куликовом. Автор — известный писатель и историк Константин Ковалев — избрал жанр увлекательного художественно-исторического расследования и предложил новые датировки и гипотезы. Кто поднимал Московскую Русь, боролся с Золотой Ордой и побеждал Волжскую Булгарию? Кто вдохновлял Андрея Рублева на создание «Звенигородского Спаса» и «Троицы», благословлял строительство новых соборов и Небесного Града на Москвереке? Когда был основан Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, притягивающий к себе сотни тысяч паломников? Почему правители Руси иногда выбирали не самые удачные пути развития государства и кто влиял на их решения? Собранные воедино легенды и мифы, источники и факты помогут читателю в поисках ответов на эти и многие другие вопросы, связанные с тайнами нашей древней истории.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Константин Ковалев](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [У предсмертного одра](#)
 - [Белые пятна истории](#)
 - [Глава вторая](#)

-
- [Отрок из неведомых земель](#)
- [Выбор настоящего пути](#)
- [Глава третья](#)
 -
 - [Русское монашество: история и традиции](#)
 - [Во времена ордынской Москвы](#)
 - [Двенадцать лет в Успенском?](#)
 - [Духовник честной братии](#)
- [Глава четвертая](#)
 -
 - [Настоятель в Троице](#)
 - [Исихазм: «умное делание» и Свет Фавора](#)
 - [Пути русской святости](#)
- [Глава пятая](#)
 -
 - [Князь Юрий и завещание Дмитрия Донского](#)
 - [Кто придумал Звонящий Град](#)
 - [Благословение на битву с булгарами](#)
 - [Основание Богородице-Рождественского монастыря](#)
 - [Первые шедевры раннемосковской архитектуры](#)
 - [Лики Андрея Рублева](#)
 - [Вершина духовной славы:](#)
 - [Русь сразу после кончины схимника](#)
- [Глава шестая](#)
 -
 - [О дате его рождения и настоящем имени](#)
 - [«Смоленский след» в биографии игумена](#)
 - [Мифы о Дубенском острове](#)
 - [Старец Савва — Андрей Рублев — «Спас Звенигородский» — «Троица»](#)
 - [Юрьев день и герб Георгия Победоносца](#)
 - [Небесный Звенигород как таинственный символ](#)
- [Глава седьмая](#)
 -
 - [Житийная традиция о Савве](#)
 - [Посмертные чудеса, обретения и канонизация](#)
 - [Белокаменная летопись Сторожевской обители](#)
 - [Скрытые письма колоколов](#)

- [Царь Алексей Михайлович и медведь-убийца](#)
- [Тайны древних крюков](#)
- [Странная благодарность Петра Великого](#)
- [Видение пасынка Наполеона](#)
- [Годы революции и Гражданской войны](#)
- [Известные и чудотворец](#)
- [Государева дорога: по Рублевке —](#)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1278

(1078)

Константин Ковалев

САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Автор благодарит всех, кто помог выходу этой книги и вдохновил на ее создание трудами разных времен.

На переплете изображены:

Савва Сторожевский. Фрагмент росписи алтарной части Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря (Звенигород).

Фрагменты иллюстрации художника И. Самокиша к поэме Л. Мея «Избавитель». XIX век.

Саввино-Сторожевская обитель. Современный вид.

© Ковалев К. П., 2007

ISBN 978-5-235-03055-8

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007

Писано в лето 7515-е от Сотворения мира и 2007-е от Рождества Христова, в 600-ю годовщину преставления старца Саввы, в стольном граде Москве, удельном Звенигороде и попутном меж ними патриаршем сельце Переделкине.

От автора

ЖИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПРИЗНАНИЕ

Жития лучших мужей и в древности по обычаю писали ради прибывающей от этого пользы.

Нам же ныне напоследок, когда мы достигли конца времен, еще более это необходимо.

Маркелл Безбородый

Одна забота печалит и удручает меня более других: если я не напишу и никто другой не напишет Жития, то боюсь быть осужденным, согласно притче о негодном рабе, закопавшем талант и обленившемся.

Епифаний Премудрый

Эта книга может вызвать много споров. В ней немало гипотез, пробелов и недоговоренностей. Автор предполагает возможные будущие обсуждения или даже замечания, но это лишь пробудит свежую мысль по отношению к делам и помыслам великих духовных подвижников прежних времен. Потому здесь используется максимально возможное количество источников и мнений специалистов. Однако автору не претит утверждение, что порой весьма простые и живые рассуждения в гораздо большей степени помогают отразить или почувствовать веяния эпох, нежели самые ухищренные доказательства.

Итак.

О разном видении жизни

Много лет назад в подмосковный Звенигородский монастырь зашел задумчивый молодой человек, приблизился к его святыням, а чуть позднее прочитал и переписал по-своему старинное Житие основателя обители — игумена Саввы. Это был поэт Александр Пушкин.

Спустя некоторое время один студент-медик, можно сказать по

распределению, попал в город Звенигород и устроился работать врачом в местной больнице. Он много трудился вел дневник, создавал рассказы и фельетоны о сельской жизни и стал потом известнейшим на весь мир литератором. Но ни разу, нигде и никогда он не вспоминал ни о соседнем монастыре, ни об имени преподобного Саввы. Это был писатель Антон Чехов.

Так же и в нашей памяти. Один человек что-то видит, а другой говорит — здесь ничего нет интересного. Пытливый паломник скажет: меня интересуют и мне важны внутренняя жизнь и чудеса, связанные с житием почитаемого старца. А историк-исследователь заметит: мне нужно точно знать — имена, цифры, факты и ссылки на документы, без этого всё просто не имеет смысла и ценности. И оба будут правы, хотя каждый — по-своему. Соединить же всё вместе, почувствовать в результате такого синтеза приближение к правде и даже к истине — непростая задача.

Именно об этом мне приходилось думать в первую очередь, когда я начинал работу над книгой о преподобном Савве Сторожевском. Слово «преподобный» означает — святой из монашествующих, стяжавший высочайшее нравственное достоинство своими подвигами и чистотой жизни. В церковном мировосприятии этот эпитет — «преподобный» — принято всегда ставить перед именем почившего святого инока. Однако мы намеренно почти не станем употреблять его в книге, дабы не появилось у светского человека ощущения некоей «древности» обитавшего на Звенигородском холме старца. Кстати, слово «старец» также не совсем обыденное. Для тех, кто живет в монастыре, оно имеет особенный смысл. Нам придется в книге гораздо чаще употреблять именно его, и пусть читатель воспримет это даже в буквальном, мирском смысле — ведь мы будем говорить о человеке, который прожил очень долгую жизнь. И на проверку оказывается, что она важна и интересна, как и все его наследие, которое настолько актуально и живо сегодня, что продолжает играть немаловажную, хотя и незаметную на первый взгляд роль в нашей современной истории.

О процессе работы

Решение написать эту книгу, честно говоря, было не простым. Работа над текстом заставила автора принять необычные для него решения: время от времени буквально уходить от простых фактов истории, избавляться от давления бытовых подробностей, изменять «ракурс» обычного восприятия

реальности и прошлого. Вот почему читатель встретит множество предположений и гипотез, столкнется с некоторыми разногласиями между писанием и преданием, и уж точно — окунется в переплетение жанра жития и обычной биографии.

Автору также показалось, что без личного восприятия событий давно ушедшей эпохи тут никак не обойтись. Переживание истории, её субъективное восприятие — не всегда объективный путь к созданию образа того, о ком пишешь. Но в данном случае это иногда оказывалось почти единственным способом изложения, без которого книга бы просто не появилась. Об удачах и неудачах — судить читателю.

Кроме того, автору некоторое время мешала и буквально останавливала мысль: взявшись рассказать о жизни святого человека, что ты можешь в ней понять? Наверное, явное преувеличение считать, будто сможешь найти какие-либо ответы на вопросы, волновавшие миллиарды людей тысячелетиями и в поисках которых поколения обращались к учителям, мудрым старцам, духовным проповедникам и наставникам. Хотя и пожил ты на свете, но все-таки ничтожно мало по сравнению хотя бы с тем, о ком собираешься писать. Да и вообще — насколько ты сам способен приблизиться к краю великой и неизмеримой бездны, именуемой благодатью и величием Духа?

По истечении времени писания вот что я скажу по этому поводу, уважаемый читатель. Если бы мне пришлось пойти путем поиска ответов на все эти вопросы, то на это ушла бы вся жизнь, а книга так и не увидела бы свет. Однажды я вдруг понял, что мои мудрствования и какие-либо потуги на духовные подвиги здесь вряд ли помогут. Нужно было просто сосредоточиться и отдаться течению трудовых будней. А появившаяся вдруг душевная простота формы сама стала диктовать последовательность текста, отдельные темы и главы. В какой-то момент я, наконец, просто почувствовал, что могу писать о самых трудных фактологических или духовных перипетиях легко и свободно, если не буду стараться «изобретать велосипед», лукавить, убегать от исторических реалий или строить баррикады собственных иллюзий. И чем проще у меня получалось, тем свободнее я себя ощущал, тем легче становилось «управлять буквами и словами», которые словно бы сами выстраивались в нужную последовательность.

Хотя задача и вправду была не из легких. Ведь в этой книге речь пойдет о человеке, которого в действительности принято величать святым.

Жизнеописание святого в древности называли Житием, считавшимся в некотором роде «словесной иконой». Эта традиция сохранилась по сию пору. Но можно ли жития считать обычными биографиями? Дела земные и дела небесные, для одних реальные, а для других — совершенно фантастические, пересекаются, сосуществуют и соседствуют в житиях, словно миф и реальность, как чудеса и прагматический, материальный взгляд на вещи. «Словесная икона» словно повторяет икону буквальную, на которой изображение символично, и его трудно назвать реалистическим.

Добавлю к этому, что, по моему предположению, «ценность» исторической личности можно иногда «измерить» с помощью нехитрого способа. Представим себе следующее: убираем (хотя бы виртуально) какого-то человека из истории, стираем, так сказать, из памяти компьютера цивилизации. Не было его, и всё тут! Многое ли изменится в результате, или наоборот — ничего? Ответ на этот вопрос и есть некая мера степени важности человека, а именно — что он оставил после себя. Конечно, «идея» эта не очень нова и весьма субъективна. Но...

Пример. Уберем из российской истории Петра Великого. Что могло бы произойти, если бы его не было на свете? Трудно даже представить! Естественно, в данном конкретном случае история бы изменилась кардинально! Вот вам и степень значимости императора-реформатора. А что было бы, если б не было, например, Василия Блаженного? Того самого юродивого, именем которого величают в народе храм Покрова на Красной площади в Москве. Кажется, не изменилось бы ничего. Но, возможно, не было бы тогда и самого этого знаменитого собора, который сегодня для всей планеты является символом России.

А теперь попробуем убрать из русского летописания преподобного Савву Сторожевского. Многое ли изменится? Ведь жил он давно, известно было о нём не так уж много. Был праведен, прославил Звенигород, связан с именами Сергия Радонежского, Дмитрия Донского и его жены — Евдокии, князя Юрия Дмитриевича, иконописца Андрея Рублева, а также с укреплением мощи Москвы, победами над волжскими булгарами, жизнью и смертью царя Алексея Михайловича и приемного сына Наполеона, даже Пушкин весьма им интересовался. Достаточно ли всего этого, чтобы при «исчезновении» данной личности «кривая» истории не отклонилась в сторону, а продолжала своё стержневое движение к результату, который мы пожинаем сегодня?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо прочувствовать следующее. У истории в любые времена могли быть различные варианты продолжения и развития. Иногда случаются ключевые моменты, когда всё могло бы совершаться абсолютно по-другому. В такие мгновения одного лишь слова, одного лишь субъективного решения исторического героя достаточно, чтобы двигатели времени повернули развитие цивилизации совершенно в другом направлении. Но не случайно существует поговорка: «История пишется на небесах». Не потому ли десятки миллионов людей и по сей день помнят о преподобном Савве Звенигородском вовсе не как об историческом деятеле, а именно как о подвижнике, познавшем многие глубины духовной жизни? Люди вспоминают о нем так, даже не обращая внимания на всю его остальную мирскую, или как принято ныне говорить — социальную деятельность. Значит, в истории важно и еще кое-что, кроме обычных дел. Назовем это «кое-что» — благой памятью. Абстрактное понятие, но иногда становящееся абсолютно конкретным. Для такого понимания истории порой не надобны в точности выверенные факты, ибо они ничего не подскажут по сути, не прибавят к ней, не приведут к решению или единому итогу. И тогда полуфантастическое житие, в противовес скрупулезной биографии, становится живым источником для творческого познания реалий. Особенно для писателя-историка, взявшегося за столь неудобную и не всегда понятную обязанность — возродить образ человека, который в реальности словно скрыт от буквального восприятия.

О гипотезах

Повторюсь: эта книга — исторических реалий и одновременно — многочисленных гипотез. Гипотеза в переводе с греческого языка означает предположение, которое выдвигается для объяснения чего-либо, хотя и требующее проверки на опыте. Данный жанр выбран автором не случайно. Есть вещи, о которых по прошествии времени можно только догадываться, но нельзя утверждать «на все сто». Гипотезы и предположения, по возможности, подтвержденные историческими фактами, зачастую помогают нам в понимании главного — что за этими фактами стояло или могло бы происходить. И тогда история, первоначально предстающая перед нами мифом, оживает и приоткрывает свои завесы, помогая будущим ценителям или исследователям в достижении правды, а быть может даже — истины.

О тайнописи Маркелла Безбородого

Поможет нам разобраться в иногда запуганных событиях краткое и самое первое в истории Житие старца Саввы, созданное еще в XVI столетии талантливым и образованным мыслителем-летописцем Маркеллом Хутынским по прозвищу Безбородый. Каждая главка данной книги начинается с цитаты из этого ценного документа, за двумя-тремя словами которого может стоять не просто цепочка событий, но немалое количество судеб, имен и фактов, способствующих реконструкции и раскрытию тайнописи давно ушедших эпох. При этом непременно отсылаю читателя к разделу «Дополнительные материалы» в данной книге, где помещен полный текст написанного Маркеллом Жития. Имеет смысл сначала, до чтения самой книги, ознакомиться с этим Житием полностью, оно короткое и емкое — всего несколько страниц. Тогда «разбираться» в построении всего повествования будет легко и удобно.

Удивительный знаток тайнописи и древнего крюкового письма — Маркелл Безбородый, как выяснилось, употреблял в своих сочинениях закодированные и зашифрованные записи. Например, ставил «не случайные» буквы и свои инициалы в первых строках строф к написанным им службам, посвященным тем или иным святым (службы эти и поныне входят в церковный обиход), при этом иногда исключая гласные, что усложняло расшифровку. То есть Маркелл употреблял варианты скрытого, усложненного и запутанного акростиха, методы шифрования и кодирования, известные как краегранесие и краесловие. Употреблял, между прочим, там, где подобное не поощрялось, да и не очень-то было принято делать.

Это неожиданное увлечение Маркелла, создавшего первое Житие Саввы Сторожевского и церковную Службу в его честь (включая тексты и мелодии!), подсказало автору данной книги возможность и особый способ повествования — регулярное привлечение старинного текста для прояснения последующих размышлений.

Об источниках и ссылках

Важно заметить: какие бы неожиданности ни встретились читателю на страницах данной книги, какие бы трактовки, Цитаты, предположения или изменения установившихся датировок ни удивляли, главное, что все они

основаны на результатах работы с историческими источниками или трудами поколений исследователей. На каждое утверждение автор готов дать соответствующую ссылку. Однако, пытаясь сохранить удобную для чтения повествовательность, автор в последний момент решил убрать в данном издании все цифровые ссылки (которые бы просто мельтешили в глазах, так как их сотни), оставив лишь достаточно подробную (хотя и не совсем полную) библиографию в конце книги. Выбранный жанр сам подсказал такой шаг, хотя в дальнейшем, и автор этого не исключает, всегда возможно переиздание или новая публикация данного жизнеописания Саввы Сторожевского с подробнейшим и постраничным указанием ссылок на все приведенные источники.

И наконец,

дорогой читатель, перед тобой книга о великом старце Российской земли. Если труд сей поможет по прочтении хотя бы крохой в осмыслении кем-то личного бытия, то автор будет считать свою задачу выполненной. Задачу, которую можно было бы назвать возвышенным словом «миссия», но пишущий данные строки на это вовсе не претендует. Достаточно будет того, что авторское и читательское внутреннее взаимопонимание вдруг подобием искры промелькнет в сознании хотя бы на мгновение. Одно только это событие уже станет отрадным, и означит главное — благая память о старце Савве продолжает распространяться. За что автор заведомо благодарит уже много раз цитированными, но навсегда остающимися чудесными словами великого поэта:

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Глава первая

КОНЕЦ — НАЧАЛУ ВЕНЕЦ

У меня составились свитки... о жизни старца... но не по порядку — начало в конце, а конец в начале.

*Епифаний Премудрый. Предисловие к Житию
Сергия Радонежского*

Засвидетельствовано в истории: поутру 3 декабря (16.12) 1407 года^[1] в окружении сподвижников скончался старец Савва, игумен Богородице-Рождественского Звенигородского монастыря. Почил он мирно, и, как отмечено было, «братия же собравшаяся на погребение отца своего и видя его, преставившимся... многие слезы проливала и столами горькими терзалась, ибо отлучилась от кормника и учителя»...

Именно с этого события, с этой даты мы и начнем данное повествование. Кто-то может спросить: почему жизнеописание открывается не с рождения, а с преставления того, о ком рассказывается? Не только потому, что мы почти ничего не знаем о первых годах его жизни. А еще и в связи с тем, что порой именно кончина становится рубежом, после которого вступают в силу законы духовного предания и исторической правды, и память о выдающемся человеке начинает не просто жить, а неожиданно приоткрывает передающиеся от поколения к поколению важные истины и откровения.

У предсмертного одра

Весь я не умру...

А. С. Пушкин

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «И всеми добродетелями просветился, конец здешних трудов принял, честную же и блаженную душу свою предав в руки Господа...»

Однажды меня поразила этимология очень древнего слова «конец». В его основе находится важнейший для славянского мира корень — «кон». Одним из самых определяющих слов с этим корнем является слово «закон». А еще в важные минуты говорят такую фразу — «на кон поставлено всё», или в подтверждение чего-то произносят — «конечно». Смысл старинного корня играет немалую роль в понимании мировоззрения человека Древней Руси. «Кон» — это буквально «род», «начало всех начал», «порядок», «обычай», нечто священное и неприкосновенное, то, что определяет и отмеряет всё остальное и в языке, и в образе жизни.

Когда мы произносим слово «исконный» (а здесь опять встречается корень «кон»), то подразумеваем «изначальный». Например, исконные земли — это те, которые издавна, изначально кому-то принадлежали или были чьей-то родиной. То есть были... испокон веков (и опять — корень «кон»!).

Вот почему, произнося «конец», мы, сами того не подозревая, имеем в виду «начало». В древнерусском языке заложена такая вот оптимистическая программа: «неостановимость» бытия. Потому и человек, который «скончался», в сознании понимающего смысл слова человека вовсе не умер в буквальном смысле, а «начался» снова. Бессмертие предощущается на понятийном уровне. Смерти в языковом отображении нет. Кончина — лишь только переход в нечто другое, новое, еще не свершившееся.

А раз так, то и наше повествование, будто бы повернутое с ног на голову, то есть начавшееся с конца, на самом деле и будет происходить с самого что ни на есть начала.

Вышеупомянутое событие — кончина старца — произошло в небольшом отдалении от столицы Московского княжества, в монастыре у берегов Москвы-реки. Оно могло бы остаться незамеченным для большинства современников, да и для потомков. Ну в самом деле, что с того, что скончался некий пусть даже и весьма уважаемый человек. Если посмотреть на всеобщую историю этого времени свысока, виртуально «приподнявшись» над простыми бытовыми фактами, то в нем можно заметить гораздо более серьезные обстоятельства и происшествия, которые могли бы привлечь достойное внимание пытливого исследователя или любителя истории.

В самом деле, 1407 год от Рождества Христова и несколько ему предшествующих были весьма заметными в ряду окружающего их потока времени. И какие люди, какие имена «украшали» эпоху только своим участием в этих событиях! Двух лет не прошло, как неожиданно скончался самый страшный и известный современникам человек, имя которого наводило ужас на любого жителя почти половины планеты — Тимур, иначе называемый Тамерлан. «Великий хромой» завоевал большую часть мира, заставил преклонить колени Золотую Орду, потрепал европейцев, подавил азиатов, чуть не покорил Русь, и уже отправился окончательно подчинять себе Китай, когда вдруг внезапно смертельно заболел и умер.

В это же самое время в Риме взошел на престол новый папа — Григорий XII, правивший затем Ватиканом почти десятилетие. В Англии приняли знаменитый «Статут о сожжении еретиков», а некая тамошняя компания «купцов-авантюристов» впервые получила королевскую хартию для купли-продажи шерсти и сукна по всей Европе, что открывало новую страницу в истории мировой торговли.

Флоренция захватила наконец логово своего старого врага — город Пизу. В Германии открылся Вюрцбургский университет — гнездо образования в средневековом мире. Великий китайский флотоводец Чжэн Хэ заставил платить дань своему императору всё побережье океана — от Индокитая до Африки. В Париже произошло убийство Людовика Орлеанского, знаменовавшее еще более кровавые повороты в охватившей страну гражданской войне.

Золотая Орда была ослаблена смутой, престол в течение одного года переходил от хана к хану, сначала — к Пулату, затем к Джеляль-эддину, и вновь — к Пулату. Великий князь Литовский Витовт угрожает Москве, подбирается к столице Руси вплотную, присоединив к своим владениям княжества Смоленское и Вяземское.

В 1407 году впервые в русской истории появляется летописное

упоминание о Сибири и Сибирских землях — так все более обширным становился в то время кругозор жителей государства. Прошло чуть больше года, как иконописцы Феофан Грек, Андрей Рублев и Прохор с Городца расписали Благовещенский собор Московского Кремля, и вслед за этим Рублев с Даниилом Черным начали роспись Успенского собора во Владимире.

Наконец, в том же 1407 году, почти одновременно со старцем, в столице скончалась его духовная дочь, вдова великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского — Евдокия, в монашеском пострижении принявшая имя Евфросинии и в будущем также причисленная к лику святых.

Один только краткий и далеко не полный перечень событий подсказывает иное направление возможного интереса: каждый из вышеозначенных фактов претендует на то, чтобы посвятить ему тома исследований или большие тиражи исторических повествований. Почему же мы придаем столь большое значение кончине Звенигородского старца, жизнь которого в «мировых масштабах» может показаться не особенно известной или важной?

Не будем спешить с выводами.

Кончина Саввы произошла скорее всего в небольшой пещерке, в скиту, близ основанного им монастыря, в полутора верстах от стен града Звенигорода, там, где преподобный старец в последние годы земного бытия проводил свои дни и ночи. Через некоторое время домовина с его телом была поставлена у царских врат построенного по его же благословию каменного Рождественского собора, монастырская братия отпела покойного, а затем мощи его были положены тут же, при входе, у правой стены под окном. Ибо никто не хотел, чтоб тело преподобного скрылось в глубинах погоста, а лучше оставалось бы рядом, там, где продолжалась служба, где звучали молитвы и псалмы, где под самым куполом храма отражалось эхом протяжное единоголосное пение.

Не прошло и десятилетия, как слух о старце распространился по Русской земле, к мощам его потянулись люди, уверовавшие в святость преподобного, происходившие чудеса подтверждали их веру, местное почитание начинало перерастать во всеобщее. Хотя летописи и документы не баловали потомков упоминаниями о его житии, но не истекло еще даже столетия, как народ уже величал его Саввой Сторожевским или Звенигородским чудотворцем.

В середине XVI столетия старца официально причислили к лику

русских святых, стали вспоминать о его деяниях и по крупицам собирать о нем сведения, в XVII — украсили и вновь отстроили в камне его обитель, а затем он и вовсе стал одним из наиболее известных духовных подвижников на Руси.

Место, связанное с последними годами его жизни, стало центром паломничества, до сих пор Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь посещают сотни тысяч людей в год и он (статистика — вещь упрямая!) принимает гостей в количестве, которое едва ли заметно уступает только двум другим духовным центрам России: Троице-Сергиевой лавре, основанной Сергием Радонежским, и Серафимо-Дивеевской обители, связанной с именем Серафима Саровского. Поговаривают и о том, что это «третий по значению русский святой».

Поразительно, как история, словно иконописная перспектива, по словам Павла Флоренского, иногда бывает повернута как будто наоборот — в обратную сторону. Так же, как и слово «конец», которое на самом деле превращается в «начало».

Вот почему продолжение деяний и житие после смерти становятся порой более ценными и важными, нежели даже во время самой жизни.

Белые пятна истории

Гипотеза 1

Всякий обман и ересь входят в жизнь из-за невнимания, когда кто-либо не знает правды.

Инок Евфросин. XVII век

Тот, кто бывал в Звенигороде, знает, насколько удивительны здешние места. Природа привлекала и привлекает сюда многих паломников, ищущих хорошего отдыха или единения с первозданным подмосковным миром. Верховья реки Москвы с её пологими и одновременно крутыми берегами в этом месте создают неповторимый ландшафт. Перед глазами путешественника открываются необозримые дали, окаймленные сосновыми борами. В некоторых местах открытые равнины вдруг перебиваются высокими холмами, иногда напоминающими настоящие лесистые горы.

Здесь жил и здесь скончался чудотворец и прозорливец Савва. И пусть некоторые последующие рассуждения немного нарушат гармонию только что обрисованной картины — речь пойдет о спорах и датировках. Наконец в нашем повествовании появляется первая гипотеза. И связана она будет с датой кончины старца.

Даже если бы русские не были, по словам поэта, «ленивы и нелюбопытны», все равно в точности определить многие даты жизни, например, Саввы Сторожевского не представилось бы возможным. Именно по той причине, что монастырский старец никогда не стремился к тому, чтобы запечатлеть свои подвиги или заслуги. Никто не записывал за ним каждый его шаг, действие или поступок. И среди многочисленных белых пятен в его реальном жизнеописании мы можем с наибольшей точностью и вероятностью говорить лишь о небольшом списке дат, в котором конечно же есть дата его кончины.

Однако и эта дата требует уточнения. Не потому, что она на заре XV века была неправильно записана. А потому, что иногда само время играет над нами злую шутку, меняя, казалось бы, совершенно незыблемые вещи: цифры и факты.

Всему виной формы летоисчисления, которыми пользовались наши

предки и которое не совсем совпадает с тем, как привыкли считать мы сегодня.

Уже упомянутая дата кончины Саввы Сторожевского — 3 декабря 1407 года требует некоторого уточнения. Потому что на протяжении почти двух столетий происходили разногласия по поводу её правильности. Ведь мы сегодня исчисляем годы от Рождества Христова, которое, условно говоря, произошло в «нулевом» году. В XIV веке в Древней Руси существовал другой календарь. Летоисчисление производили по принципу — от Сотворения мира. Казалось бы — ну и что особенного? Ничего, кроме того, что переводить один календарь в другой — не всегда представляется простым делом.

Любой историк знает, что для перевода дат нужно отнять (или наоборот — прибавить) 5508 лет. То есть 1407 год от Рождества Христова — это есть $(1407 + 5508)$ 6915 год от Сотворения мира. Вот и вся задачка.

Вся, да не вся. В разное время на Руси новый год начинался с разных месяцев. В одном случае — с марта, а в другом — с сентября. Таким образом, несколько месяцев между сентябрем и мартом — ровно полгода! — при исчислении словно бы повисают во времени. Например, летописец отмечает, что какое-то событие произошло в ноябре 6900 года. Но при переводе в другой календарь можно предположить, что оно имело место или в ноябре 1392-го, или в ноябре 1391 года, в зависимости от того, что имел в виду автор. Но мы же не знаем — что он имел в виду! То есть иногда требуется отнимать не 5508, а 5509 лет. Так проявляются некоторая двойственность и неопределенность в вычислениях.

В нашем случае дата кончины старца Саввы приходится на декабрь, а значит, мы неизбежно вновь столкнемся с этой двойственностью.

Существует и еще одна существенная проблема перевода календарных дат из одного летоисчисления в другое. Назовем её так: неизбежное накопление временной ошибки. Мы же знаем, что время не всегда абсолютно точно. Даже в годах — есть «нестандартные», високосные. Некоторые мгновения, не укладывающиеся в сутки, мы просто не считаем, они настолько малы, что не имеют особого значения. Но только до поры. Мгновения за годы набегает в минуты, минуты — в часы, а часы — в сутки. Так в исчисления опять вмешиваются уже целые месяцы, и приходится вносить коррективы в даты, отстоящие от наших дней в достаточном отдалении.

Наконец, кое-кто из исследователей напоминает о следующем. До 1582 года даты могут будто бы вообще не переводиться (еще не был принят григорианский календарь). А если кто и захочет их переводить, то это не +

13 дней, а иногда + 10 или даже + 9 дней! То есть современная дата кончины преподобного Саввы может оказаться не 16-го, а 13-го, и даже более точно — 12 декабря. Двенадцатый день двенадцатого месяца. Символично. Но спорно.

Из всего вышесказанного вывод можно сделать следующий. В разное время разные исследователи высказывали разные мнения. И это нормально. Однако ситуацию они так и не прояснили. И на сегодняшний день датой кончины Саввы Сторожевского можно одинаково признать как 3 декабря (16.12) 1407 года, так и 3 декабря (16.12) 1406 года.

Мы принимаем дату — год 1407-й. Это связано с целым рядом обстоятельств его жизни, о которых, собственно, и пойдет рассказ в этой книге.

Глава вторая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Бяше во детский телом, а умомъ старь.

Нестор летописец

Эта глава книги могла быть самой короткой. Почему? Постараюсь объяснить.

Когда пишутся жизнеописания, то, как правило, они начинаются с детства и отрочества. Отступать от этого обычного распорядка и нам не имело смысла, однако беда в том, что тому могли бы помешать некоторые обстоятельства. А именно: дата и место рождения будущего подвижника в настоящее время не известны, как не известно практически ничего, что было бы связано с его жизнью до зрелого возраста.

Пока не известно. Пока — означает, что есть еще надежда на возможные находки в архивах или старинных рукописях. Однако надежда эта почти иллюзорна. Хотя бы потому, что по традиции даты рождения живущих тогда в монастырях старцев на Руси почти не фиксировались. Да и вообще — день рождения даже у простого жителя того времени (а речь идет о XIV столетии) не совпадал с днем крещения, а потому к нему не относились с большим вниманием и важностью.

Не известно нам и его настоящее, то есть мирское имя, так как Саввой конечно же наречен он был по пострижении в монахи. Да и мирское имя отца его также кануло в Лету, ибо поздние звучные приставки к имени — Сторожевский или Звенигородский — были обычной данью традиции и к первоначальному мирскому («реальному») имени никакого отношения не имели и не имеют.

Какова причина такого невнимания и забвения? Чтобы ответить на этот очередной вопрос (а их будет немало в этой книге), следует совершить небольшой экскурс в историю.

Отрок из неведомых земель

Где кто родится, там и пригодится.

Пословица

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «О рождении же его и о воспитании мы не ведаем, но только о пребывании его в монашестве изыскали и написали кратко...»

Основные родословные в Древней Руси велись только в великокняжеских и княжеских семьях, иногда также среди иерархов православной церкви, в особенности среди митрополитов и в будущем — патриархов. Составление родословного древа и занесение его в книги и летописи было не только и не столько забавой, оно имело важнейшее юридическое значение, позволяло проследивать вопросы наследования, преемственности власти и собственности. Без точных записей имен, дат рождения и смерти невозможно было бы правильно определить — кто, чем и как должен владеть, кому, что и когда перешло в наследство или в отчину. Но самое главное — таким образом можно было предотвратить самозванство, явление не столь распространенное на Руси в XIV веке, зато уже позднее — в значительной степени повлиявшее на ход российской истории (вспомним хотя бы Лжедмитрия или Емельяна Пугачева, объявившего себя «императором Петром III»). Для остальных людей — христиан — специально никто родословием не занимался. Если и записывали предков, то не в массовом количестве. А для того, чтобы хотя бы имя попало в летописи, нужно было по крайней мере совершить нечто из ряда вон выходящее. Например, подвиг, вроде того, что сумел показать богатырь Пересвет на поле Куликовом.

В еще большей степени отсутствие дат рождения и даже кончины касалось проживающих в монастырях иноков. Уходя от мирской жизни, они отрекались и от всего земного, и от имени, и от «биографии». И даже если монах становился известным святым, то составлялось его Житие, которое должно было повествовать в первую очередь о духовных подвигах, но не о конкретных поступках, совершенных в течение времени земного существования.

Будущий инок Савва по этой причине и не хранил в памяти, а может

быть — и не рассказывал близким своим о месте и времени своего рождения. Братия же монастырская по сложившейся традиции не стала обнародовать возможные об этом познания после его преставления. Так все данные и были утеряны во времени.

Но можем ли мы хотя бы предположить, как могла складываться юная жизнь будущего инокa? Самый лучший способ ощутить это — найти современника Саввы, который бы прошел очень похожий жизненный путь, и при этом — хотя бы кое-что о нем было бы нам известно.

И такой человек есть. Это известный подвижник XIV века Стефан Пермский. Житие его создавал «по горячим следам» знавший его лично Епифаний Премудрый. Текст этого Жития дошел до нашего времени. Мы воспользуемся современным переложением этого повествования. И хотя оно не изобилует историческими фактами и во многом отражает лишь достоинства и позитивные духовные деяния героя, все-таки оно является хотя бы единственным источником, на данных которого мы можем основывать свои представления об образе жизни отрока того времени.

Известно также, что порой составители житий придавали общие черты некоторым сведениям о детстве того или иного старца. А это значит — можно с большой долей вероятности говорить о том, что жизнь Саввы в детстве и юности протекала почти так, как мы увидим из нижеизложенного.

Стефан родился около 1340 года, что почти совпадает с возможным временем появления на свет Саввы (см. чуть ниже). Значит, они были почти ровесниками. Семья, в которой жил Стефан, была христианской: «Сыном был одного христороубца, верного христианина... Мать его была тоже христианкой...» Кстати, подобное уточнение весьма любопытно. Не случайно автор так акцентирует внимание читателя на полной «христианской» семье. Ведь принято считать, что в XIV веке на Руси практически все население было православным. Однако это не совсем так. И язычества было предостаточно, и мусульмане с Востока селились в разных местах, и влияние Европы, далекой от православия, было весьма ощутимым. Можно было встретить «семьи», где кто-то из двух родителей и не был христианином. Вот о чем дает нам понять это важное уточнение.

В христианских семьях главное значение придавалось в то время соответствующему воспитанию и образованию. Не приходится сомневаться, что будущие подвижники были весьма смышленными в детстве, их отличали не только усердие, но и развитость ума, стремление к достижению знаний. «Еще ребенком, — пишет Епифаний, — с малолетства

отдан он был учиться грамоте, и скоро всю грамоту изучил так, что через год читал каноны и стал чтецом в соборной церкви. Он превосходил многих сверстников хорошей памятью, остроумием и быстротой мысли, в учении преуспевал, рос отроком благоразумным, возрастая разумом душевным, телом и благодатью».

Но ведь детей, подобных данному описанию, могло быть немало. И вот тут автор Жития (как это обязательно делали составители житий и впоследствии) отметил особый дар отрока, который отличал его от остальных сверстников. Это — дар духовный. Данный талант способствовал непохожести даже внешнего поведения мальчика в отношениях с друзьями. «К играющим детям не подходил. Тех, кто суетным занимался и за тщетным гнался, не слушал и не играл с ними. От детских обычаев и игр, нравов отворачивался и упражнялся только в славословии Бога, и грамотой занимался, а также изучением всяких книг. И так скоро с Божьей помощью многое постиг, благодаря природной остроте ума».

Такое духовное воспитание и образование предопределяли дальнейший жизненный путь юноши. В период постоянных междоусобных войн, страшных набегов полчищ Золотой Орды с востока, угроз с запада от Литвы, ужасного разорения городов и сел, непомерной дани, умаления ценности человеческой жизни мальчиков нередко отдавали в монастыри, что в известной степени отдаляло их от мирских страстей, но выстраивало и особые трудности на жизненном пути.

«Научился... всей грамматической премудрости и книжной силе, — продолжает Епифаний Премудрый. — Когда же вырос в девственности, и чистоте, и целомудрии, и много книг прочитал Ветхого и Нового Завета, то через них взглянул на жизнь этого света, кратковременную и мимо проходящую, скороминующую, как речная стремнина или как цветение трав. Как говорит апостол: «Всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек»...»

Будущий инок Савва, как и Стефан, выбрал этот, духовный путь. В какой-то момент у юноши, выбравшего такое направление своего бытия, наступает момент, когда он должен принять самое, быть может, главное решение в своей жизни — уйти от родителей своих, а затем и от мира. И уйти навсегда. Вот как образно представил это событие автор Жития Стефана: «...И как во святых Евангелиях Господь говорит: «Если кто оставит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, дома и имущество, Имени ради Моего, сторицею примет и вечную жизнь наследует». Пришла

к нему Божия любовь, и он оставил Отечество и все имущество; отрок этот был украшен всеми добродетелями, и рос в страхе Божьем. И еще молодым посвятил свою юность Богу, еще в отроческом возрасте постригся в чернецы...»

В XIX столетии один из церковных писателей так опишет этот момент в жизни Саввы Сторожевского: «Неизвестно, где и от кого рожден сей ученик Сергиев. Может быть, он намеренно скрыл свое высокое происхождение, так как предание приписывает ему оставление имущества и замену мягких одежд власянскими рубами. Может быть, об этом его и не спрашивали, ибо дух обители требовал, чтобы у порога келлии слагалось все мирское, не одеяние токмо, но и воспоминание, дабы отречение духовное было полно, и беспрепятственно было восхождение по духовным возрастам». Интересно одно важное определение, которое дается в этом же тексте, и оно связано с мотивами — то есть с тем, почему юноша принимал такое решение о своем будущем. Автор формулирует это следующим образом: «От юности мир возненавидев и Христа возлюбив...»

Есть много косвенных «указаний», что отрок Савва еще в детстве стал жить при монастыре (об этом подробнее чуть далее). Если это было так, то окончательное свое образование он получил уже в стенах одной из обителей, что во многом способствовало его духовному опыту, а также становлению в дальнейшем его авторитета среди братии. Позднее это выразилось во всеобщем уважении и выдвижении его на самые важные и высокие монастырские посты.

Он, как и Стефан, конечно же «добро потрудился в иноческом житии. И подвизался в добродетели постом и частою молитвою, и смирением, воздержанием и трезвостью, терпением и беззлобием, послушанием и любовью, а больше всего вниманием к Божественным Писаниям. Много и часто читал святые книги и благодаря им всякую добродетель приобретал, и плоды спасения вырастил». Епифаний в рассказе о житии Стефана даже уточняет: «У него был обычай прилежно читать книги, сильно замедляя чтение, чтобы правильно уяснить смысл каждого слова в стихе, то есть о чем говорится; и так с молитвою сподоблен был разума. И если видел человека мудрого и книжного, и старца разумного и духовного, то его расспрашивал и беседовал с ним, пребывая с ним ночью и днем, расспрашивая тщательно о непонятном. Разумная притча не ускользала от него, и трудно понимаемое толкование он отыскивал и уяснял смысл, всякое божественное повествование стремился услышать. От слов и речей и поучений старцев не отступал, всегда подражая житиям святых отцов, и от этого большего разума набирался».

На первый взгляд общие слова о подвижничестве юноши на самом деле многое говорят для тех, кто понимает — что за ними стоит, какие усилия необходимы для постижения самых простых христианских истин. «Когда он иночествовал, его доброму о Христе житию дивились многие, не только иноки, но и простые люди. Он подвизался день за днем, как земля плодородная, на которой поднимают борозды разума, и она приносит многообразные плоды благоизволения Богу. Он прежде всех приходил в церковь на молитву и после всех выходил. Слушал разумно чистые повествования и учительные слова и ими просвещался, возводимый к новому знанию любовью к мудрости... Он никогда не бывал празден, всегда любовно трудился...»

Однако яркую и неординарную личность всегда отличает еще нечто, связанное с глубокими знаниями и широким кругозором. Вполне вероятно, что юноша (следуя Епифанию) мог бы получить и такую характеристику: «Желая большего разума, научился он любомудрию, то есть философии, и греческой грамоте и книги греческие изучил, и хорошо читал их и постоянно хранил у себя...»

Так, с помощью автографа и замечательного писателя русского Средневековья Епифания мы смогли хотя бы немного представить себе — как рос наш отрок, будущий инок Савва. Однако мы все еще лишены конкретных фактов и дат: история их не пощадила. Но это не значит, что нельзя высказать некоторые предположения на сей счет. Именно о них пойдет речь далее, в начинающемся перечне многочисленных «гипотез», с которыми читатель встретится еще не раз на страницах данной книги. Для этого время от времени придется немного «забегать» вперед по времени, использовать имена и факты, которые в большем объеме будут освещены позднее. Но вряд ли это создаст какую-то путаницу. Скорее — внесет необходимую ясность, и в первую очередь — в последовательность жизнеописания, этапы которого словно бы ускользают от нас, теряются в веках истории.

Выбор настоящего пути

Праздность злу начало есть и погубление.

Стоглав

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Как, и откуда, и в какие времена такой светильник воссиял нам...»

Представим себе молодого человека эпохи середины XIV века, выбирающего себе жизненный путь (конечно, задачка для современного человека — трудновыполнимая!). Вариантов такого выбора было не так уж и много. Каким бы родством он ни кичился, путей в будущей жизни было всего несколько. И главной дорогой для будущего мужчины была, конечно, судьба защитника — если не своего отечества, то по крайней мере собственного дома. Военное дело в той или иной форме было уделом всякого русского жителя. Пахари и ремесленники, торговцы и бояре в определенный момент (и довольно часто) должны были сложить свои инструменты и взяться за мечи, копья, рогатины или дубинки, чтобы защитить своих близких и свое добро.

Большинство жизненных проблем решалось с позиции силы. Над Русью в это время страшной силой нависло непомерное ордынское иго, которое просто «высасывало» из нее не только «все соки», но и все перспективы на будущее возрождение или развитие.

В жизни молодого человека ожидала либо некоторая профессиональная деятельность (например, ремесленная или земледельческая), либо война. Родовитый боярин мог заниматься управлением хозяйством, но и он не мог избежать воинской повинности. Война поднимала всех — снизу доверху и ставила в единые ряды обороняющихся или наступающих полков.

Однако был и еще один путь, который на первый взгляд мог бы показаться уходом от бытовой реальности. Этот путь — духовный, связанный с жизнью православной церкви. Нельзя утверждать, что в те времена такой выбор жизненного пути был очень «удачным». Православие хоть и утвердилось на Руси, но еще не приняло масштабы абсолютного

большинства. Язычество продолжало процветать во всей своей силе» в разных формах. Примером этого могут служить некоторые летописные рассказы или жития (того же Стефана Пермского), где мы видим, что существовали целые народы, абсолютно далекие от христианства и даже не слышавшие о нем. Просветительская и миссионерская деятельность продолжалась и развивалась.

Выбор — уйти от реальной жизни, например, в монастырь — был связан с обречением себя и на непонимание окружающими, и на возможные лишения, вплоть до голода и всяческих поношений. Монастыри на Руси еще только строились и развивались. Большинство из наиболее известных еще лишь закладывались и представляли из себя вовсе не привычные нам крепости с башнями (все это появилось значительно позднее), а порой маленькие деревянные домишки, в которых проживало по одному или по несколько подвижников, иногда с утра до вечера труждающихся, неизвестно чем питающихся и непонятно откуда добывающих себе хлеб насущный. Только редкие крупные города могли похвастаться своими укреплениями, да и не всегда каменными (напомню, что каменный Кремль в Москве был, наконец, построен лишь как раз в эти времена — в 1367 году).

Выбор — уйти в монастырь — означал отказ от мирской суеты. И в первую очередь — от участия во всеобщем кровопролитии, в войнах и постоянных битвах. Такой «уход» не поощрялся в светской среде. Молодой человек, не способный и не желающий развивать культ силы и воинской доблести, и в те времена не считался кем-то особенным, тем более — героем, порой напротив — мог стать предметом многочисленных упреков и насмешек.

Это не значит, что Церковь стояла в стороне от главных событий времени. Наоборот, она активно в них участвовала, включая политические и военные баталии. Ярким примером этому может служить уже ставшее хрестоматийным благословение, данное Сергием Радонежским князю Дмитрию Донскому на битву с войском Мамая, когда на поле Куликово отправились два монаха-воина, один из которых — Пересвет — стал участником главного поединка перед сражением и погиб героически на глазах у всей русской дружины. Но это совсем и не значит, что монастыри готовили воинские пополнения из монашеских рядов. Такое событие было из ряда вон выходящим и связано было с конкретными историческими обстоятельствами.

Итак, выбор был сделан. Далее начиналась совсем другая жизнь...

Глава третья

В СТЕНАХ ТРОИЦКОЙ ОБИТЕЛИ

Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не выходит печальным.

Сергий Радонежский

Как мы теперь знаем, молодой человек принял решение пойти по пути монастырского служения. Был ли у него опыт нескольких обителей, попал ли он к Сергию Радонежскому сразу или после того, как пришлось ему поменять какие-либо другие места обитания во время духовных поисков — не известно. Так или иначе, ясно, что будущий инок оказался в числе последователей Сергия. Поздние биографы приписывают Савву к числу «первых» его учеников, имея в виду не степень приближения или «качество ученичества», а время, когда он с ним познакомился и стал к нему близок.

Если принять это предположение, то тогда мы должны и принять годы 1350-е, как время появления нового послушника в малочисленной еще тогда обители неподалеку от Радонежа. Здесь он принимает постриг, обретает известное нам иноческое имя Савва. И входит в обширную, необычную семью русского монашества.

Что это значило?

Русское монашество: история и традиции

Гипотеза 2

Тут был большой лес. Иларион вырыл себе в нем пещерку...

Киево-Печерский патерик

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Сей преподобный отец наш Савва был одним из учеников блаженного Сергия Чудотворца. Пребывал в его обители в совершенном послушании, монашеской жизни обучаясь нраву...»

Не будет новостью, если сказать, что монастырская традиция на Руси имеет глубокие корни. Зачинателями традиции считаются Феодосий и Антоний Печерские, основавшие первый пещерный монастырь в Киеве, известный теперь как Киево-Печерская лавра. Стремление к поискам глубины духовной жизни за столетия дало возможность русскому монашеству освоить не только огромные пространства, но и создать многие традиции, большинство из которых так или иначе были связаны с традициями византийскими.

Но иногда житие внутри монастырей Древней Руси строилось по некоторому своеволию. Передача духовного опыта происходила непосредственно от умудренного жизнью в обители старца, считалось, что писанные законы претят реальной духовной практике. Некоторые иноки даже упорно утверждали, что святые отцы с древних времен не устанавливали никаких уставных правил, но главным было — живое слово. Личный пример настоятеля или духовного отца порой считали важнее любых правил.

Однако для того, чтобы процесс открытия и развития обителей происходил организованно, со временем создавались определенные правила и писались уставы, следуя которым можно было хоть как-то упорядочивать в них жизнь. Исключения из правил могли привести к обмирщению монастырской жизни и быта, что иногда происходило на практике. Содержание таких уставов могло меняться со временем, а также под влиянием конкретных местных традиций. Но почти все они имели в

основе один основной источник-предание, некий свод правил Пахомия Великого — создателя первого монастырского устава.

Одной из традиций в монастырской жизни Руси было «особножителство», то есть проживание иноков отдельно друг от друга. Сегодня мы с трудом можем предположить в реальности — как могло выглядеть такое проживание «особо». Но, по всей видимости, имеется в виду то, что монахи строили неподалеку друг от друга отдельные домики-кельи, где вели собственное хозяйство и обладали своим, независимым от других имуществом.

Итак, юноша (или уже достаточно зрелый молодой человек), еще не принявший нового имени — Савва, вступил в большой и многогранный мир, не всегда понятный человеку мирскому. Что ждало его здесь, в особенности если учесть традиции той отдаленной от нас эпохи? Какими были тогда монастыри на Руси и чем они жили?

То, что происходило на планете Земля более чем 600 лет назад, представить не просто. Но все-таки можно. Вот как рассказывает о пути, который мог пройти человек, решившийся уйти из мира в монастырскую жизнь, писатель и историк Русской церкви Игорь Смолич в своей книге «Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988—1917)», написанной им в XX веке в эмиграции (книга первоначально вышла в 1953 году в Европе на немецком языке, лишь совсем недавно была издана на русском и стала развитием его предыдущего труда «Древнерусское монашество»).

«По образу подвижничества, — пишет Смолич, — все монахи в Русской Церкви разделены на три степени: 1) рясофорные, 2) монахи малой схимы и 3) монахи великой схимы; проходить эти степени можно лишь последовательно. В соответствии с этими тремя степенями существует три чина пострижения.

Вступившие в монастырь лица именуются послушниками. По окончании канонического срока послушничества они постригаются в рясофорные монахи, причем совершается это пострижение без монашеских обетов. На них, однако, возлагается обязанность соблюдать монастырский устав с той же строгостью, с какой его блюдут монахи более высоких степеней; и хотя они не дают иноческих обетов, нравственно они связаны ими... Послушникам, постриженным в рясофор, запрещается по собственной воле оставлять монашеское состояние.

Вторую степень составляют монахи малой схимы... Схима означает внешнее смирение, символизирующее внутреннее душевное покаяние. По степени этого покаяния различают схиму малую и великую. При

совершении чина пострижения в малую схиму монах дает иноческие обеты. Он должен: а) отвергаться всего, что угождает телесным похотям; б) до смерти быть послушным всякому; в) никогда не стремиться к стяжанию собственности... Иноки малой схимы не могут сложить с себя монашества, что еще возможно для рясофорных иноков по особому разрешению и чрезвычайно уважительным причинам; канонически и нравственно они обязаны до смерти соблюдать данные ими обеты...

Монах, принявший великую схиму (по-русски — схимник), дает обет проводить свою жизнь в особенно строгом посте и непрерывной молитве, он уже не выполняет никаких послушаний вне своей кельи. Условием пострижения в великую схиму для каждого инока является безупречное подвижничество; после 30 лет такого жития в монастыре он, при условии высокой иноческой добродетели, получает от настоятеля разрешение и благословение на пострижение в великую схиму; постриг совершается по доброй воле самого монаха. Рясофорные иноки после 30 лет безупречного подвижничества могут сразу принимать великую схиму...

До пострижения в монахи послушник должен пребывать под духовным руководством достойного и опытного пожилого монаха. Иными словами, требуется, чтобы будущий инок, по крайней мере до пострижения, прошел духовный искуc под водительством старца».

Другой известный историк Церкви, живший в XIX столетии, митрополит Макарий упоминает о существовавшем уже в XIV веке рукописном «Завете юным мнихам», где было помещено множество советов для молодых иноков о том, как жить в монастыре. Эти сведения интересны тем, что приближены к реалиям человеческой жизни, показывают важные бытовые подробности обитания в монастырской среде. Нет смысла комментировать этот примечательный текст, так же как нет смысла спорить относительно его атрибуции к XIV столетию. Положимся на церковного историка и не спеша прочтем то, что в гораздо большей степени приоткрывает нам книгу истории, нежели рассуждения иных знатоков-специалистов.

«Дело мниха (монаха. — К. К.) блюденъ ума от худых мыслей, молитва и пенъе, которое есть дело ангельское, пища души, просвещение ума... А молитву творить надобно с умом и от сердца и понимать силу слов... Взираи на будущее, утверждайся чтением книг, трудись в послушании и рукоделии. Принимая пищу для тела, корми и душу Божественными словами. Ум всегда имей горе. Не навикай ходить из кельи своей в другую, разве только для духовной потребности, на молитву или какую службу. Все делай с благословением старца. Себе не живи по

плотскому своему хотению, но живи Богу, заботясь о жизни вечной. Да будет для тебя гробом твоя келья... Когда увидишь игумена, поклонись ему до земли и проси у него благословения... Одежда тебе — простая свита из самодельного сукна, а пояс простой кожаный, которым опоясывайся не выше чресл. Походка твоя пусть будет ни сурова, ни ленива, а руки имей во время хождения согбенными при персях. С мирскими не говори, особенно с юными, не садись и не стой с ними. Где случатся игры, кощунства, смехи, беги оттуда. Своими руками не прижимайся к брату, и не обнимайся с ним, и к себе не позволяй никому прикасаться, и не допускай никого смотреть на лицо твое, но уклонись и удались. И сам всячески берегись смотреть на лицо человека молодого и голоусого... Каждый берегись нечистой любви; беги всякого яда смертного, да не войдет в нас смерть дверцами, т. е. пятью чувствами — зрением, обонянием, слухом, осязанием, вкушением; но загради эти дверцы нашего телесного храма страхом Божиим. Весь бди оком, а сну предавайся, только когда почувствуешь великую нужду. Пред отходом ко сну много молись, почитай книги, займись рукоделием... Когда ляжешь спать, будь препоясан в свите, имей клубочок на голове, а руки сложи на персях и отнюдь не простирай их под свиту во избежание страсти пагубной... Берегись злой пагубы — ручного блуда... блюдись даже мысли скверной... А всегда, и вставая, и ложась, и за трапезою, и ходя, и сидя, произноси молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе, Боже наш, помилуй нас, аминь». Если монах молится только во времена молитвенные, то он отнюдь не молится, а надобно молиться на всякий час. Хотя и кратка эта молитва, но она приносит великую пользу молящемуся с верою...»

Когда отрок Варфоломей (будущий Сергей Радонежский) решил оставить родительский дом и найти себе пустынное место для проживания, то вместе с братом Стефаном он построил первоначально из дерева всего лишь маленький домик, именуемый кельей, с таким же миниатюрным храмом неподалеку — во имя Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх перед ненавистой раздельностью мира». Вокруг стоял вековой лес. Вот так и начинались обычно монастыри на Руси. Варфоломей еще даже не был монахом, он принял постриг позднее от игумена Митрофана и только тогда получил имя Сергия (это произошло в день памяти мучеников Сергия и Вакха).

Тогда будущему настоятелю большого монастыря едва стукнуло 23 года. Прошли один за другим 1330-е, 1340-е. Брат оставил его, уехав в Москву. Можно представить себе, сколь непроста и даже опасна была

жизнь в одиночестве, в лесу, в окружении диких зверей, в годы, когда битвы, моры и пожары просто сметали большую часть окружающего населения. Выживание становилось настоящей наукой, в том числе и духовной.

Однако в жизни все так и происходит. Если слух пошел — то его уже никак не остановишь. Окрестные жители прознали о поселившемся в лесу подвижнике. Сюда стали изредка приходить люди, знакомиться, разговаривать. Некоторые решили селиться неподалеку. Стали строить такие же кельи из дерева. Так поселение разрасталось.

В итоге получился новый монастырь, в котором братия уговорила Сергия принять настоятельство над ними. Он был рукоположен в священники, и епископ Афанасий из Переяславля назначил его игуменом. То были уже 1353–1354 годы.

В монастыре Сергия было принято решение, что иноков будет только двенадцать (видимо, по числу апостолов). И включить в число братии кого-то нового можно было только при условии, что один из двенадцати выбудет по той или иной причине.

Мог ли в это время появиться или попасть в монастырь к Сергию новый инок Савва? Ведь в поздних житиях его утверждается, как мы уже говорили, что он был одним из «первых» его учеников. Ответ может быть пока только неопределенным: и да, и нет. Ведь он не значится в известных списках тех самых двенадцати первых постриженников, изначальных учеников и будущих продолжателей дела Сергия.

Но мы попробуем сузить рамки датировок.

Первое время жизнь монастыря была устроена по очень строгому уставу. Сергей постановил, что получать все необходимое для существования монахи могли только в результате своего собственного труда (в первую очередь — физического). Не возбранялось также приятие добровольно принесенных кем-то даяний. Однако прошение милостыни в любой форме пресекалось на корню.

Нестяжательство и отсутствие стремления к богатству, а также к владению землей или собственностью было налицо. Сильный духом и довольно мощный телом Сергей стал образцом для подражания и примером для своей братии. Он показывал уникальный пример постоянного трудолюбия. Если надо было, то он выпекал хлеб, не гнушался ношением воды и рубкой дров, пошивом одежды и обуви. Мог даже прислуживать братии. При этом, как указывают источники, питался он лишь хлебом и водой.

Но времена менялись и в обители также происходили перемены. Сюда стали приезжать не просто паломники, но и весьма родовитые, известные и пользующиеся высоким положением в обществе того времени люди.

Однажды в Троицкий монастырь (а именно так он уже тогда назывался) пришел архимандрит Симон из града Смоленска, бывшего в то время столицей великого княжества, которое занимало обширную территорию на юго-западе Руси и играло роль форпоста в отношениях ее с Европой.

Приход этот не был простым и однозначным. Архимандрит привез с собой очень много богатого и ценного имущества, которое он немедленно пожертвовал монастырю. *И это* было одно из первых приношений, которое хоть как-то поправило дела в реальности бедствовавшей обители. Но самое главное — с ним прибыло несколько спутников, которые вошли в число братии Троицы. Неписанный закон о двенадцати иноках был нарушен.

Исходя из того, что в биографии Саввы Сторожевского прослеживается «Смоленский след» (об этой гипотезе, выдвинутой автором данной книги, можно подробнее узнать в главе «Загадки жития Звенигородского чудотворца»), можно высказать вполне реальное предположение, что именно в это время будущий инок Савва и попадает в окружение Сергия. Он прибыл сюда одновременно и, возможно, вместе с архимандритом Симоном, будучи представителем родовитой семьи (вероятнее всего — смоленской, боярской). И с этого времени он становится учеником и сподвижником основателя Троицкого монастыря.

Не случайно в последнее время пишется, что Савва мог прийти в обитель к Сергию уже опытным наставником. Вышеупомянутые события происходили примерно в середине 1350-х годов. И даты эти неумолимы. Если последовать некоторым предположениям, что Савва Сторожевский прожил почти 90 лет, то тогда к этому времени ему было почти под 40. То есть он был не молодым человеком, как это принято считать, а уже опытным и пожившим свое представителем знати из Смоленского великого княжества. Но и здесь, повторюсь, мы никак не можем утверждать что-либо, связанное с датой его рождения. Она неизвестна.

Но ясно, что именно после этих событий Сергей стал принимать в монастырь всех желающих, правда, только после определенных испытаний. Среди таких новых обитателей могли стать и малоизвестные люди, но также и состоятельные вельможи, включая бояр, воевод и даже князей. Вольно или невольно они обогащали монастырь, как в материальном плане, так и в создании связей с реальным миром, политикой отдельных княжеств и даже государства в целом.

Слава и почитание Сергия росли. Однако в самый разгар этих событий он предпринял свою знаменитую реформу монастырской жизни, которая чуть не стала для него потерей игуменства в основанной им обители.

К этому времени слух о подвижнике Сергии дошел даже до Константинополя. Именно патриарх Филофей, активный сторонник распространения «общежительного» устава в жизни православных монастырей, предложил игумену Троицы ввести новый порядок у себя в обители. Для подтверждения своего участия и внимания к преподобному патриарх прислал ему крест с мощами, а также письмо-грамоту, в которой благословил на введение новшества. «Совет добрый даю вам, — так писал первосвященник Вселенской церкви Сергию, — чтобы вы устроили общежительство». Неожиданно было и то, что патриарх не отправил такой же совет в уже известные и давно существующие монастыри на Руси. Он обратил внимание на нового игумена и его братию, предполагая, что они смогут стать проводниками нового византийского влияния на Москву. И, как мы увидим далее, патриарх не ошибся.

Что значило введение общежития для тех, кто, собственно, жил в монастыре? Формула была проста: «Ничто же особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся обща имети». По сути — происходила полная перемена в жизни каждого инока. Если до этого он имел какое-то собственное личное имущество (пусть даже и минимальное), какое-то собственное жилье (те самые домики-кеleyки вокруг деревянного храма Троицы), то теперь он должен был отказаться от всего. Имущество монастыря и каждого в отдельности становилось общим, как и становились общими — трапеза, ведение хозяйства и многое другое. Теперь уже не могло произойти, например, такого события, какое было с самим Сергием в его же монастыре. Однажды он остался без еды и, чтобы заработать себе пропитание, три дня пилил дрова для... одного из монастырских старцев, который, как указывается в источнике, расплатился с ним «решетом хлебов гнилых». Общий хлеб и стол в правилах «общежительства» теперь означали невозможность оставить голодным никого из братии.

Такие перемены были неожиданными и непривычными. В условиях довольно жесткого выживания, когда жизнь человека почти ничего не стоила, вдруг еще и отказаться от всего — вплоть почти до самых мелочей. Такое понять, а уж тем более выдержать не каждый был способен. Вот почему между братией началось брожение, которое закончилось тем, что Сергию пришлось даже на время удалиться из своей Троицкой обители. Он уже решил основать другую — неподалеку. Поддержал в эти дни преподобного Московский святитель — митрополит Алексей, который

строго настоял на том, чтобы братия подчинилась своему игумену — Сергию Радонежскому, и вернул его обратно в Троицкий монастырь.

Во всех этих событиях, вероятнее всего, принимал участие и инок Савва. И, скорее всего, в самые нелегкие минуты он был именно рядом с Сергием. Не случайно он позднее станет настолько уважаем даже самим своим учителем, что тот выберет ученика своим же духовником. Но это будет еще впереди.

Перед своей кончиной в 1378 году митрополит Алексей решил передать Московскую кафедру Сергию, не видя иного преемника на важнейшем для того времени посту. Известно, что Троицкий игумен отказался и от перемены черных монашеских одеяний на богато украшенные митрополичьи, и от подаренного ему Алексием золотого креста, объявив: «Я от юности не носил золота, а в старости тем более подобает мне пребывать в нищете».

Таковых традиций придерживались и близкие, а также «самые первые» ученики Сергия Радонежского. Они были со своим учителем и в наиболее трудные минуты его жизни. Так, в 1375 году, после княжеского съезда в Переяславле, где решались важнейшие вопросы будущего России (и после которого стало меняться отношение Москвы к Орде), тяжелый недуг охватил преподобного старца. Возвратившись после довольно долгого отсутствия в свою Троицкую обитель, Сергей Радонежский слег. Никоновская летопись повествует: «Того же лета болезнь бысть тяжка преподобному Сергию игумену, а разболелся и на постеле ляже в Великое говение на второй неделе, и нача омогаться и со одра воста на Семень день, а всю весну и все лето в болезни велице лежал». Исходя из текста оказывается, что Сергей пролежал почти полгода — с середины марта по начало сентября 1375 года!

Что случилось? Летописи не рассказывают о каких-либо эпидемиях в это время. В прошлом, 1374 году был большой «мор», затронувший и Орду Мамаю, где погибло немало людей. А в лето болезни Сергия ничего, кроме большой засухи и обмеления рек, не отмечено. Правда, за весь период его лежания произошло большое столкновение Москвы с Тверью, начавшееся как раз в марте и закончившееся именно в первых числах сентября, когда Михаил Тверской присягнул мирному договору с князем Московским, текст которого был написан под диктовку Дмитрия Ивановича. Удивительное совпадение...

Во всяком случае, уже в это время настоятель Троицы начинает задумываться о своем будущем преемнике. Трудно судить, кто бы мог быть таковым в тот временной момент.

Последователей у Сергия было немало. Некоторые уже начинали уходить по его благословию, дабы основывать свои обители. Но неизменно оставался в стенах Троицкого монастыря инок Савва, будущий Сторожевский.

Из года в год, возможно, и прошла бы не замеченной для мирского глаза его жизнь рядом с наставником, если бы истории не пришлось распорядиться иначе. Еще, правда, предстояло ему пережить некоторые трудные времена, когда над Русью довлел страх перед иноземным игом, подавлявший не только физически, но и в большинстве своем — духовно жизнь и быт любого человека, которому суждено было уродиться в необычную эпоху.

Во времена ордынской Москвы

*Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы.*

А. А. Блок

Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна, долговременный ужас имени монгольского... исчез в их сердце.

Н. М. Карамзин

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «В те времена благоверный великий князь Димитрий Иоаннович победил безбожного царя Мамая со всем его воинством и с великой радостью возвратился в свое отечество...»

Можно ли хотя бы мысленно представить себе — как жили люди на Руси в середине и второй половине XIV столетия? Как устраивались семьи, как росли дети, обучалась молодежь, что их ожидало в будущем? Понятно, что общество не было однородным. Одно дело родиться в крестьянской семье, а другое — в боярской. Однако было нечто общее, что определяло жизнь и судьбу всякого новоявленного на свет Божий русского человека.

То было время, когда жизнь человеческая была окружена настолько значительными опасностями, что сегодня их даже трудно представить. Достаточно лишь почитать летописи или произведения древнерусской литературы той поры, чтобы понять — в каком постоянном ожидании напастей и возможной смерти проживали массы людей. Набеги, войны, разрушения, возможность попасть в плен и в рабство к иноплеменникам, невероятная смесь христианства, иных религиозных учений и язычества, близкое соседство с мощными и развитыми мусульманскими странами — все это происходило постоянно и ежедневно. Добавим к этому междоусобные княжеские столкновения, переделы земли, борьбу за княжеские уделы и за само великое княжение. То есть жизнь человека

фактически была, как говорили — «под Богом». Ложась спать, житель даже укрепленного стенами города не мог быть уверенным, что завтра проснется живым и здоровым.

Вот типичный рассказ из летописи того времени: «Горестно было видеть, и слез многих достойно, как один татарин до сорока христиан вел, грубо связав их, многое же множество посечено было, иные же от холода умерли, другие от голода и нужды... И была тогда во всей Русской земле среди всех христиан туга великая и плач безутешный, и рыдание, и стоны, ибо вся земля пленена была...»

А вот и другое повествование, почти повторяющее предыдущий рассказ об ордынском нашествии: «Сколько сотворили убытков своими набегами, сколько городов захватили, сколько золота и серебра и всякого имущества захватили и ценностей всяких, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, скольких мечами посекали, скольких в плен увели!»

Русь находилась под властью Орды, фактически являлась её частью, или, как тогда говорили — «улусом». Приходилось регулярно платить ханам Орды немалую дань, а она ведь собиралась со всего мира.

Когда будущий монах Савва думал о житье в скрытой от мира обители, он еще даже не подозревал — какую роль ему придется сыграть в одном из важнейших событий в русской истории, связанном с большими и великими сражениями той эпохи. Но все это будет позднее. А в эти годы мир не становился более милосердным, судьба Руси зависела от столь многочисленных обстоятельств, что иногда впору было обратиться к Создателю, который только разве что и мог разобраться в клубке происходящих событий.

В 1357 году в Золотой Орде закончилось 15-летнее правление хана Джанибека (Бердибека). Именно оно породило бесконечные дворцовые перевороты и династические распри, которые стали началом конца могущественного государства. Но эта агония не означала ослабления гнета для Руси. Иногда происходило наоборот — ведь, как говорится, раненый зверь может быть еще более опасен, нежели здоровый.

Известно, что Чингисхан оставил множество потомков, которые успешно расплодились по всей Евразии. И большинство из них просто бредило и мечтало занять ханский престол. Золотая Орда была лакомым кусочком для всех. Очередные после кончины Джанибека 15 лет, вплоть до 1372 года, были просто уникальными. За это время в Орде властью успели насытиться 15 ханов. Правили они и по полгода, и — максимум — по два, а один — вообще только четыре дня!

Казалось бы, ослабление и неустойчивое положение такого сильного хозяина для Руси могло бы стать удачным совпадением. Но оно отражалось и на жизни крепнувшего Московского государства, причем весьма отрицательно. Довольно трудный, многодневный путь в Орду русских князей или их посольств иногда заканчивался ничем, так как за время путешествия менялся ордынский правитель, а с ним — и возможные решения о власти или порядке.

В годы 1370—1380-е гигантское государственное образование, основанное монголами, Улус Джучи, фактически распалось на две части, каждая из которых также была на грани деления на более мелкие части. Появлялись лидеры, которые пытались восстановить бывшее единство и могущество Орды. В одной ее части правил темник Мамай, который считал свои права весьма вескими, так как был женат на дочери Джанибека. А в другой части — в Синей Орде — появился не менее грозный его соперник — Тохтамыш. История распорядится так, что и Русь, и Тохтамыш, и Мамай столкнутся между собой, причем неоднократно. Мамай и Тохтамыш были намного сильнее. Однако во времени выживет только одна из трех сторон. И этой стороной стало поднимающееся из-под ордынского ига молодое Московское княжество.

Некоторое время великому князю Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана Калиты — приходилось воевать с его соперником по великокняжескому престолу — тверским князем Михаилом Александровичем, который пытался привлечь в свои союзники татарские войска и татарскую дипломатию. Именно эта борьба и породила возмущение со стороны Орды некоей свободой и неуправляемостью владельца Москвы. Например, он взял да и не признал решение правителя Орды передать великое княжение Михаилу Тверскому. Как это так! Да такого еще не было за более чем сто последних лет! В 1375 году, впервые с 1252 года, то есть со времен правления князя Андрея Ярославина, великий князь на Руси всерьез выступил против Орды.

Так слабость и междоусобицы среди наследников Чингизидов отразились на состоянии отношений между государствами. Московская Русь могла себе позволить приподнять голову против татар. И Мамай это хорошо понимал. Что он должен был предпринять для предупреждения возможных неприятностей? Обычное для татар и вполне действенное средство — напасть, разорить, усмирить и заставить покориться неумного правителя подчиненного им «улуса».

Симеоновская летопись повествует: в 1377 году татарское войско вторглось на территорию Суздальского и Нижегородского княжеств и,

разбив на реке Пьяне объединенное войско, частью которого стали московские ратники, razорило здешние земли. Но следующим шагом должна была стать конечно же сама Москва.

И вот тут произошло событие, которое имеет и некоторое весьма важное отношение к житию монашествующего в эти годы Саввы. Столкновение с войском Мамай многое затем определит в судьбе инокa Троицкой обители.

Год 1378-й стал во многом решающим для развития Русского государства. То был год первой победы русских в полевой битве с татарами, которой, можно сказать, ждали более века. Мурза Бегич повел татарское войско уже на Москву. Ему навстречу выступили дружины князя Дмитрия Ивановича.

Встреча ратей произошла на Рязанской земле в августе. Не один день воины обеих войск стояли на разных берегах реки Вожи (приток Оки). Первыми решились на переправу татары. Они были уверены в своем превосходстве. Но не тут-то было. В завязавшемся сражении русские показали, что у них есть приготовленный план. Они ударили с нескольких сторон, для чего князь Дмитрий разделил войско на несколько полков. Такой стратегии татары совершенно не ожидали, привыкнув к тому, что победы над русскими доставались им достаточно легко. Ордынцы не выдержали натиска и побежали. Они прыгали в реку, неся очень большие потери. Победа русских дружин оказалась полной, противник был разбит наголову.

Так был окончательно изжит страх перед страшной Ордой, развеялась легенда о непобедимости завоевателей Руси. Наступил окончательный поворот в отношениях двух государств.

Через два года сам Мамай решил отомстить за нелепое для него поражение. И хотя ему основательно мешал очень сильный враг — хан Тохтамыш, он все равно решился двинуть свое войско на Москву, дабы наказать ослушавшихся русичей.

Год 1380-й стал хрестоматийным для всякого, кто хотя бы коротко ознакомился с историей Руси. Куликовская битва описана и разобрана в многочисленных трудах и публикациях. А потому нет смысла рассказывать подробно о том, как собранная почти со всех русских земель объединенная рать выступила навстречу Мамаю. Как сошлись они у речки Непрядвы, как сразились воин-монах Пересвет (теперь считается, что он был вообще без доспехов) и мощный ордынец Челубей, как наскочили татары и смяли русские ряды, как выступил в нужный момент засадный полк, как нашли самого князя Дмитрия едва живого среди горы трупов и, наконец, как

потом всем миром хоронили павших в сражении сородичей.

На то сражение с Мамаем и его Ордой собрались дружины многих русских земель — Московской, Владимирской, Суздальской, Нижегородской, Ростовской, Белозерской, Муромской. Появились в рядах защитников Руси даже не очень покорные Москве псковичи и новгородцы. Такое еще не было видано в обозримой для русских истории, сам факт такого объединения оказался, быть может, морально важнее самой будущей победы.

В это самое время, то есть и до битвы, и в течение всего сражения, в Троицкой лавре молились о победе русского воинства (это отражено даже в лицевых сводах позднего времени). Перед самой битвой Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия, а затем — отправил ему еще одно благословение письменно, которое князь получил уже по пути на Куликовское поле: «Иди, господин, иди вперед, Бог и святая Троица поможет тебе!» Это послание ему передал старец монастыря, которого звали Нектарий вестник, прославленный затем в числе Радонежских святых. Не так давно было высказано предположение: а не мог ли это быть ученик Сергея — инок Савва? Мы поговорим об этом чуть далее, но саму версию заведомо считаем неперспективной.

Нас в данном случае интересуют другие факты — не менее важные и главные — из тех, что связаны с битвами на реке Боже и на поле Куликовом. А именно то, что князь Дмитрий Иванович отправлялся на эти сражения, предварительно испросив благословение у Сергея Радонежского, ставшего к тому времени одним из главных духовных лидеров страны. Прекрасные слова о Сергии принадлежат историку В. О. Ключевскому: «Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически... Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века... Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими».

А ведь и вправду, почти полтора столетия на Руси воспринимали ордынское иго и татарские набеги как «кару Божию», которую как будто бы приходилось нести за накопившиеся грехи отцов и за свои собственные.

Юридически (и по праву силы) хан Орды был кем-то вроде главного правителя для всякого русского. Трудно было «перестроиться» и заставить себя поверить в то, что это может быть не так. Вот почему мы можем говорить о великом духовном и нравственном подвиге Сергия Радонежского и его сподвижников, сумевших вдохновить и великокняжескую власть, и простых людей на битву с захватчиками. Надо было в буквальном смысле — словно пробудить страну от затянувшегося сна, осознать, что Орда является не отчиной, а чужеземным образованием, и ее правители — не «кара», а настоящий враг. И борьба с таким врагом — не «грех против воли Божией», а дело во многом святое, праведное и даже богоугодное.

Две победы — на реке Боже и на Куликовом поле — произошли в символические дни, ставшие важными датами в русской истории и, кстати, в жизни Саввы Сторожевского. Одна из них состоялась в великий праздник Успения, а другая — Рождества Пресвятой Богородицы. Отныне эти дни станут определяющими для многих событий. Но главное, что утвердилось внутренняя мысль в душе почти каждого русского: Бог помиловал Русь! А доказательство тому — дарованные Им победы над захватчиками.

Историки теперь часто возвращаются к теме благословения Сергием Радонежским великого князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского, так как она связана с последовательностью исторических фактов, которые в той или иной степени подтверждают или опровергают некоторые теоретические построения и датировки.

О чем идет речь? Например, о том, что факт благословения преподобным Сергием князя Дмитрия на битву с татарами в 1378 году является неоспоримым. Это точно зафиксировано в летописях, причем — в самых ранних. Но известно и то, что после 1378 года князь Дмитрий Иванович вступил в полосу неприязненных отношений с митрополитом Киприаном (князь предполагал поставить на место митрополита другого человека, известного под именем Митяй) и даже «арестовал» его в Москве, а потом выгнал прочь. Сергей Радонежский был очень близок с Киприаном, а потому на некоторое время (если следовать в точности за историческими фактами) также отдалился от князя Дмитрия в эти годы. Именно митрополит Киприан в 1379–1380 годах, можно сказать, почти что «проклинал» самого великого князя Московского (это, кстати, было взаимным). Впрочем, с года 1381-го отношения их не просто наладились, но стали достаточно прочными, что позволило в дальнейшем укрепить Московскую митрополию еще более.

Однако история с разногласиями дала основание для выступлений

некоторых исследователей с мнением, будто по этой причине Сергей не мог вторично (после Вожи) благословить Дмитрия Ивановича еще раз в 1380 году на Куликовскую битву. И в самом деле, рассказ об этом благословении появился в записях значительно позднее, только в начале XV столетия, в особенности после того, как митрополитом Киприаном была начата работа по составлению нового московского летописного свода. Тогда определился в некотором роде пересмотр многих событий конца века XIV, и кое-какие из них были преподаны в нужном для Киприана свете.

Однако говорить о том, что Сергей не благословлял непосредственно Дмитрия на Куликовскую битву, в любом случае не вполне точно, так как история не опровергает, что он его на битву вообще не благословил. Было ли это в том картинном виде, как изображает Житие, с теми торжественными словами и предсказаниями — сегодня невозможно установить, даже обладая самым большим воображением. В любом случае, подобное благословение было князем получено — при встрече или без неё (то есть — переданное через других лиц или даже письменно). Без благословения такие походы не совершались и битвы не происходили. Не благословив князя, Сергей просто не остался бы тем самым Сергием в памяти потомков. Трудно даже представить ситуацию, что Дмитрий двинулся навстречу Мамаю вообще без благословения своего духовного советчика. По сути, утверждение об отсутствии благословения — не более чем эмоциональный выпад, направленный против пусть даже и стереотипа, но в основе своей — против реального события.

Или благословлял Дмитрия Донского кто-то другой?

Тогда кто?

Конечно, Никоновская летопись (запись за июль 1379 года) в некотором роде отражает отношение князя Дмитрия Ивановича: «И печаль бысть о сем великому князю... и негодование на Дионисия, еще же и на преподобнаго игумена Сергия...» Временное негодование, связанное с Киприаном, конечно же было.

Но заметим, что происходило это именно в июле 1379-го. А благословение на Куликовскую битву относится к концу лета 1380-го! То есть произошло оно через год! За это время всё и переменилось, включая и «негодование» князя.

И еще. Если митрополит Киприан и был в плохих отношениях с Дмитрием Донским (а потому уехал в Киев), то это не значит, что у князя были всерьез плохие отношения с Сергием Радонежским. Именно Сергей вместе со своим племянником Федором после кончины Митяя становится во главе духовного управления Московской Русью. В эти годы ему не было

равных в решении важнейших духовных проблем, которые так или иначе влияли на политическую и социальную жизнь княжества.

В итоге отношения митрополита с великим князем повлияли на событие, которое является очень важным для всякого русского человека. А именно — на историю встречи и благословения преподобным Сергием не только битвы на Воже, но и сражения на поле Куликовом. Мы не ставим себе задачей в этой книге погружаться в споры вокруг данного факта. Для нас история с Сергием Радонежским является центром внимания потому, что в это время с ним рядом находился его ученик — инок Савва, будущий игумен Сторожевский.

Участвовал ли преподобный Савва в событиях 1378–1380 годов? Был ли он рядом с Сергием, когда тот благословлял Дмитрия Донского на столь важные для страны события? Если учесть, что Троицкий монастырь никак не мог быть в то время большим по количеству обитавших там монахов, то конечно же в той или иной форме, прямо или косвенно — инок Савва был рядом, молился за победу русских войск. Мог ли он быть послан Сергием вдогонку с письмом за князем Дмитрием? На этот вопрос нельзя ответить утвердительно, так как данных, это подтверждающих, пока нет.

Но в связи с событиями 1378–1380 годов возникает еще одна удивительная история, которая так или иначе связана с жизнью инока Саввы и могла бы пролить свет на большой период его биографии. И если когда-нибудь ее можно будет принять как реальную на «все сто процентов», то мы сможем утверждать главное: именно тогда мы впервые встречаем имя Саввы, будущего чудотворца Звенигородского, в русских летописных источниках.

Двенадцать лет в Успенском?

Каждый год в России исчезает один крупный город.

*Из статьи в газете «Bremer Nachrichten».
Германия*

Маркам Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Великий князь Димитрий Иоаннович победил безбожного царя Мамая... И пришел в обитель к блаженному Сергию принять от него благословение и молитву и поведал ему также: «Когда... я хотел пойти против безбожных агарян, то дал обет устроить монастырь во имя Пресвятой Богородицы и ввести в нем общежитие». Блаженный же Сергей принял мольбу самодержца, и с усердием подвизался на то, и обойдя многие места пустынные, смотрел, где хорошо устроить монастырь. И пришел на реку, называемую Дубенка, обрел такое место и очень полюбил его, и создал церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения... И избрав из стада учеников своих сего блаженного Савву, о нем же повесть эта предлагается, видя отрешение его от жизни и честный нрав, и тихое поведение, и в итоге благого изволения, вручил ему старейшинство, чтобы заботился об этом месте. Блаженный же Савва, когда принял благословение старца... пробыл много лет на месте том».

Здесь читателю предстоит ознакомиться с еще одной очень короткой главой этой книги. Настолько короткой, что ее могло и не быть.

Рассказанное Маркеллом Безбородым в Житии привело в смятение поколения его переписчиков, а уже в XIX веке — некоторых церковных историков.

Агиограф и знаток церковного пения, игумен Хутынский напомнил в приведенных выше словах об основании монастыря на реке Дубенке в XIV веке, осуществленном Сергием Радонежским по просьбе князя Дмитрия Донского. Летописи эту историю знают. Но в первых записях она никак не была связана с именем Саввы Сторожевского.

Да вот ведь Маркелл взял и написал: «И избрав (речь идет о Сергии. — К. К.) из стада учеников своих сего блаженного Савву, о нем же повесть эта предлагается». Именно Маркелл решил сделать будущего Звенигородского игумена главным участником этих событий. И если все это было так, то мы

бы с точностью могли датировать часть жизни будущего Сторожевского чудотворца продолжительностью более десяти лет (точнее — 12 лет!).

Но нередко в истории создаются те или иные мифы, происходят несуразности исключительно по причине некоторого невнимания к именам и фактам. Да если еще имена эти и даты совпадают...

Довольно протяженный период жизни Саввы Сторожевского, по мнению тех, кто считает рассказанную автором Жития историю реальной, был отдан важнейшему и ответственному служению в лоне Русской православной церкви. Но история эта немного запутанная, а потому необходимо разобраться в её сути неспешно и последовательно. Был ли этот период вообще? Некоторые выводы автора могут показаться неутешительными для дальнейших биографов. Однако в ситуациях неопределенных имеет смысл не принимать скоропалительных решений и рассмотреть самые разные точки зрения.

Чем мы и займемся. Но... чуть позднее, в отдельной главке настоящей книги, названной — «Мифы о Дубенском острове» и помещенной чуть далее под общим заголовком «Загадки жития Звенигородского чудотворца».

Сделано это потому, что так удобнее будет для общей логики нашего повествования, состоящей из цепочки гипотез, нанизываемых одна на другую.

Все равно ведь, как уже говорилось выше, данной главы могло и не быть.

Будем же считать, что ее и не было...

Зато была другая, к ней мы и перейдем.

Духовник честной братии

Вот и душа требует омовения...

Старец Иоанн (Крестьянкин)

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Блаженный же Сергей... избрав из стада учеников своих сего блаженного Савву, о нем же повесть эта предлагается, видя отрешение его от жизни и честный нрав, и тихое поведение, и в итоге благого изволения, вручил ему старейшинство...»

Даже далекий от церковной традиции человек наверняка слышал о том, что существуют духовники — те, кто принимает исповедь других людей. В этом деле с XIV века ничего не изменилось. Таинство исповеди все так же совершает священник.

Духовниками иногда называют и духовных наставников, руководителей, то есть тех, кто помогает более молодым или менее опытным в духовной жизни.

В монастыре также есть свои духовники. В исповеди нуждаются все иноки, причем регулярно. И точно так же духовник необходим настоятелю обители, тому, кто может обладать самой большой властью или даже наивысшим саном.

Со времен Сергия Радонежского традиция духовничества в лоне православной церкви почти не изменилась. И если мы погрузимся вновь во времена основания и становления Троицкого монастыря неподалеку от Радонежа, то это никак не станет причиной непонимания нами — современными людьми — мотивов или причин тех или иных поступков живших тогда людей.

Своим наставником — и не случайно — братия Троицкой обители считала преподобного Сергия. Но кто-то же должен был исповедовать и его самого! Это мог быть и почтенный старец, и всеми уважаемый инок. В любом случае — то был незаурядный человек, высоких духовных нравственных качеств, пример подвижничества которого мог повлиять на выбор основателя монастыря.

Известно, что в последние годы жизни Сергия Радонежского духовником Троицкой обители, включая и самого игумена-основателя, был

инок Савва, будущий Сторожевский. Это отмечали его Жития. Именно ему монахи доверяли свои сокровенные мысли. Но главное — с ним делился заботами, печальями и проблемами преподобный Сергей.

Недаром у Маркелла сказано, что инок Савва пребывал в монастыре «в совершенном послушании, монашеской жизни обучаясь нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как украшение всего иноческого жития. Работая много руками своими, в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая. И все казалось, что он из простых людей, ничего не знающий, но многих в мудрости мнящих себя витиями разумом превосходил. Не внешней ибо мудрости искал, но более горней, и к ней подвизался».

Примечательно описал эти события один из биографов Саввы Сторожевского в XIX столетии, сам хорошо разбиравшийся в устройстве монастырской жизни и бывший настоятелем Звенигородской обители — епископ Леонид (Краснопевков). «Савва, — писал он, — по просвещению духовному, по воспитанию сердечному, по бдительности над собою, был призван Сергием к трудному деланию, к послушанию, которое нелегко приемлется смиренномудрыми иноками. Он был поставлен во пресвитера и назначен духовником. В высокой степени трогателен был он, когда в благоговейном страхе и слезах, приносил бескровную жертву, и столько же назидателен, когда действовал в качестве духовного отца. Молчанием обучив себя бережливому, осторожному употреблению слова; в подвиге послушания, самоотвержения, борения с искушениями, изведав тайники собственной души, он явился таким судьей и целителем совести ближнего, что ищущие спасения скоро оценили в нем высокий дар назидания: не только иноки, но и миряне приходили к нему открывать язвы совести своей».

А какими полномочиями мог быть наделен духовник? И вообще, трудное ли это дело — знать чужие грехи?

Замечательные слова о духовниках, сказанные в XX веке, принадлежали митрополиту Сурожскому Антонию, служившему последние годы жизни в Лондоне. «Духовничество, — писал он, — будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что над человеком и в человеке совершает Святой Дух, возгревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой

стороны — гораздо более значительной, чем мы часто думаем».

Как говорят — духовник «знает слишком много». Однако ему абсолютно запрещено раскрывать грехи того, кто ему исповедовался, а также в любой форме укорять за них кающегося. Если же духовник совершит такое, то это может грозить ему потерей духовного сана. Все грехи после окончания исповеди должны быть забыты. Иногда, символически, если кто-то пришел с записями своих проступков, сжигается листок: отпущенные грехи — исчезают навсегда.

В одном из «досоветских» изданий мне попались на глаза лишь два исключения из вышеприведенных правил. А именно — когда тайна исповеди может быть нарушена. Первое: если некто на исповеди объявит о злом умысле против Государя и общественного порядка, но не отречется от своего умысла. Иначе говоря, если за словами злоумышленника скрывается реальная опасность для людей. Второе: если кто-то тайно или умышленно производит среди народа некий соблазн (под этим может подразумеваться некий религиозный вымысел или даже ложное чудо), при этом на исповеди не согласится уничтожить последствия соблазна или публично объявить о его ложности.

Для современного юриста-адвоката подобные утверждения покажутся не конкретными. Но для человека, знакомого с практикой церковной жизни, вполне понятными.

При исповеди также не делается различие по положению в обществе, знатности и пр. Духовникам не рекомендуется делать поблажки одним и с необоснованной строгостью относиться к другим. Уж точно запрещается исповедовать сразу несколько человек. Исповедь абсолютно индивидуальна. Если человек не слышит или не говорит, то он может изложить свои грехи письменно, но бумага эта должна быть сожжена на его же глазах.

Духовник может вразумлять кающегося человека и даже назначить ему епитимию — некоторое наказание, вернее, послушание. Но главное, духовник обязан объяснять сущность грехов, при этом различать грехи, которые можно простить по неведению или болезни, например, и грехи смертные, без раскаяния в которых христианин может лишиться благодати.

Можно ли себе представить такого духовника, который еще при жизни Сергия Радонежского исповедовал многих подвижников будущего духовного возрождения Руси, учеников и последователей Троицкого игумена, в дальнейшем — устроителей Русской Фиваиды, великой цепочки новых монастырей! Теперь можно.

Им был Савва Сторожевский.

Говорят так: духовный отец вопросы не задает, но он должен знать ответы на них. Способность исповедовать считается даром Божиим, и ей учатся всю жизнь. В некотором роде — это наука жизни. А еще говорят: духовник — сосуд, из которого люди могут получать благодать.

Глава четвертая

ПРЕЕМНИК СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Чем больше он старился годами, тем больше укреплялся и рос духом, побеждая старость.

Епифаний Премудрый

Год кончины Сергия Радонежского для церковной жизни был непростой. По нашему нынешнему летоисчислению это — 1392-й, а по принятому в XIV столетии — от Сотворения мира — 6900-й! Такая «круглая» дата не могла казаться простой. Мы помним — что происходило в русской истории столетие спустя, в 1492-м, когда Русь встречала седьмое тысячелетие. Пасхалия, по которой отмечали главный переходящий праздник по лунному календарю, была рассчитана заранее и еще давно — в Византии. И все приготовленные расчеты заканчивались на семитысячном году! Предполагалось, что, следуя указанию библейского текста, далее расчеты не понадобятся, ведь вполне может наступить конец света. В основе таких предположений лежал текст Священного Писания, где сказано, что Создателю на сотворение мира понадобилось семь дней. А в другом месте, словно для пояснения, добавлено: «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день».

Если воспринимать эти слова буквально, то именно в 7000 году все должно в этом мире и закончиться. Семь дней творения — семь тысяч лет — и вот они прошли!

Не случайно поэтому чуть позднее автор Жития Саввы Сторожевского Маркелл Безбородый в самом начале текста употребил фразу, повторяемую нами в качестве вступления в каждой главке данной книги: «напоследок, когда мы достигли конца времен...». Да, он жил в начале восьмого тысячелетия, когда апокалипсиса и Страшного суда ждали со дня на день.

Год 1492-й породил множество споров и волнений, известную ересь на Руси, закончившуюся жестокими карами со стороны власти и обличениями со стороны Церкви. В 1392-м этого еще не было в таком объеме, хотя последний век перед последним тысячелетием уже предощущался многими.

Именно в этом году не стало Сергия Радонежского. Не по этой ли

причине — важности момента и необходимости думать о спасении — отказался тогда от игуменства будущий русский святой и преподобный Никон Радонежский? В столь необычный и важный момент получить в наследство дело такого подвижника, как Сергей, было не просто ответственной, но и крайне трудной задачей. И она выпала на долю старца Саввы.

Настоятель в Троице

Послушание бывает за послушание.

Из Древнего Патерика

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Братия же, не имея возможности быть без настоятеля, после многих просьб возвела на игуменство блаженного Савву в великую лавру. Он же принял паству и хороша нас порученное ему стадо, сколько мог и насколько отца его блаженного Сергия молитвы помогли ему».

Много это или мало для русской истории — быть преемником самого Сергия Радонежского? Судить об этом тому, кто понимает в этом толк. Но мы знаем, что после кончины преподобного Сергия на трудное поприще управления основанным им монастырем вступил к тому времени уважаемый всей братией инок Савва.

Некоторые исследователи называют его следующим после Сергия игуменом Троицкой обители. Но это не совсем так. Еще за полгода до своей кончины Сергей Радонежский выбрал своего преемника — преподобного Никона, которого фактически, по своей немощи и стремлению к безмолвию, и поставил руководить обителью. Как известно, Сергей скончался в сентябре 1392 года. Почти сразу после этого Никон неожиданно для братии отказался от игуменства. По крайней мере, так повествуют нам написанные позднее жития. Одно из них — рассказавшее о его жизненном и духовном пути — принадлежит перу Пахомия Логофета.

Не совсем обычное явление — поставленный и благословленный своим учителем и наставником игумен отказывается от вверенных ему обязанностей. Однако причины тому были для монастырской братии вполне понятными. Никон объявил, что хочет уйти в затвор, принять обет молчания. Такое испытание не всякий на себя возьмет и не каждый сможет преодолеть. Естественно, что совмещать мирские заботы и обязанности с подобного рода внутренним подвижничеством совершенно невозможно. Так или иначе, Никон решение свое принял и его осуществил. И конечно же оставил после себя другого игумена, которого братия должна была принять.

Поздние жития говорят нам о том, что этим игуменом стал инок Савва,

будущий Сторожевский. Фактически он был третьим руководителем Троицкого монастыря. Хотя полгода, которые условно игуменствовал Никон еще при живущем Сергии Радонежском, трудно сопоставить с довольно большим временем, которое выпало на долю Саввы — шесть лет. То есть он оставался во главе Троицкой обители до 1398 года (если следовать текстам житий, написанных Пахомием и Маркеллом).

Считается, что, став первоначально настоятелем Свято-Троицкого монастыря, Никон Радонежский пытался быть во всем, как Сергий. Он старался в труде и смирении, исполнял тяжелые работы, показывал другим личный пример в постах и молитве. Позднее, когда он вернется в игуменство обратно, после ухода Саввы Сторожевского в Звенигород, слава о его духовных подвигах разнесется до самой Москвы. К нему будет стекаться множество людей, и современник отметит, что «бысть имя Никона яко священие некое обносимо».

Всеми этими сведениями мы также обязаны Пахомию Логофету. Никон Радонежский стал позднее очень близок Москве и великому князю Василию. Но тот, кто заменил его на посту игумена и поднимал будущую Лавру первые годы после кончины ее основателя — Сергия, будет, в отличие от него, слишком быстро забыт и в некоторой степени обойден вниманием летописцев. Речь о том, кто не стал старцем Московским, но ему пришлось стать чудотворцем Звенигородским, а край этот не очень чувствовали в столице.

Это был Савва Сторожевский, которому пришлось неожиданно столкнуться с трудностями монастырской жизни в момент передачи ему прав настоятеля со стороны Никона.

События 1392 года, происходившие в Троицкой обители после кончины Сергия, иногда в литературе и преданиях интерпретируются и таким образом. Став игуменом, Никон оказался выше тех учеников основателя монастыря, которые в реальности были ближе к учителю, нежели сам новый настоятель. Обычай Никона время от времени запирается в своей келье для уединенной молитвы, а иногда и надолго, стал раздражать братию. Хозяйственные дела не двигались, да и почему-то инокам казалось, что игумен немного зазнается. К тому же Никон был еще достаточно молод. Его считали несколько мягким по характеру. Он не умел командовать, а здесь давно привыкли к довольно жестким рамкам быта.

По преданию, некий инок Акакий однажды надерзил Никону, отказавшись идти по его поручению: «Я не для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села». Мягкий Никон промолчал. Но на деле дерзость не

пройдет даром Акакию, история закончилась поразительно. Спустя много лет, уже после кончины самого Никона, инок Акакий однажды попал в тот самый город, куда давно и тихо просил его сходить игумен. И вдруг Акакий стал бесноваться на виду у всех жителей. И среди ужасных, «адских» видений вдруг перед ним предстал Никон, который остановил бесов, произнеся негромко ту же самую фразу: «Акакий! Разве ты для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села?» Лишь позднее раскаяние привело инокка к исцелению.

А вот духовник обители — старец Савва — аскет и ревнитель благочестия, чем-то напоминал самого Сергия Радонежского. Он умел делать все — и духовные подвиги совершать, и хозяйскими делами управлять. Братия стала поговаривать, чтобы заменить Никона на Савву. Никон вроде чувствовал назревавшие проблемы, похожие на те, из-за которых сам Сергей уходил на время из собственного монастыря. Тогда Никон собрал братию и сказал, что хочет уйти в затвор. Иноки обители пошли к преподобному Савве просить его стать отцом-настоятелем. Не подозревавший о происходящем вокруг и об истинной подоплеке событий, духовник Савва согласился.

Согласился, хотя, по нашему мнению, у него уже в это время созрели планы по переезду в Звенигород, только что перешедший во владение князя Юрия Дмитриевича. Долгих шесть лет будет он достойным главой монастыря. «Среди попечений об огромной Лавре, — пишет наш современник, — преподобный Савва почувствовал, что надламываются крылья его собственной души, хладеет его боголюбие, в заботах о других он губит себя для вечности. В поисках спасительной тишины он откликнулся на настойчивые просьбы князя Юрия Звенигородского, звавшего его в свой удел для основания новой обители».

В XIX столетии биограф Саввы опишет период его игуменства в Троице такими словами: «Подвиги еще более возвышали его дух, и из среды, богатой преуспевающими в духовной жизни людьми, он избран управлять обителью, когда преемник Сергиев, преподобный Никон возжелал работать Богу в уединении. Начальственная власть, принятая им, не возгордила его, а еще более смирила. При первой возможности он от нея уклонился. Тогда-то сие, во многом огне искушенное злато Господь приемлет, чтобы соделать из него светильник высокий, способный далеко светить и многих освещать. Сын и брат великокняжеский, крестный сын преподобного Сергия, Георгий (Юрий) Дмитриевич, князь Звенигородский, часто посещая Сергия в его обители, по его, конечно, совету, избрал себе Савву в отца духовного. Пытливый дух молодого князя, его ум,

просвещенный многим книжным учением, нашел себе полное удовлетворение в духовном руководителе своем, и он, наконец, решился, влекомый любовью и жаждою духовною, не разлучаться с этим руководителем».

Стать игуменом монастыря выпадает не каждому. И не все иноки готовы занять или хотят получить эту «должность». Необычную смесь мирских задач и духовных проблем, житейских ситуаций и внутренних борений не всем дано понять, почувствовать и суметь организовать. Мы не станем в подробностях описывать обязанности игумена и отсылаем читателя в раздел «Дополнительные материалы» в конце книги, где помещаем красочный рассказ об этом — краткий и точно изложенный прекрасным знатоком монастырской жизни, русским церковным писателем-эмигрантом XX века Игорем Смоличем.

От времени, когда инок Савва был духовником в Троицкой обители, осталось одно удивительное напоминание, о котором хорошо известно некоторым нынешним паломникам, семинаристам и учащимся Духовной академии в Лавре. Это источник Саввы Сторожевского, у которого нынче построена деревянная часовня.

Вот что рассказывается по этому поводу в одной из рукописных копий Жития Сергия Радонежского, в так называемой рукописи Симона Азарьина 1653 года. «В те времена место это было безводно, и, кроме источника, который пробился по молитвам святого Сергия, не было воды у его обители — ныне же зримо для всех явилось множество источников. Первым после Преподобного Сергия ученик его, преподобный Савва Сторожевский, по молитвам своего духовного отца, извел источник чистой воды выше Конюшенного двора, — из него и доныне берут воду, благодаря Бога».

Известно, что монастырские конюшни вынесли за пределы монастыря в 1556 году, сам Конюшенный двор находился у северо-западного угла обители, напротив Конюшенной (Каличьей) башни, на берегу Благовещенского оврага и речки Кончуры.

Итак, во время игуменства Саввы в Троицком монастыре приходилось решать вопросы организационные. Но, как мы видим, они не являлись главными. Духовное наследие Сергия Радонежского было удивительно многообразным и даже особенным. Развитие и умножение его наследия продолжались. Об этом также надо было заботиться новому игумену.

Исихазм: «умное делание» и Свет Фавора

Низведи ум из головы в сердце.

Григорий Синаит

Маркем Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Пребывал... обучаясь воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как украшение всего иноческого жития. Работая много руками своими, в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая. И все казалось, что он из простых людей, ничего не знающий, но многих в мудрости мнящих себя витиями разумом превосходил. Не внешней ибо мудрости искал, но более горней, и к ней подвизался. Всякое о Христе благое изволение от святого этого старца исходило. Прежде всех входил в церковь и последним уходил, со страхом Божиим стоял, выполняя правило пения, и такое умиление было у него, что он не мог удерживаться от великого плача и рыдания во время божественной службы. Дивились отцы обители той, видя такое умиление и плач...»

Многое из того, что мы только что прочитали в рассказе Маркелла Безбородого, является яркой иллюстрацией явления в монашеской жизни XIV века, которое принято называть «научным» словом «исихазм». Это означает, что инок Савва был последователем учения, которое принял и поддерживал его наставник Сергей Радонежский.

Кто такие исихасты и откуда взялись их идеи? Мы не станем уходить глубоко в суть этого понятия и не претендуем на его обстоятельное осмысление в данном повествовании. Однако в общих чертах, чтобы понять некоторые мотивы поступков или исторических решений, связанных с именем Саввы Сторожевского, нам поговорить об этом следует.

Начнем с того, что в переводе с греческого языка слово «исихазм» означает «безмолвие», «уединение», «покой». Уже сами эти понятия не требуют пояснений или расшифровки. Они ведь близки представлениям любого человека о монашестве и его традициях. Естественным кажется то, что, уединившись и погрузившись в размышления и молитвы, монах может достигнуть какого-то духовного развития. Но так это кажется теперь. А в

период Средневековья подобные «устоявшиеся понятия» еще не владели «массами».

Было много споров среди людей Церкви, причем во многих странах, связанных с методикой или опытом духовной жизни — как, что и почему надо делать, чтобы достичь внутреннего совершенства. Да и вообще — какое оно, это совершенство и что является признаками к его приближению.

Исихазм не спеша развивался как новое направление с XI столетия еще в Византии. Но в настоящее учение превратился только как раз в веке XIV, когда инок Савва появился в монастыре преподобного Сергия Радонежского. Идеи безмолвия быстро проникли на Русь, где пытливно искали новых путей церковного развития.

В основе учения лежала не теория, а тысячелетний опыт богоискательства, уединенного существования и, напротив — общежительства монахов Синая и Афона — признанных центров христианской культуры. На официальном Соборе в Константинополе середины XIV столетия исихазм фактически был принят как официальная доктрина православия. И до настоящего времени существует практика этого учения, которое в бытовом обиходе иногда называют «сердцем православия», а на неканоническом языке даже — «христианской йогой».

Главными создателями идей и творцами учения считаются два Григория — Синаит и Палама. Они, по сути, ввели концепцию «умного делания» в духовную жизнь монашества. Один писал о стяжании благодати, другой о Божественном Свете, в котором святые «просветятся, как солнце».

Теперь стремящиеся к совершенству в духовной жизни люди, согласно данному учению, даже и не должны были думать о познании Бога с помощью разума. Достичь подобного результата, по мнению исихастов, можно было лишь в результате глубокого личного погружения в молитву, подготовки души и тела, то есть в итоге определенным образом сформированного образа жизни. Теперь необходимо было «умно делать» свои помыслы и медитации. Внутренний мир — психический — становился главным в процессе овладения и управления миром физическим и миром физиологическим. Единственным настоящим способом общения с окружающими людьми становилось «молчание», причем не только внешнее, реальное, в виде бессловесности, но и внутреннее. Человек словно бы выходил из этого мира, из его истории, и с помощью «умного делания» приобщался к существующему над реальной историей вечному «умному миру».

Этот «выход из истории» сыграет позднее роковую роль для будущих профессиональных историков, потому что настоящие практики и знатоки исихазма, а одним из них и являлся преподобный Савва Сторожевский, даже не будут заботиться о том, чтобы оставить о себе или после себя хоть какой-то «след», повествующий о их «заслугах» или «достижениях». Молчание в душе означало и молчание в историческом пространстве.

Самым ярким проявлением приближения к совершенству являлась в понимании исихастов возможность созерцать дивный Божественный Свет, тот самый, который так поразил учеников Иисуса Христа во время Преображения на горе Фавор. Такое непосредственное прозрение истины — в воплощенном свете — становилось важнее любого знания и разумения. Вот почему в те годы стали с большим вниманием выяснять: а что же это за «Фаворский свет», откуда он возникает или может появиться и какова его сущность? Дискуссии по этому, казалось бы, частному вопросу захлестнули весь церковный и научный мир того времени. Природа Фаворского Света и божественных энергий порой оказывалась важнее обустройства монастырского быта или привычных земных проблем.

Григорий Палама яснее всех изложил понимание природы Фаворского Света в своем труде «Триады в защиту святых исихастов» (1338). «Напыщенные мирской и тщетной мудростью и не внимающие мужам, опытным в духовном учении, — писал он, — когда слышат о Свете, осиявшем Господа на горе Преображения и виденном Апостолами, думают видеть в нем нечто чувственное и сотворенное... хотя Сам Просиявший Светом на Фаворе ясно показал, что этот Свет не сотворен, назвав его Царством Божиим...» Очень важным явилось его откровение о том, что нет определенного места нахождения этого Света, как нет и перехода из одной жизни — в другую, так как все окружающее нас Бытие — и есть Свет: «Везде присутствует Царь всяческих, и везде — Царство Его, так что пришествие Царства Его не означает перехода его с одного места на другое, но откровение его силой Божественного Духа...

Свет Преображения Господня не рождается и не исчезает и не подлежит чувствительной способности и, хотя он был созерцаем телесными очами...»

Главное для человека, по его мнению, это было усвоить простую истину, что видение Света «подается всем тем, которые, при постоянном упражнении в подвигах добродетели и молитвы, устремляют ум свой к Богу. Истинную красоту свойственно созерцать только очищенным умом».

Продолжались подобные споры и на Руси, в неизвестной нам форме.

Но отголоски дискуссии мы видим воочию на иконах и фресках того времени. И в первую очередь — в творчестве Андрея Рублева. Именно он пытался облечь Свет Фавора в живопись, показать в виде концентрических кругов вокруг Спаса (во Владимирском соборе), как расходятся его живительные лучи в пространстве Бытия, а затем — как совершенное «безмолвие» царствует среди ангелов «Троицы».

Важно, что исихасты не отрицали земных правителей, были поклонниками единой священной государственной власти. Но самыми первыми качествами монарха они считали не доблесть или мудрость, а нравственные добродетели. Отеческая забота о чадах своих была идеальным представлением о поведении властителя государства.

Руси, в период внутренних раздоров между князьями и ордынского ига, такое понимание власти пришлось по душе. Идеи исихазма, пришедшие с переписанными трудами Григория Паламы, были подхвачены мгновенно. И одним из первых был Сергей Радонежский со своими учениками.

О нем потом писали, что он жил, «божественные сладости безмолвия вкусив», то есть постигнув всю глубину исихазма как учения.

Исихазм помог Руси в общем обустройстве бытия. Раздоры между князьями и неопределенность будущего, связанного с прихотями ханов Золотой Орды, с постоянными войнами или набегами, с непомерной данью в результате ига порождали и неуверенность в жизни. Умение владеть собой и жить в определенной иерархии, в согласии с миром, быть уверенным в будущем прозрении, ожидать возможных добродетелей от правящих людей и в последующем Воскресении — это были важные вещи, без которых не произошло бы так называемое русское Возрождение.

Появились и новые книги, переводы трудов духовных подвижников разных эпох, многие — в изложении афонских монахов. Греческие слова вошли в обиход русской книжности и речи. Греческие же монахи — на примере иконописца Феофана Грека — участвуют в оформлении мира, окружающего русского человека. Мы замечаем, что книжные тексты стали исполнены иным, более напряженным психологизмом, с некоторой эмоциональностью. Начитанность, знание духовных книг становится новой отличительной чертой родовитых людей и князей, ранее кичившихся либо силой, либо положением. Наконец, стало распространяться убеждение, что без участия людей духовных никакие светские дела не могут быть успешными, а без благословения не обретутся ни победы, ни богатства. Святые покровители стали занимать более весомое место среди самоуверенности и гордости наполовину языческого способа управления.

Молчальник и аскет Савва Сторожевский, хотя и занимал некоторое важное положение в Троицком монастыре, все же оставался одним из глубоких подвижников иноческой жизни и последователей исихазма. Об этом сохранились и предания в Звенигородской обители, об этом писали все авторы его житий, а также историки Церкви. Наиболее проникновенные слова, связанные с духовными подвигами старца, принадлежат епископу XIX столетия Леониду, который исходя из собственного опыта — человека нового времени — пытался (не без помощи эпитетов, свойственных уже его эпохе) объяснить современникам то, чего он достиг. «От юности мир возненавидев и Христа возлюбив, — рассуждает епископ о жизни Саввы Сторожевского, — он покорил духу мудрование плотское; постоянно мысль свою горе возвышая, он умел весь свой ум к небесным вперить, и тем очистить зрение умственного ока, освятить и изошрить его для высших созерцаний. Свою способность постигать прекрасное в природе он устремил к той первообразной красоте несозданной, созерцание которой благоукрашает душу и у красоты сотворенной отнимает ту опасную силу, которая ей сообщается неочищенным взором ума и сердца. Свою чувствительность сердечную он пропитал печалию по Бозе, плачем о грехах — и превратил ее в умиление. Постом и трудами обученная плоть не представляла той преграды к духовным восторгам, какую иногда в людях, много ей угождающих, представляет она, служа как бы плотиною для той воды живой, которая из глубины христианской души хочет устремиться в иную, лучшую область духа, и вопиет в своем журчании: «иди к Отцу», но прегражденная, мало-помалу оскудевает и превращается в болото. В нем чистая девственная кровь горела часто на ланитах, но только от молитвенного в духе горения, и не остывала, пока неудержимые потоки слез не напоили довольно души умиленной, или обрадованной таинственными посещениями Духа Божия. Духоносный отец и руководитель Саввы умел употреблять всякий дар духовный, от Отца светов ниспосылаемый тому или другому из его учеников».

Не менее точные указания на исихастскую практику, которую применял в своих молитвах и медитациях Савва Сторожевский, дает нам и Маркелл Безбородый. В своем рассказе о возможном пребывании старца в монастыре на Дубенке автор первого Жития пишет следующее: «Блаженный же Савва, когда принял благословение старца, пребывал на месте том, не отягощаясь вещами земными и имея житие ангельское, постом и бдением себя усмиряя, пустынными травами причащаясь и ими

питая плоть свою, от сытной же пищи и мягкой одежды совсем отказавшись. Вместе с этим слезные рыдания и частые стенания, и непрестанное лежание ниц, и испытания постоянные переживал».

Учение исихастов передавалось от учителей к ученикам, конечно же не только и не столько теоретически, а скорее практически. Мы, к сожалению, не знаем почти ничего о реальных учениках Савва Сторожевского. Но зато нам известны имена его многочисленных сподвижников — последователей Сергия Радонежского. Именно они потом пошли новыми путями духовного и реального — монастырского — освоения Руси, создав невиданный «букет» обустройства жизни в разных ее концах.

Пути русской святости

В православии... общее дано не в безликих схемах, а в живых личностях.

Г. Федотов. Святые Древней Руси

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Как бы царские убранства, златом украшенные с драгоценными камнями, ни радовали взгляды увидевших их, но намного выше этого духовная красота. Праздники, творимые в память святых, веселят верных. Сердца и души освящают... Чтобы всем было известно о святом этом и навеки памятном муже, как, и откуда, и в какие времена такой светильник воссиял нам».

Много ли учеников было у Сергия Радонежского? Если не разделять на «первых» и «последних», на близких и не очень, на Радонежских и остальных, то не много, а очень много! То есть мы не можем поставить рядом с его именем никого, кто имел бы такое количество последователей, причем оставшихся в русской истории великими подвижниками.

Большинство из них основали со временем свои монастыри, где, как правило, вводили общежительский устав, как заповедал «игумен земли русской». Наиболее известные мужские и женские монастыри той эпохи были именно общежительными. Достаточно лишь перечислить их, чтобы понять — насколько пример и учение Сергия Радонежского вошли в духовную традицию Руси. Это Троице-Сергиев монастырь, Чудов, Спасо-Андроников, Махрицкий, Симонов, Саввино-Сторожевский, Высоцкий, Петровский, Снетогорский, Кирилло-Белозерский, Спасо-Евфимиев, Покровский Глушицкий, Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий, Коневский, Павло-Обнорский, а также, как пишет историк Церкви XIX столетия митрополит Макарий, «все четыре монастыря, основанные преподобным Авраамием Галичским, все три, основанные преподобным Макарием Унженским и др.; а из женских — Алексеевский московский и Зачатьевский нижегородский. Руководством при устройстве общежития монастырского служили у нас, кроме правил соборных, правила и наставления древних святых отцов — Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и других».

А началось все, как мы помним, со скромной Троицкой обители, которую заложил еще сам Сергей. В течение своего жизненного пути он основал также еще несколько монастырей.

После известной размолвки с братией он ушел в Махрицкий монастырь, куда к нему стали приходить новые люди. Так или иначе, но на этом месте появилась обитель Благовещения на Киржаче (от названия реки Киржач).

Москва обязана преподобному Сергию таким известным монастырем, как Спасо-Андроников, построенным на берегу реки Яузы во имя Спаса Нерукотворного. Его настоятель — игумен Андроник — был одним из любимых его учеников. Здесь провел многие свои годы иконописец Андрей Рублев. Не так давно на монастырской территории было найдено место, где находились мощи этих известных для русской истории людей.

Одним из символов современной Москвы является Симонов Успенский монастырь, основание которого связано не только с Сергием, но и его племянником Феодором, который затем станет владыкой Ростовским. Отсюда пошли на Куликовскую битву иноки-богатыри Пересвет и Ослябя, здесь они и по сей день находят свое поминание, после того как на месте их могил были восстановлены надгробия.

География обителей Сергия обширна. Во многих местах, где он бывал, ставились храмы или возводились монастыри. Их настоятелями становились его ученики. В Ростовских краях, на берегу речки Устьи, появился Борисоглебский монастырь, а в сторону Нижнего Новгорода, на реке Клязьме — Георгиевский. Неподалеку от Серпухова заложен Зачатьевский Высоцкий монастырь (на реке Наре), а по завету князя Дмитрия Донского на реке Дубенке появился монастырь Успенский Дубенский (Стромынский) — в память о битве на поле Куликовом. Известен также Богоявленский Голутвинский монастырь в Коломне.

Основывали обители и сами ученики Сергия. Считается, что так появилось более сорока монастырей!

В Комельские леса, что на реке Грязовице, ушел из Троицы инок Павел, который, как известно, был в миру из знатного рода. Здесь он не стал строить себе келью, а нашел старое дерево с большим дуплом, где едва можно было разместиться, и стал в нем жить. В дальнейшем он перебрался в Вологодскую губернию, нашел живописное место у реки Нурма и основал новый монастырь, известный теперь под названием Обнорский. Другие ученики Сергия делали подобное с той же последовательностью. Вот как это описывает в своей «Русской Истории»

Н. И. Костомаров: «Аврамий, с его благословения, основал четыре монастыря близ Галича (Костромской губернии): Успенский на Озере, Поясоположенский, Покровский Чухломской и Собора Богоматери на реке Виче. В тех же местах после смерти Сергия, в 40 верстах от Галича, ученик его Иаков основал Железноборский Предтеченский монастырь. Ученик Сергия Мефодий основал Николаевский монастырь на реке Пешноше (в 15 верстах от Дмитрова)...» Но важным для нас замечанием историка стало следующее: «После смерти Сергия один из любимых учеников его Савва, бывший несколько лет преемником Сергия на игуменстве в Троицком монастыре, вышел оттуда и основал свой собственный монастырь на горе Стороже (в Звенигородском уезде), который сделался одним из уважаемых на Руси монастырей под именем монастыря Саввы Сторожевского».

По примеру Сергия Радонежского вырастали монастыри по всей Руси. Многие его последователи, даже вообще не зная его, называли себя таковыми заочно, словно бы подтверждая свою причастность важному делу устроительства отечества. Известны еще так называемые «собеседники» Сергия, то есть те люди, которых трудно назвать прямыми его учениками, но они находились с ним в особом молитвенном общении, выражали те же самые идеи.

На Руси до наших дней очень почитают двух духовных подвижников — последователей Сергия Радонежского, которые ушли на Север, в сторону Белого озера. Это были Ферапонт и Кирилл. Сначала они жили вместе, а затем разделились, и Ферапонт основал новую обитель на соседнем озере. Так появились две северные святыни — Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Благодаря большой сохранности библиотеки Кирилловской обители (на Север редко добирались разного рода захватчики, которые в первую очередь стремились почему-то сжечь все книги и рукописи), стало возможным в дальнейшем восстановить множество белых пятен в русской истории, включая и написание хроник Саввино-Сторожевского монастыря.

Кирилло-Белозерский монастырь стал в дальнейшем важнейшим духовным центром, вокруг него появилось множество небольших обителей-пустынок, которые стали называть Заволжьем, а их обитателей — Заволжскими старцами. Учениками Кирилла Белозерского стали Савватий Соловецкий, основатель Соловецкого монастыря, Александр Ошевенский, Корнилий Комельский. Монастыри распространились до самого Белого моря.

Ферапонт же, сразу после кончины Саввы Сторожевского (буквально через полгода), переехал с Севера в соседний со Звенигородом город

Можайск. Здесь он продолжил многие начинания Звенигородского чудотворца, на землях Можайского удела, принадлежавшего тогда одному из сыновей Дмитрия Донского, младшему брату князя Юрия — Андрею.

К «собеседникам» Сергия Радонежского относятся также и преподобные Стефан Махрицкий, Дмитрий Прилуцкий и Мартиниан Белозерский.

Дмитрий Прилуцкий жил рядом с Троицким монастырем — на Переяславской земле. Он часто приходил беседовать с Сергием и, получив его благословение, ушел на Север, к Вологде, основав там Прилуцкую обитель. Благодаря ему на северо-востоке русских земель распространилось множество монашеских поселений.

Одним из наиболее известных «собеседников» игумена Радонежского считается Стефан Пермский, Житие которого, если читатель помнит, стало нам основой для восстановления возможных фактов жизни Саввы Сторожевского в детстве и юности. Хрестоматийным стала история, которая известна всем, кто так или иначе был связан с Троице-Сергиевой лаврой. По преданию, Стефан проезжал как-то в Москву по дороге, которая была в значительном отдалении от Троицкого монастыря. Но когда он условно находился почти рядом с обителью, то встал с телеги и неожиданно для спутников поклонился в ее сторону. В это время братия монастыря сидела за столом и вкушала трапезу. Вдруг Сергей Радонежский встал и поклонился в определенном направлении, словно кому-то в ответ. Уже позже, удивленные произошедшим, некоторые иноки разузнали — что к чему. Событие не прошло незамеченным. До сих пор в Троице-Сергиевой лавре существует неписаный обычай для братии — за общей трапезой вставать после третьей перемены блюд.

Очаги монастырской жизни притягивали к себе разных людей. В суровых северных краях даже маленький огонек — всегда спасение. Тем более если это касается не мирских, а духовных проблем. Так выковывались новые традиции. Можно сказать, что так вырастала и новая культура. Иноки занимались просвещением, образуя вокруг себя ищущее знаний население.

Постепенно жизнь менялась, монастыри начинали аккумулировать немалые средства, включая все возрастающие земельные владения, а также ценности, которые постоянно жертвовали состоятельные миряне. Обители строились, разрастались и в итоге — укрупнялись. Отшельники окончательно исчезали, как образ жизни, и полностью побеждала общежительная форма быта.

А затем начнутся споры уже внутри самого монашеского сообщества — жить ли, обладая собственностью и землями, с огромными богатствами, или наоборот — вернуться к «не-стяжательству», полностью отказаться от материальных благ, полученных сверх меры.

Но это будут уже споры следующего столетия.

Путь жизни привел Савву — игумена Троицкого монастыря, основанного Сергием Радонежским — в Звенигород. Здесь довелось ему сделать главное в своей жизни, в этих краях он и прославился. Последняя и самая известная по источникам часть жизни Саввы Сторожевского будет связана с именем князя Юрия Дмитриевича, которого величали также Звенигородским — по имени завещанного ему удела. Об этом поведал нам и автор Жития Маркелл Безбородый. Ничего-особенного на первый взгляд — весьма обычное для того времени дело: удельный князь имеет тесные отношения со своим духовником и крестником своих детей. Но встреча и объединение именно этих двух людей предварили, быть может, важнейшие для конца XIV — начала XV века события, которые при определенных обстоятельствах могли повернуть развитие Руси совершенно в неожиданную сторону.

Глава пятая

НА ГОРЕ СТОРОЖИ У МОСКВЫ-РЕКИ

Дом над рекой Москвой — это чудо.

М. М. Пришвин

После игуменства в Троицком монастыре наступает самая известная часть и на первый взгляд наиболее изученная страница в жизни старца Саввы. Он окончательно переезжает в Звенигород по приглашению князя Юрия Дмитриевича. Здесь происходит цепочка событий, в которую будут вовлечены самые известные лица и имена не только русской истории, но и всех других государств, так или иначе связанных с Русью. Он построит свой монастырь на берегу Москвы-реки, прозорливо и дальновидно предскажет важнейшие победы в сражениях с восточными недругами, благословит новую Звенигородскую династию, продолжит «Смоленскую линию» в политике, а также осуществит концептуальный подход к становлению русского варианта православной цивилизации, вдохновит строительство новых, доселе невиданных каменных соборов раннемосковской архитектуры и станет добрым помощником и наставником инок-иконописца Андрея Рублева, создавшего благодаря этому знаменитый Звенигородский чин и не менее знаменитую «Троицу».

Перед самой кончиной Савва Сторожевский на некоторое время окажется фактически главным духовным лидером Русского Православия. С его уходом (а почти одновременно в 1406–1407 годах ушли из жизни также и митрополит Киприан, и вдова Дмитрия Донского Евдокия, в монашестве — Евфросиния, и властительный тесть князя Юрия — последний великий князь Смоленский — Юрий Святославич, и поджигатель Москвы — хан Тохтамыш) окончательно ушла в небытие и Русь Куликовская, эпоха Дмитрия Донского. Началась новая эра — разборов, смут, распрей и междоусобных родственных войн на Русской земле.

В последнее время казалось, что некоторые из вышеперечисленных обстоятельств и событий — вполне понятны и известны. Даты и имена уже традиционно выстроились в некий исторический ряд, который вроде бы подходит под логически доступное восприятие: это было тогда-то, а значит — другое произошло «после» или «до».

Но многие из таковых событий или имен рассматривались в отдельности, независимо друг от друга. Например, искусствоведы говорили о звенигородской архитектуре или иконописи Андрея Рублева, церковные историки — о событиях, связанных с появлением Саввино-Сторожевского монастыря, генеалоги — о происхождении и семье князя Юрия, археологи — о находках новых артефактов на Городке или в окрестностях. Но в редких случаях удавалось объединить все это в едином «котле», чтобы «сварилось» нечто взаимосвязанное и единое, в особенности в связи с именем преподобного Саввы.

Если выстроить хотя бы просто в последовательный ряд все имена и даты, летописные рассказы и житийные предания, то неожиданно можно увидеть поразительную картину. То, что ранее казалось непонятным или недоказуемым, вдруг естественно становится в ряд, занимает положенное ему место. Так из одного в другое появляется абрис несколько иных событий, которые происходили немного иначе, нежели это принято считать. Каждый человек, так или иначе связанный со Звенигородом того времени, оказывался в значительной степени связанным и с судьбой Саввы Сторожевского.

В итоге получилась обширная панорама грандиозной деятельности преподобного старца, хотя к тому времени ему было уже немало лет. И теперь можно смело утверждать, что мы стоим перед раскрытием загадок и тайн уникальной Звенигородской цивилизации, которую строили два сильных духом и разумом человека: лидер духовный — Савва Сторожевский и лидер светский — князь Юрий, сын Дмитрия Донского. Эта цивилизация была — и это доказуемо — самой могучей для своего времени (даже по отношению к Москве), очень крепкой, богатой и развитой во всех своих проявлениях. Она продолжала и даже в чем-то закладывала свой путь развития Русского (Московского) государства, особенный, в достаточной степени независимый от западного литовского влияния и в некотором роде — от окаменевших средневековых византийских постулатов. Эта цивилизация могла бы повести Русь совершенно в другом направлении развития, придерживаясь при этом строгих православных традиций. Политика Звенигорода могла привести к быстрому падению ига Золотой Орды (на многие десятилетия более раннему!), к быстрому и невиданному развитию науки и культуры, новому духовному возрождению, символами которого стали «Спас Звенигородский» и «Троица» Рублева, а также к построению мощной армии, той, которая в миниатюре уже была у князя Юрия и которой он славился.

Самого Юрия Дмитриевича иногда называют «последним Палладином русской земли», «русским Медичи», «князем эпохи Возрождения», «победителем Волжской Булгарии», «устроителем Звенигородского улуса». Да, он умел ладить с Ордой и даже побеждать ее. Да, именно он начал выпускать первые монеты с изображением Георгия Победоносца (его тезоименитого святого), поражающего копьём змия, а они стали после символом Москвы и России. А рядом с ним в эти годы находился его духовный наставник и советчик — старец Савва. Именно благодаря старцу мы можем сегодня восхищаться и поклоняться таким шедеврам и духовным центрам страны, как Звенигород, Саввино-Сторожевский монастырь и Троицкий собор с мощами преподобного Сергия Радонежского — в Троице-Сергиевой лавре, видеть их росписи и иконы того времени. Ведь именно Савва благословил все это строительство.

Событийный ряд короткого периода в русской истории (чуть более десяти лет!), а это самый рубеж XIV и XV веков, оказывается настолько насыщенным, что даже отсутствие источников не мешает нам восстановить все в последовательности. А потому — отправляю читателя в гущу этих событий, дабы убедиться — не спеша и скрупулезно — правы ли мы в том, что придаем всему вышеперечисленному столь высокий смысл, а в жизни старца видим столь важное предназначение.

Пройдем все по порядку.

Князь Юрий и завещание Дмитрия Донского

Гипотеза 3

Князь-урус, рыжий, как лис,
С бороною обросшим ртом.

Идиге, татарский эпос

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «После этого пришел в обитель Святой Троицы благоверный князь Георгий, сын великого князя Димитрия, и с большой просьбой обратился к блаженному Савве, чтобы пошел с ним в город Дмитров и помолился и дал благословение дому его, ибо Савва был его отцом духовным. Он же, не уклонившись от просьбы его, пошел с ним, желая исполнить прошение его... Князь поклонился, любезно... говоря: «Великого в тебе молитвенника к Владыцыче обрел, честный отче, и крепкого помощника в сражениях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих». Преподобный же старец со смирением ответил ему: «Благой и милосердный Бог виде твоё благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим, и сего ради дал тебе такую победу... Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ». И так множество других поучительных слов изрек ему из божественных писаний. Князь все это слушал сладостно, влагая в сердце свое... И с той поры стал доверять ему еще более, чем раньше».

Осенью 1374 года большое количество подвод, нагруженных разными яствами, подарками, бочками с пивом и вином, двигалось с разных сторон по направлению к городу Переяславлю. Великий князь Московский Дмитрий Иванович неожиданно пригласил некоторых других русских князей в гости. Поводом послужило торжество — рождение 26 ноября в семье князя очередного сына (третьего, если считать одного покойного младенца). Приглашенные именитые гости не подозревали, что празднование рождения и крещения нового наследника окажется длительным событием, постепенно превратится в нечто вроде большого съезда, на котором будут приняты важнейшие для Руси решения,

повернувшие на сто восемьдесят градусов политику, военную историю и будущее страны.

Тот, кто бывал в музеях Московского Кремля, наверняка посещал знаменитый Архангельский собор, где погребены многие русские князья, великие князья и цари вплоть до эпохи Петра Первого. Они лежат тут, и память о них хранится в потомстве. Нет только одного царя — Бориса Годунова. Прах его покоится в Троице-Сергиевой обители.

Справа, почти у самого входа, можно увидеть фреску на стене, а под ней — надгробие с надписью: «Князь Юрий Звенигородский». Много было великих и удельных князей на Руси, но не всем хватило места в Кремлевском соборе. Князь Юрий Дмитриевич достоин лежать здесь хотя бы по той причине, что пусть и не долго, но он был по закону и по праву, которые ему пришлось доказывать и словом и оружием, великим князем Московским (Владимирским), то есть главой исторического Русского государства. Нынче, волею истории и в результате разрушений, учиненных в XX веке в Московском Кремле, продолжают лежать неподалеку — в том же Архангельском соборе — мощи двух русских святых: матери князя Юрия — великой княгини Евдокии (в монашестве — Евфросинии), а также его отца — князя Дмитрия Донского.

Но вернемся в Переяславль, в тот далекий год рождения князя-младенца Георгия. Город у Плещеева озера был славен своей историей. Имя его связано с Александром Невским — победителем. Эта символичность была крайне важна для того момента. Кроме того, старинный град находился неподалеку от Троицкого монастыря, что по дороге на север от Москвы. Потому и настоятель Троицы — Сергей Радонежский — также прибыл на общую встречу.

Именно он и крестит младенца, нареченного в честь дня святого Георгия Победоносца — Георгием, в простом произношении — Юрием. Событие было не совсем обычным. Скорее наоборот. «И беаше съезд велик в Переяславли, — рассказывает летопись, — отъвсюду съехашася князи и бояре; и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рождении отрочати».

Крестить мирского ребенка для монаха-игумена — действие не вполне традиционное. Скорее это было даже исключением из правил. Связывание себя с мирскими обязанностями (крестный отец — тем более для князя — обязанность немалая) не являлось обычным поступком. Но данный факт засвидетельствован в исторических документах.

Не исключено, что подвизавшийся в Сергиевой обители инок Савва мог принять какое-то участие в этом событии, находясь вместе со своим игуменом в Переяславле. Ведь не случайно же впоследствии его жизнь будет так крепко связана с судьбой Юрия Дмитриевича, когда тот станет удельным князем Звенигородским.

В процессе празднования в Переяславле (а длилось оно, исходя из документов, несколько месяцев!) князья сошлись еще и на том, что пора объединить свои силы против Золотой Орды. Мысли такие и раньше приходили многим из них в голову. Но это были всего лишь идеи, желания, и не более. Теперь, когда в Орде властвовала смута, а правители менялись ежегодно и даже чаще, было самое время собраться с силами и попробовать впервые за сто с лишним лет показать собственную отвагу.

Именно с 1374 года, с этого символического праздника рождения и крещения Юрия Дмитриевича в Переяславле можно говорить о первых крепких нитях, связавших несколько русских княжеств воедино для борьбы с вековым ордынским игом. А еще современными археологами было обнаружено каменное изваяние воина-змееборца, которое находилось в алтарной преграде появившегося в то время Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря и было поставлено еще при игумене Андронике, в честь родившегося в 1374 году великокняжеского сына Георгия. «Борьба со змеем» станет частью будущей жизни князя Юрия. Действительность иногда напрямую связана с некоторыми символами, имевшими место появляться несколько ранее.

Прошло немного времени, и в лето 1378-е почти вся столица собралась на похороны святителя Московского митрополита Алексия. В собор на отпевание пришли «епископы и архимандриты, игумены и священники, дьяконы и черноризцы, а также множество народа». Если пролистать дальше известное древнерусское сказание «О Алексие митрополите», то можно заметить очередное упоминание юного наследника: «Князь же великий Дмитрий Иванович сам стоя-ше... князь же Василий, сын... а князю Юрию Дмитриевичу, брату его, три лет сушу».

Великие победы своего отца — на реке Воже и на поле Куликовом — князь Юрий застанет еще в раннем детстве. Но он собственными глазами увидит и радость вернувшихся со сражений русских ратников, и сияние на солнце дружинных доспехов и стягов, и плач по убиенным, и длительные поминальные службы во всех московских храмах в память о павших. Судьба распорядится так, что в будущем князь Юрий сам станет отличным воином. Он совершит важные боевые подвиги, которые войдут в историю.

В 15 лет Юрий Дмитриевич потеряет своего отца — князя Дмитрия

Донского. Когда же скончался крестник Юрия Дмитриевича — преподобный Сергей Радонежский, то ему едва минет 18 лет. Возраст совсем не малый для того времени. Ведь уже как три года к тому времени он являлся князем Звенигородским и Галичским, управлял большими землями, доставшимися ему по завещанию от великого князя. И он уже совершил несколько важных военных и дипломатических миссий. Вспомним, что Александр Невский совершил свои победы в возрасте чуть больше 20 лет. Тогда это уже не считалось юностью или молодостью, а иногда даже и не началом зрелости, а самой зрелостью.

Итак, в мае 1389 года скончался Дмитрий Донской. Собирая многие годы воедино русские земли, он был вынужден вновь делить их в своем завещании между сыновьями. Всего у великого князя Московского было 12 детей, включая девочек, которые с точки зрения наследства были «не в счет». Некоторые из детей быстро умирали. А на момент составления последнего завещания сыновей оставалось пятеро. Старший — Василий (родился в 1371 году вторым после умершего «первенца» Даниила), затем — князь Юрий (1374, он был третьим сыном Дмитрия, но на момент составления завещания стал вторым по праву наследования), Андрей (1382, пятый сын), Петр (1385) и младший на сей день Иван (f 1393). За четыре дня до кончины у Дмитрия родился еще один сын — Константин, но он не успел включить его в завещание, отметив лишь: «А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, возмзя по части у болшие его братьи».

Матерью сыновей была великая княгиня Евдокия, имя которой вошло в историю Русской православной церкви. По Житию, родилась она в 1353 году, день в день с будущим ее сыном Юрием — 26 ноября. Родители Евдокии были именитые — великий князь Суздальский Дмитрий Константинович и Василиса Константиновна, княжна Ростовская и Борисоглебская. Небольшого роста (теперь известно, что не более 155 сантиметров), юная красавица, нареченная «Благоволением» (на греческом — Евдокия), была хорошо знакома с митрополитом Алексием и племянником Сергея Радонежского — Федором. А позднее станет духовной дочерью и героя нашего повествования — Саввы Сторожевского.

Когда брак с Московским князем Дмитрием Ивановичем состоялся, то невесте было всего 13, а жениху — 15 лет. Жили они счастливо, и детей у них было много. Правда, не все они рождались крепкими и здоровыми. Но зато это были мальчики — наследники. С первенцем, например, супругам не повезло. Рожденный в 1369 году Даниил (назван в честь князя Московского), крещенный Сергием Радонежским, быстро скончался. Зато второй и третий сыновья — Василий и Георгий — сделали славу русской

истории.

Почти через год после свадьбы — в 1367-м — молодой муж словно подарил жене новый каменный Кремль в сгоревшей до этого дотла Москве. «Любящего душа в теле любимого... Двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Димитрий имел жену, и жили они в целомудрии» — так описывает современник этот брак, ставший образцовым для многих поколений княжеского рода.

У Спасских (тогда Флоровских) ворот нового Кремля Евдокия встречала русское войско, вернувшееся с победой после сечи на поле Куликовом, и своего супруга, прозванного с тех пор Донским. А через два года она чуть было не попадет в плен к ордынцам. Хан Тохтамыш спешил к Москве, чтобы разорить ее. Евдокия только что родила сына Андрея и едва успела покинуть столицу, чтобы попасть к супругу в Кострому.

Когда скончался Дмитрий Донской, Евдокия построила в Москве в память о нем церковь Рождества Богородицы, которая стала храмом для женской половины великокняжеской семьи. Так она отметила еще раз победу мужа на Куликовом поле. Затем она возведет новый Вознесенский монастырь в Кремле, тот самый, где будут хоронить русских княгинь, великих княгинь и цариц, вплоть до эпохи Петра I. Именно его разрушат уже в советское время, а затем останки женщин из родовитых семей чудом спасут сотрудники кремлевских музеев, и они пролежат в подвалах Архангельского собора до наших дней. Весь XX век Евдокия, принявшая перед кончиной монашеский постриг под именем Евфросиния, пролежит рядом со своим мужем — Дмитрием Донским не в разных соборах, как прежде, а можно сказать — друг под другом...

Известно, что враги, завидовавшие ее счастью, распускали еще при жизни слухи о ней, что во вдовстве она не всегда была «честна». Житие Евдокии рассказывает, что сплетни эти «смутили» даже ее сыновей. И вот тут ей пришлось единственный раз в жизни открыться перед людьми. Предание поведало нам так: она собрала детей и показала, как под дорогим великокняжеским нарядом она носит тайно вериги: она давно уже приняла обет монашества. «Узнайте, дети мои, истину, — воскликнула вдова Дмитрия Донского, — и да не смущают вас несправедливые обо мне клеветы». Увиденные детьми «очерненное от трудов тело» и «прильнувшая к костям плоть» поразили их так, что они бросились просить у матери прощение и как будто бы слышали мудрые слова, зафиксированные летописцем: «Не верьте внешнему. Один Бог есть судья дел человеческих».

При ее участии произошло чудо 1395 года, когда страшное войско Тамерлана не пошло на Русь. Ведь именно Евдокия послала гонцов во

Владимир, чтобы принесли срочно чудотворную икону Владимирской Божией Матери, которая, по летописи, будучи привезена в Москву, защитила ее от врага. Но в дальнейшем, когда мы узнаем о благословении, которое дал Савва Сторожевский сыну Евдокии — князю Юрию — на битву с волжскими булгарами, станет ясно, что были и другие факторы, повлиявшие на чудесное спасение столицы Руси от Тимура. В память же о встрече иконы в Москве был основан Сретенский монастырь, что ныне на Лубянке.

Народ признал в Евдокии святую, канонизирована она была вместе со своим мужем Дмитрием Донским.

Незадолго до своей кончины Дмитрий Иванович Донской продиктовал духовную грамоту, где определил — что, кому и сколько достанется из сыновей. Однажды он уже делал подобное, составив духовную перед событиями 1375 года и походом на Тверь, когда впервые русские подняли меч против Орды. Последствий не предполагал никто, а потому нужно было позаботиться о том, кому и как перейдет великое княжение. Двое сыновей его были еще в малолетстве, однако главные отчины Дмитрий Иванович уже тогда отдавал старшему — четырехлетнему Василию.

Новый текст завещания, составленный уже после апреля 1389 года в присутствии «игумена Сергия», был более подробен и детализирован. Старший сын Василий получал «отчину великое княжение». Неожиданно для многих такой фразой Дмитрий впервые за время ордынского ига самостоятельно провозгласил передачу великокняжеской власти, добавив к этому и еще более серьезные определения: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду». Вот так князь начал традицию постепенного отвержения монополии Золотой Орды на определение власти и дани на Руси. Василию также отходила Коломна с волостями и половиной городских пошлин. «А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, — особо выделил князь Дмитрий, — чтите и слушайте своего брата старшего в мое место своего отца. А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую в братстве, без обиды».

Князя Юрия в своем завещании Дмитрий Донской выделил не случайно. Тот явно подавал большие надежды на великое княжение — и образованием (что известно по источникам), и стремлением к воинскому поприщу, и необычным врожденным чувством справедливости, умением еще с детства улаживать отношения в семье. В отличие от старшего Василия, который был наделен чертами слабохарактерного и весьма

тщеславного человека. И если другие сыновья получили свою долю: Андрей — Можайск и Белоозеро, Петр — Дмитров и Углич, Иван — «не от мира сего» — несколько волостей, а народившийся Константин потом от братьев получит в дар Углич, то причитавшееся Юрию будет оговорено с отдельными подробностями.

Текст грамоты гласил: «А се даю сыну своему, князю Юрию, Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Звенигородские: Скирменово с Белми, Тростна, Негуча, Сурожьк, Замошьяская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угож, Суходол с Ыстею, с Истервою, Вышегород, Плесьнь, Дмитриева слободка. А из Московских сел даю сыну своему, князю Юрию: село Михалевское, да Домантовское, да луг Ходыньский. А из Юрьевских сел ему: прикупа моего село Кузмыдемьяньское, да Красного села починок за Везкою придал есм к Кузмыдемьяньскому, да село Богородицкое в Ростове... А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское».

Под Галичем подразумевался Галич Мерьский, что был неподалеку от Костромы. Эти северо-восточные земли уже давно принадлежали Москве. Они были ценны тем, что здесь добывали соль, которая стоила немалых денег в те времена. Край, где проживал старинный народ «мери», исправно платил дань Руси. Одним из известных городов той окраины Руси был также сохранивший в названии «соленый» корень град Солигалич. Однако даже в поздние времена часто путали, например, Звенигород Галицкий (имеющий отношение к Галицко-Волынскому княжеству) и уделы Юрия Дмитриевича — Звенигород и Галич.

Свою супругу князь Дмитрий в завещании также не обделил. Он отдал своей вдове Евдокии Дмитриевне частично разные владения из наследования каждого из сыновей. Но главное, она оставалась старшей в вопросах разрешения различных внутрисемейных споров. Это немаловажное заключение-заповедь в духовной грамоте подсказывает, что вопрос о престолонаследии возник как важный уже тогда. И лишь буквально через десяток с небольшим лет он станет камнем преткновения в отношениях между старшими сыновьями Дмитрия.

Например, было отмечено: «А по грехом, которого сына моего Бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся». Это было не главное. Важным стал вопрос о перемене власти: «А по грехом, отъимет

Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте свое матери, что кому даст, то тому и есть».

Два важнейших утверждения, таким образом, находим мы в грамоте. Первое — князь Дмитрий подтверждает престолонаследие (еще со времен Ярослава Мудрого) от старшего брата к следующему. Второе — вдова великого князя Евдокия становилась судьей в возможных разногласиях и спорах.

Заключительные слова Дмитрия Донского — «А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нем милости Божий, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий» — по сути являются его предсмертным приговором тому, кто начнет не только менять суть завещания, но и положит основание известной междоусобице и братоубийству. Речь идет о длительной распри между князьями Московского дома, которая по-настоящему началась через несколько десятилетий после кончины Дмитрия Донского и войдет в историю как период, названный «феодалными войнами». А как мы знаем, начал эту распрю именно старший брат Василий, нарушив строки завещания, хотя поздняя история утверждала, будто во всем будет виноват князь Юрий. Впрочем, о том, как летописи стремились возвысить потомков Василия и его самого, а заодно — умалить и предать забвению дела и помыслы Юрия, мы узнаем позднее.

Не случайно в одной из фраз завещания князя Дмитрия его сын Юрий выделен после Василия как бы отдельно, особо: «А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую в братстве, без обиды».

Известно, что в год кончины Дмитрия Донского ни один из его сыновей еще не был женат и не имел потомства. Вот почему было так важно детально расписать порядок передачи власти. Многие дети князя умирали в разном возрасте. Кто на самом деле выживет и сможет управлять таким большим и неустойчивым государством, как Московская Русь — вряд ли кто-нибудь взялся бы тогда прогнозировать.

А в истории вышло так... как вышло. Была Русь Московская, была и Звенигородская. Одна возвысилась за счет другой, а потом соперницу же и постаралась немного потеснить на страницах исторических летописей.

Итак, власть и великое княжение Дмитрия Донского принял по завещанию старший его сын Василий, позднее именовавшийся Василием Первым. Надо сказать, что в свои 16 лет он уже был достаточно напуган жизнью, причем в буквальном смысле. Ему пришлось пережить ордынский

плен, где он провел несколько лет как заложник в возможном ожидании смерти. Еще двенадцатилетним он отправился по наказу отца в Орду с посольством, где был схвачен и оставлен до выплаты Москвой долга. Ханские казначеи посчитали долг в 8 тысяч рублей — сумму огромную для того времени. Денег у Дмитрия Ивановича таких не было, и пришлось временно оставить сына-наследника в Орде.

Между прочим, великий князь не так уж и волновался, ведь в Переяславле супруга принесла ему другого сына — Юрия, а за год до того — Андрея. А это значило, что наследник у Дмитрия Донского в любом случае есть. Не эти ли обстоятельства останутся в памяти Василия навсегда, и не потому ли он потом так ревностно будет относиться ко всему, что делал его брат Юрий? Ведь пока он страдал в плену, кто-то мог строить планы на будущее и без него.

Что спасло Василия на самом деле, до сих пор не известно. Но ему удалось бежать прямо из ханских «объятий». Из Орды он попал в Молдавию (непосредственно на Русь отправиться было невозможно), затем в Европу, в Пруссию, ну а после уж — к литовскому князю Витовту, который, как предполагают, собственно, и помог ему спастись. Теперь Василий был перед ним в неоплатном долгу, гораздо большем, чем вышеупомянутые 8 тысяч рублей. В счет этого долга он и поклялся жениться на дочери Витовта — Софье, что и сделает позднее. Таким образом, на всю жизнь определился главный стержень будущей политики наследника Дмитрия Донского — «пролитовская партия». И это было заметно даже тогда, когда время от времени у Василия происходили конфликты с родным литовским тестем. Дружбе с Литвой способствовал и восстановленный после кончины Дмитрия Ивановича в правах митрополит Киприан, а также его соратник и последователь — Сергей Радонежский.

Обладая властью великого князя, Василий I неплохо продолжал дело своих именитых предков, ему удалось подсобрать новые земли под крыло Москвы. У хана Тохтамыша в 1392 году (не прошло и десяти лет после того, как тот сжег Москву и отстроенный отцом Василия каменный Кремль) он прикупил ярлыки на уделы Муромский, Нижегородский и Суздальский. А затем положил глаз и на уделы черниговские, присоединив Перемышль, Козельск, Тарусу и Новосиль.

Но особым вниманием в семье пользовался другой сын — Юрий. С детства он рос крепким мальчиком, выказывал недюжинные таланты в обучении, прекрасно разбирался и в духовных книгах. Время от времени кому-то среди окружения великокняжеской семьи казалось, что он мог бы стать лучшим наследником всех дел, начатых Московскими князьями.

Удивительно, но получилось так, что все остальные сыновья Дмитрия Донского, кроме двух — Василия и Юрия, не сыграли почти никакой существенной роли в русской истории. А этих двух старших жизнь столкнет с такой силой, что даже их потомкам придется разбираться не одно десятилетие.

В 1388 году по договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем Храбрым Юрий Дмитриевич признан «равным братом» последнему. Князя Владимира не зря именовали Храбрым. Это был великий воин и талантливый полководец. «Братство» с ним помогло Юрию еще в молодости выдвинуться в ряды уважаемых военачальников. Он был послан с Владимиром Храбрым на встречу литовской княжны Софьи Витовтовны, ставшей затем женой князя Василия (и вечной соперницей Юрия). Затем, в 1392-м, он воевал вместе с тем же «братом» Владимиром Новгород и подчинил город Торжок. Не забудем, что в эти времена князю Юрию исполнилось всего 16–18 лет! И только когда ему будет чуть за 20, он пойдет дальним победным походом по землям великой Волжской Булгарии, о чем мы расскажем позднее.

Князь Юрий получил после кончины отца в удел два главных города — Звенигород и Галич (Руза к тому времени уже не была столь важным центром). Напомним, когда мы говорим о Галиче Юрия Дмитриевича, то имеем в виду Галич Мерьский, расположенный в сторону Костромы, на землях народов «мери». Иногда его путают с Солигаличем, но это другой город, хотя и находится на тех же землях. Звенигородское и Галичское удельные княжества были очень доходными и сильными. Здесь взросло и показало себя местное боярство, участвовавшее во всех важнейших событиях Московского государства. Этот особый мир окружения великих князей или их родственников в XIV веке переживал свою «золотую» эпоху. Во главе боярских родов находились крупнейшие деятели и ближайшие сподвижники, друзья и помощники потомков Дмитрия Донского. Они иногда не только принимали участие в делах, походах или переговорах, но и влияли на них. Храбрые и талантливые люди, они окружали великих князей за столом на бурных пирушках. Каждый из них занимал свое место соотносительно своим заслугам или родственному положению. На смертном одре князь Дмитрий Донской, судя по летописи, произнес знаменитые слова, ставшие похвалой боярскому роду: «Родился пред вами, и при вас возрос, и с вами царствовал... и мужествовал с вами на многие страны, и противным был страшен в бранех, и поганья низложил с Божиею помощью и врагов покорил. Великое княжение свое вельми укрепил, мир и

тишину земле Русской сотворил... Вы же не нарекались у меня боярами, но князьями земли моей...»

В окружении своих бояр Юрий Звенигородский прокняжит почти 45 лет, они же возведут его в последний год жизни на Московский великокняжеский престол.

В 1400 году князь женится на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича Анастасии (она уйдет из жизни в 1422 году). В биографии Саввы XIX века есть такие данные: «Супруга Юрия, Анастасия... без сомнения, входила сердцем и трудами рук в заботы мужа о новой обители. В монастырской ризнице хранится, как сокровище, белая шелковая риза преп. Саввы, сходная с ризою преп. Никона (Радонежского. — К. К.), что сберегается в ризнице Лавры. Легко догадаться, чья искусная рука выводила золотом, серебром и шелками струйчатые узоры по голубому бархату оплечья этой ризы. Мы знаем, что в старину русские княгини и княжны значительную часть своей тихой жизни отдавали женскому изящному рукоделью. Не удивительно, что юная княгиня Звенигородская в своем тереме, из которого, над лесистым берегом реки, виднелась златоверхая обитель, готовила дорогия облачения для своего отца и богомольца игумена Сторожевского, мысленно вручая себя и все, что дорого ея чистому сердцу, святым его молитвам». Риза старца Саввы — увы — не сохранилась. И Анастасия не успеет стать великой княгиней.

У звенигородской четы было три сына: Василий (Василий Косой) и два Дмитрия (Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный). Одинаковые имена в одной семье тогда не были в диковинку. Видимо, таким образом Юрий Звенигородский хотел увековечить в памяти потомков великое имя своего отца — Дмитрия Донского.

Когда впервые встретились инок Савва и князь Юрий? Быть может, во время крещения последнего. Но если иметь в виду более серьезные встречи, то их можно вполне отнести к детству князя. Он хоть и был крестником Сергия Радонежского, но, по преданию, вместе со своей матушкой — княгиней Евдокией — часто бывая в Троицком монастыре, стал близок тамошнему духовнику иноку Савве. Через некоторое время он и выбрал его своим наставником. «Ибо Савва был его отцом духовным», — пишет нам автор Жития Маркелл. А другой писатель XIX века добавляет: «Сын и брат великокняжеский, крестный сын преподобного Сергия, Георгий Дмитриевич, князь Звенигородский, часто посещая Сергия в его обители, по его, конечно, совету, избрал себе Савву в отца духовного. Пытливый дух молодого князя, его ум, просвещенный многим книжным

учением, нашел себе полное удовлетворение в духовном руководителе своем, и он, наконец, решился, влекомый любовью и жаждою духовною, не разлучаться с этим руководителем».

Но нас интересует, когда же впервые мог состояться «Звенигородский союз» мирского князя и духовного подвижника. Истоки его можно отнести к 1383 году, когда в Москву приехал епископ Смоленский Даниил и попросил разрешения остаться в Москве. Ему пришлось попросту бежать от литовцев. Князь Дмитрий Донской принял Даниила очень тепло. А затем учредил новую Звенигородскую кафедру, передав Даниилу в епархиальное владение подмосковный город. С этого момента епископ будет иметь статус «владыки Звенигородского». Не в этот ли момент Савва впервые попадет в Звенигород?

Мы предполагаем, что Даниил был знаком и даже был близок с иноком Троицы Саввой, причем достаточно давно (об этом подробнее в главке «Смоленский след...»). В дальнейшем они будут много и долго сотрудничать на поприще обустройства звенигородских проектов. Причем на протяжении всего этого времени Савва продолжал находиться в Троицком монастыре, вплоть до самой кончины Даниила, когда он, наконец, и решил переселиться в Звенигород, где его уже давно ждал князь Юрий.

После 1389 года — времени получения Юрием Звенигорода в собственный удел — Савва мог появляться у епископа Даниила намного чаще. И не один, а со своим учителем Сергием. Именно к этому времени относятся некоторые легенды и предания, согласно которым Савва бывал в Звенигородских землях вместе с Сергием Радонежским. Позднее таких легенд возникает все больше, например, в житиях (в рукописи Симона Азарьина 1653 года, в главе «О посещении Преподобным Сергием обителей, в которых начальниками были его ученики»). Записывались истории вроде такой.

«И ночью видит он во сне, как будто он по-прежнему занимается каменным строительством в Саввином монастыре, а впереди него, видит он, ходит и указывает, занимаясь тем же делом, юноша в вишневой однорядке. И слышит Иван голос, обращающийся к нему и говорящий об этом юноше: «Это подмастерье, прислан к тебе на помощь из Троице-Сергиева монастыря». Он удивился, потому что тот был очень молод, и такие обычно бывают учениками.

Пробудившись от видения, он стал размышлять и благодарил Бога и Преподобного Сергия за посещение, уразумев с удивлением, что святой помогает ему и в строительстве и в жизни, вместе с учеником своим,

преподобным Саввою, заботясь о своих обителях и опекая их.

Тому же Андрею рассказывал ризничий Филарет, что Преподобный Сергей посещает обитель ученика своего, святого Саввы. Многие видели, как они ходили вместе по монастырю и будили братию к заутрене, и на караулах их тоже видели».

Известно, что князь Василий побаивался с самого начала своего великого княжения возможных притязаний младшего брата Юрия. Завещание отца ставило их обоих в неудобное положение. Один мог наследовать власть за другим в любой момент. Кто-то из историков начала XX века обратил внимание на то, что когда уже сам Василий будет писать свои завещания (три разных варианта — в разные времена), то ни в одном из них он не упомянет своего брата Юрия, а вот других братьев — сколько угодно!

Удивительно, но Юрий не находился в какой-то борьбе или оппозиции к Василию. Наоборот, он всегда помогал ему в трудные минуты. Но это не значило, что Василий поступал или думал так же, как Юрий. Он стремился как-то обезопасить себя от возможных притязаний брата. По этой причине он уговорил его еще в начале 1390-х годов подписать уникальный документ — специальный «родственный» договор. Эта «Грамота великого князя Василя Дмитриевича з братом с Юрием» чудом сохранилась в списке XV века, и только недавно исследователи обратили на нее пристальное внимание.

Поразительно, как в самом начале этого документа титуловал сам себя князь Василий: «Я, князь великий всея Руси». Похоже подписывался великий князь Литовский, который тоже считал себя властителем «всея Руси». Далее братья подписывались и «целовали крест» по нескольким пунктам.

Они договаривались до смерти «быти заодно», друзья одного признавались друзьями другого, запрещались любые сепаратные соглашения без ведома другого брата, подтверждалась роль матери князей — Евдокии — в качестве блюстителя престолонаследия. Далее Юрий подтверждал, что будет чтить старшего брата, а Василий — что будет держать младшего «без обиды», оба были не против помогать своим младшим братьям. Боярам друг друга князь давали «вольным волю», то есть во внутренние дела считали лучше не вмешиваться. Но главными пунктами стали «военные обязательства», которые сильно повлияли затем на исторические события.

Юрий подписался под такими словами: «А где ты, господин, сядешь

на коня или ты меня пошлешь, и мне также сесть без ослушания». То есть он обязался выполнять любые военные поручения Василия — без ропота и беспрекословно. А еще великий князь внедрил в текст положение о личных обязанностях бояр и слуг, где бы они ни проживали, служить своему князю. Естественно, что в Звенигородских землях жило больше слуг Василия, нежели Юрия. А значит, младший брат не мог призвать их в свои ряды при необходимости без ведома старшего.

Именно по этому договору молодой князь Юрий отправится по поручению Василия на войну с новгородцами (1392 год), а затем устремится в погоню за предателями и начнет воевать с волжскими булгарами. Звенигородский удельный князь, как это будет ясно в дальнейшем, выполнял условия договора до конца жизни Василия, то есть буквально следовал тексту соглашения: «до живота». Он делал это, даже зная еще при жизни брата, что тот решил передать наследство и великокняжеский титул не ему (как было положено по закону и по завещанию Дмитрия Донского), а собственному малолетнему сыну. Такое честолюбивое поведение Юрия не возбудит возможные смуты, поспособствует укреплению Московского государства, но сыграет в некотором роде роковую роль в судьбе самого Звенигородского правителя, а затем и в укреплении памяти о его духовном наставнике и сподвижнике Савве Сторожевском.

Однако Василий пользовался военными услугами Юрия недолго. Полководческие успехи младшего брата, его победы, его умение управлять войсками настолько напугали великого князя, что он быстро отказался от участия звенигородцев во многих баталиях. Слишком много славы и богатства досталось этому везунчику. И почему-то он не очень любил столь близкую для Василия Литву, к союзу с которой призывал митрополит Киприан.

А тут еще и очень авторитетный и сильный духовный наставник появился в Звенигороде, где уже не стало епископа Даниила. Пришел игумен из Троицы — Савва и обосновал свой новый монастырь, да прямо почти у стен Москвы, на важнейшем западном направлении, на старой Смоленской дороге. Никто из сыновей Дмитрия Донского не мог тогда «похвастать» таким духовным советчиком. Сергия Радонежского уже не было, а многие ученики его разошлись по разным местам, основывая свои монастыри. Некоторые из них развивали отношения с именитыми князьями, но на расстоянии, часто лишь с помощью переписки.

Близкая и непосредственная духовная опека, поддержка и даже в

некотором роде защита в лице Сторожевского игумена были у Юрия Звенигородского почти десять лет. И только после кончины старца Саввы князь осознает — какую он понес потерю. Для сохранения светского авторитета и даже народного признания любому князю необходимо было покровительство почитаемых духовных подвижников. Оставшись один, без преподобного Саввы, Юрий поспешит найти себе нового наставника и советчика. Но не тут-то было.

Невольное положение его как соперника великого князя, как сильного и богатого князя, «неразбуженного медведя», имеющего по многим поводам свою, независимую точку зрения, помешает ему в поисках духовного отца. Ведь Савва ушел из жизни почти одновременно — в один год — с вдовой Дмитрия Донского — Евдокией. А это означало, что ее роль арбитра между сыновьями в вопросах престолонаследия закончилась. Юрий просто фактом своего существования становился крайне опасен для Москвы, ее властителя и окружавших его бояр. Все поменялось в один день, почти сразу после наступления нового, церковного 1408 года...

Позднее Юрий Звенигородский обратится с письменным посланием к Кириллу Белозерскому, считавшемуся уже тогда одним из влиятельнейших старцев и подвижников Руси. Князь просил только одного — молитв преподобного, его отеческих советов и наставлений, а также возможности приехать к нему лично. В этот момент очень сильно заболела его жена Анастасия. Ему требовалась поддержка. Такое обращение и такое преклонение перед духовным лицом могли считаться вполне обычными даже для облеченного властью светского человека. Казалось бы — почему нет? Но неожиданным «ударом» стал полный отказ Кирилла стать наставником Юрия в какой бы то ни было форме. Заметьте, не простой отказ, а именно категорический!

А все потому, что в это время Кирилл Белозерский уже был духовным отцом князя Андрея Можайского — младшего брата Юрия и его соседа по уделам. Князь же Андрей был полностью починен брату Василию. «Репутация» у Юрия была такова, что даже переписка с ним могла стать роковой для того, кто на нее решится. В этом смысле никакие авторитеты уже в расчет не брались. И Кирилл Белозерский это хорошо понимал. Вот почему в его ответе Юрию есть довольно горькие для князя слова.

Юрий просит о духовном покровительстве. А настоятель Белозерского монастыря отвечает: «А что, господин князь Юрий, писал ты ко мне, грешному, что, дескать, «Издавна жажду я увидеться с тобой», — так ты, господин, Бога ради не смей того учинить, чтобы тебе к нам поехать...» И

еще добавляет для «усиления» отказа, что даже если князь придет, то ему — настоятельно — придется покинуть монастырь, дабы с ним не встречаться. «Если ты поедешь ко мне, — пишет Кирилл. — Так что, господин, ставлю тебя в известность: невозможно тебе нас увидеть. Покинув, господин, даже и монастырь, пойду я прочь...»

Другой бы на месте Юрия просто обиделся, получив такой ответ. Но он продолжал помогать Кирилло-Белозерскому монастырю материально, «обильными милостынями», за что его потом и благодарили. Но самое интересное, что даже Кирилл признавал глубокие знания и духовную крепость, присущие князю Юрию. В том же послании игумену принадлежат строки: «Господин, слышу я, что божественное Писание ты совершенно разумеешь и читаешь».

Вот такие повороты судьбы пришлось пережить Юрию Звенигородскому после кончины Саввы, особенно в следующий после отпевания Сторожевского чудотворца год — 1408-й. Тогда брат Юрия — князь Андрей — попросил переехать к нему насовсем бывшего сподвижника Кирилла — старца Ферапонта, основавшего недалеко от Белоозера свой монастырь. И Ферапонт придет и поселится в Можайске, основав здесь новый, Лужецкий монастырь. Альтернатива многим звенигородским идеям была налицо. А князь Юрий вдруг оказался в некоторой духовной изоляции.

Неожиданное одиночество, отсутствие сакральной поддержки после кончины Саввы Сторожевского в какой-то степени влияли и на авторитет Юрия среди народа. Это князь Василий и его сторонники прекрасно понимали. Отсутствие поддержки отцов и старцев подспудно означало в сознании людей, что власть у князя лишь мирская, но она — «без неба». А для русского человека того времени это была неполноценная власть. Нужны были доказательства небесного покровительства.

И в дальнейшем князь Юрий начнет проигрывать в глазах народа. Даже когда займет великокняжеский трон в Москве. Богатый, сильный, знающий, умный, терпеливый, да небесами не поддержанный!

Когда позднее начнутся так называемые «феодалные войны» (термин, оставшийся еще со времен советской исторической науки, однако успешно используемый и поныне), а также пойдет нешуточная борьба за наследство Дмитрия Донского, то князю Юрию будет сопутствовать удача и окружающие люди быстро поймут, что юридическая правота на его стороне. Но не более того. Многие не воспримут его притязания с моральной точки зрения. Москва перехватит инициативу в своем «духовном предводительстве». Моральная изоляция сделает свое дело. И

никакие усилия, даже финансовые и военные, уже не спасут положения Звенигородского князя.

Ярким свидетельством и иллюстрацией этого служит история, когда князь Юрий не поехал в Москву после восшествия на великокняжеский престол сына Василия I — малолетнего Василия Васильевича. Он уехал в Галич и отказался участвовать в кремлевских торжествах. Сил у него было достаточно, чтобы разметать московскую рать и немедленно сесть на трон. Но он не стал этого делать физически, а предложил противникам самим убедиться в его преимуществах. И для этого выбрал необычный способ, организовав нечто вроде массового представления или военного парада.

Можно себе представить — сколько стоило (буквально — в материальном смысле) для удельного князя создать новую униформу для всей своей многочисленной дружины, которую, судя по летописи, он полностью передел, перевооружил и экипировал. А затем — выстроил ратников вдоль дороги на Галич (на немалое расстояние!), дабы поехавший в его сторону посол из Москвы, преемник Киприана — митрополит Фотий, увидел всю эту военную мощь.

Митрополит заметил показанную силу, но позволил себе едкие и унижительные высказывания, которые поразительно не соответствуют тому, что до этого было известно нам о Юрии, а также о его военных заслугах. Он сказал так: «Не видах століко народа в овечих шерстех, все бо бяху в сермягах». Фотий смеялся над тем, во что была одета звенигородская дружина: мол, видно, что средства у князя есть, а выглядят его воины все равно бедновато, а значит, и армия слаба. Ничего себе «сермяги»! У Москвы тогда и такого не было! Да и кто себе мог позволить выстроить вдоль многоверстных дорог ратников в таком количестве, к тому же одетых «по форме», пусть даже и в «шерстех»! Как ни старался Фотий умалить войско Юрия, но не сумел он стать предсказателем, потому что юрьевские полки ни разу потом не будут биты дружинами великого князя Василия II.

Духовное лицо, митрополит, смеялся в тот момент над тем, кто по праву являлся наследником Дмитрия Донского, кто был крестником Сергия Радонежского и духовным сыном Саввы Сторожевского. Кто построил новые соборы в Звенигороде и Троицком монастыре, кто победил громаду Волжской Булгарии и не знал поражений в баталиях.

На этот смех князь Юрий не ответил ничего. Он умел прощать обиды. Но поразительно, как быстро менялись времена! И как незаслуженные оскорбления становились почти историческими аксиомами...

Женитьба на Анастасии — дочери великого князя Смоленского Юрия

Святославича, осуществленная в 1400 году, давала возможность Юрию Звенигородскому и его потомкам стать потенциальными претендентами и на великокняжеский престол Смоленска. А то, что этот город и само княжество «прихватили» литовцы, которые многие годы считали это крайне необходимым, ведь Смоленск всегда играл роль ключа, с помощью которого можно было отпереть двери прямо в Восточную Русь, делало отношения Юрия со своим старшим братом еще более сложными. Василий, как мы помним, был мужем дочери великого князя Литовского, а Юрий теперь — дочери великого князя Смоленского. Кому был более важен и выгоден захват Витовтом Смоленска? Наверное, не имеет смысла комментировать — кому.

Другое дело — стал ли Юрий делать что-нибудь в то время против своего брата. И делал ли. Скорее всего — нет, так как он чтит договор с братом и завещание своего отца — Дмитрия Донского («А дети мои молодшая, братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего, князя Василья, в мое место, своего отца»). И известно, что Юрий выполнит свои обещания перед отцом до конца, в особенности — вплоть до кончины матери — вдовы Донского Евдокии. Перед ее лицом он никак не мог нарушить клятвы, данной отцу на его смертном одре. Но... обещания эти мог легко нарушить старший сын Василий, не оказывая необходимого сопротивления Витовту, находясь в некотором роде «под колпаком» у своей жены Софии. Ее своенравный и твердый характер еще проявится позднее, после смерти Василия, во время выяснений — кому править на Руси.

И сейчас, подчиняясь своей супруге, Василий «сдает» Смоленск литовцам, нарушая следующий после вышеупомянутого постулат завещания своего отца: «А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшую в братстве, без обиды». Как же «без обиды», если брат женился на дочери того, у кого просто прямо перед свадьбой отняли великое княжение — одно из самых больших и исторически важных княжеств на Руси.

А было ли это случайностью? Не поспешил ли с захватом Витовт, когда узнал от Василия или его жены о том, что Юрий Дмитриевич предполагает жениться на Анастасии — дочери смолянина Юрия Святославича. А сильный Юрий Звенигородский — это уже не слабовольный экс-смоленский правитель (его будущий тесть). Возьмет все в свои руки, причем по закону, и не видать литовцам Смоленска.

Теперь же возвратить княжество своей жены для Юрия Звенигородского — значит пойти не только против Литвы, но и против

своего брата. Вряд ли он сделает такое, этот законник и правдолюб!

И они оказались правы. Он не пошел против брата. Литовская политика не подвела. Смоленская карта была разыграна как «по нотам». Великое княжество Смоленское вернется в лоно Руси только столетия спустя, уже не будучи «великим». И даже когда в XVII веке царь Алексей Михайлович окончательно отобьет Смоленск у поляков, то сделает это с иконой Саввы Сторожевского, не случайно и символически взятой им в трудный военный поход. Надо было поставить точку в вековом споре. И она была поставлена — в виде снятых с башни освобожденного Смоленска часов с колокольным боем и поставленных государем на вершину звонницы Саввино-Сторожевского монастыря. Символически это отображало Время, потерянное Звенигородом, способным управлять великим княжеством Смоленским. Это было возвращение отнятого, пусть даже в ритуальной форме.

Но тогда, в начале XV века, ничто не могло помочь князю Юрию и старцу Савве восстановить справедливость. Ничто, кроме новой междоусобной войны. Но, как известно, они никогда, ни разу даже не совершили подобной попытки. Не известно также ни одного словесного упрека по отношению к брату или упоминания об этом в документах.

Правдолюбцы-звенигородцы, как это чаще всего бывает в истории, оказались в проигрыше. Но в «небесной истории» — тот, кто был последним, становится первым (вспомним напоминание об этом в Писании). По отношению к Савве Сторожевскому это Евангельское правило ныне вполне восторжествовало. В скором времени, можно надеяться, восторжествует и в связи с именем князя Юрия Звенигородского.

История успеет расставить некоторые точки над «i», Юрий Звенигородский станет великим князем и фактически побывает на Московском троне, правда очень короткое время. При этом он не станет мстить своим братьям и племяннику-наследнику. Даже наоборот, однажды получив власть, он отдаст ее затем Василию II добровольно. Но племянник сам уже был полон мести. А потому Юрий вернется в Москву вновь, уже в 1434 году.

И тут произойдет невероятное. Получив свое наследство после почти 45 лет ожидания, великий князь Юрий Дмитриевич Звенигородский неожиданно скончается, не пробыв у власти даже трех месяцев!

Много есть разных версий такого исхода, включая отравление. Не пришелся он тогда по душе набравшему силы московскому боярству. Не

было у него и реальной поддержки Церкви. Перемены в Москве произошли большие. Для светских авторитетов сильная Литва была ближе, чем жажда независимой Руси. А для тогдашних церковных авторитетов греческая традиция была важнее, чем образ Русской Палестины, тем более — важнее идей какого-то Небесного Звенигорода, основанных на военной силе, слишком изысканном творчестве Андрея Рублева и не совсем еще доступной идеи «троичности» Сергия Радонежского. Византия побеждала «Северо-Восточную индивидуальность». С ней, вослед своему наставнику — преподобному Савве, ушел «последний Паллади Древей Руси» — сын Дмитрия Донского князь Юрий Звенигородский.

Освобождение от Орды задержалось еще на несколько десятилетий...

Если повнимательнее отнестись к его княжеской жизни, поговорить о реальном величии и гении этого человека, то могут открыться неожиданные вещи, связанные с поворотными решениями в развитии Руси. И этот рассказ о некоторых важнейших, но не состоявшихся планах князя Юрия, связанных с вдохновлявшим его духовным покровителем — Саввой Сторожевским, мы еще продолжим на последующих страницах нашего повествования.

Кто придумал Звонящий Град

В верхнем поле герб Московский, в нижнем поле великий колокол.

Описание Звенигородского герба 1781 года

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Христолюбивый же этот князь еще более упрасивает преподобного старца, чтобы тот... пребывал у него... в отечестве его близ Звенигорода».

Кто может ответить на два простых вопроса: сколько на Руси было Звенигородов и откуда появилось столь яркое и уникальное название для города? Как это ни странно — никто в точности не ответит. «Звонящих городов» было много, а почему «звонящих» (если вообще здесь имеются в виду звуковые «звоны»), так и вообще не ясно. Ведь самое расхожее мнение, будто «в Звенигородах в колокола звонили, а потому так и назвали», не может быть признано правильным, потому что во времена появления большинства таких городов колоколов не существовало и в помине. Поэтически «звенеть» могла и струящаяся вода в реке (кстати, самый вероятный источник происхождения названия — этот гидроним), и тишина окружающей природы («звонящая тишина»), и даже людская молва («слышен звон, да не знаем, где он»). Один из ценителей этимологии и топонимики, а это был известный историк XVIII века В. Н. Татищев, докопался до такого толкования (кстати, весьма интересного), найдя ссылку в древнерусских текстах — «Звенигород или Свиногород», что рисует в воображении некий «город скотоводов». А теперь даже нашлось и другое созвучие: Звенигород — Савенигород, то есть «город Саввы». Что ж, впереди и всякие новые предположения...

Когда настоятель Троицкого монастыря — игумен Савва — решил оставить обитель своего учителя Сергия Радонежского и переселиться в Звенигород, в отчину князя Юрия Дмитриевича, то мы легко понимаем, что речь шла о подмосковном удельном городе — столице одноименного княжества. Но почему же позднее было столько разговоров — чей это был Звенигород и кто им владел? Споры об этом не остывают и поныне. Странная история была у города, где решил провести остаток своих дней

известный уже в ту пору старец.

Звенигородов действительно на Руси было несколько, и до сих пор иногда происходит некоторая путаница — о каком из них, где и в связи с чем идет речь, а также кто и когда его основал.

Первые Звенигороды выросли как грибы еще во времена Киевской Руси. Известны были два древнерусских Звенигорода Галицких (их разделяют не случайно) — один на левом берегу Днестра, что между устьями реки Серет и Збруча, а другой — на реке Белке (в Подольской земле, к юго-востоку от Львова). Этот — второй — Звенигород (иногда называемый Червенским) был даже в XI веке центром удельного княжества Галицкой земли. Оба города хотя и были достаточно укреплены (у одного из них сохранились валы и рвы, найдены многие ценные предметы, включая печати вельмож) и представляли собой образцы развитых центров цивилизации, но при нашествии татар в начале XIII столетия получили непоправимые удары и разрушения. Один был просто стерт с лица Земли и перестал существовать, а другой — попал в Польшу и превратился «отголоском звона» в град Дзвинигород.

Та же участь — погибнуть безвозвратно — постигла и так называемый Звенигород Киевский. Эта древнерусская крепость прикрывала подступы к Киеву с юго-востока. Запомнили потомки название града по причине того, что в летописи за 1097 год появилась запись об известном ослеплении здесь требовльского князя Василька Ростиславича. Мелькал он в документах и в период, когда воевал тут за свои интересы князь Юрий Долгорукий. Но появившиеся из ниоткуда все те же татары так постарались в уничтожении крепости, что сегодня никто не может даже предположить — где мог точно находиться исторический град.

Было на Киевской земле местечко и с таким названием — Звенигородка, на реке Гнилой Тикич. Татары и его, как водится, сожгли, однако городок зачем-то позже восстановили, и в XIV — начале XV века тут появились удельные князья из Карачевской ветви Черниговского дома, называвшиеся Звенигородскими. Ликвидировали удел литовцы, когда Звенигородский князь Александр Федорович с сыновьями в 1408 году сбежал от Литвы на Русь. Не эту ли Звенигород-ку с ее черниговским прошлым будут потом неоднократно путать со Звенигородом Московским? Ведь само княжество Черниговское границами доходило почти до Москвы, например, город Руза (рядом со Звенигородом подмосковным) была некоторое время в его владениях. Поэтому, когда говорили, что Звенигород на Москве-реке — это важная пограничная крепость, то имелось в виду,

что она не защита Москве, а прикрытие северо-восточных границ Черниговского княжества — от той же Москвы!

Все эти города-тезки вводили потомков в заблуждение, особенно когда они пытались определить — какой, кому и когда принадлежал. Но уж очень популярным и приятным для уха было это название, ставшее одним из символов древнерусского градостроительства.

Время возникновения подмосковного Звенигорода спорно. Есть предположения, что он был основан князем Юрием Долгоруким в 1152 году, хотя впервые он упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты, то есть в первой трети XIV века. Но археологи утверждают, что окрестные холмы, по высоте напоминающие небольшие крутые горы, поросшие лесом, стали излюбленным местом поселения людей еще несколько тысячелетий ранее. А на горе Сторожи вообще было место древнейших капищ и языческих обрядов, имевшее значение важнейших чтимых мест до христианского времени. Сохранились предания о некоем языческом «святилище Рода», привлекавшем сюда людей, однако, скорее всего, оно имело отношение к Звенигороду Галицкому. Прямо у стен Саввино-Сторожевского монастыря ученые нашли городище V–VII века с остатками погребальных памятников поздней дьяковской культуры. А вот и совсем «свежие» находки, сделанные в районе Саввинской Слободы уже в XXI веке с помощью новых технологий и основанные на методиках радиоуглеродного датирования образцов древесного угля. Люди в древности жгли костры и печи, оставляя следы, которые теперь легко датировать. Вот и появились неумолимые даты: от II века до Рождества Христова, то есть до нашей эры, и далее.

Город же, как таковой («огороженное пространство»), мог появиться на месте нынешнего в XI столетии и ранее, о чем можно прочесть в некоторых старых российских энциклопедиях. А то, что еще до нашествия татаро-монгольских полчищ, то есть в XII веке, здесь уже построили настоящие укрепления — теперь уже общеизвестный для ученых-археологов факт. Таким образом, Звенигород является ровесником, а может быть и старшим братом Москвы. Если добавить к этому, что названием своим он обязан южнорусским собратьям-тезкам (обычное дело, когда на Севере Руси дублировали южные названия; самый яркий пример тому — город Переяславль, который, чтобы не путать с более древним, называли еще и Залесским), то его исконность и некоторая древнерусская историческая сакральность будут вовсе неоспоримы.

Центральную часть Звенигорода, расположенную на большой высоте,

окруженную глубокими и крутыми оврагами, а с одной стороны — Москвой-рекой, всегда называли Городком. Странное «уменьшительное» наименование (не город, а городок) было связано, видимо, с тем, что площадь вершины холма, на которой он располагался, была небольшой. Здесь никогда не могло бы разместиться достаточно много построек, чтобы можно было величать поселение Городом. Эта «двойственность» (удобство, защищенность и одновременно — малая площадь) и стала роковой, из-за этого центр Звенигорода никак не превращался в гигантский торговый и людской центр. Но это легко можно было сделать в его окрестностях. А неприступность крепости, ее ключевое положение над окружающим пространством, возможность наблюдения за горизонтом на многие километры сделали здешние холмы чуть ли не главным форпостом СевероВосточной Руси на пути между Востоком и Западом. «Мал да удал» — самая удачная поговорка для Звенигорода, который еще покажет себя во всем великолепии в конце XIV века, когда здесь соединятся созидательные энергии двух подвижников: Саввы Сторожевского и Юрия Звенигородского.

Как удел Московского княжества город переходил по наследству одному из детей великого князя. Сын Дмитрия Донского — Юрий передал его также своим сыновьям, но те после длительной борьбы за великокняжеский престол уступили его вновь Москве, причем навсегда. Потомки князя Василия, не любившие «зазнавшихся» князей Звенигородских, и особенно — память о Юрии, строившем свою собственную Звенигородскую Русь, старались позднее умалить как можно более значение города. Он в конце XV века перестанет играть какое-либо важное торговое или военное значение.

О Звенигороде, правда, вспомнили первые цари новой династии Романовых. Им очень интересно было понять и даже приподнять завесу тайны, а может быть — даже восстановить подзабытые идеи, волновавшие когда-то игумена Савву Сторожевского и Юрия Дмитриевича. Ведь они уже никак не зависели от потомков Василия I и их пожеланий.

Возрождение Звенигорода во времена Алексея Михайловича могло превратить город в один из самых главных на Руси после Москвы. Но история привела затем к власти Петра Великого, которому Древняя Русь была столь же не интересна, как его отцу — голландские тюльпаны. Звенигород снова забыли. Временный расцвет середины века XVII уже не спасет его от «не смываемого» налета «провинциальности», который сохранится и до наших дней.

Но, может быть, именно поэтому Звенигород сохранит какую-то

историческую, неповторимую прелесть, загадочность, привлекающую в его окрестности сотни и сотни путешественников, паломников, творческих и жаждущих духовных поисков людей. Он стал одним из проявлений старинных представлений русского воображения о несостоявшемся и канувшем в Лету чудесном граде Китеже.

Князь Юрий, как известно, победив волжских булгар (о чем подробнее читатель узнает позднее), приведет к стенам своего города некоторое количество пленных переселенцев, которые затем расселятся по ближайшим окрестностям. Однако история оставила нам и другие свидетельства о поселениях, например, приезжавших из Орды татар, которые обосновывались на западе от Москвы, на подступах к Звенигороду. Именно они оставили немало «татарских» названий деревень, сохранившихся до наших дней. В XV–XVI столетиях даже сам город отдавался в качестве владения татарским князьям, переходившим на службу к русскому царю. С чем была связана такая странная традиция? Скорее всего, именно с роковыми для князя Юрия обстоятельствами — его победой над частью Золотой Орды, дипломатией, в которой союзничество с Ордой имело немаловажное значение, борьбой за восстановление права наследования им Московского престола, наконец, с его победой на этом поприще, но затем — поражением его потомков и постоянной местью им со стороны Московских победителей.

Великого Звенигорода, Звенигородской Руси, Новой Небесной Звенигородской Палестины не стало. И при большом желании забыть о такой идее со стороны потомков Василия I лучшим способом было забвение, запустение и «отатаривание» самовольного «русско-звенигородского гнезда». Что и было осуществлено — медленно, но верно.

Благословение на битву с булгарами

Гипотеза 4

*Сошла я с своей галеры на берег, чтобы
посмотреть остатки древнего Булгара.*

Из письма Екатерины II — Вольтеру

*Разгромил во владеньях моих он четырнадцать
городов, превратил их в пепел и дым.*

Идиге, татарский эпос

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «О победе князя Георгия. Однажды захотел благоверный князь Георгий пойти войной на болгар, и пришел в обитель Пресвятой Богородицы и просил преподобного игумена Савву молить за него всемилостивого Бога, чтобы подал ему крепости на противостоящих врагов. Святой же помолился, и взяв честный крест, благословил его, и пророчески изрек ему: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество». Он же, взяв благословение у святого старца, собрал воинов своих и пошел на болгар... и с великою победою и славою в свое отечество возвратился по предсказанию святого старца».

Прежде чем мы расскажем эту историю во всех ее подробностях, разберем вышеприведенный текст Маркелла, который поведал нам об одном из последних и главных походов русских дружин на Волжскую Булгарию, окончившихся полной победой. Итоги войны, о которой рассказал автор Жития, повлияли на то, что это древнее и в свое время могущественное государство в результате перестанет играть какую-либо серьезную историческую роль, окончательно «растворится» в Золотой Орде и потеряет даже свое исконное название. Руководимые сыном Дмитрия Донского — князем Юрием Звенигородским полки совершили много такого, что пока еще не оценено по достоинству и не исследовано историками во всей полноте. Взятие русскими дружинами 14 крупнейших городов Булгарии, среди которых были столица — Великий Булгар,

крепости Кременчуг, Джуке-Тау и Казань, показало военную мощь и открыло полководческий талант князя. Оказалось также, что эти события были описаны как бы с «обеих сторон», известие о них есть и в русских летописях, и в известном татарском эпосе XV века «Идите». В результате похода у князя Юрия появилась возможность осуществить свой план: построить уникальную Звенигородскую цивилизацию, «вдохновенную» старцем Саввой, включая дошедшие до нас первые и неповторимые образцы раннемосковской архитектуры — новые белокаменные соборы Звенигорода и Сторожевского монастыря, а также созданные для них Андреем Рублевым иконы и фрески.

А теперь — подробнее.

Не случайно считается (и даже старообрядцы это тоже свято чтут), что Савва Сторожевский обладал настоящим даром предвидения. Главным доказательством такого дара считается благословение, данное им князю Юрию Звенигородскому перед его военным походом на Восток, в государство волжских булгар. Сказано же у Маркелла (слова старца Саввы): «врагов своих одолеешь и... здрав возвратишься в свое отечество». Пусть даже эта цитата чем-то напоминает слова, взятые автором из написанного более ста лет ранее Епифанием Премудрым Жития Сергия Радонежского. Похожим образом преподобный Сергей, как считается, благословлял Дмитрия Донского на Куликовскую битву (а скорее даже — это было благословение на битву на реке Воже за два года до этого). Похожим. Но не совсем.

Более уточненное предсказание Саввы Сторожевского, в особенности связанное со «здравым» возвращением князя обратно «в свое отечество» — также сбылось. И речь в нем явно шла не просто о битве, а о дальнем заграничном походе за пределы отечества, куда надо было «возвращаться», чего мы никак не можем найти в словах Сергия Радонежского, адресованных великому князю Московскому.

Итак, прозорливое благословение старцем Саввой было дано. На первый взгляд — ничего больше особенного за ним не стоит. Пошел князь с дружиной воевать, возвратился домой удачно, и чего же еще? Однако о походе, связанном с благословением сына Дмитрия Донского, написано так мало, что только небольшое приоткрытие «занавеса» вдруг показывает события в совершенно ином ракурсе. Как оказалось, от результатов данного военного предприятия зависела не только дальнейшая судьба задуманного Саввой Сторожевским и князем Юрием строительства в Звенигороде, но и будущее всей Руси.

История походов русских дружин на древнее государство Волжская Булгария (иногда называемое также Камской Булгарией) имеет старые корни. Одним из первых предпринял восточные военные действия еще князь Владимир. Почти сразу после Крещения Руси он показал соседям свою силу. Никоновская летопись с достаточной точностью утверждает, что войско Владимира в 994 и 997 годах направлялось в Булгарию на Волгу, и его действия были удачны.

Некоторое время отношения Владимиро-Суздальской Руси и Булгарии были мирными. Но правление князя Андрея Боголюбского ознаменовало новый натиск на восток. В 1164 году его войско взяло и сожгло град Бряхимов на Каме и еще несколько окрестных сел. А уже зимой 1172 года сыновья князя вместе с союзниками прошли по землям Булгарии. Поход едва не окончился трагически, болгары стали собирать большое войско для отпора русским.

Известны также военные кампании князя Всеволода Большое Гнездо. В те самые годы, когда в мире жили выдающиеся правители и полководцы, такие, как Фридрих Барбаросса и Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август и Андроник Комнин, когда творили известные и великие Шота Руставели и Низами, создавались «Слово о полку Игореве» и «Тристан и Изольда», началось новое наступление Руси на Волжскую Булгарию. Это не просто напоминало крестовые походы на Восток, которые совершали в это же самое время европейские державы. Совпадения здесь были бы странными. То было веяние времени. Собрав до 10 тысяч воинов, князь Всеволод применял не только сухопутные передвижения, но использовал и большое количество водных ладей, с помощью которых войско переплывало по Клязьме, Оке и Волге. В 1183 году Всеволод осадил важнейший город Биляр, который считался крупнее, нежели современные ему Киев, Владимир или даже Лондон и Париж. Удачно использовались русскими сторожевые отряды («сторожеви наперед ездящи»). Булгары устояли, откупились. А через два года Всеволод вернулся и разорил много окрестных сел.

Симеоновская летопись повествует также и о том, как позднее, «в лето 6713 (1205 год. — К. К.)... посылал князь велики Всеволод Юрьевич рать судовую на Болгары Воложския и Камския, и ходиша по Волге до Хомол, и много полона взяша, а других изсекоша, и учаны многи разбиша, и товар мног взяша, и тако возвратишася во своаши».

Но главная беда еще ждала Булгарию — от монгольских завоевателей. В 1223 году произошло первое столкновение болгар с войсками Субедея. Но, по словам персидского историка Ибн аль-Асира, «когда монголы

приблизилась... болгары окружили их со всех сторон и почти всех перебили». Однако эта победа их не спасла. Батый вернулся в 1236 году, взял главный город страны — Булгар и еще 60 укрепленных городов, разорив почти всю болгарскую землю. Непокорившаяся страна еще сопротивлялась. Спустя четыре года монголы вновь появляются здесь, и теперь Батый решает основать свою ставку в окрестностях Великого Булгара. Лишь позднее он переедет в специально отстроенный на Нижней Волге город Сарай, который и превратился в главный центр появившегося государства Золотая Орда. Тогда и Булгария, и Русь стали платить дань золотоордынским ханам.

Русские же дружины еще не раз появлялись в Булгарии. В 1277–1278 годах князь Смоленский и Ярославский Федор Черемной участвовал в подавлении восстания волжских болгар золотоордынским ханом Менгу-Тимуром. После чего, по сведениям из Степенной книги, став зятем хана, князь «за походы на болгар и на алан» получил от него в подарок Старую Казань и другие города.

Есть в позднем русском летописании и еще одно, весьма странное повествование о том, как в 1370 году суздальский князь Дмитрий Константинович посадил на Булгарский престол ставленника Золотой Орды Мухаммеда Султана. Никоновская летопись рассказывает: «В лето 6878... князь же казаньский Асан посла противу их с молением и с челобитьем и со многими дары; они же дары взяша, а на княжении посадиша Салтана Бакова сына». Однако упомянутый в тексте Асан (Азан Хасан, сын Мир-Махмуда) почему-то продолжал затем править Булгарией до 1380 года — года Куликовской битвы, пока его не сменил сын — Би-Омар, предположительно остававшийся на булгарском троне очень долгое время, более чем 40 лет.

Именно с ним, видимо, и будет воевать князь Юрий Звенигородский.

А пока булгарам придется пережить еще некоторое количество очень опасных нашествий со стороны новгородских и устюжских ушкуйников. Например, в 1391 году они взяли города Казань и Жукотин, «и пакы выидоша на Волгу и пограбиша все всех, и тако поидоша прочь», что отметила русская летопись, именуемая Рогожским летописцем. Однако, невзирая на многочисленные бедствия, Волжская Булгария еще была большим и крепким государством. И ко времени появления там князя Юрия Звенигородского с дружиной представляла немалую силу. Так что же это была за диковинная восточная страна — давний сосед Древней Руси?

Листать страницы воображаемой книги под условным названием «История Волжской Булгарии» — занятие удивительное. «Отзвук» имени

древней страны остался в наши дни в названии балканского государства — Болгария, являющегося (условно!) одним из наследников той самой цивилизации. Но и современные российские татары считают себя потомками древних болгар, что можно принять только со многими оговорками. Лестно причислять себя к одной из древнейших цивилизаций на Севере Евразийского исторического континента, однако беспощадные события в течение столетий фактически уничтожили коренных жителей этого уникального конклава. Да и сами болгары татарами называли не себя, а скорее пришедших с Востока монголов, подчинившихся Чингисхану (других монголов они величали «кытаями»; не отсюда ли «Китай-город» в Москве да и вообще — понятие «китайцы»?).

Впрочем, можно и принять версию, что часть современного населения Татарстана ведет свои корни из болгарского «генома». Увы, но, чтобы утверждать это в «массовом масштабе», нужны прямые доказательства, которых просто нет, так как практически все письменное наследие Волжской Булгарии исчезло и до нас не дошло. Однако некоторые нынешние исследователи используют сегодня вот такое сочетание в названии бывшего волжского народа — болгаро-татары (а по отношению к чувашам — болгаро-чуваша и т. п.), и это снимает многие споры и вопросы.

По поводу того — откуда появились древние болгары (следуя исторической справедливости, не станем употреблять более современное слово «болгары»), существует множество точек зрения. И конечно же та, будто они являются одной из самых древних народностей на планете Земля, древнее Египта и Шумера. И та, что болгары к тому же еще и арийцы, а их исконный символ — волк (болгар означает «черный волк»; голова волка была символом на их знаменах), который спас младенца-мальчика, и, значит, поэтому они — болгары — основали великий Рим, плюс еще сам Александр Македонский когда-то заложил первый камень в основу столицы их государства — Булгар.

Не станем внедряться в дебаты вокруг данных не очень доказательных мнений и возьмем за основу одну из версий — наиболее приближенную к косвенно документированным историческим реалиям. Она предполагает, что болгары — тюрко-язычные кочевники — после распада гуннской империи появились на восточноевропейском пространстве во второй половине V века нашей эры. В период большого переселения, включая и славянское, часть из них осела в регионе реки Дунай (отсюда и здешнее Болгарское государство). Но другая довольно внушительная часть древнего народа отправилась в среднее Поволжье и к берегам Камы. Жили тут

одновременно финно-угры, а позднее сформировались современные нам чуваша, мордва, удмурта, мари, коми и будущие казанские татары. Иногда расселившихся тут болгар, по месту обитания, называли волжско-камскими.

Вполне оформленное государство болгар появилось, возможно, уже в VII столетии. А к концу IX века оно было довольно сильным. Восстановленная по крупницам хронология правления царей Волжской Булгарии показывает нам следующее. Первым из них известен Гадулла Джилка, сын Урус-Айдара (865–882). Вослед ему правил его сын Бат-Угор Мумин (882–895). А уже в начале X века болгарским царем стал Алмыш Джафар — еще один сын Джилки (895–925). Как видим, имена вышеупомянутых царей несколько отличаются. Алмыш Джафар — уже ярко выраженное арабское имя, как и его сына-преемника — Хасана Газана (Казана, Азана) Мумина (правил 925–930). Дело в том, что в 922 году в Волжской Булгарии был принят ислам, как официальная и главная государственная религия. Это произошло потому, что молодому государству не давал жизни другой грозный сосед — Хазарский каганат. Булгары обратились за союзничеством к Арабскому халифату, помощь которого была возможна, но предполагала переход в ислам. Однако не халифат спас в тот момент истории волжскую страну от разорения. Это отчасти сделал славянский князь из Киева — Святослав Игоревич, начисто разгромив Хазарский каганат в 965 году. Опасность сразу же перестала существовать, но мусульманство булгарами было уже принято.

Соседствующая Киевская Русь, как мы помним, в те времена еще не определилась с выбором духовного пути и лишь в 988 году перейдет к православию. Именно болгарские послы оказывали тогда большое влияние на князя Владимира Святославича в возможном принятии им ислама. Делали они это в перерывах между походами русских дружин на их города, с очевидной и безобидной целью заполучить в славянах союзника. Однако, не сумев обратить в мусульманство своего западного соседа — Русь, Волжская Булгария сыграет позднее свою главную роль в переходе к исламу нового монгольского государства — Золотой Орды.

В двух словах величие тогдашней Волжской Булгарии можно описать так. За короткое время страна стала сильнейшим государством в Среднем и Нижнем Поволжье (бултары называли реку Волгу — Итиль). Выгодность географического положения (пересечение важнейших водных и сухопутных торговых «артерий») повлияла на невероятно быстрый рост благосостояния населения. В Булгарию и из нее привозили или вывозили меха, пшеницу, продукты животноводства и рыбоводства, мед, изделия из

металла, продукцию разных ремесел. Особой известностью пользовались изделия из кожи особой выделки. На персидском, узбекском и уйгурском языках этот высший сорт юфти до сих пор называется «булгари», то есть «булгарская кожа» (вспомним известный современный Дом моды «от кутюр» — «Bvlgary»!). Из этой кожи делали шапки и знаменитые сапоги. Славился и здешний рынок невольников. Булгарские деньги — дирхемы — в реальных монетах стали весомой валютой для торгового обмена. Их много чеканили в главных городах, о чем в достаточном объеме сообщали в своих записях приезжие иностранцы. Крупные города с каменными постройками росли как грибы, а некоторые остались в исторической памяти как важнейшие центры мировой цивилизации. Столицей считался город Великий Булгар. Он и сейчас существует лишь как небольшой одноименный поселок сельского типа (Булгар). Некоторое время роль столицы выполнял богатейший град Биляр (Буляр). Не менее знаменитыми стали Сувар, Ошель, Иски Казань (Старая Казань), Новая Казань, Жукотин, Кременчуг и Джу-Кетау.

Особым рассказом могло бы стать подробное описание достижений жителей Булгарии в сфере науки и культуры. Известность здешних мыслителей, каллиграфов, ученых, юристов и писателей, богословов, медиков, историков или астрономов была невероятной! В начале XIII века поэт Кул-Гали создал на булгарском языке поэму «Кыс-са и Юсуф», распространившуюся в тюркоязычной литературе.

При таком расцвете жизни казалось, что государство и народ просуществуют долго и счастливо. Но, как известно, богатство не только радость и удобство, оно и потенциальная опасность. Развитие страны было весьма привлекательно для многочисленных желающих «отрезать» свой кусок от «жирного пирога». И хотя сильное государство могло себя защитить, история прекрасно доказывает, что настанут времена, когда и государство слегка «расслабляется». Потому и для Волжской Булгарии довольно быстро наступили самые трудные времена.

Монголы здесь появились так же внезапно, как и на Руси. В 1223 году они разбили наголову русско-половецкую рать в битве при Калке. Тогда Булгары, почуяв опасность, выступили союзниками соседей и при возвращении монголов удачно на них напали и нанесли им серьезный урон. Месть не заставила долго ждать. Когда в 1236 году хан Батый пойдет на Запад, то он первоначально направится не прямо на Русь, а последует к более богатой добыче — в Булгарию. Разорив главные города страны, в первую очередь — Биляр, монголы, как известно, затем прошли смертоносной силой по Руси и нанесли русским княжествам непоправимый

урон. А в 1240 году остававшееся еще сопротивление Волжской Булгарии было сломлено монголами окончательно. Известно, что они истребили до 4/5 всего болгарского населения, причем лучшего...

Формирование с 1240-х годов новой империи — государства Золотая Орда — чуть позднее сыграло и некоторую положительную роль в жизни страны, которая стала одной из имперских провинций. Так же, как и Русь, Булгария получила условную автономию, платила дань, комплектовала воинами ордынскую рать, а ее правители являлись полными вассалами монгольского хана. Однако, как мы помним, Волжская Булгария сумела потихоньку «победить» Орду идеологически, с помощью своей культуры. Монгольские ханы по болгарскому примеру приняли мусульманство, и болгары стали им несколько «ближе», нежели православные русичи. Таким образом, уже в конце XIV столетия, во времена Дмитрия Донского и его сыновей, для Московской Руси отношения с волжским соседом становились в достаточной степени напряженными. И время от времени русские дружины осуществляли свои упреждающие походы на Восток. Самым последним из них был тот, что произошел уже в 1431 году, после чего город Булгар, собственно, и перестал существовать, а затем образовалось Казанское ханство, то самое, которое завоевывал в 1552 году Иван Грозный.

Но до этого, в самые последние годы XIV века, произошел еще один — не менее главный и важнейший военный поход русской дружины против Волжской Булгарии. Он как раз и был осуществлен Юрием Дмитриевичем Звенигородским по благословлению старца Саввы Сторожевского. И о нем мы вновь поведем далее речь.

Иногда люди задают вопрос: а хорошо ли, когда духовные отцы благословляют на войну или на битву? Ведь это связано с убийством людей, возможной гибелью многих воинов. Является ли позитивным моментом то, как, например, Сергей Радонежский отправлял на Куликовскую битву не только великого князя Дмитрия, но и еще двух монахов-воинов Пересвета и Ослябю? Не противоречит ли это писанию и правилам монашеского обета? Ведь написано же — не убий, а также — подставь другую щеку. Можно добавить к этому и другие вопросы-сомнения. Мог ли, например, святой человек благословить не просто на оборонительную битву, а на завоевательный поход? Или можно ли строить храм или монастырь на деньги или на вклады, полученные в результате войн или от тех, кто убивал на войне, не говоря уже и о тех, кто просто грабил, то есть — о преступниках? Можно спросить и так: «пахнут» ли

деньги, отдаваемые на храм или в монастырь? Хорошо ли их брать без оглядки? Богоугодное ли дело не обращать внимания на такое приношение?

Кажется, что все эти вопросы касаются именно старца Саввы Сторожевского, благословившего князя Юрия в дальнюю военную экспедицию в Волжскую Булгарию, которая принесла такие большие средства, что позволила впервые за всю историю возвести главные звенигородские храмы из камня. Попробуем снять сразу же большую часть этих вопросов, а затем последовательно объяснить ответы на оставшиеся.

Во-первых, старец Савва благословлял не саму битву, не захватнический поход и не дружину князя Юрия Дмитриевича, а только лишь его самого, предохраняя его лично от возможных нападений.

Во-вторых, кроме оружия материального существует и защита духовная, о которой в Библии сказано так: «...Будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо Я с тобою... чтобы избавлять тебя» (Иер. 1, 19). И нет ничего более важного для христианина, как «душу положить за други своя». Когда речь идет о покушении на личную жизнь, то дело совести каждого отдельного человека — как себя вести, отвечать или не отвечать врагу. А когда что-то происходит с ближним твоим — нет хуже, чем не приложить усилий к его защите, предотвратить то же убийство, причем всеми доступными средствами.

В-третьих, вклады и пожертвования раскаявшихся людей (именно раскаявшихся!) — это, собственно, и есть те самые средства, на которые, в большинстве своем, храмы и монастыри строятся. Вдобавок, как бы ни умели и ни учились монахи или священнослужители плотничать или камни тесать — без профессионалов-строителей и наличия обыкновенных материальных средств они вряд ли что смогли бы и смогут сделать.

И наконец — как выясняется с помощью исторических источников — не было, вернее, не готовилось никакого «завоевательного похода» в Булгарию, его никто тогда даже не планировал.

Давайте еще раз внимательно вчитаемся в текст благословения старца Саввы, записанный Маркеллом Безбородым (а это главный и единственный письменный источник данного благословения). Вот он: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество». А теперь сопоставим его с благословением Сергия Радонежского, данным им великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому) перед Куликовской битвой (так это указано в Житии, написанном Епифанием Премудрым). Вот и оно: «Господин мой, тебе следует заботиться о

врученном тебе Богом христоименитом народе. Иди против безбожных, и с Божией помощью ты победишь и вернешься в свое отечество невредимым с великими почестями». А также подключим к этому послание от Сергия, которое передал Дмитрию скороход непосредственно перед сражением: «Господин мой, смело вступай в бой со свирепым врагом, не сомневаясь и не страшась его, помощь Божия будет во всем с тобою».

Сергий Радонежский говорил про заботу о народе, то есть о защите его, об оборонительной войне. Он имел в виду духовную и конфессиональную брань, применяя слово «безбожные». Он говорит о небесной защите от «свирепого врага». И в итоге предрекает «великие почести» для князя. Поздняя запись благословения и предположение, что оно имело отношение к другой битве — на реке Воже (1378 года), ничего в сущности не меняют. Для нас важна суть слов, а не только повод для их высказывания.

Все перечисленное Сергием — сбылось. Пусть даже потому, что так захотелось летописцу. А сбылось ли все то, что предрекал князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому старец Савва Сторожевский? Да, и это сбылось. Но только Савва ничего не говорил о «защите народа», о «безбожниках» и их «свирепости», и уж вовсе не упоминал он о «великих почестях». Вот это отсутствие будущих «почестей» и наталкивает нас на мысль, что прозорливость игумена Саввы была совершенно уникальной. Один из самых трудных и далеких походов русских дружин, восполнивший почти совсем разоренную казну Московской Руси и позволивший ей возродиться вновь, не принес главному действующему лицу, князю Юрию, фактически — герою, никакой славы! И старец Савва это предполагал. Не странно ли?

Для духовного наставника важно было другое. А именно — личная безопасность князя Юрия. Он ценит его «благо-верие», он говорит о княжеских «врагах», не уточняя — кто они, и даже не упоминая болгар (!). Но старец печется о «здравии» князя, а главное — о его возвращении «в свое отечество». Под отечеством тогда понимали не страну как таковую, а удел, который доставался князю по наследству. Это подтверждают и более поздние словари древнерусского и русского языка — Срезневского и Даля. В данном случае имелось в виду Звенигородское княжество, которое по духовному завещанию стало «отчиной» или «отечеством» Юрия, то есть уделом, доставшимся ему от отца — Дмитрия Донского.

Преподобный Савва предохраняет Юрия, но не восхищается походом. Ни слова не произносит он о «великих почестях» от победы! То есть, по сути — игумен не давал никакого специального благословения на большую

войну или на смертоубийство. И нет в его словах никакого намека на возможную добычу или богатство. А может быть, тогда никто вовсе и не помышлял ни о каком получении или захвате богатства? И вообще, не было ли на самом деле так — планировалось и предполагалось одно, а вышло — совсем другое?

Эти рассуждения наталкивают нас на неожиданную догадку, которая может помочь в поисках ответа на главный вопрос: так на что же, собственно, и в какой момент благословил старец Савва Сторожевский князя Юрия Звенигородского?

Проблема сия относится к категории исторических загадок. И мы в очередной раз попытаемся найти пути к разгадкам.

До сих пор неясно — когда состоялся этот поход. Хотя в наши дни множится, и особенно с помощью Интернета, мнение, заимствованное друг у друга, что это произошло в 1399 году. Однако русские летописи освещают событие различно. Единственное, в чем они сходятся — почему, собственно, дружина Юрия Звенигородского оказалась так далеко от родной земли. А объяснение этого — и есть часть ответа на наши вопросы.

Разобраться будет легче, если мы расположим интересующие нас события во временной последовательности, по годам и датам. Картина прояснится настолько, что многие вещи просто не надо будет доказывать. Итак.

1389 — скончался великий князь Дмитрий Донской. Великим князем становится его старший сын — Василий Дмитриевич (Василий I).

1391 — войско Тимура (Тамерлана) разбивает основные силы ордынского хана Тохтамыш (того самого, что в 1382 году сжег Москву, мстя за поле Куликово), тем самым влияние Золотой Орды было в значительной степени ослаблено.

1391 — в Золотой Орде появилась «страна в стране» — Мангитский Юрт с центром в городе Сарайчик — хана Еди-гея, будущего руководителя всей Орды, разорителя Москвы (в 1408 году) и будущего убийцы лютого врага Москвы — хана Тохтамыш. Юрт имел армию до 200 тысяч воинов.

1391 — новгородские ушкуйники грабят некоторые города Волжской Булгарии.

1391–1393 — сыновья Дмитрия Донского — Василий и его брат Юрий — заключают между собой договор, по которому Юрий Дмитриевич Звенигородский обязуется участвовать со своим войском во всех важнейших военных баталиях, ежели старший брат его об этом попросит. Сам факт такого договора показал уже появившиеся сложности во

взаимоотношениях между братьями. Василий Дмитриевич почему-то опасался, что брат, в случае его внезапной смерти, окажется на Московском престоле.

1392 — следуя, видимо, братскому договору, Юрий Звенигородский идет на Нижний Новгород, присоединив земли Суздальско-Нижегородского князя Семена Дмитриевича к Москве, то есть — к уделу старшего брата Василия.

1395 — Тимур (Тамерлан) с большим войском в трехдневном сражении наголову разбил на реке Терек армию ордынского хана Тохтамыша. Потери были столь велики, что Тохтамыш бросил все и бежал — через Булгарию в Крым. Тимур первоначально преследовал его и учинил полное разорение Волжской Булгарии, сжег почти все основные города страны и уничтожил большинство населения. В дальнейшем он предполагал двинуться на Русь к Москве, но пошел к Ельцу, взял его, а затем неожиданно изменил свое решение и ушел на юг. Москва была чудом спасена, ибо в то время не смогла бы оказать войску Тамерлана необходимого сопротивления. Но только ли чудом?

1395–1396 — Золотая Орда буквально распадается на почти независимые и воюющие друг с другом четыре орды: хана Кюрчака вблизи Сарая, хана Тимур-Кутлука в регионе Астрахани, хана Тохтамыша в Крыму и уже упомянутый нами наиболее мощный Мангитский Юрт князя Едигея.

1395–1396 — предположительные годы похода Юрия Звенигородского на Волжскую Булгарию (первый вариант из русских летописей). Это произошло следующим образом. Бывший Суздальско-Нижегородский князь Семен Дмитриевич и ордынский царевич Ентяк пришли на земли Нижнего Новгорода и ограбили их (Семен Дмитриевич продолжал считать эти земли своими). Дружина князя Юрия Звенигородского отправилась по просьбе брата — Василия Дмитриевича — защитить новый нижегородский удел Москвы. Грабители убежали «в Орду» («татарове пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася въ свою землю, въ Казань»), а фактически — к булгарам. Мобильное войско Юрия отправилось преследовать князя Семена Дмитриевича с целью захватить его в плен и таким образом оказалось на территории Волжской Булгарии. То есть поход на Орду (Волжская Булгария была частью Золотой Орды) не был спланирован русскими заранее. И хотя Юрий спешил захватить князя Семена, но, по словам летописи, за ним так и «не угнаша». Суздальский князь и его семья были разысканы в Золотой Орде только в 1401 году.

1395 — с этого года почти 12 лет Москва и уделы других сыновей Дмитрия Донского практически перестают платить дань Золотой Орде (за

что поплатятся в 1408 году нашествием ордынца Едигея).

1399 — ордынский темник Едигей разгромил на реке Ворскле объединенные силы литовского князя Витовта и хана Тохтамышша. При этом и его войско понесло большие потери. Происходит временное ослабление всех противников Руси.

1398–1399 — другие предположительные годы похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию (второй вариант из русских летописей).

Такова последовательность событий.

Почему же мы имеем две даты похода князя Юрия, и какая из них более приемлема? Посмотрим, что говорят нам об этом русские летописи.

Суть события во всех текстах описывается одинаково, различается лишь именно датировка. Лучше всего факты изложены в Никоновской летописи.

«Князь Семен Дмитриевич Суздальский и Нижнего Но-вагорода собра воинства своя, а съ нимъ царевичъ Ектякъ съ Татары, и прииде къ Новугороду Нижнему, и стоя у града долго... потом Татарове пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася въ свою землю, въ Казань...» В ответ на это «князь велики Василий Дмитриевич Московский... послал брата своего князя Юрья Дмитриевича, съ силою многою, ратью на Казань, они же, шедше, взяша градъ Болгары, и Жукотинъ, и Казань, и Керемenchюхъ, и иных много гра-довъ, и пребыша тамо три месяца, воююще и пленяще землю ихъ...». Интересную дополнительную деталь сообщает Новгородская четвертая летопись: «В лето 6903 (1395 г.)... князь великий Василей, събрав ратей много, и с ними отпусти брата своего Юрья, а с ним воевод и бояр старших и силу многу. Они же, шедши ратью, плениша землю Татарскую, и взяша град Болгары и Жукотин и Казань, Кремен-чюк, и пребыша три месяцы, воююще, *и никто же не помнит, толь далеча воева Русь Татарскую землю*, и възвратишася с многою користию». Отсюда мы узнаем и раннюю дату похода — 1395 год, и то, что это была, быть может, самая дальняя из всех война русских дружин на Востоке, в направлении Волжской Булгарии.

А теперь обратимся внимательнее к датам событий. Вот как их нам показывают летописные своды. Софийская I, Вологодская, Супрасльская и Новгородская IV летописи относят поход к 1395 году. Никоновская — к 1396-му. Летопись Никаноровская утверждает, что на Булгар князь Юрий пошел в 1398 году. А еще три уважаемых источника — Нижегородский летописец, Троицкая и Воскресенская летописи — предлагают нам принять

во внимание год 1399-й.

Получается в итоге, что — по сути — есть две даты. А именно: годы 1395–1396 и 1398–1399. Путаница в близких друг к другу годах связана, конечно, с разницей и особенностями древнерусского календаря (мы уже говорили о мартовском и сентябрьском годах). Но как понять общее различие в три-четыре года, которое дают разные летописи? Возможно, что имело место соединение летописцами в одном времени разных событий, связанных с появлениями князя Семена Дмитриевича в Нижнем Новгороде. Мы же обязательно рассмотрим оба варианта, чтобы приблизиться к исторической правде.

Предположим, что поход Юрия состоялся в 1395–1396 годах. Доказательства тому следующие. Во-первых, сами тексты летописей, где указаны эти даты. Во-вторых, логично, что нападение князя Семена с татарами на Нижний Новгород совпало затем с его преследованием войском князя Юрия. А нападение это было именно в эти годы, позднее это никак не укладывается во времени. Кроме того, в-третьих, само время для похода было крайне удачным, именно в 1395–1396 годах Золотая Орда была настолько ослаблена нашествием Тимура, а Волжская Булгария — почти полностью им разорена, что, преследуя противника, дружина Юрия смогла легко пройти по чужой территории максимально далеко, не встречая активного и, даже возможно, — почти никакого серьезного сопротивления.

Почему мы должны отрицать эту версию?

Еще более фантастично на первый взгляд могло бы звучать предположение (а это — одна из наших гипотез!), что дружина князя Юрия в 1395 году участвовала в походе на Волжскую Булгарию в нейтралитете или даже союзничестве (пусть даже и в условном) с войском Железного Хромца — Тамерлана. То есть — не обязательно в конкретном союзе, но, возможно, Тимур знал о выдвижении вслед за ним русской дружины и не стал ей мешать. Косвенно на эту мысль наводит текст знаменитого татарского эпоса «Идиге», который является единственным источником, описывающим поход Юрия Звенигородского по землям Булгарии с точки зрения ордынского и, возможно даже, болгарского летописца (мы принимаем версию о том, что в тексте речь идет именно о князе Юрии).

Читаем (текст восходит истоками к началу XV века):

*Почему же к вратам дворца
Ты привел Тимира-Хромца,
Чтобы он разрушил наш край...*

*Там, где лили на целый свет
Золото и серебро монет.
Там, где травы были густы,
Растоптал Токгамыш цветы,
Вторгся в страну, ему вослед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар...
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым.*

Появление в Булгарии войска «князя-уруса» Юрия Дмитриевича непосредственно «вослед» Тохтамышу, преследуемому Тимуром, в эпосе отображено образно и поэтично. Но ведь зачастую тексты эпосов перестают быть просто поэзией и ложатся в основу исторических концепций. А что, если звенигородско-московское войско с Юрием Дмитриевичем во главе, оказавшись в Волжской Булгарии, участвовало в 1395 году не только в поисках своего противника — князя Суздальско-Нижегородского, но также и в преследовании остатков войска гораздо более злейшего и старинного врага Руси — хана Тохтамыша, только что жестоко разбитого Тамерланом? Для сыновей Дмитрия Донского, которого этот ордынский хан в 1382 году наказал за победу на поле Куликовом сожжением белокаменной Москвы, такие действия могли быть делом чести. Это еще один, дополнительный «мотив», по которому русские могли оказаться в это время на болгарской территории.

Для Тамерлана Тохтамыш был не меньшим врагом, а потому он не стал мешать русским в их походе. Вот тогда-то он, возможно, и воспринял действия дружины Юрия, как условно союзнические. Это не значит, что ему кто-то был нужен как реальный союзник. Силы русского войска были несопоставимо слабее. Но ведь они оказались противниками его же — Тамерлана — врагов и даже пришли на их землю.

Не случайно спустя некоторое время знаменитый иностранец Сигизмунд Герберштейн, оставивший свои записки о путешествиях в Московию, заметил по поводу данного похода русских, что они «овладели Булгарией, которая лежит по Волге, и изгнали из нее татар». Против татар — то есть Тохтамыша — воевал тогда и Тимур. И преследуя его, он,

собственно, попал в Булгарию. Оказавшиеся здесь русские (преследовавшие другого князя, а заодно и сторонников Тохтамыша?) ему совсем не мешали, скорее наоборот.

Кто знает, возможно, почти одновременное нападение на Булгарию с юго-востока (Тамерлан) и потом с запада (Юрий Звенигородский) в 1395 году — было результатом даже согласованной акции. А благословение старца Саввы — частью большой политики того времени. Оставим рассмотрение этой гипотезы на суд будущих исследователей.

Но именно Тимур тогда, в 1395 году, первым разрушил города Булгар, Жукотин, Кременчуг и другие. В Британском музее хранится один из самых ранних списков «Повести о нашествии Тимура булгарам», относящийся к XVII веку, где собраны предания и сказания казанских татар. О разрушении Тимуром столицы Булгар известно, что город был тогда им «обращен в ничто и небытие; в мире осталось только одно имя его». Он убил даже местного правителя — сжег вместе с семьей в знаменитой Судной палате, каменные развалины которой сохранились до нашего времени. За жестокость ордынцы прозвали его Аксак-Тимуром, что в переводе означает Хромой Тимур, а в некоторых вариантах — Бандит Тимур. Получается, что на самом деле к беспощадному уничтожению болгарских городов дружины князя Юрия не имели первоначально никакого отношения.

А теперь вернемся к преподобному Савве Сторожевскому и сопоставим его благословение князя Юрия и возможное развитие событий в 1395–1396 годах. В это время он скорее всего был игуменом Троицкой обители после Сергия Радонежского. То есть еще не жил постоянно под Звенигородом. Однако, как мы ранее говорили, мог здесь в данное время бывать. Причем, оставаясь духовным отцом князя Юрия Дмитриевича, он мог благословить его перед предстоящим походом и находясь далеко от Звенигородского удела. Если принять во внимание пока еще мало доказанную, но все-таки вполне реальную версию о союзничестве (пусть и условном) русских с Тамерланом против сторонников Тохтамыша, то как не благословить предводителя войска на столь важное для Руси дело!

И даже более — такое благословение фактически спасло затем Великое княжество Московское от гибели. И вот почему. Не по причине ли пусть даже и временного или условного союзничества войска Юрия Звенигородского с Тимуром Железный Хромец пойдет после Булгарии не на Москву, а в рязанские земли, к Ельцу? И потом — вовсе уйдет на Кавказ.

Есть предположение, что город Елец, называвшийся по источникам в то время также и Карасу, был не совсем рязанским городом, в нем

проживало много тюркоязычного населения. То есть, пойдя на Елец-Карасу, Тимур фактически пошел не на Русь, а на земли своего главного тогда врага — Орды. Похоже, что воевать с Русью он вообще и не собирался.

В таком случае поход князя Юрия и благословение старца Саввы Сторожевского спасли не только московскую, но и всю северо-западную владими́ро-суздальскую русскую цивилизацию от полного уничтожения и исчезновения с карты истории, как это случилось с Волжской Булгарией.

Кстати, за Тохтамышем долгие годы гонялся и ордынский темник Едигей. Только 10 лет спустя он нагонит его вместе со своим сыном и отрубит бывшему поджигателю Москвы голову. Но не по той же причине — похода против сторонников Тохтамыша дружины князя Юрия Звенигородского — Едигей позднее, в 1408 году, придя на Русь и разорив почти все её города, почти не тронет... Звенигород?! По крайней мере, трудно найти в летописях упоминание о разграблении конкретно Звенигорода. Хотя о почти полном сожжении соседних Можайска и Вереи — упоминается почти везде. Стольную Москву темник потрепал основательно и взял с нее выкуп — 3 тысячи рублей. А как же это он вдруг обошел стороной богатейший город-крепость Звенигород? Именно богатейший — после походов Юрия на Восток и уже завершеного строительства Кремля, монастыря и храмов! Думается, что Едигей не тронул всерьез отчину Юрия, как бывшего своего условного союзника (или как бы сегодня сказали — «стратегического партнера») в борьбе с Тохтамышем. Да и в самом Звенигороде в это время проживало немало плененных Юрием болгар, которые уже здесь осели и обжились (о чем говорят многочисленные «булгаро-татарские» названия окрестных поселений, сохранившиеся до нашего времени).

Вот так могли развиваться события. Неожиданные факты могут находить иногда и самое непредсказуемое объяснение.

Что же поход князя Юрия на Булгар? Можем ли мы уже делать первые выводы? Так произошел ли он в 1395 году? Ответ: скорее всего — да! И именно в этом году. Косвенно это может подтвердить и еще один бросающийся в глаза факт. В 1396 году скончался выдающийся духовный подвижник и миссионер Стефан Пермский. Уже известный нам Епифаний Премудрый, знавший Стефана лично, спустя короткое время напишет его Житие. В нем он перечислит имена наиболее значимых людей своей эпохи. Посмотрим этот текст: «Преставился... (Стефан. — К. К.) от сотворения мира, то есть от Адама в год 6094 (1396), в царство правоверного греческого царя Мануила, который в Царьграде царствовал, при патриархе

Антонии, архиепископе Константинопольском, при патриархе иерусалимском Дорофее, при патриархе александрийском Марке, при патриархе антиохийском Ниле, при благоверном великом князе Василии Дмитриевиче... при архиепископе Киприяне, митрополите всея Руси... Всей литовской землей в те дни владел князь великий Витовт Кестутьевич. Это произошло во дни христоробца великого князя тверского Михаила Александровича, и Олега Рязанского, и Андрея Ростовского, и Иоанна Ярославского, в шестнадцатый год владычества Тохтамыша, он владел тогда Мамаевой Ордой. Заволжское царство держал второй царь по имени Темиркутлуй». Перечисление подробное. Но в нем мы не встречаем... имени князя Семена Дмитриевича Суздальского и Нижегородского. Не встречаем потому, что он как раз и удрал в это время в Орду. А ведь именно за ним отправился в погоню Юрий Звенигородский! То есть если бы Семен Дмитриевич хоть каким-то образом оказался в этом списке, то и похода на волжских булгар в 1395 году — не было. Не доказательство, конечно, но намек. Вот так.

Однако пора уже рассмотреть нам другую, на сегодняшний день — общепринятую версию, которая гласит, что поход на Волжскую Булгарию князь Юрий Звенигородский осуществил в 1398–1399 годах, а еще точнее — в 1399 году.

Сведения из источников, которые нам предлагают данные даты, можно считать не менее достоверными, чем другие. Некоторые из этих летописей написаны были даже чуть ранее (например, Троицкая). Все события похода князя могли в 1399 году развиваться по тому же сценарию, как и тремя-четырьмя годами ранее. Есть только одно «но». И состоит оно в том, что трудно предположить нападение князя Семена Дмитриевича на Нижний Новгород именно в 1399 году. Уж больно долго он для этого собирался. В это время, кажется, он уже совсем скрылся в Орде и не показывал оттуда своего носа. Нашли князя там, как мы знаем, лишь в 1401-м.

Но тогда — как и зачем русские оказались в Волжской Булгарии, раз они не собирались и не могли отправиться в тот год в погоню за князем Семеном? Тамерлана там тоже уже давно не было (он находился в тысячах километров от этих мест). Бывший хан Орды Тохтамыш в это время пребывал в Литве и на Западе воевал с Едигеем...

А вот тут — стоп!

Именно это последнее событие — битва Едигея и литовско-ордынских войск в 1399 году на реке Ворскле — может стать достаточным основанием для того, чтобы версия 1399 года считалась удачной. Орда победила,

литовцы были разбиты, Тохтамыш опять поражен. Но даже у победителя — Едигея — силы иссякали, и он быстро повернул назад, в Орду.

Все соседи Руси в этот момент настолько ослабли, что момент для решения русскими своих военных задач был крайне удачен. Пути на Восток к остаткам болгарских сокровищ были достаточно открыты. Может быть, поэтому дружины князя Юрия и решили воспользоваться благоприятной ситуацией?

Логично укладывается здесь и благословение старца Саввы, который в это время уже расположил свой монастырь на горе Сторожи. У молодого князя предполагалась будущая семья, однако свадьбу с Анастасией — дочерью Смоленского князя Юрия Святославича — благоразумно отложили до завершения похода.

Значит, и эта версия — 1399 года — может быть приемлема. Ее логичность не случайно привлекает нынешних исследователей. Хотя все-таки одно сомнение продолжает мешать простой логике. За четыре года после нападения Тамерлана болгары могли не только восстановить разрушения, но и собраться с силами. Неразумно было в это время идти на Восток. А вот сразу же после Тимура — в 1395-м — было намного проще. И умнее...

Какое из двух предположений выбрать? Год 1395-й или 1399-й?

Думается, что вопреки и несмотря на повороты «исторического разумения», а также на имеющиеся в настоящий момент противоречивые факты (акцентирую — в настоящий момент! — ведь всегда могут появиться в поле зрения исследователей новые сведения), более верным будет отнести поход Юрия Звенигородского «на Булгары» к 1395 году.

И в дальнейшем, когда мы увидим — в какое же время по сути строились главные соборы Звенигорода и Саввино-Сторожевского монастыря, это подтвердится еще более.

Они возводились гораздо ранее, чем это принято иногда считать, а именно — с середины 1390-х годов. Именно это и доказывают некоторые ученые — искусствоведы и историки, доказывают... совершенно независимо от данных о походе Юрия из летописей, которые об этом рассказывают. Но достаточно лишь совместить данные, и картина вырисовывается сама собой. То есть именно к середине 1390-х годов у князя Юрия уже были достаточные материальные средства для нового грандиозного строительства. Откуда они взялись? Исключительно и только в результате военного похода и молчаливого отказа Москвы платить дань Орде (как раз с 1395 года). Вот так все и сходится — на год 1395-й.

По этой причине у Москвы хватило достаточно средств в 1398 году, чтобы послать их в Константинополь для поддержки византийских союзников в борьбе с осадившим город турецким князем Баязидом. Сказано же в летописи, что повезли «много серебра и милостыню с чернецом Родионом Ослебятей» (кажется, тем самым Ослябей — героем Куликовской битвы). Откуда такие богатства на Руси, если мы думаем, что они появились от Волжской Булгарии только через год? Наверное, они просто уже были.

Сегодня эту версию — 1395 года — косвенно подтверждают также, например, археологи. Раскопки в Звенигороде еще в 1940-е годы показали существование здесь в конце XIV века многочисленной загадочной красной керамики, которая близка с похожей однотипной золотоордынской керамикой этого же времени. Как она сюда попала? Скорее всего — в результате близкого соприкосновения местного населения с бытом ордынцев, а именно — по возвращении дружины из похода на Булгарию и приведения в Звенигород многих пленных мастеров, о которых сообщают и летописи. В это время на Руси активно применяются различные новшества. Тонкостенная керамика улучшенного горнового обжига в Звенигороде — подтверждает это.

Также в эти годы появляются и монеты, отчеканенные князем Юрием Звенигородским. Значит — уже было из чего их чеканить, появились в необходимом количестве драгоценные металлы. Добыча из похода уже была привезена в «отчину». Монеты эти произвели буквально революцию в торговле Руси с соседями. Именно на них стали изображать важнейший символ — тезоименитого князю Юрию святого Георгия на коне, поражающего копьём змия, а также поместили имя уже умершего хана Золотой Орды Узбека (еще одна загадка!).

Георгий Победоносец появился тогда на русских деньгах впервые! И позднее он станет символом Москвы. Заслуга здесь явно принадлежит Юрию Звенигородскому. Но главное — на монетах был изображен пораженный копьём дракон-змий. А именно дракон — по-булгарски «барадж» — был в то время одним из главных символов государства Волжская Булгария. Его изображения мы находим на многих изделиях, найденных археологами на раскопках в окрестностях этой древней державы. Данный символ помещался на болгарских гербах и боевых знаменах.

И вот перед нами русские монеты конца XIV века, на них Георгий-Юрий Победоносец, поражающий дракона-змия — символ Булгарии. Ошибиться здесь трудно! Все совпадает. И по смыслу, и по времени. То,

что это было связано именно с Булгарией, подтверждает более поздняя запись в известной «Истории о Казанском царстве». Можно подивиться рассказу летописца о змие, якобы обитавшем на месте будущей Казани, и о его уничтоженном гнезде, в центре которого будто бы и возник город. Предлагаем читателю самому убедиться в правдивости древнего автора (оставляем в тексте язык оригинала).

«И глаголють мнози нецыи, — излагал неизвестный свидетель, — прежде место быти издавна гнездо змиево, всем жителем земля тоя знаемых. Живяще ту возгнездився змии велик и страшень о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядыше. А иныя змии около его лежаще, живяху с ним всяцами образы. Тем же не можаху человецы близ места того миновати свистания ради змиина и точения их, но далече инемъ путемъ обхожаху... Изыскавсья в всех его сице волхвъ хитрх к рече царю: «Аз змия уморю и место очищу»... И собра обояльникъ волшебием своим вся живущая змия те от века в месте том к великому змию, во едину грамаду согна и всех чертою очерти, да не излезеть из нея ни едина змия, и бесовским деиствомъ всех укори. И обволоче кругом сеном и тростием, и древием, и лозием сухим многимъ. И полиавъ серою и смолою и зажже огнемъ и попали и пожже вся змия, великаго и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той... Мнозем же от вой его умрети от лютаго смрада змиина. Близ того места стояху кони и верблюды его и мнози падоша. И симъ образомъ обчисти место то. Царь возгради на месте том Казань, никому же от державных Руси смеюще супротивъ что рещи».

Жуткая история.

А при чем тогда начертание на монетах Юрия имени хана Узбека, спросите вы? Да при том, что именно он долгое время считался одним из символов и образцов сильной, стабильной и непоколебимой власти. Узбек был одним из самых сильных и успешных ханов Золотой Орды начала XIV века. Но самое главное в том, что его современник — сын Московского князя Даниила — Юрий Московский (замечаете — пересечение трех Юриев — святого Георгия, Юрия Звенигородского и Юрия Московского!) — женился на сестре хана Узбека — Кончаке (в православном крещении — Агафье), а значит, породнился с самим владыкой Орды! То есть Юрий Дмитриевич Звенигородский и его старший брат Василий были родственниками хана Узбека! Вспомним также, что именно Юрий Данилович Московский получит в 1319 году столь важный для Москвы ярлык на великое княжение. А теперь, три четверти века спустя, пройдя походом по Волжской Булгарии, московские правители смогли получить

добычу, способствовавшую их быстрому усилению и процветанию. Поставив на новые монеты имя Узбека, Юрий Звенигородский, а за ним потом и Василий — пытались этим показать всему восточному миру собственное возрастающее влияние и мощь.

Кстати, известно, что хан Узбек был очень близок и расположен к православию. Ведь его женой была православная византийская царевна, получившая в Орде имя Байлунь. Оказывала на него влияние и родная сестра, крестившаяся в Москве. Тогда Золотая Орда еще не определилась с выбором государственной религии. Именно на монетах, отчеканенных в ордынском Сарае во времена Узбека, впервые появляется изображение двуглавого орла и... женщины с младенцем, в которой некоторые исследователи усматривают возможный лик Богородицы. И хотя в итоге под влиянием болгарских проповедников Узбек принял ислам («царь Озбек обесерменился», — писали русские летописи), князь Юрий Звенигородский поставил его имя на свои монеты, соединив этим две великие эпохи и показав духовную победу православия не только над влиянием Орды, но и соседней Булгарии.

Тогда, в начале XIV века, с принятием Ордой мусульманства была проведена черта в отношениях между Золотою Ордой и Русью. Теперь же, по прошествии времени, Орда ослабла, а Булгария почти пала. Имя хана Узбека на русских монетах могло стать, да и стало — символом новой будущей эпохи воссоединения земель и времен под рукой Руси.

При этом старец Савва Сторожевский был прав в своем благословении, когда даже и не намекал князю Юрию Звенигородскому на его великую славу в итоге похода. Князь-воин три месяца рисковал жизнью, захватил много богатства, вернулся с ним в «отечество», отдал большую часть своему старшему брату (следуя законам родства и подписанному между ними договору). Но вся слава досталась не ему, а... Василию. Тот даже попытается, как замечал Карамзин, прослыть в сознании современников и потомков как «князь Василий — завоеватель Булгарии». Но не вышло. Не ужилося.

Именно с этого момента и начинаются незаметные на первый взгляд сложности во взаимоотношениях между братьями. Василий не мог так просто пережить и простить своему брату победу и величие и всячески их позднее умалял. Вот почему мы так мало знаем об этом походе, потомки Василия и его летописи отвели младшему брату лишь краткие упоминания (совсем замолчать было просто невозможно). А чтобы слава и сила возможного преемника на Московском троне не возросли в дальнейшем, Василий I уже не будет спешить специально просить Юрия Дмитриевича

совершать военных действий по его поручению или по братскому договору между ними.

Так это было в истории.

Однако до будущих серьезных столкновений между родственниками было еще далеко. И рассказ о них не является предметом данного повествования.

Теперь поговорим о том, что же встретили русские дружины в Волжской Булгарии и с чем они возвратились домой. Действительно, они увидели во многом разоренные Тимуром и Тохтамышем крепости и города. Летописи подтверждают, что Юрий Звенигородский обошел 14 главных болгарских крепостей. Среди них — столицу государства — Великий Булгар, а также Жукотин, Кременчуг (Керменчюк) и Казань (видимо, обе Казани — Старую и Новую). Дополнительные источники, о которых речь пойдет ниже, добавляют нам к этому списку города Сивар (один из самых крупных в Булгарии), Джуке-Тау (в переводе — Липовая Гора, одно из древнейших поселений камско-волжских болгар), Сабы (в наше время — районный центр Богатые Сабы) и земли Ашлы (по русским источникам — Ошлы). Дошли ли русские до более восточного — Биляра, бывшего некоторое время также столицей Булгарии, неизвестно. Однако им удалось найти возможные остатки сокровищ древней цивилизации.

Старинный татарский эпос «Идиге» раскрывает нам полную картину событий. Здесь упоминаются прошлые богатейшие места Булгарии, которые буквально засыпали весь торговый мир драгоценными металлами. Среди них и «деньги чеканящий град Атряч» — финансовая кладовая Волжско-Камской державы (в наши дни на его месте существует деревня Большие Атряси), а также «деньги чеканящий град Булгар» и другие центры:

*Там, где лили на целый свет
Золото и серебро монет.*

Осталось ли что-нибудь после Тимура и Тохтамыша, прошедших со смертью по землям Булгарии? Видимо, да. И за это еще отчаянно сражались оставшиеся в живых болгары. Нельзя сказать, что настоящей войны во время похода Юрия не было. Сражений было предостаточно, причем русские летописи так прямо и пишут, что убито было «много бесермен и татар».

О самих сражениях в русскоязычных источниках ничего не сказано. Но мы вновь прибегнем к помощи эпоса «Идиге». Следует только иметь в виду, что полное разорение своей страны тремя почти одновременными походами вражеских армий болгарский автор описывает в эмоциональных и, возможно, несколько преувеличенных красках, кстати, весьма неожиданно приписывая все самые страшные разрушения — московско-звенигородским дружинам.

Итак, сначала пришли Тохтамыш и Аксак-Тимур. А затем появились русские.

*Вторгся в страну, ему вослед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар,
И ему подчиненный Сивар,
И високовратный Казан,
Джуке-Тау над гладью речной
И Сабы в глубине лесной,
И земель Ашлы закрома, —
Он спалил, сломал все дома.
Отбирал он кожу, сафьян,
Загребал лопатами хан
Множество монет золотых.
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым.*

Не менее эмоционально автор описывает и тогдашнее покорение Казани дружиной князя Юрия.

*Воды катит Казань-река
В чаще, трудной для седока,
Над рекою — каменный град,
Много в Казани высоких врат,
Но Казань разрушена дотла,
Только щебень кругом и зола,
Только пепел и пыль руин!*

Примечательно, но в тексте эпоса мы находим единственное в истории описание внешности князя Юрия Дмитриевича Звенигородского. Представляется лицо, обросшее густой бородой, причем волосы — рыжего цвета, «как у лиса». Позднее изображение князя на фреске Архангельского собора Московского Кремля (над его усыпальницей) отдаленно напоминает этот образ.

И наконец, находим мы и еще несколько строк о предводителе русских воинов, в которых один из героев эпоса — житель Булгарии — клянется ему отомстить за разорение.

*С бородою обросшим ртом,
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом,
И лопатами загребал
Множество золотых монет,
Я заставлю держать ответ:
Злато вернуть заставлю я.*

Но сделать это в реальности герою эпоса или его последователям так и не удастся. Если только не считать того знаменитого события, когда в недалеком будущем хан Золотой Орды не утвердит Юрия Дмитриевича на Московском великокняжеском престоле, хотя после смерти брата Василия он был по праву завещан ему отцом — князем Дмитрием Донским. Ордынский властитель отдаст ярлык на великое княжение его племяннику — малолетнему Василию Васильевичу, сыну Василия I. Быть может, хан сделает это в отместку за слишком хорошо показанную Юрием Звенигородским силу в той знаменитой болгарской войне?

До сих пор не ясно и то, почему автор эпоса «Идиге» приписывает тотальные разрушения болгарских городов именно русскому князю, а не Тохтамышу и Тамерлану, о чем гораздо подробнее говорят исторические источники. Князь Юрий даже не мог обладать тогда столь мощными силами, чтобы нанести такой урон целой стране. Этот же лейтмотив подхватила и «Казанская история» середины XVI века, где утверждалось, будто русский князь Юрий «все те грады до основания раскопа, а царя казанского и со царицами своими в ярости своей мечем уби, и всех сарацин

з женами и з детми их и живущих во граде присече». Если уж «царя казанского» кто и убил, так это был Тамерлан, что подтверждают документы и сам эпос «Идите». Но все эти «отрицательные» эмоции можно понять, вспомнив, что эпос дошел до нас в поздней редакции — того же XVI века, когда вокруг Казани и других городов этого края уже стояли полки Ивана Грозного. Очевидная «нелюбовь» к русским «тогдашнего» редактора текста эпоса «Идите» отразилась в полной мере в образе «князя-уруса» из Звенигорода, в котором воплотились все самые отрицательные черты всех трех непрошенных гостей Булгарии.

Итак, мы не можем дать прямых ответов на вопросы: что застал князь Юрий в городах Волжской Булгарии и что, собственно, стало его достоянием в итоге похода? Исторические источники почти ничего не говорят об этом. Количество золота, драгоценностей, товаров или другой «добычи» не поддается исчислению. При этом надо иметь в виду, что весь поход занял всего три месяца (!). Можно ли за такое короткое время, находясь в условиях постоянных сражений, обойти и взять 14 городов, вернуться назад, да еще и буквально тащить за собой обоз с «большим добром»?

Вот почему мы можем сделать еще два важных вывода. Первый — дружина князя Юрия в подавляющем большинстве и скорее всего была конной, а не пешей, то есть могла быстро передвигаться, осваивая большие территории. И второй — он не мог взять уж очень много «богатства», так как действовал быстро и неожиданно.

Известно, что привез он домой не только ценности, но и новых людей. Предполагается, что часть болгарских мастеров прибыла в Звенигород вместе с войском князя, а затем она участвовала в строительстве раннемосковских соборов. По крайней мере, именно с этого времени начинается традиция поселения татар (булгар) в Звенигородском крае, которая существовала потом в течение почти двух столетий, оставив нам в топонимии здешних поселений и мест многие татарские (булгарские) названия.

Кроме того, не стоит забывать о том, что русские могли воочию убедиться в некоторых достижениях древней болгарской цивилизации, перенять даже новые для них знания. Князь Юрий фактически побывал «за границей», где своими глазами увидел необычную архитектуру городов и своеобразные новшества, такие, например, как местное огнестрельное оружие или методы строительства мечетей. Не это ли сразу по возвращении натолкнуло его на мысль строить в своей земле, в своем «отечестве», в Звенигороде собственную цивилизацию, новый духовный

град?

Но об этом — в последующих главах книги. Хотя история с Волжской Булгарией обрисовывает яркую картину прозорливости Саввы Сторожевского, словно «увидевшего» в момент благословения Юрия Дмитриевича на нелегкий поход — будущую картину реальности во всех ее мельчайших подробностях.

Основание Богородице-Рождественского монастыря *Гипотеза 5*

Аз пришел есмь в сторожих.

«Повесть временных лет»

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Христолюбивый же этот князь (Юрий. — К. К.) еще более упрасивает преподобного старца, чтобы тот никогда не разлучался с ним, но пребывал у него, и основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода, где есть место, называемое Сторожи. Усердный же в послушании Савва, видя душевное желание князя, и от этого не отказался, но все возложил на всемогущего Бога, любя труды пошел в названное место... И поселился на месте том, где воздвиг церковь деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества... И собралось к нему несколько братии, и основали общее житие, которое существует и донине... О трудолюбивой же его жизни повсюду слышали, и многие стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели. Чадолубивый же отец всех с любовью принимал и отечески соблюдал, и всегда полезными учениями наставлял. Они же любовью Божией пронизанные, заповеди его во всем хранили и, словно сладкими водами, поили свои души».

Читатель, немного знакомый с историей Саввино-Сторожевского монастыря, с удивлением спросит — почему рассказ об основании обители помещен после главы о походе Юрия Звенигородского в Волжскую Булгарию. Ведь должно быть наоборот. Принято считать, что сначала — появляется монастырь в Звенигороде, а уж потом — благословение на битву и пр. Но это сделано не случайно. И здесь мы еще раз попытаемся объяснить — почему последовательность событий, скорее всего, была совершенно другая. То есть — поход и первые кельи на горе Сторожи связаны несколько иными временными нитями.

Для начала предлагаем читателю обычную и общепринятую версию

событий, связанных с основанием Саввино-Сторожевского монастыря. Она повторяет в точности рассказ из Жития, написанного Маркеллом Хутынским.

Все начинается с того, что Юрий Дмитриевич Звенигородский просит игумена Троицкого монастыря Савву основать монастырь в его владениях. В 1398 году тот оставляет Троицу и спешит в Звенигород на гору Сторожи. Писатель XIX столетия комментировал эти события так: «Видно, и князь, и старец поняли, что иночество доброе спасительно не только для людей, ему себя посвящающих, но и для прочих, и что обители монашеские в русской земле должны гореть как светочи, при которых только и возможно православному народу со всею ясностью видеть и сознавать себя народом православным, сильным не столько внешнею силою знания и искусства, сколько всепобеждающею, всепокоряющею, всеспасающею верою».

Предполагается, что место для обители было выбрано князем Юрием, вернее, он указал на него Савве. И оно не просто понравилось игумену, а оказалось «словно небесный рай, благоухающими насаждено цветами». Весьма важным обстоятельством (об этом позднее) явится тот факт, что преподобный старец принесет с собой икону Смоленской Божией Матери. ««И ныне, Владычице, призри на место сие, — восклицал он, — и снабди е от враг ненаветно, и Наставница и Окормительница буди ми даже до конца жизни моя»».

Здесь же старец заложил деревянную церковь во имя Рождества Богородицы и соорудил рядом «маленькую келийцу», то есть небольшой дом.

С какого момента можно считать монастырь основанным? Возможно, именно с того, как первая служба, первая литургия могла состояться на этом месте. Сколько времени потратил старец на строительство и кто помогал ему в этом — мы не знаем. Предполагается, что все это было сделано быстро, то есть — в том же 1398 году (что на самом деле довольно короткий срок для возведения храма и окружающих его построек). Потому именно с этого времени принято исчислять летописание Саввино-Сторожевской обители.

Подвижник духа сразу же стал известен строгостью своего жития, смирением, постом и монашескими трудами. Считается, что он проводил большую часть времени в безмолвии. К нему стало стекаться много других людей, испрашивавших совет или помощь. Приходили и новые иноки, которых становилось все больше.

Игумен Савва ввел в новом монастыре такой же общежительский устав, какой был при Сергии Радонежском в его Троице. Вокруг его домика

все появлялись и появлялись другие. Новая братия жила рядом, поблизости, без права на личное имущество, помогая друг другу. А преподобный Савва, будучи уже на склоне лет, на своих плечах таскал воду от нижнего родника на высокую Сторожу, гору довольно крутую. Кто бывал в Звенигороде, тот знает.

Князь Георгий радовался этому благоустройству и щедро помогал монастырю. По обычной версии, также, где-то на рубеже XIV–XV веков, была заложена каменная церковь Успения Богоматери на Городке, а затем почти сразу же завершили строительство каменного Рождественского храма на месте первоначального деревянного.

Кстати, о роднике. Как правило, сказания об основании монастырей связываются с появлением или открытием новых источников. Такое событие — особый символ. Святые источники потом становятся местом паломничества и многочисленных историй, связанных с чудесами. Один из древнейших и почитаемых (и по сей день) родников в Звенигороде уже существовал. Он расположен на крутом склоне соседнего с монастырем холма, называемого Городок, у дороги и Москвы-реки. Еще один источник был открыт уже игуменом Саввой, вернее, вырыт им в виде колодца. Именно оттуда, видимо, и поднимал на своих плечах бадьи с водой прозорливый старец, для того чтобы напоить свою братию.

Часть своей жизни, до самой своей кончины, Савва Сторожевский прожил не в монастыре, а в пещерке, которую он, по преданию, выкопал неподалеку. Это место называлось также Скитом и стало позднее частью самого монастыря.

Вот вкратце и вся обычная история основания обители у города Звенигорода. Отдельные детали можно дополнять или «раскрашивать», но суть не меняется. Это почти все, что повествуют нам Житие и летописи об этом событии.

Читатель уже догадывается, что если мы говорим о версии общепринятой, то наверняка предполагаем рассмотреть и другие. Безусловно. И мы это сделаем, совсем не для того, чтобы «пошатнуть» устоявшиеся мнения. Просто цепочка исторических событий предлагает нам посмотреть на обстоятельства с разных сторон, с других ракурсов. Так почему же не воспользоваться такой возможностью, ведь некоторая правда может не просто приоткрыть нам глаза, но и помочь возвеличить деяния и подвиги святого человека в памяти потомков.

Мы уже говорили о том, что преподобный Савва мог появиться в

Звенигороде намного ранее 1398 года. И если жития старца, опубликованные в начале XIX века, упоминают такую дату основания здесь монастыря, как 1377 год, при этом подчеркивая, что игуменствовал он в нем 30 лет (!), то мысль о таком раннем появлении никак нельзя будет назвать нашим изобретением или «взятой с потолка».

Маркелл Безбородый уточняет: пригласил Юрий Савву, чтобы «основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода». И вновь — вопрос. В отечестве кого? Юрия? Но ведь родиной его была Москва (хотя родился он в Переяславле)! А может быть, речь во фразе «в отечестве его близ Звенигорода» идет об игумене Савве? То есть пригласил князь преподобного — в его, старца, «отечество близ Звенигорода»!

Проясним этот филологический казус. «Отечество» — слово многогранное, имеет историческое развитие. И это не только место рождения или Родина. Во времена Дмитрия Донского так называли наследство, полученное от отца. Еще Даль в своем словаре называл отечеством не только землю, где человек «родился, вырос», которая ему «корень», она же — «земля народа, к коему кто по рождению, языку и вере принадлежит». Это и «второе отечество, земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись». И еще Даль отмечает, что отечество — «государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле». Похоже, что речь идет все-таки об «отечестве» князя Юрия, а не инока из Троицы.

Спорной нам показалась лишь одна мелочь. В те времена применительно к наследству чаще употребляли «отчество» (или «отчина»), А у Маркелла написано именно «отечество». О наследстве ли была речь? Или о месте рождения? Смысл появляется двоякий. Как тут не заметить!

Но вернемся к странной дате основания монастыря — 1377 год. Пусть даже она и ошибочна. Но ведь не случайная же! Почему-то автор версии поставил именно эти цифры, он их связывал с какими-то событиями или обстоятельствами. Какими? Он думает об основании монастыря на горе Сторожи еще до кончины митрополита Алексия (1378). Это случайно? Да ведь, возможно, и возрастом тогда инок Савва еще не вышел, чтобы свою обитель основывать. И рушатся все построения относительно его игуменства в Троице после Сергия и вместо Никона Радонежского (1392–1398). Все не так. Но, однако — почему?

Ничего на первый взгляд не представляется нам «близким» в хронологии русской истории для ответов на эти вопросы. За год до этого появился в Орде Тохтамыш, который много «насолит» Руси. Ну и что? В сам 1377 год — на реке Пьяне москвичи были разбиты ордынским

царевичем Араб-шахом. Знаменитое событие, но далекое от нашей темы. Тогда же появился Мамай и пограбил Нижегородское княжество. И лишь год спустя произойдет важная победа на реке Воже русских над татарами.

Последнее событие можно как-то сопоставить с решением Дмитрия Донского и Сергия Радонежского основать на следующий год Успенский монастырь на Дубенке, где, как предполагается, мог быть игуменом Савва. Но позднее эту версию мы опровергнем — последовательно и определенно. Да и к тому же если инок Савва уже основал к этому времени обитель в Звенигороде, то как он мог появиться одновременно в Дубенском Успенском?

Не получается.

Но вот, кажется — есть одно событие, которое заостряет наше внимание. Что же мы видим? В марте 1377 года великий князь Дмитрий Иванович, будущий Донской, отправился в поход на... Булгар! То есть вторгся на территорию Волжской Булгарии, куда два десятилетия спустя пойдет с дружинами его сын Юрий Звенигородский. И не просто вторгся, а подчинил себе местного правителя, стал диктовать свои условия торговли и напоследок оставил в столице древнего государства своих представителей-соглядатаев для учинения контроля над движением товаров и денег.

Надо же! Возможно, для авторов Жития эти разновременные Булгарские эпопеи в истории Руси как-то объединили и события в Звенигороде. Но как это связано с Саввой и горой Сторожи? Ответ все равно тот же — никак. И даже если сам этот факт неким образом повлиял на датировку, данную автором Жития XIX века, то ни дату — 1377 год, ни ее обоснование принять мы не можем.

Но можем принять другую — год 1383-й. Письменных доказательств для этого нет. Есть лишь косвенные намеки. А именно — появление за год до этого в Москве Смоленского епископа Даниила, бежавшего от литовцев. Он становится владыкой Звенигородским и получает кафедру в этом городе. О возможном происхождении инок Саввы из Смоленска мы поговорим позднее в специальной главе. Но они могли знать друг друга.

Так же есть предположения, что Савва мог оказаться в это время в Звенигородском крае вместе с Сергием Радонежским. На некоторых более поздних иконах можно видеть клейма, где преподобный Сергий благословляет Савву идти основывать монастырь на Сторожи, в Звенигород. То есть появление здесь Саввы могло произойти до 1392 года, когда Сергий скончался.

Кстати, учреждение в Звенигороде новой епископской кафедры

(впервые) и возможное участие в событии великокняжеской семьи (часть из них была крестниками Сергия, а некоторые уже — духовными детьми Саввы) были основательным поводом для такой поездки. Между прочим, первое свое завещание — духовную грамоту — Дмитрий Донской написал перед походом на Тверь, в 1375 году, предполагая возможную гибель в бою. И там уже были наметки — какой сын что получит в результате раздела княжества. Об этом могли говорить и в семье. Старший — Василий — тогда уже безусловно претендовал на Москву. А следующий за ним сын — Юрий (только что к тому времени родившийся) — конечно же на Звенигород, сильный, богатый и близкий к Москве удел. Взрослея и будучи духовным сыном Саввы, молодой княжич мог еще в юности задумать план — о звенигородском благоустройстве вместе со своим наставником.

Предположения, предположения...

Вернемся к основанию монастыря на горе Сторожи. Уделы свои Юрий получил по второму завещанию, в 1389 году. Его крестник — Сергей Радонежский — скончается в 1392-м. Близким ему учителем останется именно Савва. Но все это время рядом, в Звенигороде находился и другой человек, о деятельности которого мы сегодня знаем крайне мало. Это бывший епископ Смоленский, а теперь — Звенигородский — Даниил. Он не очень нравился митрополиту Киприану, а потому, по одной из версий, он отстранил его от кафедры в начале 1390-х. Но мы не знаем точно — было ли это так. В любом случае, Даниил около (или более) десяти лет был епископом в Звенигороде, из которых несколько (а то и половину) — в период удельного княжения здесь Юрия Дмитриевича.

Вот когда, по нашему мнению, и начался первый этап благоустройства этого замечательного города. Напомним хотя бы то, что епископу нужен был хороший кафедральный собор. И желательно — каменный. А князь Юрий никак не мог ударить в грязь лицом перед своим старшим братом. Одна была загвоздка — отсутствие средств. Каменное строительство, а потом — роспись храма стоили очень больших денег. Поэтому мы насчитываем таких церквей в ту пору буквально единицы.

Средства принес, как мы помним, Булгарский поход. В 1395–1396 годах уже можно было приступить к строительству. Так и было сделано. И работы мог отчасти контролировать стареющий Даниил. Скончался он в 1397-м, в Чудовом монастыре. У князя Юрия не стало больше духовного кормчего в его уделе, к тому же поддерживающего «смоленскую» линию (о ней в главке ««Смоленский след» в биографии игумена»). Вновь возник вопрос о переезде игумена Саввы в Звенигород. И Никон Радонежский его отпускает. В 1398 году Савва оставляет игуменство в Троицком монастыре

и приезжает в Звенигород, в уже основанную обитель вокруг уже существующего храма. Начинается новая страница истории удела.

И еще. Возможно, Даниил Звенигородский познакомил, а Савва затем благословил брак князя Юрия с княжной Анастасией, дочерью великого князя Смоленского князя Юрия Святославича. Свадьба состоялась уже после похода на Булгарию (до этого не было смысла заключать брак, в связи с возможной гибелью мужа) — в 1400 году. Можно вполне предполагать, что к такому событию каменный храм Успения на Городке уже был построен!

А вдохновлял строительство уже тогда Троицкий игумен Савва. Он же стал основывать свой монастырь, чтобы затем переехать туда. Только какой это был год?

Пора сопоставить некоторые даты. Мы возьмем за основу версию, что поход Юрия на болгар произошел именно в 1395 году. Это мы обосновывали в предыдущей главе. Теперь — о монастыре в Звенигороде.

Считается, что свою первую — деревянную церковку — Савва стал строить в 1398 году вместе с кельей. Возведена она была — повторимся — в честь Рождества Богородицы, то есть в память о Куликовской битве. Но почему именно в этом году? И зачем надо было строить деревянную церковь, чтобы потом, буквально год спустя — начать строить каменную?

А может быть, все было несколько иначе? Вспомним, что вдова Дмитрия Донского Евдокия начала строить храм Рождества Богородицы сразу же после кончины мужа, в память о нем (1392–1393). Логично было бы и сыну — Юрию — сделать подобное в своем уделе. Поле Куликово и покойный отец — достойны были такой памяти. То есть даты — начало 1390-х — для строительства деревянного храма на горе Сторожи начинают проясняться все больше.

Скорее всего, что деревянная церковь Успения Божией Матери на Городке — в Звенигородском Кремле — уже существовала. Иначе где бы мог проводить свои службы новый епископ Звенигородский Даниил. Он же вполне мог контролировать строительство деревянного храма на соседнем холме.

Мы попробуем утверждать, что деревянный храм Рождества на горе Сторожи начал строиться именно в начале 1390-х, одновременно с появлением аналогичного каменного храма в Московском Кремле. И возводился он не только в память об отце, но и для предстоящего переезда сюда игумена Саввы. Он не мог этого сделать только по причине неожиданного своего игуменства в Троицкой обители с 1392 года.

Таким образом, замысел о монастыре на горе Сторожи в это время уже существовал.

Такой монастырь был необходим для многих нужд. Во-первых — это духовная опора (как бы высокопарно это ни звучало). Во-вторых — это важнейшая часть городской инфраструктуры того времени, часть сакрального плана мирского града, соседствующего с градом Небесным. В-третьих, монастыри выполняли очень важные общечеловеческие и даже утилитарные функции. А именно — они становились центром духовно-психологической реабилитации, являлись чем-то вроде домов престарелых, наконец, здесь или вокруг располагался некрополь для особо важных персон, например для местного боярства и даже князя. К примеру, Юрий Звенигородский никак не мог знать о том — будет ли он когда-нибудь на великокняжеском престоле или нет. И хотя его родственники были похоронены в московских соборах, он вполне мог предполагать, что упокоится на «отчине» — в Звенигородской земле. А свой монастырь для этого — самое богоугодное место. Не случайно именно в XIV столетии начали формироваться важнейшие усыпальницы Руси: митрополитов — в Успенском соборе Московского Кремля, московских князей — в Архангельском соборе, женщин великокняжеского дома — сначала в монастыре Спаса на Бору, а затем — в Вознесенском, «Стародевичьем», наконец, высшего духовенства и аристократии — в монастырях Богоявленском, Чудовом, а также Спасо-Андрониковом, Рождественском, Симоновом, Даниловом. То есть в Москве и за городом. И теперь также — в ближнем Звенигороде.

Поэтично выглядит история о том, как старец Савва впервые попал на гору Сторожи в изложении Маркелла Безбородого и затем — автора его жизнеописания в XIX веке епископа Леонида (Краснопевкова). Последний описывает эти события так: «Звенигород был в то время оплотом для Москвы при нашествиях врагов ея Литовцев и Поляков. Течение Москвы реки от запада к востоку наводило их на этот город — щит столицы. Впереди его, на левом возвышенном берегу располагались военные сторожи. Обходя места окрест города, Савва поражен был благоуханием диких цветов и красотой местности Сторожевской, покрытой величественным лесом на горе, открытой по течению реки, совершенно уединенной, хотя и близкой к жилищам человеческим».

Из этого отрывка нам представляется некая «дикая», поросшая бором возвышенность, где не видно было жизни людей. Но теперь известно, что

именно на этих местах располагались древнейшие святилища язычников, а сам Звенигород был довольно густо населен. Археологи подтверждают это многочисленными находками. Говорят так: где ни копнешь на горе Сторожи — везде в изобилии будут самые разнообразные предметы обихода людей.

Все это говорит о том, что здесь не было «дикого места» в буквальном смысле. Бесспорно, оно было отдалено от Звенигородского Кремля (чуть более версты), но разве это было расстояние? В действительности — цивилизация, свойственная эпохе, здесь процветала.

Откуда и для чего тогда создавались эти легендарные образы, похожие на мифы? Ответ прост, и мы уже о нем говорили. Житие — это «словесная икона». А на иконах, как мы помним, и фигуры людей, и здания, и растительный мир отображаются символически. Мы видим не отпечаток буквального мира, а его «духовную сущность». Райское ощущение от места на горе Сторожи имело сакральный и символический смысл. Это было место, где старец Савва вместе с князем Юрием собирались начать новое дело и новую жизнь.

Гора ведь тоже — символ. Часто монастыри появлялись на возвышенностях. И не только потому, что они потом считались крепостями. Гора — это мир горний, то есть — небесный. Мы помним, как многие пустыnnики в древности обосновывали свои обители в горах на Синае. Гора Сторожи — место для будущего монастыря — символически становилась новым Синаем.

Вместе с «горой» символами становились и реки. Считается, что рядышком протекала речушка Сторожка. Получила ли она название от холма или он от нее — неизвестно. По-другому речка именовалась — Разводня (Разварня). Назвали ее так будто бы потому, что тут разводили лодки-ладьи. Хотя скорее всего — название было связано с весенними паводками.

Разводня позднее забылась, но Сторожка осталась в народной памяти навсегда. В имени основателя монастыря. А откуда пошло это слово?

В старину слово «сторожи» имело несколько смыслов. Так называли небольшие отряды, которые занимались разведкой против врага или выполняли роль авангарда (арьергарда) в бою. Такое же название носили наиболее опасные места у важнейших дорог, где мог пройти враг и где устраивался постоянный пост или засада. В дальнейшем это наименование даже стало приставкой к названию многочисленных обителей, которые строились вокруг Москвы, а потому и величали их в позднее время

монастырями-сторожами...

«Сторожевая Башня» — словосочетание, дошедшее до нас еще с библейских времен и встречающееся в Писании. Символически оно означает духовный дозор, умение и необходимость всегда быть на страже в космическом столкновении добра и зла. Но в реальности «сторожи» не были башнями, о которых иногда любят писать современные авторы. Всегда разогретому воображению, представляющему события давно ушедших дней, рисуются картины каких-то многочисленных укреплений посреди леса, которые будто бы защищали границы земель от напастей врагов.

На горе Сторожи у Звенигорода никаких сторожевых башен не было. В те времена, когда холм получил свое название, не существовало ни городского Кремля, ни даже самого города. А просто так башни на Руси среди леса не строили. Они просто не были нужны, тем более на возвышенности, откуда и так все видно на версты. Странно было бы, если бы такие башни строили без крепостей. В них не скроешься и не спрячешься. В целях обороны они также не пригодны. Деревянную башню поджечь вместе с ее защитниками, с помощью одной горящей стрелы — дело минуты.

Вот почему «народная» теория, что-де Древнюю Русь окружала цепь сторожевых башен, которые сигнализировали друг другу о появлении неприятеля — вещь недоказанная. А вот действующие, мобильные охранные разъезды — сторожи — это было делом обыденным.

А еще сторожей иногда называли обереги — символы языческих заклинаний. Не случайно могло появиться около древнего Звенигорода такое место. Здесь, на холме действительно располагалось одно из самых главных и древних языческих родовых капищ.

Западная Смоленская дорога была важной артерией, связывавшей Русь с Западом. И если мы внимательнее присмотримся к слову «сторожи», то заметим в нем глубокие старинные языковые корни. С-тор-о-жить. Это ведь буквально — «находится у дороги», у «главного пути» и его «охранять»! «Тор» — это проложенная дорога (помните — «торить путь?»), бойкое место, где много народа (очень удачно это иллюстрирует современное слово «затор»). Приставка «с» значит «рядом». Вот и получается — сторожить, значит, «быть у дороги», «жить у дороги». Для этого и создавались отряды — «сторожи». Кстати, они, как правило, были конные и лишь в крайне редких случаях — пешие.

А еще Звенигород был вполне пограничным городом. Некоторое время даже в XIV столетии он находился рядом с границей Черниговского и

Московского княжеств, а до этого вообще принадлежал Черниговским князьям. Вот почему здесь могли быть «сторожи», обыкновенные пограничные отряды. Но от кого надо было обороняться? Ведь самый страшный враг — Орда — был на Востоке. С Запада угрожала Литва, но не до такой степени, чтобы приближаться так близко к Москве. Парадоксально, но русские князья оборонялись не только от внешних врагов, но еще и друг от друга. Иногда даже делали это в первую очередь, а уж потом — от татар, половцев или болгар.

Именно на эту древнюю гору Сторожи и пришел преподобный Савва, оставив игуменство в монастыре Сергия Радонежского.

В Звенигороде до сих пор стоят два главных каменных собора, символизирующие два важнейших, двунадесятых, православных праздника — Рождество и Успение Пресвятой Богородицы. Оба были связаны с великими победами Дмитрия Донского: с Куликовской битвой и на реке Воже. Но построенные в одном месте, они становились ключом к церковному календарю. Рождественский храм начинал новый церковный год (сентябрь — первый из двунадесятых праздников календаря), а Успенский его закрывал (август — последний из больших праздников годового цикла). Кто-то задумывался в Звенигороде об особом порядке времени, об ощущении гармонии и последовательного устройства Божьего мира, об окружении человеческого бытия и быта точной символикой, связанной с общерусскими традициями.

Кто это был? Мы уже знаем ответ.

В это же время складывается и другая традиция — поминовения павших воинов. Так, если схимонах Александр — Пересвет — погиб самым первым в битве на Куликовом поле (в поединке с ордынцем Челубеем), то другой схимонах — Андрей, он же Ослябя, уцелел в битве и в том же 1398 году упоминался как участник посольства из Москвы в Константинополь. В память о погибших именно в те времена установили ежегодное поминовение, которое попало на субботу перед днем Дмитрия Солунского — тезоименитого князю Дмитрию Донскому. Так появилась известная Дмитриевская родительская суббота, день воспоминания об упокоенных православных князьях и воинах, на поле брани убиенных. Очень важной также была традиция поминовения, связанная с празднованием Рождества Богородицы (в этот день состоялась победа в битве). Такой храм был в Старо-Симоновском монастыре, здесь похоронили (в разное время) Пересвета и Ослябю.

Савва и Юрий были духовно близки с вдовой Дмитрия Донского

Евдокией. Богородице-Рождественский храм в Москве она построила в 1392–1393 годах. А Успенский собор в столице уже существовал. Звенигород повторил московское устройство, ведь он хотел быть второй Москвой, и не меньше. Так появился вослед за деревянным храмом Успения на Городке и деревянный храм Рождества на горе Сторожи.

Но вот дружина князя Юрия возвращается из похода на Булгарию. Появляются не только средства, но и новые мастера, умевшие возводить удивительные инженерные постройки на своей древней родине, обладающие секретами старинных технологий. Начинается строительство нового — каменного храма Успения на Городке, в годы, по нашему мнению, 1395—1396-й. И это не новая, а скорее хорошо забытая старая идея разных исследователей.

А что монастырь? Он уже основан или нет? Трудно сформулировать ответ на этот вопрос точно. Ведь мы опять вернемся к выяснению — что считать датой основания обители вообще. Факт начала строительства церкви? Факт благословения основателя на игуменство? Факт первой литургии? Или факт какого-то первого публичного извещения о таком основании? По нашему предположению, с основанием Саввино-Сторожевского монастыря в 1395–1396 годах (то есть — чуть ранее общепринятой даты) началась большая «перестройка» в Звенигороде. Она не проходила без участия Троицкого игумена Саввы. Хотя окончательный переезд старца в новый монастырь в 1398 году также может оставаться и считаться датой основания обители (нет смысла отрицать эту дату!), ведь идея ее возникновения изначально связана была исключительно и только (!) с его именем, она стала инициативой двух людей: его самого и князя Юрия.

Не стоит забывать и то, что некоторые историки считали (и, возможно, не случайно), что Сергей Радонежский скончался не в 1392-м, а в 1397 году (и тому есть некоторые документальные известия)! И даже некоторые исследователи принимали эту дату кончины более вероятной. И если это так, то все наши построения, связанные с игуменством Саввы Сторожевского в Троицком монастыре, становятся несколько шаткими. Ведь непосредственным преемником Сергея был Никон Радонежский. И все вполне складно получается. В 1397-м Сергей ушел из жизни, в 1398-м Савва переехал в Звенигород, так как игуменом стал Никон. Но можно в таком случае предположить и совсем другое развитие событий. А именно, что Сергей благословил уход Саввы раньше, тогда, когда, как мы предполагаем, и началось строительство в Звенигороде. В этом случае и легенды о пребывании Сергея и Саввы на Звенигородской земле обретают

жизненную силу.

Однако этот вопрос — дискуссионный, и мы его оставим для будущего изучения всеми заинтересованными лицами.

И все же мы, между прочим, заметим, что в тексте одного из житий преподобного Саввы есть такое утверждение: приехав в Звенигород, он пришел «в Дом Пречистыя на Сторожи». То есть автор текста недвусмысленно указывает, что он пришел в уже существующий Дом, в существующий и даже уже получивший свое название — названный (!) — монастырь, а не на пустое и «дикое» место.

Добавим к этому еще и текст жалованной грамоты 1404 года, по которой князь Юрий Дмитриевич «дал Пречистой в дом, на Сторожи... игумену Савве с братиею, или кто по нем иной игумен будет, села свои...» (эти данные привел в XIX веке церковный историк С. К. Смирнов). То есть князь дает существующему Дому (храму, монастырю) и его настоятелю важный вклад, добавляя примечательную фразу: «или кто по нем другой игумен будет». Слова эти характеризуют возраст и некоторую ветхость старца Саввы, ведь в них заметно, что уже предполагалось появление нового игумена. Получается, что вроде как бы он переехал в Звенигород на покой. А возможно, «на покое» уже и не строил, потому что все было построено заранее под его же руководством.

Он появился здесь, когда «Дом Пречистыя» уже там был, храм стоял на своем месте. И если это произошло в 1398 году, то Рождественская церковь уже была построена. Деревянная она была к тому времени или — каменная? Вот это вопрос по существу. Попробуем разобраться и в нем.

Некоторые искусствоведы не случайно утверждают, что Андрей Рублев начал расписывать уже каменные соборы или писать к ним иконостасы (в частности, Успения на Городке) в середине 1390-х годов. Говорили даже о 1393-м, что, на наш взгляд, не совсем точно, так как средств для его возведения у князя Юрия еще не было. О строительстве соборов, творчестве Рублева и его работе в Звенигороде мы расскажем в отдельных главах. Но если так, то это подтверждает наше мнение о появлении монастыря уже в то время. Похоже, что все работы по росписи и Успенского собора на Городке, и Рождественского — каменного храма — были в самом разгаре до 1405 года, когда инок Андрей Рублев с Феофаном Греком и Прохором с Городца начнут расписывать Благовещенский собор в Московском Кремле.

Строительство каменного Рождественского собора в Звенигороде в этом случае надо отнести если не к середине (мы можем предположить, что

строить два каменных храма одновременно было довольно сложно, хотя, во многом, сподручнее), то к последним годам XIV века. Но тогда, как мы уже говорили, странным кажется рассказ о возведении деревянного храма Рождества на горе Сторожи в 1398 году, когда впору уже было строить (или уже строился) новый из камня. Скорее всего, срубленная из дерева церковь поставлена была намного раньше, как мы уже и говорили — в начале 1390-х.

Вот и задачка — когда и что считать основанием Саввино-Сторожевского монастыря. В любом случае, речь идет о разнице в несколько лет, которая не является чем-то, что может вызвать недоумения или непродуктивные споры. Мы размышляем об истории. А она, будучи вестью из «застывшего» прошлого, имеет свойство со временем меняться в нашем представлении и привносит свои сюрпризы.

Во всяком случае, монастырь был основан. И в XV век Звенигород вошел уже с новой обителью. И здесь стоит сказать несколько слов о разнообразных расхожих утверждениях, будто на Западе от Москвы благодаря Савве Сторожевскому возникла новая крепость, закрывшая собой это направление от незваных гостей или врагов, в том числе и от Литвы.

Ставил ли себе преподобный Савва или князь Юрий такую задачу? Конечно же нет! Привычные утверждения, привнесенные в наше сознание из школьных учебников советской поры, когда вся история словно бы переводилась на материалистический язык, а действия духовных лиц расценивались лишь как поступки лиц светских, продолжают властвовать и поныне.

Монастыри того времени, включая и Саввино-Сторожевский, никак не могли «играть роль» защитных крепостей или тех же «сторож». Никто такой цели себе тогда не ставил. Это все равно, что в битве выставить перед наступающим войском ряды невооруженных монахов (или даже вооружить их для пущей важности). Участие иноков в сражениях бывало, и мы об этом знаем. Но это было единичным случаем, абсолютным исключением из правил, и никогда — правилом!

Также и монастыри — не были тогда крепостями с неприступными стенами, пушками или глубокими рвами по всему периметру. Очень характерной иллюстрацией этого может стать как раз Звенигород — в период его устройства игуменом Саввой и князем Юрием.

Духовный и светский подвижники возводили новый Кремль и новый монастырь на соседних холмах. Кремль строился по всем правилам боевой

инженерии, фортификационного искусства. Он играл роль крепости, здесь располагались защитный воинский гарнизон, отряды дружинников. Его специально готовили к возможной длительной осаде, предусматривалось его долгое снабжение водой и продовольствием.

Архитектура же монастыря отличалась кардинально! Это в XVI–XVII веках на Руси обители начнут обносить каменными стенами с бойницами (когда, кстати, это уже не будет большим препятствием для наступающих, обладавших мощным огнестрельным пушечным оружием). Скорее в угоду новой традиции. А в XIV — начале XV столетия внешний вид иноческого обитания был совершенно не сопоставим по укреплениям, например, с городским Кремлем.

Ограды, конечно, строили. Но не каменные и не высокие (известно буквально одна-две из камня, без укреплений). Это было лишь ограждением от постороннего человека, но не от воинского отряда. О башнях в монастырях вообще говорить не приходится, их наличие — домыслы будущих времен. Да и зачем они были нужны? У воинов-дозорных свои функции, а у монахов — свои. Разве что могла появиться высокая колокольня, но это никак не была «сторожевая башня». Необходимо добавить, что совсем не известны до этого времени (с XI века — появления монастырей на Руси) обители, имевшие крепостные валы и рвы у ограды. А ведь это и был главный признак настоящей крепости в те годы.

Стены монастыря указывали на защиту небесную и были лишь символическим ограждением. Обитель исполняла роль Небесного Иерусалима, отгороженного и отрешенного от светского мира. Соединялись с обычной жизнью они через специальные деревянные ворота, которые, как правило, назывались «святыми вратами», строились с надвратной церковью, абсолютно не пригодной для военной обороны. Пушки и казармы на иноческой территории появились потом. В Саввино-Сторожевском монастыре — уже после Смутных времен, а особенно в период царствования Алексея Михайловича, когда здесь располагался отряд «стрельцов Саввы чудотворца».

Нет, не крепость строил Савва Сторожевский в Звенигороде. Он возводил то, что пережило затем даже мощные бастионы Кремля на Городке и составило нынешнюю славу городу. Он обустроивал место свято. И оно не требовало высоких тынов или рвов. Оно основывалось на высоких помыслах и настоящей крепости Духа.

Несколько слов о духовной и хозяйственной жизни игумена Саввы в

основанном им монастыре. Различные публикации двух прошедших веков пишут об этом по-разному. «Тогда же с умножением братии, которая приходила к святому отсюда, умножено и строение монастырское «святому зело о сем прилежащу». Между тем преподобный Савва достиг глубокой старости «никогда не изменив своего уставна-го правила, и, отвергшись однажды мира, о мирском и суетном уже более не заботился, тесный и скорбный путь предпочел пространному, возлюбил нищету и был образцом трудолюбия и смирения для братии». Таким образом, много потрудившись на пользу обители и братии, и изнулив плоть свою тяжелыми молитвенными подвигами и трудами, Преподобный почувствовал приближение смерти, и призвав братию, поучал их от божественных писаний, убеждал блюсти чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и подвизаться в посте и молитве».

Считается, что игумен предпочитал «безмолвие» (помните, ведь он был последователем исихазма?). Означает ли это, что он вообще ни с кем не общался? В другом издании о тогдашней монастырской жизни на горе Сторожи мы читаем следующее: «Новая церковь значительно украшена, глава на ней обита медными позлащенными листами; устроены братские кельи, и обитель обнесена деревянною оградой. До нашего времени сохранилась одна жалованная грамота князя Юрия Дмитриевича Саввину монастырю, писанная 1404 года мая 10-го. В этой грамоте сказано, что Юрий дал игумену Савве и его монастырю несколько сел и деревень с угодьями в своей отчине, что он освобождает от дани и пошлин всех, живущих на монастырских землях в его отчине, что монастырские люди не подлежат суду Звенигородских и Рузских наместников и волостелей, а судит их сам игумен Савва, или кому он прикажет, исключая случаев смертоубийства. Этой же грамотой дозволялось преподобному Савве держать свое монастырское клеймо для пятнания лошадей, и обители приданы борти и бортники. Потом еще при жизни самого преподобного Саввы воздвигнута каменная соборная церковь Рождества Богородицы на том самом месте и в том виде, в каком она находится донныне».

Как мы видим, деятельность игумена в Звенигородской обители была очень интенсивной и многообразной. Но тогда монастырь еще не имел большой собственности, как это было два с половиной столетия спустя. Савва Сторожевский придерживался заветов своего учителя Сергия Радонежского. Первым делом — подвиги духовные, а уже потом — дела мирские.

Он успевал многое, невзирая на свой возраст. О некотором из того, что он сумел сделать за короткие годы, стоит поговорить особо.

Первые шедевры раннемосковской архитектуры

Гипотеза 6

Руки строителей словно вылепили их... в единении с природой.

Д. С. Лихачев

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Князь же Георгий исполнялся многою радостью и большое доверие оказывал к ему, и очень почитал его. И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось. И дал блаженному села многие и средств достаточно для строительства монастыря».

Не будем играть в «загадки и прятки», объясним читателю сразу — и нашу гипотезу, и позицию. Автор относит себя к тем исследователям, которые считают, что грандиозное строительство каменных соборов и Звенигородского Кремля было задумано князем Юрием и затем начато уже в середине 1390-х годов.

Искусствоведы уже давно обратили внимание и тщательно изучают все особенности так называемой «раннемосковской архитектуры», к самым первым и лучшим образцам которой, собственно, и относят — Успенский собор на Городке и храм Рождества Богородицы в центре Саввино-Сторожевского монастыря.

Мы же добавим к этому и свои «размышления и эмоции».

Похоже, что «кто-то» приступил тогда всерьез к разработке нового стиля новой эпохи. В ранних московских традициях зодчества выразились передовые взгляды на строительство из камня вообще, которое в отношении церквей было еще не столь распространено на Руси. Можно даже сказать, что оно не было абсолютно «новым», но продолжало быть «внове».

Эти идеи распространились затем повсеместно. Их почему-то называют «раннемосковскими», хотя появились они не в Москве, где воплощенный их образец возникнет лишь четверть века спустя — в Спасо-Андрониковом монастыре. Скорее всего, необходимо назвать этот стиль «звенигородским» (причем без всяких приставок типа «ранний»), так как

главные его образцы — два храма на Звенигородских холмах и третий — в Троице-Сергиевой обители — были абсолютно первыми и построены по благословению, наказу, заказу и при материальной поддержке — которые происходили исключительно и только из Звенигорода. По всей своей сути это была не московская, а именно звенигородская архитектура. Почему мы до сих пор не можем назвать все своими именами?!

Вышеупомянутые нами передовые взгляды на каменное строительство тоже не брались «из воздуха». Их надо было откуда-то получить, переосмыслить и суметь претворить в жизнь. Так же, как и материальные средства на возведение чрезвычайно дорогостоящих храмов в период финансовых бедствий Руси из-за ордынского ига и выплаты дани. То есть их надо было иметь.

Невероятное совпадение всех этих возможностей возникло именно в Звенигороде 1390-х годов, после победы Юрия Звенигородского над Волжской Булгарией и появления в подмосковных краях лучших специалистов этой древней державы.

Но даже и это совпадение не могло бы повлиять на события, а грандиозные свершения не были бы осуществлены, если бы (кроме Небесного Промысла) не вмешался и так называемый «человеческий фактор». То есть, в нашем представлении, если бы не соединились две устремленные в будущее души, два подвижника. Как мы говорили — один из мира светского, другой — из духовного.

Что ж, не зазорно повторить их имена, пусть даже в сотый раз: старец Савва Сторожевский и князь Юрий Звенигородский.

Они как-то не мешали друг другу осуществлять задуманное, скорее — наоборот. Светский человек строил светское, а церковный — церковное. Бок о бок, по общему уникальному плану.

Поговорим о светском устроении этого времени.

На Городке — в пределах Звенигородской крепости — князь Юрий сразу же после получения удела в «отчину» начинает возведение собственного дворца. Причина банальна — надо было где-то жить. У местных бояр прекрасные хоромы уже были здесь в собственности, и новому удельному князю нельзя было «ударить в грязь лицом».

Можно предположить, что от прежних князей Черниговско-Звенигородских, владевших землями еще давно, кое-что здесь еще должно было оставаться. Но скорее всего — почти ничего. Ведь с тех пор, как Иван Калита прибрал эти угодья к своим рукам, прошло более полувека! Деревянные постройки обветшали, а то и вовсе — превратились в

устаревшие полуразвалины.

Холм Городка расположился на левом берегу Москвы-реки, где она прорезает пойму глубоких оврагов. Тут же протекала речка Жерновка. Почти неприступная возвышенность с той стороны, где не было оврагов, была окружена глубоким искусственным рвом. Рядом с самой крепостью есть площадка, где располагался посад. А еще один посад разросся на другом берегу, в низине, и к этим временам уже был густо заселен. Именно вокруг главного холма современные археологи находят остатки древнейших укрепленных поселений с незапамятных времен.

Строительство Юрием дворца в Кремле начинается почти сразу после получения удела по наследству, именно в начале 1390-х. Тогда у князя еще не было серьезных средств. Наследство от отца он получил в основном в виде недвижимости, а не в виде реальных «мешков с деньгами». Доказывает это и тот факт, что дворец заложен был деревянным, то есть — более дешевым, «экономичным». И до 1395 года — момента похода на болгар, он, вернее всего, был уже построен. Иначе бы его после победы возводили в камне. А теперь — не было смысла перестраивать уже сделанное. Как и в случае со стенами — укреплениями вокруг Кремля, их тоже тогда успели уже сотворить из дерева.

«Деревянность» дворца и крепостных стен их и погубила. Сжечь такие постройки до основания первым же набегом любого сильного неприятеля (а войн будет еще предостаточно) — дело обычное. Что позднее и произошло. Потому они не сохранились, как, впрочем, и все десятки великолепных княжеских дворцов той эпохи по всей Руси, которые по старой привычке складывали из бревен. Жаль, что искусство миниатюры еще не предполагало тогда необходимости точного копирования объектов человеческого труда. Никто не зарисовал этих красот. А мы можем только воображать — что там могло быть.

Камень же спасал реально, а не гипотетически. Из всего, что останется потомкам на Городке — до наших дней сохранится только Успенский собор. Каменный.

Перейдем к обустройству церковному.

Первоначально решено было возвести из камня собор Успения Пресвятой Богородицы. Исторические документы не сохранили сведений о времени его постройки, а пожар, случившийся в 1723 году и превративший в пепел все бумаги Звенигородской канцелярии, поставил в возможных поисках даты вполне вероятную точку. Косвенные данные и анализ других имеющихся источников — один из путей разрешения этой проблемы. По

нашему мнению, решение о строительстве было принято сразу же после 1395 года, когда звенигородские дружины вернулись из похода с богатой добычей.

В это время уже существовали два деревянных храма — прежний Успенский (на месте нового) и Рождественский — на холме Сторожи (о чем мы уже говорили в предыдущей главке «Основание Богородице-Рождественского монастыря»).

Новый собор на Городке, в самом центре Кремля был необходим по нескольким причинам.

Первая — присутствие новой епископской кафедры в Звенигороде, необходимо было поднять ее важное положение, особенно в связи с предстоящим переездом сюда старца Саввы из Троицкого монастыря.

Вторая — престиж. Князю Юрию надо было показать Москве и старшему брату Василию свою мощь и умение заботиться о своем уделе. Ведь будущее было непредсказуемым. А Юрий оставался по завещанию отца официальным претендентом на великокняжеский престол, как говорится, под «номером 1».

Третья — уже тогда могла зародиться идея династического брака с большими перспективами, дабы еще более усилить и возвысить положение Юрия перед Москвой. Литовцы изгоняют в 1395 году из Смоленска великого князя Юрия Святославича. Он вполне мог появиться со своими чадами, включая дочь — Анастасию, в Москве или даже в Звенигороде (у бывшего епископа Смоленского, а теперь — Звенигородского Даниила). Познакомившись с юной невестой, Юрий мог уже тогда предположить будущий брак, который приносил фантастические возможности — возможность претендовать на Великое княжество Смоленское, одно из самых важных и старейших в истории Руси. Храм же — большой, новый и каменный — нужен был и для исключительного события — венчания в столь представительном окружении. Хотя известно (есть, правда, редкое упоминание об этом в летописи), что венчание Юрия и Анастасии произошло «на Москве», что никак не отменяет возможных планов сделать это в Звенигороде.

Что же касается каменного Рождественского собора в монастыре Саввы Сторожевского, то его на месте одноименного деревянного стали сооружать почти одновременно с Успенским на Городке. Оба храма были закончены так быстро, что уже к началу 1400-х годов большую их часть успел расписать иконописец Андрей Рублев (подробности — в следующей главе).

Но не скорость строительства и не желание удивить современников по

сей день приводят в изумление уже наших современников, и в первую очередь — знатоков-искусствоведов. А зарождение нового архитектурного стиля, с которого мы и начали этот рассказ. Стиля, официально признанного как «раннемосковский», а нами без обиняков называемого «звенигородским» (без претензий на приоритет в употреблении данного термина).

В чем же его загадка?

При Савве Сторожевском и князе Юрии в Звенигороде начинается условный возврат к принципам и архитектурным традициям Владимиро-Суздальской Руси. Но совершенно на новом уровне. словно бы кто-то стремился «оживить» забытые черты домонгольской культуры. Первым делом у искусствоведов принято сопоставлять звенигородские соборы с владимирскими церквями XII века. Особенно — из-за появления внешних украшений — орнаментов на стенах возводимых храмов. Правда, исчезают из такой резьбы диковинные животные, грифоны и персонажи библейской истории. Храм на Городке окружает лишь несколько полос каменного пояса из растительного орнамента. Времена переменялись. Восприятие духовных основ жизни становится более символическим.

Для Успенского собора за основу в строительстве принимается четырехстолпная крестово-купольная форма. Главное здание-куб украшается рядами живописных кокошников, возвышающихся к барабану купола. Появляются изумительные, едва заметные порталы на стенах. Глядя на храм, легко вспомнить Дмитровский собор во Владимире и даже — церковь Покрова на Нерли.

Зодчий вспоминает о необходимости возведения хоров внутри храма — для княжеской семьи, так, как это делали на старой Руси. Современный искусствовед В. Г. Брюсова отметила один важный факт, что «наибольшее сходство собор на Городке обнаруживает с церковью Рождества Богоматери Московского Кремля с приделом Лазаря 1393 г. Такие детали, как килевидность арок, наличие освещающих внутренний проход на хоры в стене шестилепестковых окон-розеток, сходная профилировка цоколя, позволяют говорить о работе одной строительной артели». При этом она полагает, что храм на Городке в Звенигороде был заложен даже ранее московского — в конце 1380-х годов и к 1393 году уже был завершен. Получается, что одна и та же артель строила сразу и московскую, и звенигородскую церковь. Скорее всего, зодчие работали последовательно и, закончив Рождественский собор в Москве (1393 год), уже потом — начали строительство в Звенигороде (и, как мы уже говорили, предположительно,

все-таки после 1395 года).

Пропорции храма на Городке удивительно удачно вписываются в общие пропорции холма, на котором он стоит. Как писал академик Д. С. Лихачев (в работе «Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси»), многочисленные легенды и апокрифы породили обязательное сочетание храмов в честь Успения Божией Матери с возвышенностью. «Эти легенды объясняют не только однотипность Успенских храмов на Руси, но и обычное для них расположение на горе, на крутом берегу».

К сожалению, мы не можем видеть сегодня его внешних украшений такими, какими они были задуманы и осуществлены первоначально. Скаты крыши храма покрыты металлом, кокошники еще ждут времен своего восстановления...

Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре воплотил собой самые главные чаяния зодчих того времени, создававших свой новый стиль.

Здесь применен был принцип «палатного» устройства, его внутреннее пространство — монументально, производит впечатление величия и кажется гораздо большим, чем есть на самом деле.

Общепризнанным временем строительства главного монастырского храма считаются 1404–1407 годы. Но скорее всего это произошло намного ранее. Ведь к этому времени уже заканчивались росписи звенигородских церквей иконописцами под руководством Андрея Рублева (о чем в следующей главе книги). Он будет участвовать в работах по расписыванию Благовещенского собора Московского Кремля в 1405 году (вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца). Значит, трудился он в Звенигороде между 1395 и 1404 годами. И этот период стал для него основополагающим, особенно для всей его дальнейшей судьбы иконописца. То есть каменный собор в Саввином монастыре был построен до 1404-го, и точнее, возможно даже — около 1400 года.

Собор Рождества Богородицы кажется на первый взгляд немного более тяжеловесным и приземленным, нежели храм на Городке. Но когда исчезает первое впечатление, становится ясным, что он воплощает в себе некоторые почти идеальные пропорции крепкого и фундаментального здания, свойственного лучшим традициям не только русского, но и европейского Возрождения. В нем уже нет изящных и легких линий, свойственных типу «Покрова на Нерли». Скорее он напоминает о мощных столичных соборах, которые составляют опору архитектурного центра большого города.

Внешность его после реставрации приближена к той, что может

считаться первоначальной. Особо выделяются и подчеркивают красоту храма три яруса килевидных кокошников: один ряд из трех кокошников по каждой стороне света, другой — из четырех по диагонали и третий — из восьми по окружности подкупольного барабана.

Мастера тщательно подбирали для здания храма большие белокаменные блоки-кирпичи, каждая сторона которых достигала 45 сантиметров. Три или четыре таких блока составляли толщину стены, в среднем достигающую полуметра. Мощь таких стен могла выдержать еще несколько этажей. Чудом сохранилась единственная первоначальная дубовая связь, которой пользовались для соединения частей здания. Все другие были уже давно заменены на металлические. Почти шесть столетий не уничтожили Крепкое дерево. Основательные приемы строительства на горе Сторожи не перестают удивлять специалистов-реставраторов.

Сейчас даже трудно представить, что в те времена окружающая местность была застроена хоть и многочисленными, но лишь едва заметными деревянными домиками. Не было ни высоких каменных стен, ни даже любого другого здания из камня выше двух этажей. Возможно и не было высоких деревьев (для сторожевых отрядов они бы только мешали наблюдению за местностью). Собор «единолично» возвышался над всем многоверстным пространством, словно откликаясь на колокольный зов своего собрата — храма на Городке.

Две церкви — одна в светском Кремле, другая — в монастырской обители. Они были построены почти одновременно и знаменовали единение духовной и мирской славы и силы. На Руси в действительности появлялся пример уникального союза в виде власти из двух начал. Любой путешественник или паломник мог убедиться в этом на большом расстоянии.

Это была «визитная карточка» нового Града. Но также это было зримое воплощение идеи Небесного Звенигорода, о которой мы поговорим немного позже.

Лики Андрея Рублева

Гипотеза 7

*Не на лица судите, сынове человечестии, но
праведный суд судите.*

*Им же судом судите, осудится вам, в ню же меру
мерите, отмерится вам.*

*Реконструкция текста Евангелия на иконе
«Спас Звенигородский»*

Везде бо троечисленное число всему добру начало...

Епифаний Премудрый.

Житие Сергия Радонежского

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось... Святой же очень об этом заботился и Богу молился, да и место это еще более разрасталось... И с усердием образ его написал... И с тех пор начались многие и различные исцеления происходить...»

Экспедиция по поиску исторических ценностей, отправленная в 1918–1919 годах в Звенигород, могла бы закончиться некоторыми пусть и важными, но не столь существенными находками. Если бы вдруг не обнаружилось то, что стало настоящей сенсацией и будет потом будоражить умы ученых людей.

Один из исследователей заглянул в заброшенный сарай неподалеку от собора Успения, что на Городке. Разбросанные доски среди обычного хлама и мусора первоначально не привлекли его внимания. Однако он приподнял наиболее запачканную, что была сверху. Увиденное поразило знатока. На него смотрели глаза Спасителя, лик которого едва проглядывался из-под вековых наслоений и почернения.

Так были найдены остатки знаменитого Звенигородского чина,

который позднее большинство специалистов отнесут к трудам великого русского иконописца. Почти без сомнений ученый мир заявит — Андрей Рублев!

Очень часто в научной и художественной литературе встречаются утверждения такого типа: вот эти люди, жившие в одно время и в одном месте, наверняка знали друг друга и встречались лично. Вызывают улыбку подобного рода сентенции, хотя бы потому, что, к примеру, если в одной семье растут несколько детей или в одном доме живут несколько соседей, то они уже не просто «встречаются». Они, даже не желая того — не могут не знать друг друга! А если говорить о Древней Руси и эпохе конца XIV столетия, то не стоит забывать, что тогда в стране жили не сотни миллионов человек, население исчислялось гораздо меньшими масштабами. Люди не просто «пересекались». В центральных городах или, скажем, монастырях все знали друг друга поименно! По этой причине частенько многие известные имена и фамилии не записывались в каких-либо текущих документах, а просто подразумевались (а потому до нас — увы — и не дошли). Ведь их должны были знать все!

Вот почему, когда мы говорим о великом иконописце — Андрее Рублеве, а потом (почему-то рассматривая его жизнь в отдельности) о старце Савве Сторожевском, то замечания вроде — «они могли видаться и наверняка знали друг друга» — становятся совершенно неадекватными реальности и даже в некотором роде абсурдными. Все было в значительной степени серьезнее. Этих людей связывало почти десятилетие совместных деяний, поисков, трудов, а также духовного и можно даже сказать — творческого общения. Они не просто «знали» друг друга, а бок о бок, вместе создавали новый мир, новую духовную культуру, новые традиции, предлагали свежие концептуальные подходы к устройению мирской и церковной жизни. И сегодня можно смело утверждать, что весь «звенигородский» период жизни и творчества преподобного Андрея Рублева был озарен уникальной возможностью совместной деятельности и духовного общения с чудотворцем Саввой Сторожевским, повлиявшим не только на создание фресок и икон этого периода, но и сформировавшим все дальнейшее творческое мировоззрение иконописца.

История сама доказывает столь простые истины. Нужно только внимательнее отнестись к датам событий, и тогда более точные и правильные ответы становятся яснее и ближе.

Существует устоявшееся мнение о хронологической

последовательности раннего творчества Андрея Рублева. Вот оно.

Условной датой рождения иконописца считается 1360 год.

Затем его имя всплывает в раннемосковской Троицкой летописи, в записи событий за год 1405-й: «тое же весны почаша подписывати церковь каменную святое благовещенье на князя великого дворе... а мастера бяху Феофан иконник гречин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев». То была работа в Московском Кремле, расписывался Благовещенский собор — домовая церковь великого князя Василия Дмитриевича — старшего брата Юрия Звенигородского. Считается, что упоминание наряду со знаменитым тогда на Руси Феофаном Греком характеризует инок Андрея уже признанным и авторитетным мастером.

Та же Троицкая летопись за 1408 год помечает, что 25 мая «начаша подписывати церковь каменную великую соборную святая Богородица иже во Владимире повелением князя Великого а мастера Данило иконник да Андрей Рублев». Мы встречаем Рублева в граде Владимире за росписью Успенского собора.

Как мы видим, что даже в эпоху зрелости мастер часто упоминается не самым первым в списке артели. Казалось, что при жизни это «молодчество» преследовало его долгие годы, согласно традиции сие означало, что он являлся в буквальном смысле младшим.

Свою знаменитую «Троицу» инок Андрей создаст в 1420-е, когда будет возведен Троицкий собор в Троицком монастыре (три раза повторить Троицу в одном предложении — не грех!). Храм же будет построен Юрием Звенигородским. Опять же не забудем при этом и имя Саввы Сторожевского, близко общавшегося с обоими, бывшего ученика Сергия и игумена Троицкой же обители.

Вот такая общепринятая последовательность событий. Правда, не всеми принятая.

Хорошо известно, что Андрей Рублев расписал также соборы Звенигорода и создал к ним иконостасы, включая знаменитый Звенигородский чин со Спасом. А когда же это происходило? И почему так мало об этом упоминается в летописных документах?

Думаю, что читатель понимает, к чему мы клоним. Да, Звенигородский период жизни Рублева так же загадочен, как этот же период жизни преподобного Саввы Сторожевского. Память о мятежном князе Юрии Звенигородском, как мы помним, уничтожалась (подробнее об этом в главе о нем данной книги), а значит, уходила в небытие и вся информация о тех, кто так или иначе мог быть с ним связан.

А мы попробуем восстановить историческую картину с помощью последних, самых интересных выводов известных исследователей творчества Андрея Рублева, а также историков, искусствоведов, архитекторов, археологов и даже богословов. И картина эта оказывается поразительной.

В окончательной редакции Жития Андрея Рублева нынешнего времени мы читаем следующее: «Услышал князь Юрий Звенигородский об иконах Андреева письма и восхотел у себя в Звенигороде собор Святого Успения украсить благодатными образами. И пришел преподобный Андрей, сей чудный смиренный старец, и поклонился князю, и, *по благословению святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы. И в сем Деисусе красоту совершенную явил в образе Спасове и иных. Таковых же образов не бывало до того времени*».

Считается, что соборы в Звенигороде Андрей Рублев мог расписать в начале 1400-х годов, и даже в 1410-х. Это мнение строится на том, что они были построены в 1400–1407 годах, и не ранее. А даты строительства предположительно берутся в связи с окончанием Булгарского похода князя Юрия, то есть после 1399 года, когда, собственно, у князя для этого появились средства.

Но мы-то уже знаем, что этот поход, скорее всего, состоялся в 1395 году. Не дает ли нам это утверждение возможность совершенно по-другому взглянуть и на работу Андрея Рублева в Звенигороде? Дает, да еще как! Мы открываем в этом случае не просто некоторые даты или вероятные события, а замечаем большой и плодотворный период в жизни иконописца, который можно теперь совершенно определенно называть «Звенигородским периодом».

Если ранее говорилось лишь о «приглашении» Рублева в удел князя Юрия, лишь о его возможном «участии» в росписях, то теперь становится ясным, что на самом деле это было не просто приглашение, а важная и весьма продолжительная часть жизни иконописца, ранняя в его творчестве, и возможно, сформировавшая его как личность, повлиявшая на всю его дальнейшую деятельность.

Возможно, Андрей Рублев принял участие в осуществлении идеи Звенигородской Руси (о которой подробнее в главке «Юрьев день и герб Георгия Победоносца»). Князь Юрий и старец Савва привлекали для строительства и благоустройства лучших людей своего времени, от болгарских мастеров до новых архитекторов. То, что преподобный Савва

Сторожевский заметил еще не совсем признанного Андрея Рублева и помог ему раскрыться в полном смысле этого слова — еще раз подтверждает его учительский ум, прозорливость и даже простую жизненную мудрость.

Спорить о том — Рублев ли писал фрески и иконостасы в Звенигороде или нет — бессмысленно уже хотя бы потому, что еще до появления искусствоведов нового времени, поддерживающих диспут, в XVIII веке существовали и приходно-расходные книги Саввино-Сторожевского монастыря, в записях которых мы находим следующее: «Куплено к деланию иконостаса Рублева клею пуд...» Без всяких споров тогда было ясно, что поновляемый иконостас (для этого, видимо, и был нужен клей) всеми признавался как рублевский.

Еще в 1918 году в Звенигороде работал «Реставрационный Подотдел Всероссийской Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины». Исследовали и фрески. Их отнесли к рубежу XIV–XV столетий и к школе Андрея Рублева и Даниила Черного.

Считается, что знаменитая икона Андрея Рублева с изображением Троицы была вдохновлена Сергием Радонежским. Предполагается также, что иконописец мог знать его лично. И еще потому, что написана она была для Троицкого храма в Сергиевом монастыре, где покоились мощи преподобного. Иногда также приоритет благословения на написание иконы отдается даже митрополиту Киприану или Никону Радонежскому. То есть именно они определили иноку Андрею писать Живоначальную Троицу. Но давайте внимательнее отнесемся к историческим фактам.

«Троица» была написана в начале 1420-х годов. А Сергей Радонежский скончался в 1392-м. Не смущает ли временное «расстояние» в 30 лет? Митрополит Киприан ушел из жизни в 1406 году. Разница в 16 лет. Что-то уж больно долго собирался писать икону Андрей Рублев. А может быть — влияние здесь было совсем другое?

Как известно, без благословения Саввы Сторожевского на строительство и роспись звенигородских храмов обойтись никак не могло (что подтверждает уже приведенная нами цитата из Жития Андрея Рублева — «и, по благословию святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы»). Можно не сомневаться, что игуменом Сторожевского монастыря было задумано и заранее благословлено строительство каменного Троицкого храма в монастыре, где он был когда-то настоятелем и где прошла большая часть всей его сознательной жизни (можно даже сказать — почти вся его сознательная жизнь).

Само же строительство было осуществлено духовным сыном старца Саввы — князем Юрием Звенигородским, уже после кончины преподобного. Именно в это время появляется икона Андрея Рублева. Однако написал он ее только что или гораздо ранее — сказать теперь невозможно. Но он приложил свои усилия к осуществлению замысла Саввы Сторожевского.

Отсюда и вывод-вопрос: так кто же вдохновил инок Андрея Рублева на создание «Троицы»? Более чем тридцать лет назад Сергей Радонежский, митрополит Киприан, которому им же начатые летописи приписывали все мыслимые и немыслимые заслуги, Никон Радонежский, при игуменстве которого в Троице началось возведение храма, или задумавший все это устроительство в Сергиевой обители Савва Сторожевский, столько лет бывший близким наставником иконописца и князя Юрия?

Вряд ли кто-нибудь однозначно сегодня ответит на такой вопрос. Но не поставить его — просто нельзя. Как нельзя не заметить, что намного реальнее и понятнее версия, что концептуальное влияние в создании иконы «Троицы» на Андрея Рублева оказал именно Савва Сторожевский, который в гораздо большей степени — внутренне, духовно, на основе исихастских традиций — был последователем Сергея Радонежского. И он уж точно знал — что такое будущее разделение и конфликты между братьями-князьями, то есть был в большей степени погружен в идею Единения. Не сказать об этом напрямую — будет не справедливо по отношению к Звенигородскому чудотворцу.

При жизни преподобного Саввы Андрей Рублев создает Звенигородский чин и знаменитый лик «Спаса Звенигородского». «Фигуры Звенигородского чина покоряют редким сочетанием изящества и силы, мягкости и твердости, но больше всего своей безграничной добротой», — писал М. В. Алпатов.

Академик Игорь Грабарь одним из первых определил: «Их создателем мог быть только Рублев, только он владел искусством подчинять единой гармонирующей воле все эти холодные, розово-сиренево-голубые цвета, только он дерзал решать колористически задачи, бывшие под силу лишь венецианцам, да и то сто с лишним лет спустя...»

В Звенигороде, на территории Успенского собора был найден не только «Спас», но и еще две иконы — «Архангел Михаил» и «Апостол Павел». Опись Успенского храма 1698 года имеет сведения, по которым эти иконы в те времена располагались на его стенах, включая остальные из этого же Чина. То есть еще и образы Божией Матери, Иоанна Предтечи,

архангела Гавриила, апостола Петра. Считалось, что они не подходят для обоих звенигородских соборов по размерам. Но эта точка зрения уже не поддерживается всеми специалистами.

«Русский Спас» (так его еще называют) настолько органичен, человечен и исполнен спокойного величия, что уже просто невозможно представить себе, что он может быть не только «Ликом», но и полноценным изображением Спасителя. Сколько написано и сказано об этом образе, выразившем некий национальный тип лица, причем не просто светского, а глубоко одухотворенного, идеального, к которому можно стремиться.

Не часто бывало, чтобы иконы Древней Руси так откровенно передавали земное ощущение христианской веры. У Андрея Рублева канонический византийский образ превращается в близкого и домашнего Спаса, он как будто бы сразу узнаваем, хотя — из другого мира.

Среди цитат об этой иконе вдруг попалась и такая. Американский историк Джеймс Биллингтон предполагает, что великий рублевский «Спас» есть «первое и во многом запоминающееся изображение лица России». А ведь это говорит «человек издалека», представитель другой культуры.

И он близок к истине.

Исследователь творчества Андрея Рублева — В. А. Плугин — уже давно попытался реконструировать текст, который мог бы быть на изображении Звенигородского «Спаса» (обычно на таких иконах Спаситель держал раскрытое Писание с текстом). Вот он:

«Не на лица судите, сынове человечести, но праведный суд судите.

Им же судом судите, осудится вам, в ню же меру мерите, отмерится вам».

Вот как это подтверждается: «Тот евангельский текст, который присваивается Звенигородскому Спасу, восстановлен по чтению на такой точной копии Звенигородского чина, какой является облачный деисус Никольского Единоверческого монастыря. Идентичная надпись и на другой копии — среднике чина Покровского собора на Рогожском кладбище. Если прибавить сюда тексты на иконах Христа из Макарьевской мастерской и на Преображенском кладбище, а также на прориси деисуса, опубликованной В. П. Гурьяновым, и рисунки «Спаса» собрания Тюлина, то увидим, что композиции, так или иначе повторяющие Звенигородский чин, все дают один и тот же вариант надписи. Разновременность и разнохарактерность повторений дают основание для вывода, что воспроизводимый ими евангельский текст принадлежит оригиналу, т. е. рублевскому деисусу звенигородского типа».

Удивителен сам текст. Как он совпадал с теми начинаниями, которые затеяли в Звенигороде князь Юрий с Саввой Сторожевским! Особенно в связи с новыми формами мирского управления, о которых они думали, и мирскими судами, о которых говорилось даже в специальной грамоте Юрия 1404 года.

Перекликается эта запись и с поучениями старца Саввы к князю Юрию Звенигородскому, которые оставил нам Маркелл Безбородый — о «милостивом» правлении.

Не правда ли, все как будто в одном «узле»? Его только нужно развязать. Не спеша и со вниманием.

Примечательно, что прямо у стен Саввино-Сторожевского монастыря в старину добывали важнейшую земляную краску, без которой трудно себе представить росписи храмов. Звенигородскую краску знали все иконописцы Древней Руси и называли ее «чернило земляное».

Иногда для чернения применялась древесная сажа. Но в стенной живописи очень важны были эти чернила из земли. Источником их, например, в XVII веке была река Разварня (Разводня, Сторожка).

В расходной книге Оружейного приказа находим запись: «И в нынешнем 1668 году мая в 20 день, по указу великого государя, послан в Звенигород в Саввинский монастырь московский кормовой иконописец Сижор Ростовцев, а велено ему взять к нашему иконописному стенному письму чернил земляных из реки Разварни 20 пудов».

В самом Саввином монастыре есть знаменитая Трапезная, с куполом, повторяющим Грановитую палату Московского Кремля. Видимо, она была расписана в похожем стиле. Знаменитый иконописец Симон Ушаков со своими мастерами использовал земляное чернило в стенных росписях Грановитой палаты в 1684 году («На стенное письмо в Грановитой палате, по росписи Симона Ушакова с товарищами, надобно чернил копченых 300 кувшинов, чернил земляных 2 воза»).

Есть и такие свидетельства: «А по сказке иконописца Степана Рязанца с товарищами, надобно изготовить к стенному письму в Архангельском соборе чернил земляных из реки Разварни 20 пудов».

Собственно это «чернило земляное» является минеральной, естественной, натуральной краской. По сути — это глинистый сланец с большим содержанием углерода. Но без него — причем в масштабах «пудов» — росписям не бывать.

Использовал ли его Андрей Рублев для своих фресок? Мы не знаем.

Савва Сторожевский поставил имя Андрея Рублева в первый ряд лучших иконописцев. После Звенигорода в 1405 году он не случайно расписывает Благовещенский собор Московского Кремля, став третьим (!) по значимости и списку среди лучших иконописцев Руси. Но скоро он уже будет первым.

Всю жизнь Андрей Рублев считался иноком Спасо-Андроникова монастыря. Под конец дней своих он распишет здесь Спасский собор. Недавно в нем было обнаружено точное место могилы иконописца и найдены мощи его наставников.

Андрей Рублев стал настоящим мастером фрески. До этого на Москве было много русских «иконников». Расписывать стены доверяли в первую очередь грекам. Они были признанными специалистами. А фрески — считались дорогой работой и заказом, который был по карману лишь единицам.

В Звенигороде не случайно было решено: средства есть — пусть будет именно русский мастер. Можно сказать, что для раннемосковских храмов и это решение принималось впервые!

Лики на росписях звенигородских соборов — преподобные Пахомий Великий и Варлаам — и многие другие все необычные, «философские», редкие. О росписях в Рождественском храме Саввино-Сторожевского монастыря, имеющем отношение ко времени Юрия Звенигородского, сохранилось любопытное свидетельство-описание в рукописном сборнике XVII века: «Во святой и великой лавре преподобного отца Саввы звенигородского соборная церкви Рождества Пресвятой Богородицы первое стенное письмо на левкасе вместо иконного письма. Та церковь писана: от царских дверей с правую страну Арсений Великий, а иных святых лиц не видно, а против левого клироса от царских дверей писаны: Антоний Великий, Павел Фивейский, преподобный Онуфрий Великий, по нем преподобный Марко Фраческий афинянин, а та церковь писана в княжение великого князя Георгия».

Что-то скрывалось за подбором сюжетов и необычных имен. Была какая-то задумка. Что-то уже зрело, наподобие концепции «Троицы». Но для нас — потомков — не сохранилось...

**Вершина духовной славы:
скитский молчальник
1406–1407
Гипотеза 8**

Муж, не испытанный искушениями, не искусен.

Варсонофий Великий

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись... Блаженный же Савва несколько лет пробыл на месте том и достиг глубокой старости, никогда не изменяя своего уставного правила. Лишь в отношении к миру и живущим в нем он изменился, упражняясь не в мирском и суетном. Не об излишней пище заботясь, не в мягких одеждах красуясь, не телесного ища покоя, но тесный и трудный путь предпочитая, а не легкий, и нищету больше богатства возлюбил, и бесславие больше мирской славы, и терпение страдания больше бесполезных радостей».

Последний год с небольшим жизни преподобного старца можно с уверенностью назвать временем его настоящего духовного величия. В этот момент он становится одним из самых главных церковных авторитетов, старейшим и наиболее почитаемым из духовных старцев, покровителем быстро крепнущей и развивающейся Звенигородской цивилизации, являвшейся частью московской культурно-исторической среды. Центр торговой и духовной жизни перемещается в Звенигород, культурно-исторические ориентиры раннемосковского эстетического сознания бесспорно находят свое рождение и воплощение на этой земле. В центре всех этих традиций и тенденций конечно же стоял старец Савва — вдохновитель и источник идей, духовный наставник и прозорливец, сумевший видеть намного вперед время и тенденции возможного развития Русского государства.

Странно, что исследователи мало обращали внимания на то, какое положение на Руси сложилось в 1406–1407 годах, в первый год так называемого «церковного безначалия», в промежуток после кончины митрополита Киприана и перед кончиной преподобного Саввы Сторожевского. Эти на первый взгляд не связанные события очень многое говорят для биографа Звенигородского старца. И можно с уверенностью утверждать, что именно это время — триумф духовной жизни старца, самый главный и величественный период его жизненного пути. В эти два последних года Савва Сторожевский становится главным духовным авторитетом и духовным лидером Древней Руси, его имя и личность превращаются в символ церковного оплота и крепости православного русского духа. И пусть мы знаем, что в это время преподобный Савва был уже стар и дряхл, что он обитал в пещере у стен основанного им монастыря на некотором расстоянии от Москвы, а значит, реального влияния на события как будто иметь не мог. Это было так и не совсем так.

Вот откуда идут истоки его известности, массового паломничества В звенигородские края, появления такого глубокого почитания его имени и внимания к нему не только со стороны простого народа, но и в первую очередь со стороны власть имущих, со стороны царствующих домов, среди которых особое место займет дом Романовых.

Посмотрим на события.

В 1406 году скончался митрополит Киприан. На Московском княжестве не стало главного церковного иерарха, устроителя, иначе говоря — главы Церкви. В такой момент обычно авторитетом пользуются признанные духовные лидеры — подвижники, старцы. Естественно, митрополичья кафедра не могла долго пустовать, в Константинополе на замену Киприану в Москву был быстро направлен митрополит Фотий. Но он был грек по происхождению. Не известно в точности, например, хорошо ли он на момент рукоположения владел русским языком. А главное — Фотий находился в то время в самом Константинополе, и добираться до Москвы ему пришлось почти четыре года, то есть появился он в стольном граде только в 1410 году!

Известно, что безначалие в Церкви на Руси привело к большому ущербу для церковной жизни, ею были утрачены многочисленные земли и другие богатства. Некому их было защитить. Но и это происходило уже после кончины преподобного Саввы, то есть между 1407 и 1410 годами. Пока был жив он и пока была жива его духовная дочь — великая княгиня Евдокия (в монашестве Евфросиния) — вдова Дмитрия Донского — ни о

чем подобном и речи не могло быть.

Итак, если преподобный Савва Сторожевский пусть даже и на короткое время играл такую важную роль в духовной жизни Московской Руси, то почему же в результате мы сегодня так мало знаем о нем? Отчего мы по крупицам собираем сведения? По какой причине так скупы летописи и современники, а последователи даже первое его Житие написали лишь по воспоминаниям и преданиям — и только более столетия спустя?

На эти вопросы есть вполне понятные и аргументированные ответы.

Увы, но преподобный Савва Сторожевский жил бок о бок с князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским. «Увы» в данном случае потому, что близость к нему стала в некотором роде испытанием памяти о самом старце. А, как известно, судьба Юрия Звенигородского, его жизненный путь хоть и были весьма знатны и велики, но не были усыпаны розами и имели в некотором роде трагические основания. Потенциальная сила, талант, разум, умение добиваться поставленных целей, энергия, целеустремленность и дар устроительства — все эти качества, которые были присущи второму сыну Дмитрия Донского, конечно же вызывали зависть, а потому сыграли для него не очень положительную роль. Он созидал и изобретал, а ему говорили, что он тратит слишком много средств. Он покорял и завоевывал, а ему говорили — везунчик и обладатель mnogой корысти. Он создавал святое место в своих владениях, повторял заветы своего отца, приглашая лучшего духовника Руси в свою отчину, а ему говорили — хочет возвыситься, мечтает захватить власть, примеривается к великокняжескому трону, не почитает своего старшего брата.

Сильное боярское окружение, которое фактически держало власть в Москве и влияло на большинство решений и поступков Василия Дмитриевича, не приветствовало Юрия Звенигородского, а вместе с ним — старалось умалить все его главные заслуги. Личность старца Саввы Сторожевского, общение с ним, развитие духовной жизни на ближайшей западной территории от Москвы, строительство уникальной обители — возвышали Юрия до такой степени, что его авторитет мог стать для всей Руси слишком сильным. Вот почему уже в это время в кругах, стоящих рядом с Василием I, стала зарождаться идея не отдавать великокняжеский престол Юрию. Приближенные усердно вкладывали ее в сознание старшего сына Дмитрия Донского.

Единственным сдерживающим фактором продолжало оставаться мнение великой княгини Евдокии — вдовы Дмитрия Ивановича. Она никогда бы не позволила нарушить завещание мужа, а потому и оставалась

гарантом того, что государственное устройство должно было соблюдаться так, как повелось исстари, как хотел ее покойный супруг. То есть — власть должна передаваться от старшего брата к следующему брату, и никак иначе. В этом случае преемником Василия становился Юрий. При жизни Евдокии никаких изменений в этой последовательности просто не могло бы произойти. Ее авторитета было бы достаточно, чтобы пресечь любые поползновения или разговоры на данную тему. Но жизнь Евдокии к тому времени уже подходила к закату, она была очень стара, вообще отошла от дел мирских и постриглась в монахини, приняв имя Евфросинии. Ее влияние уменьшалось.

Однако идея передать престол собственному сыну, а не брату Юрию, уже витала в окружении Василия. Еще при жизни старца Саввы Сторожевского, в 1406 году, великий князь впервые записал возможность передачи власти в Москве одному из своих отпрысков. Пока, правда, не в категоричной форме и с весьма расплывчатой формулировкой: «а даст Бог».

Идея передачи власти сыну появилась в кругу Василия, но... никак не могла быть осуществлена. По причине исключительно материальной, физической, можно даже сказать — физиологической. Дело в том, что в семье у Василия Дмитриевича рождались здоровые девочки, а мальчики если и появлялись на свет, то по стечению обстоятельств были слабы и болезненны. Несколько его сыновей умерли еще в детском возрасте: Юрий, Даниил и Семен. Надежду свою Василий возложил на сына Ивана, родившегося в 1396 году. Но и тот позднее, в 1417 году, неожиданно для всех отдал Богу душу, всего лишь спустя полгода после своей свадьбы! Еще один сын — Василий — родился у великого князя лишь 10 марта 1415 года. Он-то и станет будущим наследником и великим князем Василием Васильевичем. Но все это будет потом, значительно позднее — не при жизни старца Саввы Сторожевского.

А в это время многие говорили, что великим князем (после кончины Василия) может и должен стать Юрий Дмитриевич, как более умелый, энергичный и целеустремленный правитель. К тому же он создал крепкую семью, совершив брак с княгиней Смоленской, и она уже родила ему двух сыновей, а в будущем подарит и третьего. Ну кто стерпит такое? И кто потерпит такого духовного наставника, который пестует столь сильного соперника?

А теперь добавим ко всему этому и еще одно важное обстоятельство. В 1404 году Смоленск и Смоленское княжество — родину Анастасии, супруги Юрия Звенигородского, законную вотчину ее отца — Юрия Святославича, предположительную родину самого преподобного Саввы

Сторожевского, полностью и окончательно (почти на два с половиной столетия!) прихватил великий князь Литовский Витовт! Как мог реагировать на все это Юрий Звенигородский, ежели, как мы прекрасно знаем и помним, супругой его старшего брата — великого князя Московского Василия — была именно литовская княжна?!

Вот и весь ответ — почему современники часто умалчивали достоинства Саввы Сторожевского. Потому, что делалось это весьма целенаправленно и сознательно. Делалось сразу же после его кончины, а тем более после кончины Юрия Звенигородского и будущего поражения его сыновей в междоусобной войне за Московский престол. Как известно, этот спор за московский трон спустя десятилетия был выигран потомками Василия I. И в дальнейшем подавляющее большинство всего, что было так или иначе связано с жизнью и деятельностью князя-бунтаря Юрия, попросту выцарапывалось из летописей, тщательно корректировалось или уничтожалось. Ничто не должно было напоминать о каком бы то ни было величии или заслугах второго сына Дмитрия Донского. А потому и окружение его попадало в разряд «умалчиваемых».

Вот почему «не повезло» и преподобному Савве Сторожевскому. Но что не могут сохранить рукописи (которые по странной уверенности «оптимистов» как будто бы не горят), то сохраняет память народная. С ней, то есть с отношением народа к памяти о Звенигородском старце Савве — ничего поделать было нельзя.

В добавление к тому, как непросто складывались отношения князя Юрия Звенигородского с родственниками и некоторыми известными современниками, можно привести известную его переписку со старцем Кириллом Белозерским. Мы помним, чего стоят уже приводимые нами строки из писем ученика преподобного Сергия Радонежского, которые он посылал в ответ на послания князя Юрия. Известно, что потеряв своего духовного отца и во многих делах наставника — старца Савву, Юрий Дмитриевич некоторое время находился в поисках реальной ему замены. Этот период даже несколько затянулся. Он направляет письма-просьбы непосредственно Кириллу Белозерскому, основателю знаменитого монастыря севернее Вологды. В них он буквально молит старца стать его личным духовным наставником. При этом предлагает для этого несколько различных вариантов: переехать Кириллу в Звенигород насовсем, или приезжать время от времени, или даже вовсе не оставлять свою обитель, а князь готов будет навещать его когда и сколько захочет.

Ответ старца Кирилла был просто ошеломляющ. Князь получил полный отказ. В его словах можно увидеть и явную тревогу, чуть ли не

испуг в связи с тем, что князь Юрий может вообще приехать в Белозерский монастырь.

Уже тогда было ясно, что отношения с весьма самостоятельным князем не всегда приветствовались Москвой и подчинявшимися ей уделами. А Белозерское княжество находилось во владении брата Василия и Юрия — Андрея. Вступить с Юрием Звенигородским в отношения, похожие на те, которые у него были со старцем Саввой Сторожевским, означало, что духовный покровитель мог взять на себя бремя восстановления в Великом Московском княжестве исторических прав на престолонаследие. Но сила была на стороне старшего Василия. А потому — кто бы тогда стал перечить ему и столь серьезно демонстрировать свое отношение лояльности к Юрию?

Вот почему многие отказывали Юрию в сотрудничестве. И мы не знаем имен тех, кто заменил ушедшего с миром Савву Сторожевского на духовном поприще наставничества и путеводительства князя Юрия Звенигородского.

Так, при жизни старца Саввы еще нельзя было говорить, что сила Звенигорода была не очень уважаема. Только после его кончины обозначились тенденции к умалению достоинств этого освященного края. С этого момента стали происходить на земле Русской не самые приятные события...

В год кончины Саввы Сторожевского князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому исполнилось 33 года. Возраст абсолютной зрелости, даже по Писанию. Таким образом, духовный наставник и отец довел своего сына до расцвета сил и ума. И тихо ушел.

Известно, что когда спустя годы были вновь обретены мощи преподобного Саввы, то было найдено и его схимническое облачение. Мы ничего не знаем — как, когда и где он принял схиму. До или во время пребывания в Звенигороде? Скорее всего уже на горе Сторожи, так как ему приходилось много заниматься мирскими делами, что для схимника — весьма трудное дело.

Однако в те времена схимником могли называть любого монаха, в том числе и столь пожилого возраста. Сейчас же схима — это совершенно особый чин или степень, которая устанавливается для монашества. Различают малую и великую схиму, последняя предполагает затвор в монастыре и исполнение очень строгих обетов.

Схимническое облачение Саввы не сохранилось.

Также известно, что он жил в пещерке, которую либо отыскал, либо

сам выкопал. «Опасаясь славы и счастья более, нежели в мире бояться унижения и бедствия, он уклонялся за версту от монастыря, к северу и там, в глубоком овраге, под сению густого леса, ископав себе пещеру, предавался молитве и изливал потоки слезные, в покаянии, в умилении, в созерцании на земле жизни обителей небесных», — писал автор XIX столетия.

Сохранились многочисленные иконы, которые стали почему-то очень популярны в веке XIX и начале XX. Иконописный извод повторялся вновь и вновь. Преподобный Савва в пещере, с иконой и лампадой.

Через некоторое время о пещере будто вспомнили, и иноки Саввиной обители стали устремляться туда на уединенные подвиги. Так, в XVI веке игумей обители Варсонофий, «оставя свое начальство родному брату Савве, сам удалялся для безмолвного пребывания в пещеру. Здесь он пробыл около 40 лет, занимаясь молитвою, пением и чтением душеполезных книг».

Во времена кончины Саввы многие ученики Сергия, которые основывали свои монастыри, строили кельи или скрывались в укромных местах, но почти никто не стремился к «пещерному жительству», как это делали первые монахи на Руси, например Антоний Печерский.

Если бы традиция «пещерника» Саввы была широко подхвачена уже его учениками, то, возможно, мы могли бы в наше время называть Сторожевский монастырь — Звенигородско-Печерским. Но, видимо, сам преподобный не дал такого благословения. И под Москвой не появился собственный подземный монастырь, наподобие Киевских.

Позднее, в XIX столетии, на месте пещерки Саввы возникнет Скит, который в наши дни стал одним из главных посещаемых мест Саввино-Сторожевского монастыря. На Руси скитом называлось уединенное место, некоторое собрание келий, рядом с небольшим храмом, куда отдельные подвижники могли уходить на время из соседнего большого монастыря.

Саввинский Скит устроился и расширился при епископе Леониде, авторе одного из житий старца Саввы. Цветные открытки начала XX века показывают нам необыкновенную красоту этого места, к сожалению, пережившему необычайно трудные времена в период советской власти. Сейчас он восстанавливается в том виде, каким был построен полтора столетия назад.

Русь сразу после кончины схимника

Гипотеза 9

Не ведают того, что Бог дает власть — кому захочет.

Сказание о Мамаевом побоище

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «Мы же, возлюбленные, ко святой его раке приходя, со страхом и любовью припадая, молимся, произнося:...Знаешь ты отовсюду осаждающий нас страх, знаешь и непременною бесовскую войну против нас, знаешь телесные наши слабости и злопамятность, знаешь усердия нашего бессилие... Как в этом трудном и многострадальном житии до сих пор любящий нас, наставник и вождь ко спасению... вспомни нас, чад своих, да избавит нас Господь от тьмы страстей и всякой одержимости от лукавых бесов и злых человек».

Сила влияния старца Саввы на современников и на обстоятельства была столь велика, что последовавшие сразу же за его кончиной события показали — насколько непросто жить народу, оставляемому на брэнной земле великими духовными подвижниками.

Спустя буквально полгода довольно протяженная по тем меркам мирная жизнь Москвы и окрестных земель, длившаяся почти десятилетие (практически все годы со времени основания старцем своей обители на горе Сторожи), закончилась. В 1408 году на Русь из Орды пришел Едигей с большим войском и буквально разорил московские земли. Он держал столицу в тяжелой голодной осаде, полностью сжег все ее предместья, не пощадил близлежащих городов, а также разграбил и привел в запустение Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород и Городец. Такого опустошительного похода со стороны Орды Русь уже давно не знала. Как будто вовсе и не было Куликовской битвы, а недавнее пришествие Тохтамыша в 1382 году, в результате которого Москва была сожжена, уже не казалось в сравнении с данным чем-то ужасным.

Москва не погибла, откупившись тремя тысячами рублей. Это была малая часть компенсации за почти 12-летний молчаливый и не демонстративный отказ платить дань. Едигей предупреждал о «наказании»

неоднократно. И свое обещание выполнил. Он добился уплаты ордынского выхода и пусть даже частично, но все же восстановил сюзеренитет ордынского хана над великим княжением на Руси.

Известно, что современники событий и даже самые ближайшие их потомки воспринимали нашествие Едигея в 1408 году как реальное наказание свыше за грехи человеческие. Ведь до этого довольно долгое время Москва была ограждена от подобных набегов. Даже Тимур повернул в другую сторону. А тут...

Появились различные варианты «Повести о нашествии Едигея» (такие, как Своды 1412 и 1479 годов, а также из Тверского сборника), в которых буквально прочитывается следующее. Оказывается, что в предшествующий набегу Едигея период княжения Василия I вся «земля Русская» сначала вполне благоденствовала и хранилась от вторжений «ограждением Пречистыя Богоматери», так, как это случилось в 1395 году при выносе Владимирской иконы и спасении Москвы от Тамерлана. Но что-то случилось, по мнению авторов «Повести», и великий князь вдруг стал пренебрегать советами «старцев», что, собственно, и привело к стенам столицы Едигея.

Один примечательный факт все же оставил свой след в истории того разорения Московской Руси. До сих пор трудно определить — был ли захвачен и опустошен Едигеем город Звенигород и вотчина Юрия Дмитриевича. Среди упоминаний разграбленных им городов — Звенигород почти нигде не встречается! Похоже, ордынское войско обошло его стороной. Осталась нетронутой и возникшая недавно обитель «Саввы на Сторожи». Но почему?

То ли по причине очень мощных стен крепости-кремля и удачно отстроенных укреплений за эти годы, то ли по причине уважения к князю Юрию и к только что скончавшемуся старцу Савве, которым они тогда пользовались на Руси (еще одно доказательство триумфа духовной славы Звенигородского чудотворца). То ли в память о силе воина — сына Дмитрия Донского, сумевшего покорить города Булгар и Казань.

А может быть, Едигей предполагал, что Юрий уже находился в оппозиции к брату Василию? То есть призывы покойного митрополита Киприана, начавшего составлять для Василия Дмитриевича летописные своды, где главной идеей стали необходимость дружбы с Литвой и полное недоверие к татарско-ордынским ханам, были, по мнению Едигея, не совсем близки князю Звенигородскому. А это значило, что ордынскому политику и стратегу вовсе не стоило ослаблять неожиданно возникающего

«союзника», пусть даже и не реального, но вполне потенциального.

А вот и еще одно совпадение, которое может показаться примечательным. В год кончины старца Саввы — 1407-й — то есть буквально накануне своего похода на Русь в 1408-м, Едигей собрал ордынское войско и отправился с набегом на... Волжскую Булгарию. На ту самую Булгарию, которую с десятилетие назад разорил Тимур и не оставил без внимания князь Юрий Звенигородский и которая вряд ли успела оправиться после таких походов. Естественно, что Едигей не только прекрасно знал и понимал стратегию и планы действий полководца Юрия Дмитриевича, но и, возможно, даже изучал их. Не исключено, что ордынский правитель также уважал сына Дмитрия Донского как воина. Ведь именно во времена Едигея в Орде возникает идея героического эпоса, воспевающего богатырские достижения и военную удачу, о котором мы уже рассказывали (см. главу о походе русских на болгар).

В 1390-е, когда Едигей только становился фактическим главой Золотой Орды, князь Звенигородский уже как раз отправился в поход на Булгарию. У Едигея было множество врагов и проблем, которые приходилось решать буквально ежедневно и ежечасно. А тут еще и эти русские! Мог же тогда предполагать Едигей и самое невероятное: а вдруг дружины Юрия Звенигородского возьмут да и направятся после Булгарии в сторону ордынских земель. Ведь могло быть у них достаточно сил, раз они способны стали на такое военное предприятие, как захват главных болгарских городов-крепостей! И чем Едигей тогда смог бы ответить, даже предполагая, что у русских не хватит сил для того, чтобы соперничать с таким сильным властелином, как Орда? Ведь ордынцу приходилось тогда воевать с самой Литвой, рыцарями Тевтонского ордена и ханом Тохтамышем, которых он в конце концов в 1399-м и разбил на реке Ворскле. Победа была не из легких, в итоге ему пришлось с очень ослабленным войском быстро уходить в свои края.

Но русская дружина, отягощенная богатой добычей, вернулась из Булгарии восвояси. Князь Юрий направил обозы обратно в свой удел. Вот почему Едигей, воспринимая в 1407 году Волжскую Булгарию как неприятеля Золотой Орды, мог считать Звенигородское княжество, победившее болгар, пусть и символически, но все-таки в некотором роде «союзником» в этой борьбе. Дружина Юрия настолько ослабила сопротивление этой страны, что Едигею вообще практически не пришлось воевать при появлении в здешних городах.

Кроме этого, когда Едигей совершил свой набег на Волжскую Булгарию, то не просто усмирил своего своенравного соседа, но и вновь

обрел давнишнего соратника и союзника. А теперь вспомним, что в Звенигороде в это время (и уже в течение нескольких лет!) могло проживать довольно большое количество пленных из поволжских болгарских улусов. О наличии таковых повествуют летописи. А для Едигея болгары уже вовсе не были врагами, они, как мы говорили — почти всегда были союзниками и вновь ими стали. Зачем же с ними воевать и их разорять?!

Известно, что Едигей будто бы дал одно обещание, когда появился в городе Булгар. Оно было образно записано в тюркском эпосе XV века «Идите» (так по-татарски произносится имя Едигея). В этом тексте, как мы помним, герой упоминает князя Юрия Звенигородского, нанесшего значительный урон болгарским землям во время похода по благословению старца Саввы Сторожевского. И якобы обещает убить его.

*С бородою обросшим ртом,
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом,
И лопатами загребал
Множество золотых монет,
Я заставлю держать ответ:
Злато вернуть заставлю я,
И врага обезглавлю я.*

На деле все вышло совершенно наоборот. Получается, что Едигей не стал выполнять свой замысел (если только желание «обезглавить врага» — это не позднейшая выдумка автора эпоса). Политика иногда из прежних врагов довольно быстро делает (пусть и на время) союзников. Хотя своего заклятого врага хана Тохтамыша (заклятого же врага и для Руси) Едигей все-таки убил в 1406 году. Так, руками ордынцев русские добрались до того, кто жестоко отомстил им за победу на Куликовом поле. Один из сыновей Едигея (а у него было «70 сынов от 30 жен») обезглавил не Звенигородского князя, а хана-поджигателя Москвы, о чем и поведал эпос:

*Голову Токтамыша храбрец
Из переметной достал сумы,
Бросил к ногам Идегея ее...*

Во всяком случае, не стоит сбрасывать со счетов и эти, пусть и сугубо предположительные, аргументы в попытке понять — почему Едигей обошел Звенигород и Саввину обитель стороной.

Итак, наступил первый после кончины преподобного Саввы Сторожевского год в истории Руси — 1408-й. И как ураган Едигей с войском неожиданно пришел из Орды в Московские земли...

Во всяком случае, Василий I сам был виноват в произошедшем. Ведь почти десять лет Москва находилась в мире с Золотой Ордой. Однако литовские родственники постоянно науськивали Василия Дмитриевича на то, чтобы каким-то образом «показать себя» восточному соседу. Тем более что в Орде уже давно происходила борьба между Тохтамышем и Тамерланом, крепкая держава, казалось, ослабевала. Воспользовавшись этим, Василий несколько необдуманно и слишком рано счел себя свободным от выплаты ордынской дани.

Возмущенный Едигей направил в Москву грамоту, в которой жаловался, что «прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды», а вот нынче почти перестали это делать. И добавлял: ханских посланников вообще «на смех поднимают». Припомнил Едигей и то, что со времени появления Тамерлана Василий так и не побывал в Орде, и даже не посылал туда детей, князей или бояр. Самым сильным заключением Едигея в грамоте стало обвинение великого князя Василия в том, что он, посылая в Орду жалобные грамоты, просто-напросто лгал, утверждая, будто платить ему нечем, а сам «брал с двух сох по рублю», а потом неизвестно куда все это девал.

Этого было достаточно, чтобы напасть на Москву. Поход Едигея был очень удачен. В редчайшем эпосе той эпохи, широко распространенном среди жителей Золотой Орды и сегодня известном под названием «Идиге», повествователь описывает своего героя в самых торжественных эпитетах.

*Я возглавил отважных людей,
Я вершины достиг золотой,
Воедино собрал народ,
Слил его я с Белой Ордой.
Отмечал я тех, кто храбрей,
Возвеличил богатырей.
Тех, кто бился, себя не щадя,
Тех, кто ведал дело войны,*

Я поставил по праву вождя...

С таким правителем Орду могли ждать и другие великие победы. А для земли Московской неосмотрительность обернулась очередной жестокой трагедией.

Как и кто после кончины Саввы мог бы окормлять духовно окрестные земли вокруг Звенигорода? Не случайно сосед князя Юрия — его младший брат Андрей — еще при жизни Сторожевского старца закладывает одноименный с его обителью храм Рождества Богородицы у себя в Можайске, расположенном неподалеку. А буквально на следующий год просит к себе приехать старца Ферапонта, который только что основал свой монастырь на севере от Вологды, недалеко от Белого озера. Ферапонт, тогда ушедший от своего сподвижника Кирилла Белозерского, отозвался на приглашение и переехал к князю Андрею Дмитриевичу насовсем. Так был основан Лужецкий монастырь. Преподобные Савва, Ферапонт и Кирилл — все были учениками и последователями святителя Сергия Радонежского. Основанные ими обители явились главными оплотами русского православия и таковыми являются и по сей день.

Еще же одной невероятной бедой, постигшей Московскую Русь после кончины преподобного Саввы Сторожевского, стали споры о наследии престола, породившие междоусобные войны, в результате которых было пролито немало крови. Эти споры на некоторое время даже возведут Юрия Звенигородского на великокняжеский престол. Но это уже другая история.

Глава шестая

ЗАГАДКИ ЖИТИЯ

ЗВЕНИГОРОДСКОГО ЧУДОТВОРЦА

И загадка остается загадкой!

А. П. Чехов

Эта глава родилась сразу и неожиданно. И нарушила последовательность повествования, изначально расположенного по годам жизни Саввы Сторожевского. Но в какой-то момент стало ясно, что без этой главы не обойтись.

В житии Звенигородского чудотворца достаточно «белых пятен». Но если бы только они составляли суть того, что временами воспринимается как какая-то загадка его жизни, странная тайна, которая манит в Звенигород сотни тысяч паломников и на долгие годы сделала место Саввиного монастыря притягательным магнитом для разного рода мыслителей и людей творческих профессий. Поход или поездка в Звенигород — всегда особое время. И это путешествие не всегда можно сравнить, например, с поездкой в Троице-Сергиеву лавру или в Оптину. Все совсем по-другому. И главное — остается ощущение какой-то большой недосказанности, векового молчания окружающих монастырь стен, холмов, сосен, безграничного и «безгоризонтного» пространства, исполненного чудодейственным воздухом.

Стоит великолепный монастырь, искрятся на солнце купола удивительных соборов, звонят колокола... Но мы почти ничего не знаем всерьез (или не помним) о том, кто все это начинал.

А поговорить — есть о чем.

Вот почему появилась в книге данная глава. Здесь специально подобраны главные гипотезы и к ним добавлены попытки разгадок некоторых тайн. Они могут показаться странными или неожиданными. Однако все основаны на исторических реалиях и источниках. Иногда лишь один намек, единственное замечание или реплика в личном документе, житии или летописи может подсказать пути для дальнейших исследований. Собранные воедино, они помогают выстроить предположения в систему. А это в свою очередь помогает по-другому взглянуть на обыденные предметы

или события.

Каждый из разделов этой главы — похож на самостоятельное исследование. Одно — более обширное (там, где есть больше источников), другое — короче. Все недосказанное или невыделенное автор оставляет на суд читателя и надеется на энергию и пытливость будущих знатоков-профессионалов.

И... разве найдется человек, который не любит загадки? Особенно когда разгадка так близка, вот-вот и обретется, вот-вот и мелькнет на следующей странице.

Что ж, удачи!

О дате его рождения и настоящем имени

Гипотеза 10

*Нет меж живущих людей, да не может и быть
безымянных.*

Гомер

Нам известна уже дата преставления, на современном языке — кончины преподобного Саввы Сторожевского: 3 декабря (по новому стилю — 16 декабря) 1407 года. Считается, что он ушел из жизни в возрасте седовласого старца, прожившего немалое время, о чем подробнее будет рассказано дальше. Предполагается также, что он мог быть почти ровесником преподобного Сергия Радонежского, который, как считается, родился 3 мая 1314 года. Если это так, то на смертном одре Савве уже было за 90 лет. Возраст для того времени очень и очень большой, и даже редкий. Ведь средняя продолжительность жизни не превышала 40–50 лет, по причине многочисленных войн, эпидемий, отсутствия развитой гигиены, погодных условий и т. д. Да и зрелость наступала раньше, чем сегодня. Вспомним, что двадцатилетние князья не только руководили уделами или государствами, но уже и сражались в первых рядах в самых известных битвах. Пример: Александр Невский, Дмитрий Донской, а также один из главных героев данной книги — князь Юрий Звенигородский.

Это означает, что жизнь Саввы по продолжительности была необычной. Могло такое быть? Ответ: конечно, могло бы! Именно потому, что, как известно, его жизнь именно и осталась в памяти людей таковой — выходящей из ряда!

Известно также, что Савва, будучи иноком в основанном Сергием Радонежским Троицком монастыре, исполнял обязанности духовника всей братии, видимо, включая и самого Сергия. А затем, после кончины преподобного, Савва даже стал игуменом его обители. Можно ли предположить, что таковым духовником, принимающим исповедь от всех монахов, включая старцев и самого игумена-основателя, мог быть молодой человек или человек значительно моложе Сергия? Скорее можно склониться к предположению, что он был даже старше его. О том, что Савва уже жил в монастыре у Сергия Радонежского и проявлял себя зрелым духовно и физически человеком, свидетельствует довольно много

преданий. А это значит, что он мог родиться еще до 1314 года, ранее Сергия Радонежского.

Однако сузить рамки возможных дат и в значительной степени подвинуть их в сторону большей «молодости» Саввы позволяют другие косвенные данные. Например, известно, что игуменом или духовником в монастыре мог стать инок, достигший 33-летнего возраста. На практике выходило, что зрелое 33-летие всё же еще не считалось основой для старчества, а потому в реальности для достижения игуменского сана или благословения на роль исповедника нужно было быть еще старше. Простая математика подсказывает следующее. Считается, что, возможно, впервые преподобный Сергей назначил своего ученика или сподвижника Савву на пост игумена в Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь в 1380–1382 годах. Это могло означать, что к этому времени Савва был уже в соответствующем возрасте и конечно же — считался весьма уважаемым среди братии иноком. То есть ему уже исполнилось как минимум 33 года, а возможно и чуть более. Тогда и дату рождения его можно смело отнести к середине — концу 1340-х годов.

Продолжим рассуждения. Поселиться в самом Троицком монастыре он вполне мог в возрасте 10 лет (именно с этого возраста по церковным правилам, основанным на решениях VI Вселенского собора, отрокам позволялось принимать монашеский постриг или жить даже если и не среди братии, то в отдельных постройках рядом с монастырем). Данное время совпадает с введением преподобным Сергием в 1354–1355 годах общежительного устава в Троицкой обители. Новый устав внутренней жизни был воспринят его соратниками по духовной брани неоднозначно, происходили серьезные трения внутри монастыря, вплоть до того, что Сергию пришлось даже на некоторое время покинуть стены обители, правда, чтобы очень быстро вернуться обратно.

Именно в это время Сергей рукополагается в сан священника и становится полноправным игуменом монастыря. Невзирая на трудности, жизнь развивалась, и многая братия стала приходить в «общее житье». Одним из таких молодых отроков и мог стать будущий Савва. Постриг в монахи первоначально совершали некоторые старцы обители, например Митрофан, который, собственно, принял обет у самого преподобного Сергия. Но не случайно же вновь появившийся юный отрок впоследствии пользовался таким вниманием со стороны самого Сергия Радонежского и всей остальной братии. Скорее всего, что он принял монашество именно от Сергия и именно после его утверждения в качестве игумена монастыря. Как, например, это сделал Федор Симоновский — будущий архиепископ

Ярославский и Ростовский, родной племянник Сергия. В одной из версий Жития преподобного об этом событии написано: «...и тако отлагает власы рукою преподобного Сергеа».

Вот почему уважение и авторитет монаха Саввы в дальнейшем могли быть получены им в первую очередь именно по причине того, что он вырос в самом монастыре с детского возраста. «Пришлого» со стороны даже зрелого духовника всей монастырской братии — вряд ли бы почитали настолько, чтобы затем избрать игуменом, который, уже после кончины самого Сергия, должен был бы заменить его в этом непростом деле. Труды основателя обители мог продолжить только тот, кто вырос в ее стенах, был благословлен самим Сергием, отдал служению многие свои годы, прошел нелегкий духовный путь бок о бок с учителем.

Исследователи, которые стремятся узнать что-то новое о преподобном Савве, выдвигают разные другие предположения о времени его рождения. Одно из них — будто год его появления на свет можно считать 1327-й, а в Троицкий монастырь он пришел будто бы в возрасте 18 лет. Данные эти, к сожалению, не основаны ни на чем, кроме гипотетических рассуждений, похожих на легендарные, а потому мы примем их во внимание как еще одно представление о происходившем, не более того.

В дальнейшем, в одной из гипотез, выдвигаемых в данной книге, мы рассмотрим другую более подробную версию, связанную с местом рождения Саввы, которая еще ближе подвигнет нас к упомянутым ранним датам его возможного рождения.

Теперь о его имени. В книге-житии о Савве, написанной в XIX веке, то есть спустя полтысячелетия после его кончины (бывало, что разные жития и других святых писались намного позже их преставления), говорится, что, принимая монашеский обет и постриг в Троицком монастыре, «он намеренно скрыл свое высокое происхождение, так как предание приписывает ему оставление имущества и заменение мягких одежд власяными рубами». Это дало повод для всяческих размышлений относительно того, кто были его родители и что он мог происходить вовсе не из простой семьи. И это на самом деле близко к истине.

В XIX веке и на заре века XX интерпретаторы Жития Саввы рассматривали такую версию, правда, никто из них не привел ни одного документа или доказательства в ее защиту. Однако его заметная роль во всех монастырских делах еще в период пребывания в обители Сергия Радонежского, общение с великими князьями и их родственниками, исполнение обязанностей на главных постах в разных монастырях,

внимание к нему со стороны власть имущих, влияние его не только на духовную, но и на политическую и военную мысль, на развитие архитектуры и искусства своего времени говорят и о его немалом и добротном образовании, а также о весьма уважаемом «мирском» (пусть даже и в прошлом, до монашества) положении.

Сам Сергей, например, был из простого рода. И он занял высочайшее положение человека, влияющего на развитие молодого Московского государства. Савва же не стремился к главным ролям, он всегда был как бы в тени, за спиной у Сергея, в числе его братии. Однако именно он, «не выделяясь» — почему-то всегда *выделялся* из этой братии и как никто другой внес огромный вклад в историю своего времени. Конечно, и другие многочисленные ученики и сподвижники Сергея приняли участие в духовном возрождении Руси, воздвигали монастыри и устраивали в них братскую жизнь. Но никто из них тогда не участвовал так значимо в мирских заботах, как это делал Савва. Что-то как будто давало ему небольшое преимущество перед остальными соратниками и сподвижниками. Думается, это и было как раз — его происхождение.

Конечно, можно было бы предположить (и это не раз делалось ранее), что Савва происхождением своим обязан Звенигородской земле. Что ж, можно рассмотреть это утверждение и как вполне разумное. Здесь он мог появиться на свет, взрасти, и даже (до своего попадания в монастырь к преподобному Сергию Радонежскому) в юности иметь отношение к знаменитым сторожевым отрядам, которые, как известно, дали название горе Сторожи. Почему бы и не поверить в то, что он был одним из разъезжих воинов-конников, которые, быть может, дежурили на этой пограничной земле. Некоторые из таких воинов становились монахами. Не потому ли потом о нем будут говорить, как о защитнике Русской земли? Именно здесь, на высоком холме позднее и будет основан им монастырь. А это значит, что Савва не просто на склоне лет своих переехал в Звенигород по приглашению князя Юрия Дмитриевича, а просто возвратился в свои родные края.

Если он был сыном именитых родителей, то в случае его рождения на Звенигородской земле нетрудно предположить, что они могли бы иметь отношение к какому-то боярскому роду. Звенигород был тогда достаточно большим и серьезным центром удельного княжества, сильное и родовитое боярство здесь возникло давно. Бояре звенигородские слыли хорошими воинами, они составляли наиболее значимые весьма сильные боевые дружины. Одна из них участвовала в Куликовской битве, где сложили

головы десятки детей боярских из звенигородских семей. Да и подати в Московскую казну Звенигород платил почти самые большие, в сравнении с другими близкими к Москве уделами. А это значит — было кому и что платить.

Князь Юрий Дмитриевич, фактически впервые получив в наследство этот удел от отца — Дмитрия Донского, как нечто абсолютно самостоятельное после присоединения его к Москве Иваном Калитой, переселился сюда на постоянное жительство, и хоть правил единолично, но и на бояр местных опирался основательно. Во времена же детства Саввы, когда Звенигород, возможно, еще не был во владениях Москвы, боярских семей там, видимо, также было достаточно.

Интересна и еще одна версия, связанная с давней встречей Сергия Радонежского и Саввы, которая будто бы произошла на Звенигородской земле задолго до основания здесь Сторожевского монастыря. Намекал на это митрополит Московский Филарет еще в XIX столетии, ссылаясь в своих записях на какие-то бумаги из архива Троице-Сергиевой лавры. В добавление к этому существовала еще одна легенда в знаменитой «женской Оптине» — Аносином Борисоглебском монастыре под Воскресенском (подмосковной Истрой) — что в 25 верстах от Звенигорода. Оказывается, здесь имелся источник воды неподалеку от самой обители, который с особым вниманием почитался монахинями и прихожанами-паломниками. Предполагалось, что именно здесь, по преданию, были вместе Сергий Радонежский и Савва Сторожевский. По этой причине некоторое время над источником стояла часовня с почитаемой иконой, изображающей обоих старцев, у которой дежурила и даже постоянно проживала одна из монахинь обители. Это напоминает историю со знаменитым источником, открытым старцем Саввой у стен Троицкой лавры в бытность его игуменом, который существует и по сей день.

В настоящее время принято называть старца Савву — Сторожевским. А почему именно так? И когда могло появиться это имя? Ведь скорее всего оно не могло существовать при его жизни, а если и стало употребляться, то в лучшем случае лишь сразу же после его кончины. Обычно народная молва и создает такие имена.

Иногда преподобного Савву называют также Звенигородским. Правильнее это или точнее, нежели Сторожевский? По всей вероятности, приставка к имени — Звенигородский — не могла появиться при жизни старца. Ведь в те времена так звучало имя князя, его условно носил Юрий Дмитриевич Звенигородский — сын Дмитрия Донского. Оно фактически

было признаком его власти, так как потомок Рюриковичей владел одноименным удельным княжеством. Именоваться одновременно с князем — Звенигородским, понятно, для старца было просто невозможно.

Поэтому упоминать старца Савву как Звенигородского стали позднее, когда род князя Юрия и его потомки перестали носить это «имя-титул», когда сам Звенигород начал приходить в некоторое запустение. То есть — со времен правления Ивана III, когда удельное Галицко-Звенигородское княжество просто перестало существовать, как некая административная единица, окончательно «растворившись» в нераздельном лоне Москвы.

В реальности впервые Савву стали называть Звенигородским, видимо, в период прославления многочисленных русских святых, перед составлением подробных Четых-Миней митрополитом Макарием, то есть с конца XV — начала XVI века, спустя около сотни лет после его кончины. Это придавало деяниям Саввы еще большую значимость, так как он по прошествии столетия получил от почитателей как будто не земной, но законный и в то же время «небесный» титул бывшего княжеского рода.

Одной из предполагаемых, но не доказуемых причин появления имени Звенигородский могло стать то, что старец Савва был родом из этих мест (об этой странной версии мы уже говорили). Ведь существовала традиция в те времена величать известных духовных подвижников, прибавляя к их именам название места, откуда они произошли. Самый типичный и яркий пример — имя преподобного Сергия Радонежского, где запечатлено название его родного городка Радонеж. Но в этом случае надо будет признать, что имя Сторожевский указывает, что он мог быть из этих мест. То есть уходя из Троицкого монастыря в Звенигород, на гору Сторожи, Савва на самом деле не «уходил», а возвращался домой, на родину.

На Руси большинство святых подвижников получали имена по тем местам, с которыми они связали главную часть своей жизни, где они родились или совершали духовные подвиги, занимались устройством обителей, миссионерством или проповедовали. Такое имя могло появиться по названию города: Пафнутий Боровский (от Боровска) или Сергей Радонежский (от Радонежа); по названию географического края, местности: Стефан Пермский (от Пермского края) или Зосима Соловецкий (от архипелага островов Соловки). Интересно, что очень многие русские святые получили свои имена от названий рек и водоемов. По всей видимости, это было связано не только с важностью воды, как главного источника жизни, но и вообще — с символической важностью самого источника воды, родника, как источника святости и духовного исцеления. Как правило, подвижник в первую очередь находил или открывал источник,

а уже затем начинал обустривать вокруг него «место свято». Нахождение поблизости от водоема или открытие родника в центре устраиваемой обители — было обычным делом. Среди таких имен: Кирилл Белозерский (от Белого озера) или Нил Сорский (от реки Соры).

Можно ли определить — от Звенигородского холма-горы Сторожи или от протекающей тут же речки Сторожки обрел свое имя старец Савва? Попробуем это обсудить, не забывая при этом, что Савву Сторожевского сейчас стали постепенно называть также еще и Стражем Москвы, и даже всей России. Однако гора Сторожи и одноименная речка возникли задолго до его появления на этом месте. Не он дал название этой местности, а наоборот. Те же, кто называл его Звенигородским, не предполагали причислять его к Стражам России, а скорее считали его святым старцем, духовным подвижником. К пониманию имени Саввы ближе идея Небесного Звенигорода, нежели идея «стражи», как некоей, пусть даже и духовной повинности, службы или даже добровольно взятой на себя обязанности.

Однако традиция отождествлять имя Саввы со словом «стража» почему-то сегодня, и надо отдать этому дань, звучит весьма весомо. И такое толкование может найти подтверждение, если на самом деле он действительно в юности или молодости, еще до монашества, служил в каком-то сторожевом отряде. Предположим даже нечто неожиданное. А вдруг был он одним из богатырей на той же горе Сторожи, а потом вернулся и построил здесь монастырь. То есть он охранял землю Руси первоначально в буквальном, а затем и в духовно-сакральном смысле. Как герои поля Куликова Пересвет и Ослябя. Потому и Юрий Звенигородский так принял к Савве, что тот был хорошим воином, а князь, как известно, любил баталии. Отсюда и благословение Саввы на военный поход. И вообще они как бы нашли друг друга. А пригласил же князь старца в Звенигород по причине того, что тот был из этих мест...

Такую неожиданно фантастическую картину можно обрисовывать и дальше, прибавляя все больше и больше разных подробностей. Но если это было так, то от горы Сторожи точнее было бы называть Савву — Сторожский или Сторожинский. Ведь исконно русским словом является «сторожа». А понятием «стража» его обогатил уже церковнославянский язык. Если бы Савва имел реальное отношение к службе «стражника», то тогда правильнее было бы его называть Савва Стражевский.

Но народный язык решил по-своему, назвав Савву Сторожевским. И это еще раз доказывает, что скорее всего имя его имело не «профессиональное», а топонимическое происхождение и связано было

все-таки с названием горы-реки. И значит, трудно станет тем, кто будет продолжать утверждать, будто Савва Сторожевский состоял на какой-то «страже», а монастырь, основанный им, был боевым форпостом на подступах к Москве. Утверждение сильное, пафосное, но в значительной степени далекое от мудрой и тихой глубины его духовной жизни, а также реальной глубины его духовного подвига.

Думается, что если спросить рядового современного обывателя — а что он знает о таком христианском подвижнике по имени Савва? — то мы можем получить весьма странный ответ, если и не получить его вовсе. Увы, но многие просто скажут: «Слышали, кажется, немного», — не более.

При более точной «наводке», например, при упоминании названия города — Звенигород — ответ может быть более удачным. Что-то вроде: «А-а, да, знаем — в Звенигороде есть монастырь, а в нем вроде был какой-то Савва». При этом непросто будет найти на улице человека, который бы добавил нечто про других прославленных людей, носивших точно такое же имя. Все Саввы остались «за бортом» памяти светского человека наших дней.

Конечно, эти рассуждения не имеют никакого отношения к знатокам истории, пытливым исследователям и благообразным христианам. Этим мы не хотим отделить последних от других людей. Однако мы позволим себе сказать несколько слов об имени Савва и тех, кто его носил в христианской истории. Хотя бы потому, что мы неоднократно сталкивались с путаницей даже в серьезных материалах и публикациях, некоторые из которых имели прямое отношение к Савве Сторожевскому, а потому и влияли (и продолжают влиять) на составление его правдивого жизнеописания.

Имя Савва в переводе с древнееврейского языка означает «вино». Иногда его интерпретируют как «стрелец». Было бы странным сопоставлять время кончины православного старца, каким был Звенигородский чудотворец, с некими «знаками зодиака», но они совпадают, произошло это под «знаком стрельца», 16 декабря по новому стилю. Есть и «арамейская» интерпретация перевода значения имени Савва — оно значит «старец», «друг».

Для интересующихся именинами и своими святыми покровителями приведем список главных подвижников с днями их почитания, которые носили это славное имя.

Савва Освященный, игумен, основавший Лавру вблизи Иерусалима, 18 (5) декабря.

Савва Синайский, преподобный мученик, 27 (14) января.

Савва Стратилат, Римский, мученик, утопленный в реке (III век), 7 мая (24 апреля).

Савва Венефальский, преподобный, 9 сентября (27 августа).

Савва Готфский, Муссовский (Валахийский), мученик, 28 (15) апреля.

Савва Вишерский, Новгородский, преподобный, 14 (1) октября.

Савва Крыпецкий, Псковский, преподобный, 10 сентября (28 августа).

Савва Новый, иеромонах, 7 апреля (25 марта).

Савва Московский, преподобный, 26 (13) июня.

Савва Охридский, равноапостольный, исповедник, 9 августа (27 июля).

Савва Печерский, в Ближних (Антониевых) пещерах, 7 мая (24 апреля), 11 октября (28 сентября).

Савва I Сербский, архиепископ, 25 (12) января, 12 сентября (30 августа).

Савва II Сербский, преподобный мученик, 21 (8) февраля, 12 сентября (30 августа).

И наконец.

Савва Сторожевский, Звенигородский, игумен, прозорливец и чудотворец, 1 февраля (19 января), 16 (3) декабря.

Следует иметь в виду, что список этот составлен вовсе не по значимости или хронологии, и первая дата дается здесь по новому стилю.

Савва Освященный представляет для нас особый интерес. Ведь его духовный опыт во многом лег в основу жизни русского монашества, а также и деяний Саввы Сторожевского. Известно, что этот будущий игумен и основатель Лавры, создатель первого церковного устава, родился в Каппадокии, а скончался в VI веке. Он также ушел из «благополучной» семьи известного военачальника в монашество. Затем он отправился в Иерусалим, где жил в разных обителях, а потом — в уединении, в пещере. Именно вокруг этой пещеры потом стали собираться новые иноки, его ученики. Здесь из земли забил чудесный источник. В этом месте происходили чудесные исцеления.

Как это напоминает нам житие Саввы Сторожевского! Он тоже был не простого рода, прошел суровую монастырскую школу, обосновался в пещере у Звенигорода, открыл свой источник, его окружали последователи, наконец, с ним связаны многочисленные чудеса, в первую очередь — именно исцеления. Да и память о них отмечается почти рядом: 16 и 18 декабря! Любой агиограф (биограф) должен обратить на это внимание.

В Москве был известен храм Саввы Освященного — на Девичьем поле. Он оставил память и в названии Саввинского переулка (теперь и набережной Москвы-реки), и был единственным в Москве во имя этого подвижника. Потом на этом месте располагался мужской Саввин монастырь. В XV веке отсюда провожали из Москвы в Смоленск чудотворную икону Божией Матери (Одигитрии), крестный ход начался от Успенского собора в Кремле и пришел к Савве. В другие времена он стал традиционным, но совершался уже к другому, близлежащему монастырю — Новодевичьему, где существует и по сей день высокая башня, именуемая Саввинской.

Известен был и другой Савва — Вишерский. Он жил чуть позднее игумена Сторожевского, но мог застать его в старости. Долгое время подвижник обитал на Афоне. Вернувшись на Русь как простой бедный странник, он обосновался на реке Сосницы, недалеко от Новгорода. Местные иноки прогнали его, и он ушел на реку Вишеру, где основал свой монастырь, называемый Савво-Вишерским. Последние годы он жил на столпе, что являлось образцом крайней аскезы среди монашествующих.

Из Сербии или с Афона на Русь также пришел и Савва Крыпецкий. Было это в середине XV века. Жил он в Снетогорском монастыре, а затем — в обители преподобного Евфросина Псковского. Наконец, после благословения последнего, он основал свой монастырь в урочище Крыпцы.

Для православного человека очень большое значение имеет имя еще одного Саввы — Сербского. По-сербохорватски оно звучит поэтично — Свети Савва. Он не только жил в реальности в XII — начале XIII столетия, но и стал популярнейшим героем-персонажем южнославянской мифологии. Считалось, что он способен на оживление мертвых, исцеление слепых, превращать собак в волков, а людей — в животных. Он мог с помощью железа выбить воду из камня. В некоторых мифах-сказках он как-то создает кошку, чтобы она победила мышей, забирает назад солнце у выкравшего его дьявола. Еще Свети Савва мог предводительствовать тучами, градом и громом, не говоря уже о животных, включая тех же волков. Такая власть над природой и стихией может ассоциировать святого с древнерусским Велесом.

Поразительно, как это близко будет связано потом с Саввой Сторожевским, который жил в пещере, возможно, еще в языческом сознании имеющей происхождение от медвежьей (волчьей) берлоги. Именно изгнание мифологического медведя, в виде спасения царя Алексея Михайловича, являлось важным актом в борьбе с язычеством на Руси. Связано событие было непосредственно с именем Саввы Звенигородского.

Но истоки — снова ведут нас в глубь веков, к Савве Сербскому...

Почему так часто путали разных подвижников, имена которых были одинаковыми? Конечно, из-за невнимательности. С Саввой Сторожевским это происходило многократно. Приведем лишь некоторые примеры, которые оказались на виду.

Первая история связана с Саввой Стромынским, который был игуменом Успенского Дубенского монастыря и жил одновременно с Саввой Звенигородским. Здесь просто авторы житий и летописцы одного Савву заменили на другого. Путаница оказалась невероятной. Подробности об этом изложены в одной из последующих главок данной книги — «Мифы о Дубенском острове», куда мы читателя и отсылаем.

Другой пример связан с тем, что одновременно с ним жил Савва Московский — сподвижник и ученик основателя Спасо-Андроникова монастыря — Андроника Московского. Этот Савва скончался почти вслед за Сторожевским игуменом — в 1410 году. Его имя будет связано с жизнью иконописца Андрея Рублева. И в связи с этим требует особого внимания весь период деятельности инок Андрея в середине 1390-х годов, сразу после кончины Андроника (1395), когда он трудился над росписью звенигородских соборов. Делал он это по просьбе и благословию Саввы Сторожевского. Но считается, что он провел эти годы в Андрониковом монастыре — у Саввы Московского. Путаница или историческое переплетение событий? Имеет смысл разобраться и в сей проблеме, чем мы и займемся позднее.

И, наконец, пример третий. Он связан с тем, что после кончины Саввы Сторожевского (в 1407 году) место игумена в его монастыре занял (скорее всего, по его же благословию) другой Савва. Позднее это стало причиной того, что иногда кое-кто считал датой преставления Звенигородского старца чуть ли не 1432 год. При этом даже предполагалось, что он вновь заменил Никона Радонежского на посту игумена Троицкого Сергиева монастыря, уже после кончины того — в 1428 году.

Вот ведь задачка с тремя неизвестными. Разрешить ее можно только с помощью быстрого пояснения. А именно — оказывается, что было три Саввы, почти одновременно! Один — наш Савва Сторожевский. Другой — его преемник по Звенигородскому монастырю (после 1407 года). Третий — преемник Никона Радонежского по Троице после его кончины (не ранее 1428 года). Можно было бы разобраться просто. Если бы Савва Сторожевский в своей жизни не был бы игуменом и Троицкой, и Звенигородской обителей. Представьте себе «жизнеописателя» русского

Средневековья, не имеющего под рукой почти никаких «справочников» и пытающегося десятилетия (а то и столетия) спустя разобраться в исторических перипетиях из устных рассказов и преданий, где имя одного игумена совпадает с другими. Вот так эту историю описывает в XIX веке замечательный летописец Сторожевского монастыря С. Смирнов: «Составитель истории иерархии, при описании Троицкой лавры, в списке игуменов, на третьем месте поставляет Савву Сторожевского и говорит, что он игуменствовал в лавре 4 года с 1429-го (Ист. иер. II. 175). Но в том же томе далее при описании Саввина монастыря говорит, что Савва Сторожевский скончался 1407 года (стр. 563). От чего же происходит такая запутанность и противоречие? Во 1-х, кажется, от того, что и Савва Сторожевский был игуменом в лавре после Никона, когда последний, вскоре по вступлении в игуменство, оставил власть добровольно, а другой Савва числится игуменом Троицким после же Никона, именно после его смерти. Между тем последний не именуется святым или преподобным. Во 2-х, и преемником преподобного Саввы в монастыре Звенигородском был Савва же; такое тождество имен действительно могло быть причиною неверных предположений и догадок».

Странно, но после кончины — памяти о преподобном Савве словно бы «везло» на исторические «несуразицы». Остается надеяться, что время расставит все на свои места.

Итак, мы видим, что очень красиво выглядят и рассказ о возможном возвращении Саввы в родной Звенигород, и история его мирского имени. Но все это пока еще далеко от истины.

Остается только сделать некоторые выводы.

Предполагаемые даты рождения Саввы Сторожевского:

Вариант 1. До 1314 года.

Вариант 2. 1327 или 1330-е годы.

Вариант 3. Середина 1340-х годов, не позднее 1347 года.

Мирское имя: возможно, имеет отношение к одному из боярских или знатных родов.

Место рождения: точно не известно, однако автором уготована иная версия о том — откуда он был родом.

О чем и пойдет речь далее.

«Смоленский след» в биографии игумена

Гипотеза 11

Бывают странные сближения...

А. С. Пушкин

Поспешим ознакомить читателя с нашей версией возможного происхождения Саввы Сторожевского. Тогда ответ на вопрос — «так кто же он был, какого роду-племени, из какой семьи?», на который исторические документы напрямую свет не проливают, может оказаться более близким.

Одно из предположений на данный счет, по нашему мнению, связано с боярским родом из Великого княжества Смоленского. На это указывают косвенные данные. И если собрать их всех воедино, то возникает некоторая вполне отчетливая картина, гипотеза, которая имеет шансы на подтверждение.

Повторюсь — речь идет лишь о наметках «Смоленского следа» в биографии Саввы Сторожевского. И делаю это потому, что данная гипотеза выдвигается впервые, а потому требует и некоторых доказательств, и достаточного осмысления. Приведу некоторый ряд попавшихся на глаза фактов. Все дальнейшее — предмет дополнительного изучения исследователями.

Сначала вернемся к знатному происхождению Саввы. Известно, что большинство известных учеников и последователей Сергия Радонежского были из таких родовитых семей. Ярчайший пример — Кирилл Белозерский, который был в прямом родстве с семьей тысяцких Вельяминовых из Ростова, в миру звался Козьма и был печатником боярина и окольничего великого князя Дмитрия — Тимофея Васильевича.

Выходцы из Ростова группировались тогда вокруг Федора Радонежского. В этом кругу мы имени Саввы не замечаем. Потому и отбрасываем мысль, что он был из Ростова или откуда-нибудь из близких к Троицкому монастырю земель.

Но Кирилл Белозерский и Савва Сторожевский, если присмотреться к историческим фактам, чем-то всегда были близки по образу и по духу. Они предпринимали некоторые важные шаги в своей жизни почти одновременно, они уходили из родных обителей и основывали свои монастыри. Именно к преподобному Кириллу обратился после кончины

Саввы князь Юрий Звенигородский за духовной помощью и поддержкой. Случайно ли? Именно Кирилл Белозерский окормлял духовно младшего брата и соседа Юрия — Андрея Можайского. Эта «близость» косвенно показывает, что в жизни братьев-князей происходило много похожего. Князь Юрий хотел выглядеть не хуже, чем его старший или младший братья, а потому призвал к себе в отчину и выбрал в духовники именно Савву — выходца из именитого рода, то есть поступил так же, как делали и они.

В Москве боярство занимало весьма весомое положение, особенно в период княжения Дмитрия Донского и его сына Василия. Когда Василий Дмитриевич получил знаменитое письмо с предупреждениями из Орды от Едигея, то там было написано черным по белому о смене прежнего поколения бояр, слушавшегося татар — новым, которое стало им враждебно. Известны были такие боярские фамилии, как род Феодора Кошки и его сыновей, предков Романовых, роды Ивана Родионовича Квашни, Вельяминовых, Челядниных, Всеволожских, Плещеевых, племянников митрополита Алексея, Жеребцовых. К сожалению, чем дальше от Москвы, тем имен боярских сохранилось в истории меньше и меньше, особенно среди тех княжеств, которые проиграли той же Москве в исторической битве за верховодство Русью.

Были известны и другие боярские роды из многих русских княжеств. Одним из наиболее значительных как раз было Великое княжество Смоленское. В очередном из жизнеописаний Саввы, написанном в XIX столетии, как мы помним, есть прямой намек на его неординарное и богатое происхождение. «Может быть, — писал автор, — он намеренно скрыл свое высокое происхождение, так как предание приписывает ему оставление имущества и заменение мягких одежд власяными рубами». «Предание», конечно, не источник, но оно ведь существовало.

Вот теперь мы подошли к «Смоленскому следу» вплотную, а значит, самое время поговорить о нем конкретнее.

На «Смоленское происхождение» Саввы Сторожевского наводят следующие факты и события, так или иначе связанные с его Житием.

1. В 1383 году в Москве появился епископ Смоленский Даниил (епархия в Смоленском княжестве была учреждена еще в начале XII века и пользовалась большим авторитетом, влиянием, а также имела многие земли и привилегии). Литовские притязания на Смоленск и постоянный «нажим» со стороны западных католиков настолько затрудняли исполнение им своих обязанностей, что он попросил разрешения остаться в Москве. Возможно,

этому поспособствовал и митрополит Киприан, который, защищая многие литовские интересы, не хотел иметь в Смоленске сильного соперника. Фактически, как подтверждают летописи, Даниил просто спасался от литовцев.

Епископ был тепло принят при Московском дворе. Напомним, что князь Дмитрий Донской специально для него учредил новую кафедру. Даниил получает от Дмитрия Донского в епархиальное владение подмосковный Звенигород и начинает именоваться «владыкою Звенигородским».

Похоже, что Даниил был знаком и даже близок с Саввой, и уже давно. Именно этим можно объяснить их постоянное сотрудничество на протяжении всего времени, пока Савва находился в Троицком монастыре. Вот почему до самой кончины Даниила он не покидал обители Сергия Радонежского и не переселялся в Звенигород, где его уже давно ждали.

2. Известно, что Савва пришел на гору Сторожи «с иконой Смоленской Божией Матери», что было особой традицией у многих современных ему основателей новых монастырей, но в данном случае имело особый смысл. То была, возможно, икона с его родины. С ней он привносил в Звенигород частицу своей земли. Поразительно, но в те же самые времена жена Василия I и дочь литовского князя Витовта — Софья, по наказу отца, пытающегося «задобрить Русь», уже фактически «отдавшую» ему Смоленск, привозит оттуда в Москву древнюю икону Смоленской Богоматери — «Одигитрию», защитницу западных русских границ. Икона попала на Русь из Византии еще в XI веке, и ее, по преданию, написал сам апостол Лука. «Одигитрию» Софья специально помещает на видном месте в Благовещенском соборе Московского Кремля. Но это «послание» от Витовта, направленное русским, чуть ли не прямо означало — «Смоленск уже не ваш», западные границы Руси, которые икона охраняла, уже немного подвинулись на Восток, а потому святыню свою — заберите, в ближайшее время обратного хода ей уже не будет.

Со Смоленской иконой (так это символически описывается в житиях и летописях) основывали свои монастыри и Сергей Радонежский, и Кирилл Белозерский. Она считалась заступницей Русской земли, ведь когда-то, хоть и временно, она, по преданию, спасла Смоленск от полчищ хана Батыя. Однако для Саввы она имела гораздо более важное значение, что подтверждают последующие факты.

3. Епископ Смоленский и затем Звенигородский Даниил проводил в Москве «смоленскую» политику, не очень удобную Литве и митрополиту Киприану, но отчасти (и мы это подтвердим в дальнейшем) крайне важную

для брата Василия I — Юрия Звенигородского, духовным отцом и наставником которого был Савва Сторожевский. Еще в год кончины Дмитрия Донского — 1389-й — Даниил сопровождает в части пути в Царьград (Константинополь) митрополита Пимена, пытавшегося сохранить за собой митрополичий престол в Москве и не отдать его Киприану, как известно — проводившему «пролитовскую» политику. Пимена поддерживали именно «смоляне», среди которых первоначально были епископ Смоленский Михаил и автор известного «Хожения» Игнатий «Смольнянин». Однако «смоленская», «антилитовская» партия — проиграла, в правах митрополита в Москву в 1389–1390 годах с триумфом вернулся Киприан. Возможно, по этой причине он попытается в ближайшие годы отстранить Даниила, бывшего епископа Смоленского, со Звенигородской кафедры. Но по этой же причине в этих краях появится еще более сильный духовный авторитет — «смолянин» Савва, продолжавший некоторое время дело своего учителя Сергия Радонежского в Троицком монастыре, одновременно влияя на своего земляка — Даниила — и на своего духовного сына — князя Юрия — в Звенигороде.

А когда Витовт в 1395 году подчинит себе Смоленск, то дружба его с Московским князем только укрепится. Известно, что в 1396 году Василий даже приедет в захваченный Смоленск, чтобы отметить там праздник Пасхи! Здесь же родственники утвердят границы новых владений, разделят сферы влияния между Москвой и Литвой, а подтвердит договоренности присутствовавший при этом митрополит Киприан. Так Смоленск ушел к Литве. А вместо епископа Михаила (пытавшегося «дружить» с Киприаном при возвращении из Константинополя, но скончавшегося позднее пленником в Москве) здесь появится новый.

«Не повезло» в те годы не только Смоленску, но и Звенигородской епископской кафедре, а значит, и князю Юрию, и его многочисленным начинаниям в этом уделе и городе. Ведь именно в это время он после победы над булгарами закладывает по благословению Саввы Сторожевского новые соборы и строит Кремль на Городке. Кто-то должен был его поддержать.

4. И это сделал Савва Сторожевский. Не случайно — только после кончины бывшего епископа Смоленского, а затем — Звенигородского Даниила, то есть после 1397 года, преподобный старец решает окончательно покинуть Троицкий монастырь и поселиться в Звенигороде, что косвенно подтверждает существовавшую связь между этими людьми, возможно, имевшую исторические и (почему нет?) даже родственные корни. Основанная им здесь новая обитель возросла почти прямо на

древней Смоленской дороге и заняла самое удобное положение в непосредственной близости от Москвы. Теперь Савва будет до конца помогать своему духовному сыну — князю Юрию Звенигородскому — во всех его начинаниях.

5. Браки в великокняжеских семьях в те времена не заключались «просто так» или «по страстной любви». «Смоленский след» в значительной степени подтверждается тем, что князь Юрий Дмитриевич Звенигородский женился в 1400 году на Анастасии — дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, и этот брак был благословлен Саввой (он способствовал ему и наверняка даже венчал молодых). Такой выбор не мог быть случайным, ведь женитьба совершенно точно и целенаправленно определяла возможность потенциального престолонаследия в Смоленском великом княжестве для Юрия Звенигородского и всех его потомков.

6. Земли вокруг Звенигорода, в частности, соседние с ним город Можайск и окрестности (полученные в наследство братом Юрия Дмитриевича — князем Андреем), были долгие времена до этого (еще с конца XIII века) уделами Великого княжества Смоленского. Они лишь недавно отошли к Москве, а потому могли бы довольно естественно и быстро перейти обратно под «Смоленское крыло», что было связано с нижеследующими обстоятельствами.

7. Князь Юрий Звенигородский после женитьбы стал родственником князя Витовта (как и его старший брат Василий), ведь тетя его жены была замужем за великим князем Литовским. Это предопределяло еще один невидимый «спор» между сыновьями Дмитрия Донского — Василием и Юрием, спор о том — кто мог быть ближе к Литве. У Василия жена — дочь Витовта, а у Юрия жена — племянница жены Витовта. Однако в этом «споре» были и другие скрытые мотивы. Юрий, как известно, не претендовал на дружбу с Литвой, скорее — наоборот. Но он и его потомки заимели потенциальные права на Великое княжество Смоленское (после женитьбы Юрия и в особенности после гибели Глеба Святославича — при битве на Ворскле в августе 1399 года), а Василий — такого права уже никак иметь не мог. Савва Сторожевский был в это время на стороне Юрия и «устроил» его брак со «смолянкой» Анастасией, которая никак не могла «любить» Литву и вряд ли могла простить смерть деда, князя Святослава Ивановича, убитого литовцами в битве на реке Вехре. Теперь, после такого брака, только захват Литвой Смоленска мог предотвратить быстрое и многократное возвышение Юрия. Литва успела совершить этот «быстрый захват» — при молчаливом согласии Московского князя Василия.

«Смоленская партия» была разыграна в пользу Литвы, а не Руси в лице князя Юрия. Так Василий «убил двух зайцев»: вернул должок Витовту, приютившему его после побега из ордынского плена, и заодно ревностно осадил младшего братца, не дав ему возвыситься выше положенного.

8. Князь Юрий Звенигородский начал выпускать собственные монеты с изображением Георгия Победоносца, поражающего копьём змия, в те годы, когда он собирался жениться на Анастасии, когда он осуществил этот брак и когда его тесть боролся за возврат себе Смоленска. Но этот святой был одноименным покровителем и другого Юрия — Святославича (Смоленского). Два Юрия — это «больше», чем один. У одного — богатство (после похода на Волжскую Булгарию) и сила (полководческий талант), а у другого — Великое княжество Смоленское, со своей славной историей и соседством с Европой. Появившиеся монеты отражали суть момента. А затем — стали символом и гербом самой Москвы. Но даже эту затею с деньгами (как и некоторые другие) брат Юрия — Василий I — повторил потом в точности, выпустив в Москве собственные монеты со святым Георгием на аверсе и «забрав» авторство идеи себе.

9. Возможно, князь Юрий Дмитриевич оказывал тайную помощь и поддержку уже через год после свадьбы своему тестю — Юрию Святославичу (в 1401 году), когда тот вновь вернул себе Смоленск и власть в великом княжестве (княжение это продолжалось потом до 1404 года). Во всяком случае, возврат великого князя на Смоленский великокняжеский престол сразу после замужества его дочери и торжеств по этому поводу в Звенигороде — весьма не двусмысленное событие. Даже помощь ему Олега Рязанского с войском не давала достаточно сил в тот момент, когда решалась судьба Смоленска.

10. Очень интересным штрихом-дополнением к аргументам по «Смоленскому следу» может стать гораздо более поздняя история, относящаяся уже к XVII столетию. Не случайно же во время Смоленского похода в 1650-е годы, в период войны с Польшей, царь Алексей Михайлович отправится на битву за возвращение исконного града Смоленска с иконой... преподобного Саввы Сторожевского. Видимо, тогда еще оставалось или было живо какое-то предание, связывавшее основателя Звенигородской обители со Смоленской землей. Старца Савву можно смело назвать покровителем Смоленской кампании середины XVII века. По записанным преданиям, прямо перед самым походом Савва Сторожевский явился царю, когда тот находился в городе Наре, и благословил его на битву (как когда-то Юрия Звенигородского), после чего тот взял с собой икону старца — лик работы Дионисия. В итоге — Смоленск был возвращен.

Савва Сторожевский — заочно — мог бы по праву носить еще и имя Смоленского.

В честь удачного похода на звоннице Саввино-Сторожевского монастыря появились часы с боем, которые когда-то украшали Смоленскую ратушу. То есть — произошел символический возврат времени — часов — жизни самого Саввы-«смолянина» на свое место, некоторый «возврат к Савве», «к его родине» (Алексей Михайлович любил такие символические действия, о чем речь пойдет в главе о нем данной книги). Смоленский колокол голландской работы сохранился на звоннице Саввиной обители до наших дней (единственный из исторических колоколов, что также символично). Кстати, отправившись в Смоленск на войну, царь спасся заодно и от мора — страшной эпидемии чумы, которая как раз произошла в то время в Москве. От заразы погибло невероятное множество жителей, а Звенигород, например, вымер почти полностью.

На этом можно было бы и закончить пока рассказ о «Смоленском следе». Но завершением нашего рассказа может стать еще одна в некотором роде душераздирающая история, которая поможет ответить на очередной вопрос. Почему же, если Савва Сторожевский и Юрий Звенигородский были так близки к Юрию Святославичу Смоленскому (включая родственные связи), они не помогали ему открыто, да и вообще — почему он закончил затем свои дни где-то в бегах, на землях, которые считались территорией Орды, а не у своей дочери и зятя в Звенигороде?

Как мы уже говорили, «породнение» князя Юрия Звенигородского со Смоленском было не в угоду его брату — Василию I. Связанный узами договора, по которому он не мог совершать никаких военных действий без согласия старшего брата, Юрий Дмитриевич, по крайней мере внешне, почти не вмешивался в проблемные дела Юрия Святославича. Помощь от него не могла поступать открыто и постоянно, так как он не мог и не хотел идти поперек данного брату Василию слова. А в 1403 году, после кончины князя Олега Рязанского, Юрий был вынужден вообще подписать еще один «братский» договор с его сыном — Федором Ольговичем (договор был подтвержден грамотой Василия I), что окончательно связывало ему руки. Ведь князь Федор, в отличие от своего отца, стал благоволить Литве, а не Смоленску, сводя на нет все усилия по сохранению Смоленска за Русью.

Упомянутая и весьма условная «просмоленская партия» к моменту окончательного захвата Смоленска литовцами в 1404 году уже совсем развалилась. Некому было ее поддержать. А «смолянин» Савва Сторожевский уже был в очень преклонном возрасте, чтобы влиять на

такие события. В это время он практически уходит в скитское житье, отдаляется все более в своей келье-пещерке рядом с горой Сторожи, у основанного им монастыря.

Даже если еще могло все как-то восстановиться, или же могла продолжиться какая-то борьба за возвращение Смоленска, то им помешали другие события. Именно они совершенно бесповоротно перечеркнули все возможные на сей счет планы и усилия. О чем речь?

Потеряв в 1404 году Смоленск, Юрий Святославич отправился к союзникам по антилитовской оппозиции — в Новгород, где его приняли и даже дали во владение 13 городов. Затем он обосновался в Торжке. И тут — седина в бороду, бес в ребро — произошло событие, вошедшее и в светскую, и в церковную истории.

В Торжке поселился также изгнанный вместе с Юрием князь Семен Михайлович Вяземский. Жили они как друзья — душа в душу. Но вдруг Юрий Святославич страстно влюбился в жену князя Семена. Звали ее Ульяна, и она категорически отвергала любые ухаживания со стороны воздыхателя. Юрий привык получать свое. Однажды, в порыве отчаяния, он, получив очередной отказ от Ульяны, взял да и убил своего друга — мужа Ульяны, а затем решил силой овладеть ею самой. Женщина защищалась, как могла, даже ранила насильника ножом в руку и выбежала на улицу. Дальнейшее похоже на фильм ужасов. Разъяренный князь Смоленский догнал Ульяну, выхватил меч и изрубил ее буквально на куски, а останки приказал бросить в реку.

При нашествии ордынцев на Руси видали многое. Но такое преступление просто ужаснуло всех. Летописи повторяли потом одна за другой долгие столетия: «И бысть ему в грех и в студ велик и с того побеже к Орде, не терпя горького своего безвременья, срама и бесчестья». Вот почему оказался Юрий Святославич в Рязанской земле («в Орде», как тогда писали). Принял его здесь некий пустынник Петр, у которого князь исповедался в своих грехах, а затем, как утверждают поздние источники, скончался в монастырском покаянии. Ульяна же (под именем Иулиании) и ее супруг князь Семен были причислены к лику святых. Невинно убиенные за правду и за любовь издревле почитались в народе.

Если бы Юрий Святославич не «замарал» себя в связи с любовной историей и убийством, то кое-что в истории могло пойти по-другому. Но он был заклеямен позором от имени всей Русской земли. Вот почему князь Юрий Звенигородский и Савва Сторожевский не приняли к себе Юрия Святославича в последний год его жизни, хотя для Юрия он был тестем, да и Анастасия могла бы пригласить к себе отца. К этому можно добавить

лояльность Звенигородского князя к брату Василию — великому князю, невозможность в то время портить отношения с Литвой, сильные позиции митрополита Киприана. И лишь только когда в 1406 году Киприан скончался, можно было бы пригласить Юрия Святославича в Звенигород. Но именно в это самое время он и натворил ужасных дел в Торжке, убил семью князя-друга и стал «злодеем» Руси. Только сбежав в Орду, а затем в монастырь под Тулой (по карте и это тоже была — Орда, где он мог чувствовать себя в безопасности), он сумел оправдаться перед потомками и даже, как раскаявшийся грешник, был признан затем... местно почитаемым святым. Таковы парадоксы русской истории и русской святости.

Мифы о Дубенском острове

Гипотеза 12

*Они вглядываются, но не могут разобрать
очертаний города Китежа.*

Из либретто оперы Н. А. Римского-Корсакова

Разговор на эту тему мы начали ранее — в главке данной книги «Двенадцать лет в Успенском?». Теперь настало время его продолжить.

А суть проблемы состоит в том, что на протяжении столетий существовал монастырь неподалеку от Троице-Сергиевой обители, основанный самим Сергием Радонежским по просьбе или даже по обещанию князя Дмитрия Ивановича Донского. И не просто монастырь, а памятник Куликовской битве. Князь сказал Сергию, что если вернется после сражения с Мамаем победителем, то «церковь устроит». Что и сделал. И принято было называть ту обитель — Успенский Дубенский монастырь.

Сергий поставил настоятелем в нем старца из Троицы — уважаемого и почитаемого. А имя старца сего — Савва, о чем и пишет Маркелл Безбородый. Со временем монастырь хоть и не стал очень известным, но пользовался вниманием паломников и почитался среди православного люда.

Так в чем проблема? — спросите вы. Ведь все складывается вполне ясно.

А вот в чем. Со временем этих монастырей, практически с одинаковыми названиями, появилось вдруг — два. Значительно позднее в документах и литературе они почему-то «размножились». Стали говорить, что будто еще с самого начала появилась не одна обитель, а две, и обе они были основаны и построены в одно время. Но самое главное — игуменами-настоятелями и в том и другом — были иноки по имени Савва. И хотя такое поразительное совпадение некоторыми историками и писателями воспринималось неоднозначно, даже в настоящее время продолжается спор о двух монастырях.

Для нас рассмотрение данного вопроса важно в первую очередь потому, что одним из настоятелей мог быть или был игумен Савва, будущий старец Сторожевский (именно так решил и Маркелл Безбородый,

упоминая «сего блаженного Савву, о нем же повесть эта предлагается»).

Но ведь и другой игумен Савва — тоже существовал, он известен в предании как Савва Стромьинский. И прах его покоился в стенах того самого Дубенского монастыря и почитался паломниками.

Вот и нужно нам понять главное — если монастырей было два (одноименных), то тогда и игуменов было два (одноименных), а значит, мы, наконец, можем открыть первую известную нам реальную страницу в жизни Звенигородского чудотворца. А если обитель была единственная, да и игумен был только один... то кто же он? В итоге мы можем получить либо подтверждение мифа, либо еще одно белое пятно в нашем жизнеописании.

Для любого биографа или составителя Жития важна каждая крупинка информации. Так хочется верить: то-то или то-то могло бы происходить, случиться или просто быть. Для описания земного пути Саввы Сторожевского, как мы уже хорошо понимаем, любой факт важен вдвойне, мы и так практически по крохам собираем каждое упоминание о нем.

Но правда есть правда. И она стоит того, чтобы ее добыть. А значит — рассмотрим миф о двух монастырях со всех точек зрения. Может, он вовсе и не миф!

Самое первое из дошедших до нас упоминаний о Дубенском монастыре можно прочесть в наиболее старом из всех написанных на Руси житий преподобного Сергия Радонежского. Оно принадлежит перу Епифания Премудрого — одного из самых ярких мыслителей и писателей начала XV столетия. Епифаний знал преподобного Сергия лично, по-еле его кончины подробно расспрашивал о нем очевидцев, почти два десятилетия вел различные записи в своих тетрадях, прежде чем сел за работу. С момента кончины основателя Троицкой обители прошло совсем немного времени. Большинство современников хорошо помнили его, а значит — автору Жития просто невозможно было ни слукавить, ни приписать какого-либо вымысла. Он так отметил в своем предисловии: «Я горько опечален тем, что с тех пор как умер этот святой старец, пречудный и совершенный, прошло уже двадцать шесть лет, и никто не дерзнул написать о нем — ни близкие ему люди, ни далекие, ни великие, ни простые: великие не хотели писать, а простые не смели».

К тому же еще были живы многие старцы, которые рассказывали то, что не могли знать обычные миряне. Последовательность своей работы Епифаний описал довольно подробно: «Поэтому мне пришлось допытываться и расспрашивать древних старцев, хорошо и точно знавших

жизнь его... Все, что я услышал и узнал, сказали мне отцы, кое-что я услышал от старцев, кое-что видел своими глазами, что-то слышал из уст самого Сергия, что-то узнал от человека, прислуживавшего ему немало времени и лившего воду на руки его, и еще кое-что я слышал от старшего брата Сергия Стефана, родного отца Феодора, Архиепископа Ростовского; часть сведений я узнал от других старцев, древних летами, достоверных очевидцев рождения Сергия, воспитания, обучения грамоте, возмужания и юности — до самого пострижения его; третьи старцы были очевидцами и правдивыми свидетелями его пострижения, начала пустынножительства и поставления его на игуменство; о других событиях у меня были другие повествователи и рассказчики».

Такое подробное описание труда Елифания необходимо нам для того, чтобы стало ясно — это вполне точный и достаточно правдоподобный источник, сведения из которого можно принимать как вполне исторические. Ведь именно из Епифания заимствовал наш Маркелл Безбородый свой рассказ о Дубенском монастыре. Что же поведал нам автор первого Жития Сергия? А вот что.

По этому тексту события вокруг Куликовской битвы происходили следующим образом: «Услышав от Великого князя о нашествии Мамае, святой благословил Дмитрия, вооружил его молитвой и сказал: «Господин мой, тебе следует заботиться о врученном тебе Богом христоименитом народе. Иди против безбожных, и с Божией помощью ты победишь и вернешься в свое отечество невредимым с великими почестями». Великий князь ответил: «Если Бог поможет мне, я построю монастырь во имя Пречистой Богоматери» — и, приняв благословение, покинул обитель, торопясь в путь».

Это была встреча Дмитрия Донского и Сергия Радонежского перед битвой. А после сражения обет, данный князю, был сдержан. Вот как это происходило.

«Достохвальный победоносный Великий князь Дмитрий, одержав славную победу над враждебными варварами, с великой радостью, торжествуя, вернулся в свое отечество. По возвращении он незамедлительно посетил святого старца Сергия... Тогда же Великий князь напомнил старцу о своем обете построить монастырь во имя Пречистой Богоматери и сказал, что хочет немедленно приступить к его исполнению, нужно только выбрать подходящее место. Старец Сергей отправился на поиски и нашел красивое место на реке, называемой Дубенка; с соизволения Великого князя святой Сергей поставил там церковь во имя Пречистой Богоматери — Успения Владычицы нашей Богородицы. В

скором времени, благодаря помощи Великого князя, чудный монастырь был закончен и все необходимое в нем было в изобилии. Игуменство в нем святой поручил одному из своих учеников, по имени Савва, мужу весьма добродетельному, который благолепно устроил в обители общежителство, как и подобает во славу Божию. В обители собралось множество братии, и по милости Пречистой никогда не оскудевало в ней все потребное для жизни...»

Как мы видим, Епифаний упоминает здесь ученика Сергия по имени Савва. Неужели это первое упоминание о Савве Сторожевском?!

Но оказывается, можно найти сведения о постройке этого монастыря и о Савве в еще более ранних источниках, например, создаваемых буквально еще при жизни самого старца и в два следующих после его кончины года (1406–1409). Это знаменитая Троицкая летопись, являющаяся частью знаменитого московского летописного свода, составление которого в последний год своей жизни благословил еще митрополит Киприан. Что же мы находим здесь? А именно — первое упоминание о построении монастыря «на реце на Дубенке, на Страмыне». И оно относится к 1379 году, то есть еще до того, как Дмитрий Донской мог говорить с Сергием Радонежским о Куликовской битве.

В летописи нет ни намека на то, что этот монастырь был обетным, то есть — обещанным Сергием князю, а также нет ни одного упоминания ни о каком Савве. Да и вообще летопись не очень доброжелательно относится к самому Дмитрию Донскому, который, как известно, тогда изгнал митрополита Киприана из Москвы. А вот его противники — великие князья Ольгерд Литовский и Михаил Тверской — оцениваются весьма положительно. О победе на поле Куликовом Троицкая летопись рассказывает вообще скудно. Относительно Дубенского монастыря становится понятным, что церковь в нем была освящена 1 декабря 1379 года в день памяти святого пророка Наума, а первым игуменом нарекли «оть болшаго монастыря отъ велшиа лавры» ученика Сергия «именем Леонтия».

Вот вам и первоисточник! Похожие данные подтверждает и другой достаточно ранний — Рогожский летописец. При этом надо иметь в виду, что сам важнейший для историков подлинный текст Троицкой летописи — первого общерусского и при этом именно московского летописания! — был утерян. Когда в Отечественную войну 1812 года в Москве разразился роковой пожар, то единственный список летописи сгорел — незатейливо и просто. Оказывается — горят рукописи, да еще как горят! Некоторая часть документа сохранилась только благодаря трудолюбию и усердию историка

и писателя Н. М. Карамзина, делавшего многочисленные выписки из него. Вот по этим-то заметкам, вкупе с научным анализом других летописей XV века, мы сегодня можем говорить о реконструкции текста летописи Троицкой.

Но откуда же взялись факты в писаниях, о которых мы говорили выше, то есть те, что упоминают Савву, как настоятеля монастыря на Дубенке? Следует заметить, что подлинный текст Жития Сергия Радонежского, созданный Епифанием Премудрым, до нас также не дошел, и мы имеем его в гораздо более поздних переписях, сделанных рукою известного средневекового писателя Пахомия Логофета (иногда его еще называли Пахომием Сербом). А именно там впервые говорится о некоем Савве. Заимствуя это утверждение, Маркелл Безбородый столетие спустя вдруг стал утверждать, что речь идет именно о Савве Сторожевском.

Посмотрим, прав ли он был.

В более поздней — Никоновской летописи — события уже излагаются в несколько иной последовательности. Например, Дмитрий Донской и Сергей Радонежский договорились о строительстве монастыря не до, а после Куликовской битвы. Здесь уже упоминается Савва, который был духовником всей братии Троицкой обители. «И возвратися Князь Великий с воинством своим здрав, — повествует летопись о битве с войском хана Мамай, — и умоли св. Сергия поискати места на составление монастыря: он же, обрете место и призва Великаго князя, и основаша церковь и монастырь во Имя Пречистыя Богородицы Успения, и составиша общее житие и постави единаго от ученик своих игумена в том монастыре именем Савву, иже бысть прежде в его монастыре великом духовник всему братству, старец честен и учителей зело и прозваша той монастырь, еже есть сие имя ему, монастырь на Дубенке». Но ведь это уже тексты XVI века! Откуда в них появились такие сведения?

Главное внимание данной теме исследователи оказали уже в XIX веке. Первым ввел в оборот идею второго одноименного монастыря, основанного Сергием Радонежским на Дубенке, историк Церкви М. В. Толстой. Он написал специальную статью по этому поводу, где вывел, что в Житии Сергия Радонежского речь шла об Успенском Дубенском Шавыкином монастыре, игуменом которого был определен Савва Сторожевский. Толстой отправился на местность к северу от Троице-Сергиевой лавры, где на острове, среди слияния нескольких рек обнаружил некоторые остатки некоей обители, относящиеся к первой половине XVIII

века: погост, предметы того времени в близлежащей церковке, а также изображение построек в развалинах, датированное 1765 годом.

Все это почему-то дало историку основание утверждать, что это тот самый монастырь, где был Савва Звенигородский. А в другом — Дубенском — обитали Леонтий и Савва Стромьинский. Толстой сослался на рукописный сборник Московской Духовной Академии середины XVII века, где он нашел такие слова: «Преподобные отцы Савва и Леонтий начальники быша Стромьинскаго монастыря благословением Преподобного Сергия Чудотворца». Но он нигде не нашел ничего, что бы текстуально отождествляло заветный монастырь с Шавыкинским.

За М. В. Толстым эту идею подхватили и другие историки XIX века, которые уже без всяких доказательств и объяснений включали в свои труды указание о существовании двух монастырей и двух игуменов по имени Савва. Лишь автор вышедшего тогда труда «Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря» С. К. Смирнов попытался аргументировать невозможность всех этих предположений. Он привлек в качестве доказательств описи Троице-Сергиевой лавры и принадлежащих ей монастырей, составленные в 1618 и 1642 годах, а также другие источники. Вывод Смирнова был однозначен: произошла путаница, игуменство Саввы Сторожевского недостоверно.

В XX столетии споры продолжились. Когда возникли разногласия по поводу благословения, данного преподобным Сергием Радонежским Дмитрию Донскому (которое могло быть в 1378 году — перед битвой на реке Воже, но не перед Куликовской), то опять появились сомнения — не есть ли поздняя идея о втором монастыре лишь желание выдать желаемое за действительное. Ведь именно после этого благословения (до 1380 года) и был заложен Дубенский Стромьинский монастырь.

Кстати, интересный факт. У Симонова монастыря (которым руководил, как известно, племянник Сергия Радонежского — Федор Радонежский) были свои земельные владения на реке Дубенке, именно до 1380 года! Вот почему тут, на Стромьини мог появиться монастырь, благословенный Сергием. А вот после 1380 года владения эти перешли к другим хозяевам. Это может также подтвердить то, что уже основанный монастырь — еще оставался, а вот открыть новый на данных землях тогда не представлялось возможным.

Легендарный «второй» Дубенский монастырь в XVIII веке называли так: «Успения Пресвятыя Богородицы Шавыкина пустынь». Но почему-то не употребляли эпитета «Дубенский». Конечно, такая пустынь была, но

никакого отношения к основанному Сергием Радонежским Дубенскому монастырю она не имела. Тем более что ни в одной из первых летописей или житий, где упоминается вся эта история, названия «Шавыкино» в отношении Дубенского монастыря не возникает. Скорее всего, эта пустынь появилась позднее, в XV столетии, а затем, в силу ее расположения на острове, вокруг которого сходятся несколько рек, включая Дубенку, ее каким-то образом «смешали» по близкому названию с монастырем Стромыньским. И это позволило уже не только Никоновской летописи (XVI век), но даже и автору первого Жития Саввы Сторожевского — Маркеллу Хутыньскому — в XV веке предположить, что история может иметь какое-то отношение к другому монастырю (хотя названия «Шавыкино» Маркелл даже и не упоминает). А раз было два монастыря, так, по мнению автора, наверное, могло быть и два Саввы. Почему бы и нет?

Считается, что Дубенская Стромыньская обитель была упразднена в 1764 году. На ее месте к XIX веку остались только часовенка и погост. Есть сведения, что и другая — Шавыкинская пустынь — была закрыта в тот же год. От нее почти ничего не осталось. Археологи в наше время пытались найти что-нибудь на этом острове, дабы доказать наличие серьезной обители. Работы велись в 1989 году. Но результаты не дали ничего. Да, какое-то поселение XV–XVII веков здесь находилось, найдены редкие осколки посуды. Но к XIV веку, когда бы тут мог появиться монастырь, ничего существенного отнести нельзя, кроме нескольких осколков той же керамики. А разве мог бы важнейший «обетный» монастырь, основанный самим Сергием Радонежским, возглавляемый таким подвижником, как Савва Сторожевский, не оставить после себя ничего?! Это и есть еще одно подтверждение в защиту наших доводов.

Мог ли Савва совмещать игуменство в Дубенской обители с духовничеством в Троицком монастыре? Ответ напрашивается сам собой. Это невозможно практически: расстояние (около 30 верст, почти 35 километров) не позволяет, да и уровень ответственности у духовника (одной обители) и игумена (другой) — разный. Вот почему позднее, когда Никон Радонежский откажется от игуменства в Троицком монастыре, покажет этим поступком, что затворничество, духовный подвиг с руководством монастырем совмещать не так-то просто. И это на территории одного монастыря! А если добавить «раздвоение» между двумя обителями, да еще и дорогу между Дубенским и Троицей длинную в целый день пути (если на подводе) или два дня (пешим ходом), будет понятно — как было всё на самом деле.

Кстати, если принять версию, что Савва — будущий Сторожевский — все же был игуменом Дубенского монастыря, то он будет выглядеть в этом случае, как неуживчивый в монастырской среде человек, словно он никак не мог прижиться на одном месте, все время менял место обитания. Иногда такие перемены могут быть похожи на некий «карьерный рост», о котором в отношении данного человека даже и говорить не имеет смысла. В самом деле, получается так: то он жил в Троице, то уходил в игумены Дубенского, затем возвращался обратно, через некоторое время уже игуменствовал опять в той же Троице, после этого взял да и ушел в Звенигород, наконец, основал свой монастырь, откуда ушел в скит, где и скончался.

Не слишком ли «замысловат» путь для духовного подвижника? Он в данном виде не очень соответствует образу молчальника-исихаста того времени, который довольствовался тем, что у него есть, и никогда не стал бы «бегать» из монастыря в монастырь, тем более обладая высоким авторитетом у Троицкой братии, избравшей его своим духовником. Духовник от своей паствы, от своих детей духовных — далеко не уходит. Они нуждаются в нем ежедневно, а иногда и ежечасно, тем более — в средоточии всех самых трудных внутренних человеческих проблем и борений, коим является монастырь.

Скорее всего, реальность была гораздо проще: Савва не переселялся в Дубенский монастырь, а укреплялся в вере в одном и том же месте. То есть он никуда не уходил из Троицкого, был в его стенах сначала молодым иноком, затем духовником, наконец, игуменом и лишь после возвращения на пост настоятеля Никона Радонежского покинул свою первую, единственную и главную обитель, чтобы начать новую жизнь в скиту у горы Сторожи близ Звенигорода.

Подведем итоги наших рассуждений. Картина получается очень наглядная, особенно если перечислить кратко все вышеупомянутые совпадения.

1. В 1379 году Сергей Радонежский основывает монастырь в честь Успения Богородицы (известный факт). И вдруг (по более поздним источникам), через год, в 1380-м, он почему-то опять основывает монастырь в честь Успения Богородицы.

2. Оба монастыря заложены им на реке Дубенке, потому и тот и другой называются одинаково: Успенский Дубенский монастырь.

3. Сергей назначает игуменом монастыря инока Савву и в другой такой же монастырь назначает настоятелем инока Савву.

4. Оба Саввы начинают свое игуменство около 1380 года и завершают

его практически одновременно — в 1392 году.

5. Оба монастыря находятся почти на одинаковом расстоянии от Троицкой обители.

В истории такие совпадения если и бывают, то скорее теоретически. В реальности понятно, что их не могло быть. Ясно, что речь просто идет об одном и том же монастыре и об одном человеке по имени Савва. И выше мы уже изложили подробно: почему это не Савва — будущий Сторожевский, а Савва другой — Стромьинский, именуемый также среди братии «Однооком».

Выводы же таковы. Рассказ об игуменстве в Дубенской обители — скорее всего ложная (тупиковая) ветвь жизнеописания Саввы Сторожевского. По-видимому, эти данные имеют отношение к другому монастырю и другому Савве: к Успенской Дубенской Стромьинской обители и ее второму игумену Савве Стромьинскому (Савве Одноглазому). Второй монастырь если и возник спустя столетие, то быстро исчез, а уже по прошествии полутора столетий — в XVI веке — появилось предположение о «втором Савве», который как будто мог быть Саввой Сторожевским. Предположение это, похожее на миф, было неожиданно активно и бездоказательно подхвачено в XIX столетии одним из авторов истории Русской церкви, а затем — вослед ему — еще несколькими исследователями, ссылавшимися на него и друг на друга. Хотя тогда же другие профессиональные историки Церкви и светские историки уже высказывались против таких предположений. Остается констатировать: прямых подтверждений мифу — как это ни печально — до настоящего времени не имеется.

Старец Савва — Андрей Рублев — «Спас Звенигородский» — «Троица» *Гипотеза 13*

*Тот, кто не хочет внимать шепоту вечности,
будет внимать ее громам.*

С. Н. Трубецкой

Даже если мы уже и говорили об этом, то стоит повторить. Не случайно нам пришлось вынести этот ряд имен и названий в отдельный заголовок. Крайне необходимо, чтобы читатель еще раз глазами увидел их сочетание и последовательность.

Почему-то Савва Сторожевский был в сознании потомков и исследователей его жизни словно «сам по себе». А иконописец Андрей Рублев — в другом «измерении». Прославленные иконы — вообще обитали где-то в сферах истории искусства или изучения идей «троичности» Сергия Радонежского. Вышеперечисленные имена и их творения обсуждались учеными и почитателями, мысль приближалась к правде, вокруг да около, все было «близко», как в детской игре — «холодно», «тепло», «теплее». Но не «горячо»!

И вот теперь давайте соединим все в нужной и единой цепи. И поговорим об этом. Кратко, но ясно и открыто.

Разве иконы Рублева не были найдены в Звенигороде? Разве они не были написаны им во времена обитания там Саввы Сторожевского? Разве не висели они в иконостасах храмов на Городке и горе Сторожи?

Все так и было.

Но почему же тогда мы следуем какой-то «логике Андрея Тарковского», которую он применял, снимая фильм о Рублеве (подробности о фильме — позднее)? Я имею в виду то, что мы придумываем реалии, которые на самом деле были совсем другими.

Мы считаем Андрея Рублева в эти времена таким зрелым иноком-иконописцем, что он вовсе не нуждался ни в чьем духовном водительстве. Почему-то Звенигородский чин он в первый период своей жизни — в 1390-е годы — написал «сам по себе». А вот икону «Троица» — в начале 1420-х годов, в период своего расцвета, он без влияния Сергия Радонежского

написать никак не мог! Не странная ли логика? Ведь Сергей Радонежский скончался аж за три десятилетия до этого — в 1392 году! С тех пор прошло не только много лет, но и сама реальность переменялась достаточно сильно. Сменилось поколение церковных архиереев, произошло глобальное изменение в русском великокняжеском престолонаследии, начались долгие «феодалные войны» и смута, связанная с наследством Дмитрия Донского. А Андрей Рублев почему-то взял и написал икону «Троица» именно чуть ли не по «наказу» преподобного Сергия.

Тогда по чьему наказу он написал «Спаса Звенигородского»? Сам додумался, вроде как бы по Тарковскому — независимая творческая личность в русском Средневековье (что очень далеко от реальности)?

Не раз обсуждалась тема — мог ли иконописец (иногда именуемый «художником») творить в конце XIV столетия сам по себе. То есть выбрать собственный, отличный от других стиль и использовать его в своих иконах или настенных росписях. Ответ известен давно. Не мог. Стиль письма, конечно, отличался заметно. Феофан Грек — это не Андрей Рублев.

Но стиль — одно, а образ, сущность, идея — другое. Замыслы чаще всего возникают в голове заказчика, а стиль воплощения — удел иконописца. Еще лучше, когда они делают работу бок о бок, совместно. А когда это еще и выдающиеся люди, то результат будет соответствующим.

Выскажемся еще раз без обиняков. Причем без претензий на звание первооткрывателей. Сегодня можно утверждать, что вдохновителем, наставником и в некотором роде духовным путеводителем Андрея Рублева в 1390-е годы, в период его трудов в Звенигороде, при росписи им и создании иконостасов для каменных храмов Успения на Городке и Рождества Богородицы в соседнем монастыре, был не кто иной, как преподобный Савва Сторожевский. По крайней мере — этого факта уже нельзя отрицать, хотя можно с ним и не соглашаться.

Подумаем и над такой задачкой.

Игумен Савва делал многие вещи в те времена вместе с князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским. Это они задумали построить каменный храм над ракой Сергия Радонежского в Троицкой обители. Ведь Савва Сторожевский был одним из первых его учеников, а князь Юрий — крестником. Москва не подумала о своем заступнике и духовном покровителе, а Звенигород — взял да и сделал — построил и украсил.

Этот замечательный собор радует сегодня тысячи паломников. Сюда на закате жизни направился в свое время Андрей Рублев. Для этого храма он написал икону «Троица». Так кто же мог подготовить для этого почву?

Где и как могла зародиться идея не просто общерусского почитания Троицы, которую, как известно, развивал преподобный Сергей, а написания самой иконы с таким необычным для того времени сюжетом? Сюжетом Единения — перед лицом возникающей братоубийственной войны за права наследования нераздельного целого — будущего Великого княжества Московского!

Мог ли предвидеть это Сергей Радонежский перед своей кончиной так много лет назад?

Но это не только предвидели, но и знали — другие. Те двое, о которых мы сейчас и говорим. Князь Юрий и преподобный Савва. Те, кого уважали и опасались (Юрия как потенциального наследника), кто имел силу духа и мощь строить новую Звенигородскую Русь, создавал невиданную крепость и возводил один за другим исполненные «велелепием» храмы. Они ведали — к чему могли привести междоусобицы и братские раздоры. И не начинали их.

Вот почему мы вынесли в заголовок этой главки «Троицу», созданную иноком Андреем Рублевым. Мы считаем, что главным ее вдохновителем был конечно же Савва Сторожевский. То же самое можно сказать и о Звенигородском чине, который мы сегодня можем видеть в Третьяковской галерее лишь фрагментарно. Чудом сохранилось только три иконы (хотя предполагается, что есть и четвертая). «Спас Звенигородский» уже давно стал одним из символов России, как и «Троица».

Не стоит умалять дела и забывать тех, кто этого достоин. Не так ли?

Юрьев день и герб Георгия Победоносца (о концепции Звенигородской Руси) *Гипотеза 14*

Если люди, как радиусы, сближаются друг с другом, значит, они невольно приходят к центру жизни.

Авва Дорофей

Известно, что понятия «Московская Русь» в тот самый период, когда она, собственно, и возникала — в XIV–XV веках — вообще не существовало. Оно появилось лишь в XIX столетии и введено было в употребление исследователями для того, чтобы обозначить большой период русской истории.

Московская — потому что все «закручивалось» вокруг Москвы, включая Великое княжество Владимирское, главные взаимоотношения с Ордой, митрополичью кафедру и даже важнейшие течения в духовной монастырской жизни.

Кто был тогда «не хуже» Москвы (а быть может, и «лучше»)? Новгород, Тверь, Рязань, Смоленск, Суздаль и многие другие. Они и вправду были «не хуже». То есть Русь могла быть и не Московской, а, например, Тверской. Или даже Литовской, властитель которой уже тогда носил титул великого князя Литовского и Русского. Большие княжества имели возможность стать первыми и создавать историю по своему усмотрению.

Почему же мы решили заговорить здесь о Руси Звенигородской конца XIV — начала XV века? Ведь Звенигород с окрестностями не был тогда крупным княжеством, а всего лишь удельным, подчиненным той же Москве. Или у нас есть на это какие-то основания?

Оснований не много, но предположения есть.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» — выражение известное и старинное, пришедшее к нам из глубины русского Средневековья. Осенью, перед самой зимой, зависимые крестьяне (то есть — обычные «христиане») имели право, если не имели долгов, уйти к другому хозяину. Святой Георгий считался покровителем земледельцев. Так жизнь устроивалась и

продолжалась.

Отменил традицию Иван Грозный. Потому и скептическое выражение появилось после его времен, включая словечко «объегорить» (от имени Егор — Юрий).

То, что третий сын Дмитрия Донского родился в осенний Юрьев день, также несколько символично. Все, что он сделал в своей жизни или сумел завоевать, запланировать, построить, привести в порядок и одухотворить — было позднее «затерто» его соперниками, умалено врагами, оклеветано завистниками.

Но он сделал настолько много, что осталось с лихвой, чтобы мы могли по достоинству это оценить.

Это ведь князь Юрий Звенигородский впервые ввел в «массовый денежный» оборот изображение Георгия Победоносца. Причем не где-нибудь, а как мы уже говорили — на монетах. Это были его собственные монеты. Не всякий бы отважился при живом-то великом князе штамповать отдельно свои деньги. Но Юрий решился. Добротные и полновесные, они разошлись по Руси. Металла было достаточно, князь только что вернулся с войском из Волжской Булгарии. Хоть и поделился добром со старшим братом, но и себе оставил немало.

Другие князья могли позволить себе такие походы или действия, но с большим трудом. А он делал все быстро и с легкостью.

Георгий, побивающий змия, был в некотором роде автопортретом князя. Это как будто он на коне поражал Булгарского Змия (который буквально развевался на знаменах волжских полков). Монеты мгновенно разошлись и вошли в употребление. Русь жаждала торговли, больших оборотов товаров, развития. Приток капитала только этому способствовал.

Что же сделал тогда его старший брат Василий, великий князь Владимирский и Московский? Он тоже выпустил свои монеты, а позднее — с тем же изображением Георгия Победоносца. Ведь официально именно он — Василий — был летописями потом признан «покорителем Булгар» (хотя там не был и в помине). Как же так! Он покоритель, а на монетах — тезоименитый святой покровитель Юрия! Стереть его с денег уже было нельзя, уничтожить монеты — также было трудно. Оставался единственный и самый беспроектный способ — забрать славу Юрия себе, поменяв местами имена в летописях.

Имена то поменяли, но Георгий Победоносец остался. И все равно, как ни крути монеты, не существовало Василия Победоносца!

А позднее — Георгий на коне, поражающий змия, станет символом и гербом самой Москвы. Той Москвы, в которой не будет места потомству

Юрия, князя Звенигородского.

Неисповедимы пути исторические...

Так что же хотел построить в Звенигороде этот человек? Почему он так долго уговаривал своего духовного отца — Савву Сторожевского участвовать в этом деле? Или может быть наоборот — старец Савва наставлял князя и вкладывал свои идеи в будущее благоустройство жизни?

Великокняжеский престол фактически так ему и не достался, несколько месяцев правления Москвой не позволили ему осуществить своих идей. Но он за этот престол всерьез никогда не воевал и не сражался. Если бы хотел — получил бы его давно и быстро. А потому, еще в самое первое десятилетие владения своим Звенигородским уделом, то есть в 1390-е годы, решает построить собственное, в некотором роде совершенно самостоятельное и не похожее на другие «царствие».

Отчина Юрию досталась неплохая. Звенигород и Галич, места разные, но весьма удобные и доходные. И это было хорошо, что Звенигород находился не в Москве и одновременно недалеко от нее. Построить что-то новое, сакральное, одухотворенное в большом городе было бы невозможно. А Звенигород становился будто новой площадкой для хороших начинаний и даже, если хотите (да простит меня читатель за столь современное слово) — эксперимента.

Юрий решил построить свою Русь — Русь Звенигородскую. Не просто обустроить доставшийся в наследство удел, а создать вариант собственного большого правления, дабы доказать брату, что не только может управлять государством, но и знает, как это делать, да к тому же имеет собственные взгляды на будущее.

Такую работу осмыслить и осуществить одному было бы немыслимо. Князя считали человеком духовно развитым, но известны высказывания, где о нем говорили, как о начитанном книг духовных, но не «книжнике», имеющем широкие познания. Ему нужен был соратник и советчик. И никого ближе Юрию в эти годы не было, кроме его духовного наставника и отца — инок Саввы.

И они начинают свои благие деяния. Как бы сегодня сказали — в отдельно взятое время в отдельно взятом месте. Нечто вроде «технопарка» современности. Новая Русь — в особом регионе. Там, где сходились и древние традиции, и можно было начать как будто все сначала.

Действительно, Звенигородский удел был чем-то новым и для князя Юрия, и для Саввы Сторожевского. Они здесь начинали как бы «с нуля». Один — умудренный опытом старец, другой — молодой и энергичный

наследник престола. В них как бы соединились глубокая духовность и яркая светскость. Один считался выдающимся подвижником-иноком своего времени, а другой — неповторимым политическим и военным деятелем.

Все сошлось в одном месте и в одной точке — на холмах Сторожи и Городке, монастырском и городском, сакральном и мирском. Два человека — два холма — два мира — два образа жизни. И все это должно было стать единой системой бытия их современника или будущего человека Руси.

Выделим кратко основные признаки концепции Звенигородской Руси. К ним можно отнести следующие.

Князь Юрий пригласил к себе именно Савву — настоятеля Троицкой обители, одного из первых и лучших учеников и последователей Сергия Радонежского. Кстати, он делал это единственным среди своих братьев в то время (сразу после кончины отца — Дмитрия Донского). Мы почти ничего не знаем о их духовных наставниках в те годы (после кончины Сергия Радонежского). Братья были малолетними, а старшего Василия опекал митрополит Киприан, которого привлекали больше светские проблемы и добрые отношения с Литвой (напомню, что Василий был женат на дочери великого князя Литовского Витовта). Приглашение Саввы в Звенигород, как мы теперь понимаем, не было связано только лишь с «удовлетворением» личных духовных нужд Юрия. Его планы были значительнее.

Князь старается стать независимым от старшего брата. Для этого нужны были средства. И он добывает их с помощью похода своей дружины в Волжскую Булгарию. Быть может, он специально «задержался» там во время погони за князем Семеном. В любом случае, удача болгарской кампании стала основой для осуществления его планов.

Кстати. Митрополит Киприан, между прочим, на Руси звался «болгарином», то есть — приезжим с юга, с Балкан (он и на самом деле был болгарин). Это означало, что его можно было в некотором роде иносказательно причислять к тому самому древнему народу «булгар», с которым, собственно, и воевал князь Юрий Звенигородский в конце XIV века, и на эту битву его как раз и благословлял Савва Сторожевский. Таким образом, данное Саввой благословение князю становится весьма символическим. Хотя в Житии Саввы «враги», с которыми собирался воевать по его благословию Юрий Дмитриевич, не названы конкретно (то есть что это именно болгары), но позднее во всех источниках и публикациях считалось без обиняков — пошел-де князь с русскими дружинами именно против «булгар», с благословением.

Здесь, возможно, скрыта еще одна из причин, почему к Звенигороду

было столь напряженное отношение не только со стороны Москвы светской, но и со стороны сторонников митрополита Киприана. По крайней мере, в начатом его последователями Московском летописании начала XV столетия князю Юрию Дмитриевичу отводятся лишь строки, а преподобному Савве Сторожевскому — почти ничего.

Юрий начинает грандиозное и невиданное по масштабам того времени строительство и переустройство Звенигорода. Причем не просто украшение города и окрестностей, а возведение комплекса каменных зданий и других различных укреплений. Для этого он вместе с Саввой Сторожевским приглашает лучших мастеров своего времени, включая опытных болгар, которых он привез с Востока. В строительстве используются новые технологии.

Для росписи храмов и создания иконостасов в Звенигород приходит Андрей Рублев, в котором уже тогда, в начале его славного, как бы сегодня сказали — творческого — пути Савва и Юрий увидели, заметили великий талант.

Именно два этих человека — духовник и его ученик — создали новое направление в раннемосковской архитектуре. Они построили первые храмы этого стиля. При них появились новые иконные лики, такие, как «Спас Звенигородский», а затем (уже после кончины Саввы) — знаменитая «Троица».

В Звенигороде, судя по всему, складывался необычный конгломерат жителей. Смешивалось коренное русское население с многочисленными приезжими из Орды, в первую очередь из Волжской Булгарии. Одновременно звенигородское боярство считалось одним из самых активных, сплоченных и энергичных. Бояре Юрия слыли отличными воинами (напомню, более 30 бояр звенигородских пали в Куликовской битве — больше, чем из других уделов!). Они и в Орду (через Москву) платили дани больше всех! Если при Дмитрие Донском Дмитров отдавал 111 рублей, Можайск — 167, великокняжеская «отчина» Коломна — 242, то Звенигород выкладывал 272 рубля! Это ли не показатель силы и мощи!

История не донесла до нас многих имен этих людей, и мы понимаем — почему. Их более именитые соседи — бояре Московские — недолгоблюдали «выскочек». А сохранились до нас только лишь «московские» летописи. Были ли летописи «звенигородские»? Мы не знаем. Ведь такие документы, как правило, хранились в монастырях. А Саввино-Сторожевская обитель в XV–XVII веках горела дотла вместе со всеми своими хранилищами неоднократно.

А жаль...

Жалованная грамота 1404 года — по которой князь Юрий отдавал Саввиному монастырю села и средства, показывала образец духовно-светского устройства современного им общества. В этой грамоте сказано, что Юрий дал игумену Савве и его монастырю несколько сел и деревень с угодьями в своем уделе. Но самое интересное — князь освобождал от дани и пошлин всех, кто поселялся или жил на монастырских землях в его отчине. Эти жители переставали подчиняться суду звенигородских и рузских наместников и руководителей волостей. Их мог и должен был теперь судить непосредственно сам игумен Савва или «кому он прикажет»! Духовный суд становился выше светского! Исключались лишь случаи, связанные с убийствами. Здесь Церковь не могла принимать окончательных решений.

Та же грамота позволяла держать в монастыре собственное монастырское клеймо для пятнания лошадей (так определялась их собственность), обители передавались свои медовые угодья — борти и бортники.

Это, конечно, был своеобразный ответ князя Юрия своему брату — великому князю Василию, выдавшему митрополиту Киприану грамоту, освобождавшую «церковных людей» от княжеского суда. Но Юрий пошел дальше. Он предоставил игумену некоторые права мирского суда.

Так переплетались две ветви власти. И самое главное — выковывались возможные новые традиции «нравственного княжества», о котором давно говорили основоположники исихазма, о чем, видимо, мечтал еще Сергей Радонежский.

Остались поразительные слова, которые сказал Савва Сторожевский Юрию Звенигородскому. Их запечатлел Маркелл Безбородый в Житии преподобного. Они представляют идеальный образец наказа правителю нового времени, который мог превратиться после Звенигорода — в правителя всей Руси.

Вот они.

«Благой и милосердный Бог виде твоё благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим... Пусть же и твоё сердце до конца утвердится и пребывает в любви Его. Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ».

Это была новая форма жизни, будущая формула правления.

Формула Звенигородской Руси.

Так — увы — и непостроенной.

Иногда Звенигород сравнивают с Флоренцией эпохи Лоренцо Великолепного Медичи. Мол, был такой необычный город, где Юрий Дмитриевич Звенигородский покровительствовал всему, в том числе и искусствам. Потому и строил, привлекал иконописцев. Даже если это и так (с очень большой натяжкой, ведь сравнивать столь далекие друг от друга традиции и культуры — весьма рискованное занятие), то нельзя забывать, что при этом у Медичи был еще и свой «кардинал», вернее, аскет-книжник, духовник-практик, обладавший уникальной широтой взглядов и особым мировоззрением, способствовавшим утверждению свежих идей.

Современное Житие преподобного Андрея Рублева (составлено в 1980-е годы) не случайно описывает события в Звенигороде так: «Услышал князь Юрий Звенигородский об иконах Андреева письма и восхотел у себя в Звенигороде собор Святого Успения украсить благодатными образами. И пришел преподобный Андрей, сей чудный смиренный старец, и поклонился князю, и, по благословению святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы. И в сем Деисусе красоту совершенную явил в образе Спасове и иных. Таковых же образов не бывало до того времени».

Отмеченный в этом Житии Савва Сторожевский — как настоящий вдохновитель Звенигородского чина — это уже настоящий прорыв в нашей отечественной истории — и светской и церковной.

Не прошли здесь мимо преподобного.

Хотя и в дальнейшем — можно надеяться — теперь это уже будет трудно сделать.

Небесный Звенигород как таинственный символ

Гипотеза 15

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали.

Откровение Иоанна Богослова

Взыскание правды, Града Божия, Китеж-Града, скрывавшегося от зла, разве пропало в нас?

Иван Шмелев

К читателю: это лишь предварительные рассуждения, не более, но они имеют право служить основой для некоторой гипотезы.

Заголовок, приведенный чуть выше, может вызвать некоторое недоумение. О чем это речь? Поэтому я вновь предлагаю читателю предварительно краткое резюме, которое поможет сразу представить суть того, что в более развернутом виде будет изложено ниже.

Небесный Звенигород — это вариант исторического русского мифа о спасшемся и невидимом граде (спасшемся от врагов, «злой Орды», язычников, иноверцев, грешников и т. п.). Город-«страдалец», город-рай, который мог стать первым по праву и по наследству, но не стал таковым по причине вражеских набегов, братоубийственной смуты и самозванства. Город, заложенный и отстроенный двойственным союзом «по уму и духу» (земным и небесным): «по уму» светским лидером — Юрием Звенигородским, «по духу» духовным лидером — Саввой Сторожевским. Земное воплощение варианта Святой Руси. В Новое время (XX век) в сознании отдельных мыслителей русского религиозного возрождения миф преобразовался в идею Нового Звенигорода (Ремизов), всеобщего града будущего, русской «шамбалы» (Рерих). Этот Звенигород новых времен как будто бы можно и необходимо возродить и построить заново.

Вспомним еще раз и Маркелла Безбородого, который в Житии Саввы Сторожевского «повествует напоследок, когда мы достигли конца времен». Он пишет: «Близ Звенигорода есть место, называемое Сторожи... Савва

пошел в названное место. И как небесный рай благовонными насажденный цветами обрел его, и очень возлюбил его, и припал к пречистой иконе Пресвятой Богородицы, которую носил с собой, с умилением сказал: «Владычица, посмотри на место это и сохрани его от врагов незримо»... И поселился на месте том, где воздвиг церковь деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества. Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись... И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось... И многие стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели... Они же словно сладкими водами поили свои души. Как говорил Давид, что некий сад, у истоков водных насажденный, возрастает и расцветает, и плод сладкий приносит во время свое».

А теперь поговорим обо всем этом подробнее.

Некоторое особенное внимание и почитание Звенигорода среди разных слоев населения России, а в особенности в русской образованной среде — всегда вызывало нечто вроде удивления. Городов на Руси много, были и такие, что связаны с большими и славными событиями нашей истории. Какие-то просто исчезли с современной карты страны, мы помним о них только по упоминаниям в летописях или документах. Главные святые места не забыты почитателями и по сей день, туристы, паломники, ученые и любители в миллионном исчислении круглогодично посещают те же памятники Золотого кольца России.

Есть ли у Звенигорода какая-то особая роль, или, как это принято говорить на современном языке — особая «аура»? Оказывается — более чем...

В непростой истории Древней Руси почти ни на один год не прекращались войны, моры или стихийные бедствия, а ордынское иго «притормозило» развитие государства на несколько столетий. Именно эти тяжкие испытания стали основой для появления в народном представлении о мире своеобразного поверья, легенды о городе, где никогда не было или не будет всех этих трудностей, бед и злоключений. Причем такой город мог существовать как в реальности, так и в воображении, или, опять же, следуя языку современности — в виртуальном пространстве.

Для верующего человека — христианина — образом такого города-прибежища был в первую очередь Небесный Град Иерусалим — прообраз будущей жизни человека, которая ожидает его после завершения мирского

пути. Для человека, не вполне расставшегося с некоторыми языческими представлениями о природе, таким местом стал символ возрождающегося из пепла града Китежа — скрытого или скрывающегося от посторонних глаз, спасенного и спасаемого от врагов, не сдающегося завоевателям, исчезающего из видимого земного пространства, опускающегося на дно священного озера, но при этом — чудом сохраняющегося и заодно сохраняющего всех своих обитателей. Поиски такого города на земле были чаянием многих поколений мечтателей. И если его нельзя было найти, то вполне можно было попробовать создать и построить в реальности.

В некотором роде прообразами таких Небесных Градов становились, например, строящиеся монастыри — обители, куда некоторые люди уходили от мирских забот, отказываясь от участия в мирских «злодеяниях». Здесь они с вновь обретенными иноческими именами создавали новый уклад жизни (для XIV столетия — как мы помним — уклад внутренний, самоуглубленный, медитативный, исихастский).

Созданная во времена Сергия Радонежского — Московская, а затем его учениками и последователями — Северная Фиваида новых обителей многократно увеличивала тогда среди русских людей ощущение уверенности и защиты от жизненных напастей. Именно в те годы и появляется, по нашему мнению, в русской духовной среде едва зримая, необычная и в ясном виде вообще не сформулированная идея: Небесного Града в центре Русской земли.

Есть все основания предполагать, что затеянное князем Юрием Дмитриевичем вместе со старцем Саввой Сторожевским активное и невиданное доселе одновременное строительство вблизи Москвы, в Звенигороде, соседствующих города («Городка») и обители было воплощением этой концепции в реальности. Это и стало основанием для появления в дальнейшем некоего представления о Звенигородском крае, как одном из символов Небесного Града. Вот почему, несмотря на уже известное нам старание великокняжеских московских летописцев замалчивать и «стирать» из документов историю Звенигорода и всего, что было связано с деятельностью князя Юрия Дмитриевича, место это необычайно высоко почиталось в течение столетий и привлекало множество паломников (в настоящее время только в год Саввино-Сторожевский монастырь посещает до 300–500 тысяч паломников, и по этому исчислению он держит третье место после таких духовных центров, как Троице-Сергиева лавра и Серафимо-Дивеевская обитель).

После XVI века монастырь в Звенигороде стал одним из главных духовных центров правящего рода Романовых (царь Алексей Михайлович

вообще построил здесь свой дворец — дабы править прямо в монастыре!), а уже в конце XIX — начале XX столетия место это возродило почитание Града Небесного в русской культурной среде.

Среди деятелей Нового времени, XX века, последовательно развивавших эти убеждения, следует выделить писателя Алексея Ремизова, создавшего еще до отъезда в эмиграцию символическую книгу «Звенигород Скликанный», а также художника и философа Николая Рериха, выдвинувшего концепцию построения нового Звенигорода — некоего центра мировой духовности, концепцию, которую по сию пору упорно осуществляют его последователи, в частности, возводя в наши дни в горах на российском Алтае, в предгорьях Тибета город с абсолютно таким же названием.

Вспомним и о следующем. Звенигород представлялся именно как Русский Иерусалим, в XX веке заменивший собой русский же град Китеж. Позднее появлялись идеи Нового Иерусалима — но в виде копии, даже — монастыря-копии (например, в городе Воскресенске под Москвой), то есть простого повтора Старого Иерусалима. Во времена жития старца Саввы и его учителя — Сергия Радонежского еще не стремились к построению точной копии Небесного Града, так, как это делал патриарх Никон в XVII веке. В период духовного возрождения Руси последователи Сергия Радонежского хотели строить будущее сами, по-новому, они изобретали, искали — и не только в устроении монашеской жизни, но и в архитектуре, миниатюре, летописании, духовном пении и иконописи. Именно Савва Сторожевский стоял у истоков появления первых идеальных образцов раннемосковских каменных храмов, а также иконотворчества Андрея Рублева.

Строительство и обустройство князем Юрием и преподобным Саввой Звенигорода и Сторожевского монастыря было одним из образцов устроения Новой, Небесной жизни на Руси вообще. И, видимо, то была одна из наиболее удачных попыток, раз символ Небесного Звенигорода и по сей день считается уникальным и неповторимым, сакральным, каким-то предощущением будущего и, наконец, в некотором роде — единственным из оставшихся в сознании народа от той эпохи.

Сакральное пространство Русской Палестины имело во времена Саввы Сторожевского лишь духовные, а не материальные очертания. Два Иерусалима уже были известны истории: один — исторический, «старый», другой — возведенный византийским императором Константином, «новый». Еще в 355 году он освятил «предреченный пророками Новый

Иерусалим, храм Спасителя», когда «старый», ветхий, настоящий — библейский, следуя замечанию Евсевия — биографа императора, — «был обращен в крайнее запустение и понес наказание».

Третий Иерусалим, еще почти за столетие до времен, когда появилась и расцвела на Руси идея Третьего Рима, стал возрастать на берегу Москвы-реки вокруг горы Сторожи, там, где пускала свои корни уникальная Звенигородская цивилизация, не сумевшая развернуться в полную силу и расцвести из-за вполне обычных земных обстоятельств.

Идея Русской Палестины уже давно появилась в русском народном сознании, и в особенности в проявившейся и развивающейся «сергианской» монашеской среде, из которой вышел инок Савва. Сама Русь становилась в сознании людей прообразом Палестины, а понятия родины и отечества воспринимались не только как земные или территориальные, но не в меньшей, а даже в большей степени — как духовные. Потому и бытовала в народе поговорка — «в наших Палестинах», что по сути и означало — «у нас дома, на родине». Это ощущение неразрывной связи далекой, святой и обетованной земли с душевной и духовной жизнью русского человека очень просто и красиво выразил в своих стихах поэт П. А. Вяземский:

*Светлый край Палестины!..
С детства родственной мне...*

Понятным становится и столь близкое соседство Саввино-Сторожевского монастыря с построенной позднее Ново-Иерусалимской обителью (между ними всего лишь около 15 верст, вовсе не далеко даже для старого времени — расстояние полу-дневного перехода небыстрым шагом). Патриарх Никон воплотил свои мечты и построил свое «чаяние» рядышком, соблюдая при этом практически одинаковое расстояние и от старой Москвы. Никон таким образом «соседился» или, можно сказать, «присосеживался» не только к царю Алексею Михайловичу, фактически сделавшему Саввину обитель домом своего подмосковного обитания и «собственным государевым богомольем», но также и к сакральному Звенигороду.

Идея у патриарха Никона была другая — он стремился к новым образцам церковной традиции, переделывал саму Русскую церковь «под греков» (кстати, то же самое делал митрополит Киприан при жизни Саввы Чудотворца). А наследники традиций Саввино-Сторожевской обители еще

жили по-прежнему, сохраняли облик святой Старой Руси, пусть даже изрядно потрепанной временем и тяжкими испытаниями. Отсюда становится понятным и такое парадоксальное явление: взбунтовавшиеся против церковных реформ старообрядцы долгое время очень ценили и уважали звенигородскую братию, несмотря на то, что монастырь был в прямом подчинении у самого царя, поддавшегося «научениям искусителя» Никона. Известен факт, что один из самых известных и разыскиваемых раскольников-«боголюбцев» (противников Никона) протопоп Романово-Борисоглебского собора Лазарь долгое время скрывался у игумена Никанора в Саввино-Сторожевском монастыре, в то самое время, когда по всей стране гонцы рассылали грамоты о его немедленной поимке. То есть скрывался он, что называется, под «самым носом» у государя и патриарха, и прикрывал его не кто иной, как лично настоятель обители!

Не стоит забывать и о том, что именно в эти же времена из среды монастырской братии выдвинулся старец Александр Мезенец — главный авторитет и знаток исконного крюкового пения, того самого пения, которое сохраняется с особым тщанием и сегодня в среде старообрядчества по всему миру. Здесь, за монастырскими стенами, умели ценить и понимать древнее наследие. Эта любовь к правде и старине — даже на грани риска и умаления собственной безопасности — еще раз показывает основные отличия в духовной жизни двух соседских обителей в XVII веке: Ново-Иерусалимской и Саввино-Сторожевской.

Не потому ли, в силу своей «избранности» и особого почитания, Саввино-Сторожевский монастырь был всегда весьма состоятелен и богат (после периода забвения в конце XV — начале XVI века, связанного с уничтожением памяти о князе Юрии Звенигородском) и стал одним из самых обеспеченных, наиболее владетельным, а в итоге первым получил статус лавры на Руси. Неслучайно и то, что долгие столетия, интуитивно ощущая особую роль этого места в истории России, рядом с обителью всегда были цари и патриархи. А в наши дни — патриархи даже являются настоятелями монастыря, входящего в список «ставропигиальных», то есть подчиняющихся лично Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси.

Древнее народное предание, бытовавшее среди жителей Русского Севера, в особенности на древней Новгородской земле, еще с XIV века, сохранило уникальное представление людей о Рае. Это не было чем-то вроде легенды или сказки. Текст был сформулирован ответственным лицом — архиепископом Новгородским Василием Каликой (жил в 1331–1352 годах, когда Савва пришел в иночество). В своем «Послании» к епископу

Тверскому Федору он приводил важные аргументы в полемике и духовных спорах. Текст можно найти в Софийской и Воскресенской летописях, в записи за 1347 год.

«А то место Святого Рая... И принесло их к высоким горам. И видеша на горе той написан Деисус лазорем чудным и вельми издивлен паче меры, яко не человеческыма рукама творен, но Божию благодатью... А на горах тех ликования многа слыша, и веселия гласы вещающа... А что, брате, молвишь Рай мыслен, ино, брате, так то и есть — мысленный и будет».

Погодите-ка! Это же напоминает текст Маркелла из Жития Саввы Сторожевского: «И как небесный рай благовонными насажденный цветами обрел его... И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось... Стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели... Они же, словно сладкими водами, поили свои души. Как говорил Давид, что некий сад, у истоков водных насажденный, возрастает и расцветает, и плод сладкий приносит во время свое...» И гора Сторожи — ведь именно «гора»!

Мы имеем все признаки Рая в построении Звенигородской обители: гору (Сторожи), ликование (стечение народа) и Деисус (Звенигородский чин Андрея Рублева).

Посмотрим еще и записи игумена Даниила, который написал свое «Хождение» в Иерусалим (в начале XII века), познав, что такое Рай. Он приводит такие фразы: «Чюдно и дивно и несказанно и красно», «красотою и всем несказан-на есть земля та», «чюдно и несказанно хитростию». Палестина — это почти всегда цветущие деревья, «обильные плоды, чистые и сладкие воды источников, разнообразная фауна, высока», а также яркий свет сверху, удивительное сияние, которое земному человеку выдержать не просто. Всегда упоминается город-сад, «рай насажденный».

А в Житии Саввы? Мы видим то же самое — те же цветы, сады, плоды и воды.

О Звенигороде еще древние писали как о Рае.

Уже в наше время — в XXI веке — один из участников Международной конференции «Н. А. Бердяев и единство европейского духа», проведенной осенью 2006 года у Звенигорода Библийско-богословским институтом святого апостола Андрея (Москва) при поддержке Университета Восточных церквей (Регенсбург, Германия), куда собрались ведущие российские и зарубежные философы и богословы, вспоминал следующее: «Это место было выбрано для проведения конференции по русской религиозной философии не случайно. Дух

Звенигородской земли впитал в себя величие русской культуры — эти места связаны с именами А. Рублева, И. Левитана, А. Чехова, Ф. Шаляпина, М. Пришвина... Может быть, этим можно объяснить удивительно хорошую солнечную погоду, ритмы опадающей листвы, безветрие во все дни конференции. Природа как будто задумалась и что-то вспоминала... Даже животный мир не остался равнодушен. То ли услышав богословские беседы, неожиданно появилась лисица и не отказалась позировать перед фотокамерами».

«Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь, — писал Рерих-художник, — всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности, и мечтою... о граде Китеже, Новом Иерусалиме». В 1930-х он вдруг решил реализовать идею Звенигорода в горах Азии. Для этого в 1933 году художник предпринял очередную попытку осуществления замысла и отправился в Маньчжурскую экспедицию. Как писали позднее — «под новой страной подразумевалась Сибирь и вся Азия, а место Звенигорода было уже давно определено — Алтай».

О плане экспедиции Н. К. Рерих говорил еще в 1929 году, выступая в Нью-Йорке. Американцы и решили отправить его в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Рерих пишет брату: «Национальная и культурно-созидательная задача прежде всего звучит против безбожия, разрушения и тления... Мир движется к разрушению». В этом же письме говорилось о Сибири и Белухе — месте будущего строительства города. Рерих написал, что не может доверить бумаге многие секреты. Это уже сегодня скажут: «Речь шла о проекте Единой Азии с развитием концессий на Алтае и с центром этой страны Звенигородом».

Идея была странная. И она не осуществилась.

Что ж, у старца Саввы Сторожевского за полтысячелетия до этого дела шли куда лучше. Он построил, и немало. И миллионы людей почитают его — без всякого желания отправляться в предгорья Тибета.

Он строил Звенигород Подмосковный. И Реальный, и Небесный. Один из центров Древней Руси.

В 1924 году, уже за границей России, писатель Алексей Ремизов выпустит свою книгу «Звенигород Скликанный» с удивительными короткими эссе, открывающими некоторый взгляд современного человека на духовные поиски в православной Руси. «Пока бьется сердце и горит в вас желание, — пишет Ремизов, — жив дух в душе, не престанет жизнь. Новый город вы выстроите, и будет он краше и поваднее всех городов,

новый город, скликанный».

Новое издание попало в руки его друга, также писателя — Георгия Гребенщикова, который выступил критиком книги. Это ему принадлежат пылкие слова: «Что это такое? И почему волнует это краткое ремизовское пророчество? Почему вам слышится в этих словах «Звенигород Скликаный» как будто далекий колокольный звон, трезвон празднично-пасхальной заутрени? Солнечная радость голубых небес и Русь великая, какая-то совсем по-новому прекрасная, маячит вашим мыслям и надеждам...»

А в 1904 году в Москве из печати вышла книжечка, рассказывающая о Саввино-Сторожевской обители. Кроме обычных фраз для паломников — что да как — неожиданно в тексте появились стихотворные строки, подписанные инициалами «Т. Д.». Название стихотворения гласило: «Мысли православного русскаго поклонника». А в незамысловатом тексте были и такие слова:

*Посмотри, природы любитель,
На виды Сторожевских гор;
Здесь красуется обитель
И златоглавый в ней собор.*

*Преподобный Учредитель
Сей обители святой,
Святой муж, небесный житель
В ней нашел себе покой...*

И еще — в самом конце стихотворения:

*Его трудами крином Палестины
Сия пустыня процвела...*

От Небесного Звенигорода до Небесной Палестины в начале прошлого века, как казалось, было рукой подать...

И еще раз, к читателю: это лишь предварительные рассуждения, не более, но они имеют право служить основой для некоторой гипотезы.

Глава седьмая

НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА

Спроси старцев твоих, и они скажут тебе...

Второзаконие (32, 7)

...Запечатлей их жизнь и деяния в своем сердце.

Василий Великий

Жизнь после смерти — модная тема нашего века. Даже не собираюсь здесь развивать ее философскую или иную другую «сущность». Для одних — это невозможная вещь. А для других, причем так называемых «простых» людей, почитающих чудеса и святость, другая жизнь настолько естественна, понятна и повседневна, что спорить или доказывать обратное — абсолютно бессмысленно.

И это не имеет отношения к так называемой мистике. Мы говорим о памяти. То есть о том, как дела и труды человеческие потом отражаются в земной жизни других людей.

Еще в начале этой книги мы обсуждали тему «второй жизни» Саввы Сторожевского, которая словно началась после его кончины. Только спустя десятилетия его имя не только вспомнили, но вдруг всенародно стали фиксировать многочисленные истории и события, которые принято называть чудесами. Они же, как правило, потом становились основанием для более глубокого почитания духовного подвижника, а затем — и для его канонизации.

Игумен Сторожевский Савва остался в памяти потомков как святой человек. И вся его жизнь — до или после кончины — является общим наследием, которое нам придется еще открывать и осознавать долгие и долгие времена.

Попробуем в этой обширной главе набросать хотя бы штрихи к панораме духовного наследства Звенигородского чудотворца. А если что-то и упустим, то читатель, надеюсь, не станет обижаться. Ведь необъятное — невозможно объять, а невидимое — иногда так трудно заметить...

Житийная традиция о Савве

Все лица... в житиях сливаются перед читателем в один образ, и трудно подметить в них особенности каждого.

В. О. Ключевский

Причисление к лику святых преподобного Саввы Сторожевского произошло не сразу. Как мы помним, его имя отчасти попало после кончины в «исторический переплет». Незавидная участь, которой подверглась память о князе Юрии Звенигородском, коснулась своим крылом и памяти о старце. Прошло почти полтора столетия до той поры, когда местночтимый, но пока еще не канонизированный официально святой был признан таковым Русской православной церковью.

Произошло это в 1547 году на церковном Соборе, созванном по инициативе митрополита Макария. Данное решение о Звенигородском чудотворце означало необходимость появления его Жития и Службы в память о нем. Так впервые для изучения и создания нужных текстов о Савве Сторожевском был назначен знающий в этом деле толк человек. Им и оказался уже известный нам инок, а впоследствии игумен Новгородского Хутынского монастыря — Маркелл, по прозванию Безбородый.

До настоящего времени дошло (или известно) несколько вариантов житий старца Саввы. Они в большинстве своем похожи одно на другое, а потому можно смело именовать их даже не вариантами, а редакциями или копиями (переложениями) некоторого единого текста. Основой его во всех случаях является работа Маркелла Хутынского, относящаяся к середине XVI века. В XVII веке существовали списки с этого Жития, почти не расходившиеся с оригиналом.

Еще одним — по времени — необходимо назвать Житие, вошедшее в сборник Дмитрия Ростовского и созданное в начале XVIII столетия. Другой, наиболее расширенный вариант жизнеописания принадлежит перу одного из настоятелей Саввино-Сторожевской обители в XIX веке — епископу Дмитровскому Леониду (Краснопевкову) и датируется 1860—1870-ми годами. В самом начале века XX, в 1901 году, были переизданы Великие Четьи-Минеи, в которых мы вновь находим текст Жития Звенигородского чудотворца.

Известны и другие многочисленные варианты житий преподобного Саввы, публиковавшиеся в различных изданиях XIX — начала XX века. Все они также повторяют друг друга.

Иногда в некоторых появлялись неожиданные факты или даты, до того времени неизвестные. Например, в одном Житии говорилось, что всего Савва Сторожевский прожил «80 лет» (автор — инок Саввина монастыря, издание 1903 года, хотя до него эту точку зрения высказывал и епископ Леонид), а это означало, что мы вдруг откуда-то получили точную дату его рождения — 1327 год. Увы, подобные сведения ничем не подтверждались, а потому будем считать их гипотетическими, то есть в определенной степени далекими от реальности.

Среди разных печатных публикаций Жития особо следует выделить, так сказать, «пушкинское». Жизнеописание Саввы попало в первое издание (1836 года) знаменитого «Словаря святых, прославленных в Российской церкви, и некоторых подвижников благочестия, местно чтимых». Известна высокая оценка, которую дал этому изданию А. С. Пушкин, опубликовав хвалебную рецензию в журнале «Современник». Однако в Словаре можно найти большое количество ошибок. По отношению к Житию «Саввы, преподобного Звенигородского» здесь появляются поразительные факты (если только автор не обладал какими-либо источниками, которые перевернули бы все наши представления о биографии старца). Например, в Словаре указано, что Савва, «исполняя волю своего духовного сына» князя Юрия, построил деревянную церковь Рождества на горе Сторожи под Звенигородом и основал свой монастырь в... 1377 году! То есть еще до Куликовской битвы и своего игуменства в Троицком монастыре после Сергия. То, что это не была простая опечатка (например, год 1377-й указан вместо 1397-го, что могло бы выглядеть более правдоподобно), подтверждает следующий в той же статье Словаря (через несколько строк) текст: «Тридцать лет управлял он устроенною им обителью». То есть в данной версии указывается, что в своем Звенигородском монастыре он прожил до конца дней — с 1377 по 1407 год.

Такое мнение могло быть интересным, если бы мы не заметили в данном издании и другие «опечатки». Обретение мощей Саввы во времена царя Алексея Михайловича «сдвинуто» с 1652 на 1682 год, хотя на этот же, 1682 год Словарь объявляет знаменитую Хованщину и появление в Саввиной обители царевны Софьи с братьями — Иваном и Петром — будущим российским императором. И так далее...

Пушкин, как известно, приветствовал выпуск «Словаря святых». Но известно также и другое — он скрытно и анонимно принимал участие в

подготовке для него некоторых статей. А если учесть, что перу поэта принадлежит Житие Саввы Сторожевского («Преподобный Савва Игумен») — переложение старого текста на современный русский литературный язык, и вспомнить, какое особое внимание он уделял жизни старца (детство Пушкина прошло неподалеку от монастыря, в Захарове), то возникает законное предположение, которое мы и предлагаем на рассмотрение исследователям. Не связана ли статья о «Савве, преподобном Звенигородском», опубликованная в упомянутом нами Словаре — с творчеством самого Александра Сергеевича? Приписать ему авторство было бы совсем «вызывающей» идеей. Ведь написана она в «сухом», а не в образном стиле, не очень похожем на пушкинский. Однако вспомним, что «сухости» требовал словарный «закон» жанра.

Мысль о том, что Пушкин мог быть «соучастником» создания житийной статьи о преподобном Савве Сторожевском в «Словаре святых» 1836 года, одновременно и фантастична, и реалистична. Был же он в начале 1830-х в Саввино-Сторожевском монастыре, писал об обители и о преподобном, решил же сделать старца прообразом одного из героев своей очередной поэмы. Но мы оставим эту мысль без каких бы то ни было доказательств, в виде ничем не подкрепленной гипотезы. Пусть разбираются специалисты. Однако...

Столь «сногшибательные» ошибки, которые сделаны в статье Словаря, скорее ближе натуре поэтической (что за Пушкиным наблюдалось не раз), нежели скрупулезно-исследовательской. Эти ошибки, между прочим, встречаются впервые именно и только в этом Словаре, в других изданиях или публикациях о преподобном Савве Сторожевском до этого — их нет. Мы знаем, что поэт иногда в своих работах или записках немного «искажал» факты, следуя своему поэтическому чувству. Чего только стоили, например, рассказанные Пушкиным в его «Путешествии в Арзрум» истории о тайных посещениях скрытых гаремов султана, чего на самом деле не было и не могло быть. Воображение иногда одерживало верх над прагматичностью...

Из всего количества житий Саввы Сторожевского мы выделим два главных и наиболее важных. Ими являются жития, созданные Маркеллом Безбородым и архиепископом (в момент написания — епископом) Леонидом (Краснопевковым). Остановимся на истории их создания и личностях авторов подробнее.

Маркелл, шумен Хутынский по прозвищу Безбородый

Даты его жизни неизвестны, однако можно смело утверждать, что он жил и творил в середине XVI столетия. Известно, что он был замечен митрополитом Макарием как талантливый агиограф и знаток крюкового церковного пения. Собственно по этой причине его и привлекли для работы над созданием некоторых житий и служб, связанных с новыми русскими святыми, в частности для готовящихся к обнародованию Великих Четьих-Миней.

Между 1549 и 1552 годами Маркелл Безбородый взялся за работу над увековечением памяти к тому времени канонизируемого святого — преподобного Саввы Сторожевского. Указанная датировка событий аргументируется довольно просто: последние чудеса, описанные Маркеллом, относятся именно к 1549 году, а в 1552-м все работы по составлению Четьих-Миней уже были закончены. Житие игумена Саввы было немедленно включено в Успенский и Царский списки Великих Четьих-Миней.

Собственно биографические данные о Маркелле Хутынском можно почерпнуть из его произведений и частично — из летописей. Но и они ограничиваются лишь несколькими годами жизни. Если бы в середине XVI века им не заинтересовался митрополит Макарий и не привлек его к работе как агиографа, то есть создателя житий, то мы бы, возможно, вообще ничего о нем и не узнали. Кроме того, что он мог быть иноком Саввино-Сторожевского монастыря, возможно предположение о его проживании и в Пафнутиево-Боровской обители (Новгородская летопись). Одно известно точно, что он после 1552 года (то есть уже после создания Жития преподобного Саввы) стал игуменом Варлаамо-Хутынского монастыря в Новгороде. До него там игуменствовал будущий архиепископ Гурий Коровин, который в 1555 году отправился в Казань. Маркелл и Гурий были близкими людьми, летописи повествуют, как они вместе ездили в Москву и Новгород. Примечательно, что существуют более поздние иконы, на которых изображены два святых — Савва Сторожевский и Гурий Казанский. Казалось бы, какая между ними связь, ведь они жили в разное время? Но связь есть, и она непростая. Во-первых — их «связывает» игумен Маркелл Безбородый, который знал одного и писал о другом. Во-вторых, как мы помним, преподобный Савва благословлял князя. Юрия на поход в Волжскую Булгарию, а Казань стала тем самым городом (вернее — одним из четырнадцати городов), который покорился русским дружинам более полутора столетий назад — задолго до того, как Гурий стал здесь архиепископом. Еще одно неслучайное совпадение.

Одним из последних известных фактов биографии Маркелла является сообщение о том, что он перестал быть игуменом, а затем, в 1557 году, поселился в Антониевом монастыре. Здесь за полгода он создаст еще одно Житие, принесшее ему известность, — Никиты, епископа Новгородского. Затем Маркелл отправляется в Москву, возможно, работает в сфере гимнографии по заказу весьма высокопоставленных особ (предполагается, что даже самого Ивана Грозного). На этом сведения о нем исчезают из документов.

В некоторых источниках встречается странное написание имени Маркелла — Марко. Это «итальянизированное» имя может многое говорить об этом человеке. Не только о широте его кругозора и образования, но и, возможно, даже о происхождении.

Остается только прояснить, почему игумен Хутынский носил прозвище Безбородый. Оно не могло быть случайным. Ведь борода являлась одним из важнейших отличительных признаков для православного христианина того времени. Она не означала просто «мужественность». Борода символизировала приближающуюся старость, а значит, — соединение с жизнью вечной и предвосхищение возможной святости. Она указывала черты национального характера, столь важные для Руси.

Так почему же такой человек назывался Безбородым? Похоже, что мы имеем здесь дело с ситуацией довольно редкой. Есть люди, у которых борода не растет или растет крайне скудно. Как пример можно привести внешнее описание воина Нестора из древнерусского иконописного подлинника (нечто вроде пособия для иконописцев): «Бороду имея едва сущу».

Видимо, у Маркелла не было бороды. Это определяло немалые проблемы в его жизни. В отношении бород к монашествующим и священникам предъявлялись особые требования. Было даже такое неписаное правило — «не принимать в лавре безбрадного». Еще проблематичнее было так называемым «голоусым», то есть безбородым юношам. От «женовидных лиц» у мужеского пола, как писал Нил Сорский, требовалось «сохраняться» с особой тщательностью.

Однако Маркелл был даже игуменом монастырей, вошел в историю Церкви как настоящий подвижник. И отсутствие бороды несколько не помешало ему в этом. Что и дает нам право сделать вывод: он был действительно выдающимся деятелем своей эпохи, возможно, еще недооцененным нами по достоинству.

Отметим в связи с этим еще один поразительный факт (наряду с

зашифрованными текстами Маркелла, о которых мы уже говорили). Этот славный агиограф после Жития Саввы Сторожевского написал Житие святителя Никиты Новгородского, который, как известно, также был... безбородым! Случайность это или нарочитый выбор? Во всяком случае, мы видим еще одну загадку, оставленную нам автором для продолжительных выяснений.

Существует мнение, что, возможно, и Житие Саввы Сторожевского, и текст Службы ему могли быть написаны немного ранее 1547–1552 годов, когда в них было просто кое-что вставлено. Наводит на эту мысль сам текст Жития, где сказано, что начало оно составляться по просьбе братии Саввино-Сторожевской обители. Вот что писал по этому поводу автор: «Не об ухищрении слов заботясь, но простыми письменами написали, призывая святого сего к Богу на молитву, боголюбивым и благонравным на послушание и пользу. Повинуясь повелению великого отца и первопрестольника великой и апостольской Церкви, русской митрополии преосвященного, имею в виду Макария, митрополита всея Руси, *отцы этой обители умолили его о сем подвижничестве*, и меня убогого понудили писать, чтобы всем было известно о святом этом и навеки памятном муже».

Если «отцы этой обители умолили», то, значит, они уже давно почитали старца Савву как святого. По косвенным данным местное почитание Звенигородского чудотворца началось еще в конце XV века, около 1490-х годов. Но могло ли тогда появиться его Житие? Вряд ли. Ведь тогда не было бы необходимости монастырской братии обращаться с такой просьбой к митрополиту. Да и не сохранилось (или не существует) ни одного экземпляра или списка с такого Жития.

Все это означает, что Маркелл Хутынский был первопроходцем. Возможно, он даже первоначально создал Службу в память о старце, а уже потом — Житие.

Вот что он сам поведал, рассказывая о кончине Саввы: «И взяв святое тело его, положили его на ложе и с надгробными песнопениями достойно проводили, земле предав в созданном им монастыре, где и доньше память его совершается». «Совершение» некоторой памяти, то есть Службы преподобному в его монастыре еще ранее официальной канонизации, буквально подтверждается Маркеллом. Некоторые исследователи (еще с XIX столетия) так и считали, что Савва Сторожевский был причислен к лику святых намного ранее Соборов XVI века. Ведь память о нем можно найти в обиходе Троицкого монастыря, который создавался в 1530-е годы — до 1547-го, где под 3 декабря можно было найти следующую запись:

«Въ той же день Саввы Сторожевскаго, Славословие». Явное упоминание славословной службы — до Соборов 1547 и 1549 годов. В наши дни историки подметили и некоторые другие косвенные указания на факт возможной более ранней канонизации. В Троицких сборниках второй половины XVII века неожиданно встречаются упоминания о дне перенесения мощей Саввы Сторожевского, которое происходило... 30 апреля, а это совершенно неизвестное событие. И еще: в купчей грамоте 1530-х годов Савва уже назван Чудотворцем, а в некоторых рассказах о чудесах, помещенных в Житии и происходивших в конце XV — начале XVI столетия, упоминаются икона и «рака» преподобного. То есть почитаемые святыни уже были!

О Службе Савве Сторожевскому надо сказать несколько отдельных слов. Как мы уже говорили, ее написал также Маркелл Хутынский. Знатоку церковного пения это не составляло особого труда. Однако некоторое время было много споров относительно того, кто является ее автором (Службы святым, как известно, авторами не подписывались). И «виноваты» в этом были те самые знаменитые «шифровки» самого Маркелла, которые он оставлял в виде акростихов в созданных им Службах (дабы хоть таким образом оставить в них свое имя). Почему «виноваты»? Да потому, что в некоторых написанных им Службах (главные из подготовленных Маркеллом — Никите Новгородскому, Никите Переяславскому и Иоасафу, царевичу Индийскому) эти шифровки есть, а вот в Службе Савве Сторожевскому — их вообще нет (как и в Службе Макарию Калязине кому). Непонятно — почему?

Однако Служба и Житие преподобного Саввы создавались значительно ранее других известных трудов гимнографа Маркелла Безбородого. Этим и можно объяснить такое различие. Будучи моложе, он либо не знал, либо, скорее всего, еще побаивался и не позволял себе такое вмешательство в текст богослужения — в виде закодированного краегранесия — зашифрованного акростиха с собственным именем. И уж точно он не был готов тогда к созданию азбучного акростишия с включением в него сокращенной подписи. Хотя благодаря своим «шифровкам» он стал одним из основателей традиции азбучных канонов на Руси, которая была подхвачена и развита только столетие спустя — в XVII веке.

Вот для примера один из образцов «шифровки» Маркелла, которую он оставил в Службе Иоасафу, царевичу Индийскому. Если мы начнем последовательно выписывать начальные буквы тропарей, построенных в виде акростиха, то прочитаем: «Цр іасф пне млбн прншу в пснх убги

Мркл». Краегранесие здесь сочетается с исключением большинства гласных букв. А если мы попытаемся их вставить в нужные места, то легко прочтем: «Царю Иоасафу пѣние молебнo приношу въ песняхъ убогѣй Маркелль». Излюбленная подпись гимнографа и агиографа — «Мркл» — встречается часто в заглавных буквах строк его трудов.

И, наконец, в подтверждение того, что Житие и Служба Савве Сторожевскому были созданы именно Маркеллом, внимательный анализ их содержания подтверждает частичное совпадение текстов, что естественно приводит к утверждению единого авторства обоих произведений. А так как одно из них — Житие — точно подписано и им удостоверено, то, значит, и другое — Служба — скорее всего результат творчества того же человека.

Откуда черпал информацию для создания Жития Маркелл Безбородый? Откуда он брал сведения о Савве Сторожевском? Ведь живых свидетелей быть уже не могло, как не осталось никого, кто бы мог слышать их рассказы. Трудно было найти и кого-то из близких учеников преподобного. Скорее всего, он имел прямые контакты с современными ему старцами Саввино-Сторожевского монастыря, долго проживал в его стенах. Именно в это время он подписывается «инок Маркелл», потому и возникли предположения, быстро, правда, отвергнутые, что он мог быть даже в числе братии Звенигородской обители. Подтверждений этому факту нет, но нет и опровержений. А почему — нет? Пусть даже короткое время он мог быть иноком Саввино-Сторожевского монастыря, что давало ему гораздо больше возможностей для создания Жития основателя обители. Во всяком случае, нет никаких доказательств, которые бы исключили такую возможность. Напротив, есть одно указание, которое может косвенно подтвердить прямое отношение Маркелла к Звенигороду. Он озаглавил свое Житие так: «Сказание о житии и от части чюдес исповедание преподобнаго отца нашего Саввы» (цитирую по рукописному списку XVII столетия. — К. К.). «Отца нашего» — это словосочетание иногда встречается как обычная норма в начале житий святых. Но так могли называть и игумена-основателя обители — иноки из числа данной монастырской братии. По крайней мере, слово «нашего» трудно отнести к образному изречению Маркелла, которое бы подразумевало общерусское отношение к святому старцу, как к общенациональному «отцу». Говоря «отца нашего», Маркелл явно относил себя к числу «сынов», то есть учеников или последователей Звенигородского чудотворца, а это еще раз наводит на мысль о том, что он имел некоторое, пусть и временное, отношение к Саввино-Сторожевскому монастырю.

Если внимательнее приглядеться к тексту Жития, то станет заметно, что основными источниками и образцами жизнеописания преподобного Саввы стали уже широко распространенные жития Сергия и Никона Радонежских. И ясно — почему. Один был учителем Саввы, другой — сподвижником, которого он сменил на посту игумена Троицкой обители. Маркелл выбрал эти жития еще и потому, что они рассказывали о реальных современниках старца, в значительной степени повлиявших на его жизнь и судьбу.

Тексты этих житий и текст жизнеописания Саввы на самом деле весьма близки. У Епифания Премудрого и Пахомия Логофета Маркелл заимствует идею благословения на битву (как это было с Сергием Радонежским и Дмитрием Донским). Но включая в Житие Саввы Сторожевского повествование о походе князя Юрия Звенигородского в Волжскую Булгарию, он не случайно упоминает в числе покоренных русскими дружинами городов и Казань. Важность и злободневность темы была очевидна, особенно если мы вспомним годы, когда писалось это Житие. Иван Грозный как раз почти что повторил маршрут сына Дмитрия Донского и поставил в разорении Казани последнюю жирную точку.

Из Жития Никона Радонежского Маркелл берет и историю о том, что будущий монах Савва в прошлом мог быть достаточно знатным и именитым человеком, возможно из боярского рода. Придя в монастырь, он сменяет лучшие и дорогие одежды на одеяние послушника. Некоторые эпитеты и эмоциональные восклицания также напоминают нам вышеупомянутые источники. Однако игумен Хутынский проявил в тексте и некоторый писательский талант, создав образные словесные построения, включая лиричное начало или описание райского места на горе Сторожи, столь поразившее будущего основателя Звенигородской обители.

Вот что писали по поводу заимствований Маркеллом из других житий признанные авторитеты — историки XIX века.

Василий Ключевский («Древнерусские жития святых как исторический источник», глава VI — Жития Макарьевского времени): «Инок Маркелл в биографии Саввы Сторожевского, написанной около 1550 года, рассказав об удалении Саввы из Троицкого Сергиева монастыря в Звенигород, замечает, «паки возводят на игуменство преп. Никона, якоже и в житии его споведано бысть»... Упомянутое житие Саввы Сторожевского очень скудно биографическим содержанием и старается восполнить его длинным рядом чудес. Сам автор оговаривается в предисловии, что не нашел сведений о происхождении и воспитании святого и вкратце написал только об иноческой его жизни. Здесь в рассказе об игуменстве Саввы в

Дубенской обители он пользовался Житием Сергия, известие об игуменстве в Сергиевом монастыре заимствовал из второй редакции Жития Никона».

Митрополит Макарий («История Русской церкви». Том 3. Отдел 2. Глава VI): «В службах святому Савве Сторожевскому и святому Иакову Боровицкому повторяются то с буквальной точностью, то с небольшими изменениями тропари и другие песни из канонов игумена Маркелла святому Никите Новгородскому и замечается во всем такое сходство с этими канонами, что как будто они вышли из-под пера самого Маркелла». Там же (Том 6. Глава V): «Митрополит Макарий внес Житие... преподобного Саввы Сторожевского, составленное иноком Маркеллом... Житие Саввы, составленное по повелению митрополита Макария вследствие ходатайства братии Сторожевского монастыря, излагает также немногие сведения только об иноческой жизни преподобного, заимствованные из житий преподобного Сергия Радонежского и ученика его Никона, и затем распространяется в описании многочисленных чудес святого старца».

А вот мнение знатока церковного пения — русского профессора-эмигранта Ф. Г. Спасского, опубликовавшего уже в XX веке в Париже замечательную статью «Поэт XVI века, игумен хутынский Маркелл Безбородой»: «Маркелл — русский художник, даровитый и оригинальный, единственный в истории церковной нашей поэзии, не замеченный, утонувший в неуклюжих и незвучных произведениях многочисленных подражателей Пахомия Серб... За век до Аввакума Маркелл дает образец славянского богослужебного языка, одобренного современным ему русским говором».

В Житии Саввы Сторожевского упомянуто некоторое количество чудес, первоначально, видимо, записанных братией монастыря, а затем уже переданных Маркеллу. Период происхождения этих чудес ограничивается годами 1490-м (время игуменства Дионисия) и 1543–1549 (время игуменства Арсения). Последние даты показывают то, когда Маркелл начал писать Житие, а вот первые говорят о том, что еще в конце XV века в самом Звенигороде с особым почитанием относились ко всему, что было связано с именем преподобного Саввы, а это еще раз подтверждает, что, может быть, даже тогда уже и сложилось местное его почитание как святого.

Существует много списков Жития Саввы Сторожевского, написанного Маркеллом Безбородым, которые относятся к XVI–XVII столетиям. Они сохранялись в разных монастырях — Троице-Сергиевом, Кирилло-

Белозерском, Иосифо-Волоколамском, на Соловках и др. Однако известен был некий первоначальный или главный «оригинал», который хранился непосредственно в Саввино-Сторожевской обители и являлся ценным источником, с которого, по всей видимости, и делались различные копии или списки. Этот документ называли «Сторожевским переводом». Один из списков с этого «перевода-образца» составил инок Игнатий, проживавший, или, как тогда говорили, «годовавший» (совершавший годовое послушание) в Московском подворье Звенигородского монастыря. Он писал новую копию по заказу игумена Кирилло-Белозерского монастыря Козьмы. Вместе с Житием писец Игнатий повторил и Службу Савве, «перевод» которой также хранился в основанной старцем обители.

На основе этого «Сторожевского списка» при царе Алексее Михайловиче были выпущены первые печатные экземпляры Жития Саввы, причем — отдельной книгой! До этого такого почета удостаивалось лишь Житие Сергия Радонежского. Тираж книги о Звенигородском чудотворце был для того времени феноменальным: 1200 экземпляров! Назвать первопечатные издания дешевыми было нельзя, но известно, что за два месяца было продано 452 книги. Кроме Жития печаталась и Служба, причем в подарочном варианте, для «подношений». Было два экземпляра изданий, оформленные золотом. Специально для государя.

Широкое распространение единого текста, исходящего от Маркелла, известно вплоть до XVIII столетия, когда появились некоторые «вариации», создаваемые на основе «Сторожевского перевода». Но и в наши дни труд, проделанный Маркеллом Безбородым, является основополагающим для всех, кого интересует жизнь Звенигородского чудотворца.

Епископ Леонид (Краснопевков)

А теперь перейдем к истории создания другого Жития, написанного епископом Леонидом (Краснопевковым) в XIX 228 столетии. Оно уже более подходит под определение «биографии». Мы находим в нем не только дополнительные факты и сведения, но также в обилии и некоторые оценки и предположения.

Лев Васильевич Краснопевков (таково было мирское имя автора до монашества) — весьма известный и признанный церковный деятель России (годы жизни — 1817–1876). Он достиг сана архиепископа, но начинал свою карьеру как будущий инженер. Несколько лет учебы в Горном кадетском корпусе, затем — служба на Балтийском флоте (дослужился до мичмана). И вдруг — перемена всей жизни. Он поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, а затем заканчивает курс Московской духовной

академии, где очень быстро получает степень магистра богословия. Его оставили преподавать в Троицкой Вифанской семинарии. А в 1845 году он принял монашество (и новое имя — Леонид) в Троице-Сергиевой лавре, затем митрополит Филарет рукоположит его в иеромонахи в соборе Василия Блаженного, что на Красной площади Москвы.

Такие изменения не были для горного инженера-флотоводца случайными. Повлияли на него встреча с архимандритом Игнатием Брянчаниновым, произошедшая в 1836 году, а также знакомство с алтайским архимандритом Макарием, приехавшим в то время в Санкт-Петербург (кстати, Алтай нынче то самое место, где строится так называемый Новый Звенигород; бывают ли случайные совпадения?). А уже в 1847-м они беседовали с отцом Игнатием на темы возможных научных трудов. Будущий автор Жития Саввы Сторожевского советовался: «Я уже в таком возрасте, когда другие давно действуют. Эта несвоевременность занятий ученических, эта безызвестность их убивает рвение. Я не пришел еще в уныние, я знаю по неоднократному опыту, что во мне есть энергия, что, когда принимаюсь за труд, цель которого определима и близка, тогда я не знаю усталости. Случалось неделями просиживать ежедневно по 16 и более часов за работой, не теряя ни свежести в организме, ни бодрости духа. Но тут я видел близкую цель труда: как скоро цель эта скрывалась, я был не в состоянии просидеть и получаса за той же самой работой». На это он получал такой совет: «Всяк книжник, наученный Царствию Божию, подобен человеку домовиту, наносящему из сокровища своего новое и ветхое (Мф. 13:52). Не оставляйте науки светской, поскольку она служит к округлению духовных наук: приложение к духовному, чтобы дать вопрошающему отчет в вашем уповании (1 Петр. 3:15)... Не спешите с этим самообразованием — скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог — никогда. Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет усердие и чудесно восполняет недостатки. Делайте все ради Бога. Насколько правило это важно в учении, настолько же и в жизни».

Вся дальнейшая жизнь отца Леонида была связана также и с церковной наукой. Он написал большое количество трудов и проповедей, многие из них были напечатаны в журналах и газетах, некоторые выходили отдельными изданиями.

Будучи признанным богословом, в 1849 году иеромонах Леонид не случайно становится ректором Вифанской семинарии, архимандритом и настоятелем Златоустова монастыря в Москве, а затем и Московской

Знаменской обители. В 1851 году он даже исполняет обязанности регента Синодального хора и, по всей видимости, именно тогда впервые знакомится с именем Маркелла Хутынского — знатока церковного пения своего времени. Но до Жития преподобного Саввы еще далеко. Только в 1858 году архимандрита Леонида рукополагают в епископы. Он принимает Дмитровскую кафедру, а она традиционно связана с Саввино-Сторожевским монастырем, так как Звенигород являлся частью вверенной ему епархии. Также традиционно епископ Дмитровский управлял и деятельностью данной обители на правах настоятеля.

Окончил свои дни он в сане архиепископа Ярославского и Ростовского и в новой своей епархии успел начать многие преобразования. Однако Звенигород стал как бы его второй духовной родиной.

Саввино-Сторожевский монастырь многое изменил в его жизни. За его стенами епископ Леонид провел многие свои дни. Именно он начал столь важное обустройство Скита на месте пещерки, где окончил свои дни старец Савва. Ему принадлежат и небольшой труд «Преподобный Савва Сторожевский», а также ряд проповедей, которые можно принять в качестве изложения Жития Звенигородского чудотворца.

В те времена историческая наука и ее последователи в лоне Церкви еще не располагали дополнительными источниками или документами. Однако владыке Леониду удалось добавить некоторые новые сведения в достаточно скупой житийный ряд первого Сторожевского игумена. К этому можно добавить изрядный литературный стиль, который был присущ автору, признанному сегодня одним из ярких церковных писателей XIX столетия. Только в последнее время некоторые труды архиепископа Леонида вновь становятся достоянием общественности.

Одним из новых фактов, включенных в составленное им Житие (которое он использовал также в виде проповеди), стало, например, пояснение о том, что «в монастырской ризнице хранится, как сокровище, белая шелковая риза преп. Саввы, сходная с ризою пр. Никона, что сберегается в ризнице Лавры». Риза была сделана и подарена старцу супругой князя Юрия Звенигородского — Анастасией, дочерью великого князя Смоленского Юрия Святославича. Увы, уникальное творение ручной работы исчезло уже в советское время. Упомянул епископ Леонид и историю с пасынком Наполеона — генералом Евгением Богарне, которая произошла в 1812 году во время Отечественной войны.

Также он предложил и некоторые даты жизни старца Саввы, написав: «Течение всей жизни св. Саввы простиралось лет на 80. Начав иноческий подвиг в числе первых учеников преподобного Сергия, он продолжал его

около 60 лет, из которых последние 15 начальствовал; в Сергиевой обители, вместо Никона, около шести лет и на игуменстве Сторожевском восемь или девять». Как мы видим, в данном тексте он упоминает, вслед за некоторыми его предшественниками в XIX веке, о 80-летнем проживании Саввы Сторожевского, но делает это предположительно и — увы — без ссылок на источники. Его исчисления произведены были следующим образом, о чем он написал: «Преподобный Савва был одним из первых учеников преподобного Сергия, следовательно, пришел в Троицкий монастырь около 1340–1350 года. Если он при вступлении в иноческую жизнь имел около 15–25 лет, то при кончине пр. Сергия в 1392 году ему было более 60 лет; игумен Сторожевской обители сделался он, имея 70 лет, и скончался в 1407 году, приближаясь к 80-летнему возрасту». Недостоверность подобных вычислений мы уже рассматривали в главе о детстве Звенигородского чудотворца. Ведь даты прихода его в монастырь к Сергию не были известны, как и время пострига.

Что же касается игуменства в разных обителях, то епископ Леонид справедливо даже не упоминает о жизни старца Саввы в Успенском Дубенском монастыре, чего скорее всего просто и не было в реальности.

И еще. В книге «Преподобный Савва Сторожевский» (М., 1885) мы находим у епископа Леонида такую дату кончины старца Саввы: «Мирная кончина игумена Сторожевскаго последовала в 3 день декабря 1408 (6915) года». Предполагаем, что в данном конкретном случае имеет место быть простая опечатка, так как в других своих публикациях он ставит дату — 1407 год.

Итак, даже до настоящего времени все варианты изданий Жития Саввы Сторожевского, как правило, являются перепечаткой или пересказом двух основных: Маркелла Хутынского и епископа Леонида. Мы можем только предполагать возможное появление как новых полноценных исследовательских и научных трудов в данной сфере, так и дальнейшее развитие церковного творчества в области не сугубо «исторического» или «художественного», но и «житийного» жанра.

Посмертные чудеса, обретения и канонизация

Имея ухо слышать вперед... он не мог не прозревать.

Н. В. Гоголь

О чудесах, связанных с именем Саввы Сторожевского, окружающий Звенигород мир узнал не сразу. Мы уже знаем почему. Начались «феодалные войны» за наследие престола великого князя Руси. Тут уж не до монастыря.

События развивались следующим образом. В 1429 году умирает великий Московский князь Василий I. Перед смертью он благословляет великим княжением своего десятилетнего сына Василия. Об этом князь Юрий Дмитриевич узнает у себя в Звенигороде от посланного к нему московского боярина. Старшинство своего племянника звенигородский князь не признал и вступил с ним в борьбу за великокняжеский престол.

Хотя удивительная вещь история. Войны в XV столетии на Руси продолжались долго, власть и уделы переходили из рук в руки, но всякий раз, когда та или иная сторона оказывалась у кормила звенигородского правления — она тут же оказывала знаки внимания и уважения к Саввино-Сторожевскому монастырю. Он словно был «над» мирскими проблемами.

Но даже такое почитание старца не помогло памяти о нем. Разговоры о канонизации затянулись. А к тому времени, когда они возобновились вновь, — многое уже забылось, причем настолько, что материал для Жития Маркелл Безбородый собирал просто по крупицам да кое-что просто взял из других похожих текстов.

Но без чудес нет и канонизации. Без подробной информации на этот счет ничего просто не получится. Даже крайне почитаемого преподобного Сергия Радонежского канонизировали только десятилетия спустя его кончины. Церковь в таких случаях не спешит. Она принимает решения основательно и наверняка.

Но вот «феодалные войны» подошли к концу. Звенигород прочно закрепился за Москвой. Монастырь попадает под опеку потомков Василия I и Василия II. Именно в это время, уже в конце XV столетия, начинается так называемое местное почитание святого. Это значит, что несмотря на

отсутствие официальных церковных решений народ стремится к месту, связанному с жизнью или деятельностью почившего подвижника. Фиксируются — устно или письменно — различные события с этим связанными, а также чудеса.

По сути, чудеса — это истории, которые случались с теми или иными людьми в их реальной жизни, но привели к каким-то необычным последствиям или изменениям. Например, к исцелению от болезни, порой вообще неизлечимой. Иначе говоря, чудо — это такое явление, которое нарушает привычные законы природы. Это в бытовом понимании. А в так называемом богословском — чудо является таким особым действием Божиим, которое происходит или проявляется и в обыденных, и в экстремальных или необычных событиях и зачастую превышает естественный порядок вещей. Чудо имеет значение знамения или откровения.

Когда количество таких событий в Звенигороде стало столь многочисленным, что не говорить об этом всерьез стало просто нельзя, то и речь пошла о канонизации. Это означало, что в память о святом будет назначен определенный день его памяти, который внесут в церковный календарь, затем будут составлены его Житие, Служба, а также написаны его иконописные лики (образы) и даже освящены церкви или приделы церквей в его честь.

Самое интересное, что многое из перечисленного к 1490-м годам уже существовало. И иконописный лик, утвержденный знавшими старца иноками, и Служба, и почитание дня преставления — в декабре.

При Иване III про Савву вспомнят вновь. Времена «конца света» и серьезных ересей, наступившие на Руси, требовали внимания по отношению к истинным святыням. Кстати, икона Саввы Сторожевского, которая была написана игуменом Дионисием еще в 1430-е годы, могла изображать старца уже в нимбе, как в поздних списках.

В 1505 году у мощей старца в монастыре уже служили молебны. Рукопись из Троицкого монастыря 1530—1540-х годов рассказала, что «третьяго декабря совершалась память пр. Саввы» и «славословие». Славословие — это уже на пороге славения, то есть — прославления. Тогда же преподобного Савву уже называют «чудотворцем».

Иноки Саввиной обители начали собирать свидетельства о чудесах ее основателя. Они передадут их потом митрополиту Макарию, а тот — Маркеллу Безбородому, который все их подробно включит в Житие Звенигородского старца.

Начало канонизации Саввы Сторожевского в 1547 году на Московском соборе при митрополите Макарии совпало с временем венчания на царство Ивана Грозного! В те же годы почти одновременно были канонизированы князь Александр Невский, Петр и Феврония, Пафнутий Боровский, Зосима и Савватий Соловецкие, а также соратник и сподвижник Саввы — Никон Радонежский.

Для монастыря в Звенигороде это было важнейшее событие. Появилось Житие, которое вошло в списки Четьих-Ми-ней, составленных святителем Макарием. Чудеса стали известны повсеместно.

Для того чтобы ознакомиться с ними, мы отправляем читателей в раздел «Дополнительные материалы» в данной книге, к более позднему Житию — уже XIX века, — написанному епископом Леонидом.

Белокаменная летопись Сторожевской обители

Монастырь святого Саввы меньше Троицкого, но построен по его образцу. Как тот я назвал бы женихом, так этот — невестой.

Павел Аллепский. XVII век

При игуменстве Саввы Сторожевского конечно же в монастыре еще не было ни толстых стен, ни высоких башен. Они появились позднее. Летопись, написанная в камне, рассказывает то, как это место то приходило в некоторое запустение, то возрождалось вновь, превратившись в один из важных центров русской духовности.

Около 1430 года игумен Дионисий, который тогда был во главе обители Саввы, написал иконописный образ преподобного. Он советовался с теми, кто хорошо знал его в лицо. Списки иконы сохранились. Теперь мы можем представлять себе, как выглядел Савва Сторожевский.

Междоусобная война за право на Московский престол, которая началась между сыновьями Василия I и Юрия Звенигородского, привела к тому, что управлять Русью стали потомки Василия. Вскоре и Звенигород перешел к их родне. И чтобы сильный город больше не подавал поводов для беспокойств, ему перестали придавать значение центра подмосковной жизни. Так, к концу XV столетия потихоньку Звенигород пришел в некоторое запустение.

В 1492 году Саввин монастырь, где основателя уже почитали как святого, перешел под непосредственное управление великого князя — Ивана III.

Наиболее значительные события развернулись в середине XVI столетия, когда о преподобном Савве Сторожевском вдруг вспомнили, для того чтобы провозгласить его в числе новых русских святых. В 1547 году его канонизировали на Первом соборе при митрополите Макарии. Впервые появился день его всеобщего почитания — 3 (16) декабря, единственная точно известная дата его жизни — день кончины. Именно тогда и напишет Житие Маркелл Безбородый. Ему поручил это сделать митрополит Макарий, а того попросили старцы Саввиной обители.

Известно, что к этому времени с южной стороны Рождественского

собора уже появилась пристройка — придел во имя преподобного Саввы Сторожевского. Он выглядел как небольшая одноглавая церковь. В память об учителе преподобного в монастыре возводится каменная односторонняя церковь во имя Сергия Радонежского, а также трапезная палата.

По случаю канонизации, в сентябре 1548 года в обитель неожиданно направляется сам царь — Иван Васильевич Грозный с супругой — Анастасией Романовной. Со времен Юрия Звенигородского здесь, видимо, еще не видели правителя Руси. Встреча с иноками немного смутила государя. В истории осталось его мнение о запусении в монастыре, «слабом житии иноков». После праздничного пира он увидел некоторую праздность монашествующих и отметил: «А на Сторожах до чего дожили? Уже и затворити монастыря некому!»

Однако времена менялись. Самые трудные дни монастырь в древнем Звенигороде переживал в так называемое Смутное время, в начале XVII века, когда не было праведного царствия на Руси, пресеклась династия Рюриковичей, когда в страну вторглись польско-литовские захватчики и посадили на престол самозванцев. И до того, как гражданин Кузьма Минин с князем Дмитрием Пожарским собрали ополчение и освободили Москву с близлежащими городами, монастырская братия повидала почти полное разорение и разграбление, а также беспощадные бедствия от лютых пожаров.

До нас дошло уникальное свидетельство о том, каким уважением тогда на Руси пользовалась обитель преподобного Саввы. Оказывается, самозваному царю из Польши и его супруге Марине Мнишек было просто необходимо приехать в Саввино-Сторожевскую обитель, без чего русские и вовсе не признавали их за монархов. В сентябре 1608 года Лжедмитрий II собственноручно писал, что необходимо отправить жену «для поклонения святому в монастыре Звенигородском, дабы в Москве могло возрасти к нам великое уважение».

С особой неприязнью польские солдаты относились к православному духовенству, стремились захватить «богатства» из церковных хранилищ. Однако известно, что в этот период среди монахов монастыря почти никто не погиб. Во всяком случае, в документах нет сведений о трагической кончине кого-нибудь из иноков обители во времена смуты.

В Звенигородском крае до пришествия лютых грабителей — обоих Лжедмитриев и королевича Владислава — известно было несколько монастырей, часть из них, как предполагается, была задумана и, быть может, заложена еще князем Юрием Дмитриевичем — сыном Дмитрия

Донского, а значит, возможно, и по благословению старца Саввы. Но только одна Сторожевская обитель, находящаяся под покровительством святителя, не погибла, не была сожжена дотла и ожила во времена возрождения монархии и появления новой царской династии Романовых.

Именно в это время, в течение почти полувека, преподобный Савва Сторожевский уже почитался как святой, и с каждым годом множество паломников стремились к обители чудотворца и целителя.

Кардинальные перемены в жизни монастыря произошли при царе Алексее Михайловиче. Обитель стала называться «собственным государевым богомолем» и превратилась в уникальный храм-дворец богомольного правителя Руси. Именно он начал грандиозное строительство стен и башен, новых зданий. Этот облик монастыря, собственно, и дошел до наших дней. И если его величие поражает наших современников, то можно себе представить, какое впечатление он производил на гостей XVII века. Одним из них стал патриарх Антиохийский Макарий III, сын которого, писатель Павел Аллепский, оставил уникальный документ. Он запечатлел все события чуть ли не по часам. Отсылаем читателя в раздел «Дополнительные материалы», дабы ознакомиться с отрывком из этого неповторимого по колориту сочинения.

Алексей Михайлович построил крепостные стены в 2 с лишним метра толщиной, а высотой до 8,5 метра. Все строительство происходило в 1650–1654 годах, перед самой войной с Польшей, когда сюда были привезены часы из возвращенного Руси Смоленска. Шесть из семи мощных башен до сих пор окружают обитель. Здесь располагался стрелецкий гарнизон, который позднее переберется в Саввинскую слободу (Стрелецкую слободу). От 100 до 300 стрельцов постоянно охраняли монастырь и царские покои. Сам же Алексей Михайлович ездил сюда не просто на службу, а жил здесь, устраивал обитель и даже, по воспоминаниям современников, руководил монашеской братией словно игумен. Панорама монастыря раскрывает царский замысел. С одной стороны он поставил собственный дворец. С другой — Царицыны палаты. Он создавал для себя новый дом, миниград, но не светский, а духовный, вокруг вновь тогда обретенных мощей преподобного старца (что произошло в 1652 году, 19 января — теперь это один из важнейших монастырских праздников).

Именно при Алексее Михайловиче в XVII веке строятся здесь новые храмы, а их стены покрываются уникальными росписями. Они были выполнены царскими иконописцами, руководили ими Степан Григорьевич Рязанец и Яков Тихонович Рудаков (Казанец). Росписи «Рязанца и Казанца»

были удивительны для современников, считались образцовыми. Гордостью зодчих стала трапезная (1652–1654). Это было чудо строительной техники того времени. Ее третий этаж занимала палата, площадь которой была почти аналогична Грановитой палате Московского Кремля, то есть почти 500 квадратных метров. При Алексее Михайловиче появился и знаменитый 35-тонный колокол (настоящее чудо и отчасти рекорд!), ставший символом Звенигорода. Говорят, что низкий гул и звон его был слышен даже в Московском Кремле. Трудно ныне подтвердить эту легенду, ведь достижение мастеров-литейщиков было утрачено в XX веке...

В строительстве крепостных стен приняло участие свыше тысячи человек, которые расселились в округе на весь период работ. Это были суздальские и дмитровские каменщики, работники Дмитрова, Мячкова, Костромы, Владимира, Арзамаса, Можайска, Галича и самого же Звенигорода. Стало известно имя зодчего укреплений — Иван Шарутин, из известного тогда рода «каменных дел мастеров», именно из этой фамилии мастер Трефил вместе с товарищем, которого звали Огурцов, будет строить Теремной дворец Московского Кремля.

Благодаря Алексею Михайловичу Саввино-Сторожевский монастырь получил статус лавры. Первым и до конца XVII века — единственным в России! Только в 1688 году статус лавры приобретет Киево-Печерский монастырь, а в 1744 году — лаврой назовется Троицкая обитель, основанная Сергием Радонежским.

Известно, что в московских кремлевских палатах Алексей Михайлович окружал себя многочисленными иконами. Среди них насчитывалось 194 иконы (!) с ликами преподобного Саввы Сторожевского.

В году 1680-м царь Федор Алексеевич привезет в монастырь изготовленную лучшими мастерами Оружейной палаты по наказу его отца серебряную раку для мощей святого Саввы.

Саввино-Сторожевскому монастырю «повезет» и с другими монархами. В более поздние времена даже будут говорить о самом основателе обители — как о святом, утверждающем Царствие. Из XIX века идет мнение о том, что монастырь был призван «воспитывать в благочестии русских государей». Истоки такого «воспитания» можно относить и ко временам Юрия Звенигородского, и к царствованию Алексея Михайловича.

Известно повышенное внимание к монастырю со стороны Екатерины II. Узнав о временах Алексея Михайловича, о влиянии на его жизнь образа святого заступника и размышляя о необходимости нового походного дворца

перед въездом в Москву из Санкт-Петербурга, она приказывает отремонтировать обитель. Проект заказали французскому архитектору Леграну. В него входил и загородный дворец — прямо на территории монастыря. По этому проекту предполагалось вообще снести часть стен, башен, церковь Сергия Радонежского и Царицыны палаты.

Но проект не осуществился всерьез (Москве «не везло», вспомним баженское Царицыно, или — наоборот — везло!). Дворец не построили, стены не разрушили. Но ремонт кое-какой осуществили.

В течение XVIII и XIX столетий «к преподобному Савве» в Звенигород приезжали императрицы, императоры, великие князья и княгини, среди них — Елизавета Петровна и та же Екатерина II, Николай I и Александр II, Мария Федоровна и Мария Александровна, Михаил Павлович и Павел Александрович, сын Евгения Богарне (пасынка Наполеона) — герцог Максимилиан Лейхтенбергский и его супруга, дочь императора Николая I — Мария Николаевна.

Царственные особы много жаловали монастырю. Александр II обустроивал новые сени над мощами преподобного Саввы. А великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной в годовщину (500-летие) Саввиной обители пожаловали «массивную и драгоценную серебряно-вызолоченную лампаду с нижеследующей вокруг лампы надписью: «Святому Молитвеннику о Царях Богоизбранных».

Так появилась новая «формула» в названии и значении того, что сделал преподобный для Руси. «Молитвенник о Царях Богоизбранных» — определение быстро вошло в обиход. Так и стали величать Савву Сторожевского, если бы не смуты XX века.

Известен факт, что в императорской семье Николая II и Александры Федоровны хранился старинный крест-моще-вик, по преданию, он был изготовлен во второй половине XVII века, то есть мог иметь отношение ко временам Алексея Михайловича. Крест очень почитался и его передавали по наследству как реликвию. Непосредственно в кресте хранились важные христианские святыни. Среди них — часть ризы Господней, часть ризы Пресвятой Богородицы, часть Животворящего древа Креста Господня, а также святые мощи сорока угодников Божиих. В числе этих угодников находился и Савва Сторожевский — первым среди преподобных.

Предвоенный 1912 год будет отмечен поновлением росписей в Рождественском соборе. Работу сделали палехские мастера. Настоящие, талантливые. Результат мы можем видеть сегодня. Они же промыли все иконы из иконостаса XVII века. Благодаря этому они предстают перед нами во всей красоте.

История запечатлела одно из последних событий революционного 1918 года, связанных с памятью о старце, когда 19 февраля патриарх Тихон совершил службу в храме в Садовниках, а затем — крестный ход с иконой Саввы, Звенигородского чудотворца.

Но времена уже переменились. Совсем и надолго.

Во время Великой Отечественной войны Савва Сторожевский «напомнил» о себе довольно значительно. Недаром позднее спорили — а кто помог остановить немцев под Звенигородом?

Теперь даже школьник знает, что под Москвой немцы развязали самое главное сражение. С обеих сторон в битве участвовало до трех миллионов солдат. Для каждого россиянина самой надежной поговоркой были слова Кутузова: «Отступать некуда — позади Москва!»

Не с похожими ли словами когда-то у стен Звенигородского Кремля на монастырской горе Сторожи, служившей местом для дозорных отрядов, охранявших подступы к Москве, несли свою службу древнерусские ратники? Не с этой ли целью основывал свою обитель старец Савва Сторожевский, а затем поколения возводили вокруг нее крепкие стены и высокие башни? Не потому ли в пылу невиданного по масштабам сражения Великой Отечественной войны ни одна постройка, ни один храм и ни одна реликвия Саввинского монастыря не пострадали от врага? Наступление немцев было остановлено всего в нескольких «шагах» от Звенигорода. Дальше продвинуться они не смогли. Что помешало им? Может быть, «зима иль русский Бог», на которых ссылался еще поэт Александр Пушкин, особо почитавший преподобного Савву?

Линия фронта на этом направлении проходила в трех километрах от монастырских стен. Третий рейх уже готовил своих солдат к зимовке в Русской Швейцарии. В наших войсках по аналогии с древнерусскими сторожевymi отрядами был создан 23-й Звенигородский истребительный батальон, который выдвигался с разведкой в тыл противника и действовал с невероятным героизмом. И нога завоевателя не ступила на священную монастырскую землю. Как говорят участники сражений, на территорию Саввино-Сторожевской обители не упало ни одного снаряда, ни единого осколка, на стенах и зданиях не осталось даже следа от попадания шальных пуль. А ведь золоченые купола и звонница были прекрасными ориентирами для обстрела или бомбежки. Расположенный неподалеку Ново-Иерусалимский монастырь был почти полностью разрушен, его гигантский собор-ротонду взорвали до основания, стены упали, в огне погибла уникальная библиотека старинных книг и рукописей. Но ничего подобного не произошло в Звенигороде...

Ветераны 144-й стрелковой дивизии, воевавшие на этом направлении, потихоньку говорили о случившемся так: «Ваш Савва свой монастырь рукой прикрывал».

Перенесемся в начало XXI века. К имени Саввы Звенигородского обратились представители российских ВВС. Как говорят военные пилоты, небеса покоряются сильным духом.

В конце 1990-х вся страна отмечала 600-летие основания Саввино-Сторожевского монастыря. Торжественные службы, праздничные колокольные звоны собрали множество простых людей и даже первых лиц государства и Русской православной церкви — президента и патриарха. Были среди гостей юбилея и военные летчики. Вот тогда-то, наверное, и зародилась у них идея построить свой храм, связанный с именем Звенигородского старца.

Защитники неба России не случайно выбрали своим покровителем преподобного Савву Сторожевского. Ведь говорят же обычно о незримом духовном наставнике, что он — «небесный покровитель». Быть на страже Москвы — это теперь не значит возводить крепкие стены и башни. Времена переменились кардинально, военная стратегия и тактика стали совершенно другими.

Так, в центре Военно-воздушных сил России, на территории подмосковного военного городка Заря Балашихинского района был построен храм, освященный в честь преподобного Саввы Сторожевского. Его можно смело назвать главным храмом отечественных ВВС. Здесь же состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между военными пилотами и Московской патриархией. Не только преподобный старец Савва незримо окажет морально-психологическую и духовную поддержку, но и служители церкви примут участие в реабилитации воинов, участвовавших в боевых действиях.

Сегодня в частях ВВС и авиационных городках, которые порой расположены в самых отдаленных и глухих уголках России, уже открыто несколько десятков православных храмов и часовен. Стало традицией освящение новой авиационной техники и благословение пилотов перед дальними воздушными полетами.

Вот потому в народе и стали говорить, что не случайно духовный кормчий ВВС России — преподобный Савва Сторожевский — зовется «небесным покровителем».

У Саввина монастыря издавна было свое место в Москве. Это знаменитое подворье на Тверской улице, где дом 6 (нынче расположено во

дворе, почти прямо за зданием МХАТа). Здания не видно, по приказу Сталина оно было передвинуто в 1938 году на 50 метров вглубь улицы и застроено большим домом (архитектор Мордвинов). Но работу архитектора И. С. Кузнецова в стиле русского модерна начала XX века трудно скрыть от понимающих глаз.

Многоарочное здание имеет уникальную по красоте парадную лестницу. Когда-то дом стоял на красной линии, но в ходе реконструкции улицы Горького его задвинули вглубь квартала. Справа от главного подъезда расположена арка, за ней — другая, третья.

До революции в небольшой части здания Саввинского подворья размещалась старейшая русская кинематографическая фирма Ханжонкова с крохотным ателье, где и велись знаменитые съемки «в павильонах» первых отечественных фильмов. Потом здесь было множество частных квартир (некоторые сохранились и поныне).

Но часть подворья уже вернули монастырю. Пока лишь часть...

Сегодня белокаменная обитель Саввы в Звенигороде также оживает. Здесь снова звучит слово духовных пастырей. Возрождаются святыни, возвращаются на свои места древние реликвии. Новыми наместниками монастыря в наше время стали игумены Феоктист (Дорошко) и Савва (Фатеев).

И разве не стоит время от времени вспоминать благословение преподобного старца, данное им еще шесть веков назад, где он предрекал «одоление врагов» и «здравый возврат в отечество».

Скрытые письма колоколов

Гипотеза 16

*Был в Звенигороде...
Два дня лазил на колокольню и звонил во все
колокола.*

Федор Шаляпин

Иногда самое ценное становится таковым в самую трудную минуту, когда можно его потерять. Так случилось и с колоколами Саввиной обители. Их было много, у каждого была своя «биография». Но что-то забылось, а что-то по простой русской привычке уж и вовсе перешло в разряд «авось не пропадет». И кто бы мог в точности расписать все колокольные достоинства монастыря в Звенигороде, если бы... не большевики. Именно они, решив переплавить достояние истории на никому не известные «народные» нужды, в период чисток составили специальный реестр всем здешним колоколам. Сделано это было по предписанию от 7 января 1930 года нынче никому не ведомой и безвозвратно забытой организации «Рудметаллторг». Не случайно в тот же год появился из печати на свет уникальный по своей «злобности» к монастырю путеводитель по Звенигородскому пролетарскому музею, располагавшемуся в стенах обители. Автором его стал некто П. Фиалковский, по его словам, «вскрывший эксплуататорскую роль Савво-Сторожевского монастыря с момента его возникновения». Колокола, видимо, были символом этой «эксплуатации», их требовалось уничтожить и желательно — поскорее. Скрупулезность, с которой отнеслись радетели возрождения металлообрабатывающей промышленности в СССР к составлению документа-предписания, теперь дает нам, однако, возможность восстановить список всего того, что, отчасти, и составляло славу здешней обители.

Звенигород не случайно носил звание-название «звнящего града». Отсюда взаправду раздавался такой звон, что окрестности пробуждались от любой природной летаргии. Именно здесь находился знаменитый и один из самых крупных сделанных (а возможно, крупнейший из реально и постоянно действующих) в России колоколов — Большой Благовестный

колокол. Чудо это издавало такой сильный, густой, низкий гул-звон-звук, что поговаривали, будто он чуть ли не будил придремавшую в пятидесяти верстах челядь в Московском Кремле. Справочники XIX века отмечали только два замечательных русских колокола «по своему певучему звону»: Симоновский в Москве и Саввино-Сторожевский в Звенигороде.

Этот колокол сподобил режиссера Андрея Тарковского на создание главного сюжета кинофильма «Страсти по Андрею», того самого, где герой — молодой мастер, вызвавшийся отлить изделие без знаний предмета, в итоге, по наитию, делает сверхвозможное и достигает уникального результата, настоящего чуда.

И на самом деле, в реальной истории во времена отлива одного из колоколов был такой «вызвавшийся», и место действия в монастыре осталось до сих пор, и выглядел он по описаниям удивительно похожим на киногероя (современник замечал: «молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе 20 лет, совсем ещё безбородый»)… Время чуть-чуть не совпадает, да и в реальности сюжет развивался по-другому… Но в конце концов появилось на свет то самое чудо, которое по достоинству оценивали знатоки из разных стран, видевшие и слышавшие Большой Благовестный Звенигородский.

Весил он ни много ни мало — 2125 пудов и еще 30 гривенок, что означает — 34 тонны 820 килограммов. По этой причине его принято называть просто, но внушительно: тридцатипятитонник. Поражают и его размеры. Указывалось, что высотой он был 3 с половиной метра и таким же измерялся диаметром. Однако на старых фотографиях заметно, что высота колокола явно больше, чем его максимальный диаметр. Да и формы он был необычной, не очень похожей, скажем, на ему современные.

Почему мы говорим о колоколе «был»? Да потому, что перестал он существовать совсем недавно. Пережив годы революции и Гражданской войны, конфискации церковных ценностей, коллективизацию и индустриализацию (с ее повышенным вниманием к «металлам»), он буквально погиб в 1941-м. Но не по злобе наступавших немцев, которые так и не взяли монастырь, а чуть ранее — от рук «своих». Спецотряд по особому распоряжению был послан в Саввину обитель с целью уничтожить благовестное чудо, дабы не досталось врагу. Большой колокол просто-напросто взорвали. Он разлетелся на куски, мизерная часть которых сохранилась. Именно по ним теперь мы можем реконструировать, из чего и как было изготовлено это русское диво.

Для желающих узнать старинный рецепт приводим его полностью. Однако следует иметь в виду, что даже точное и филигранное повторение

указанного — еще не есть гарантия реального успеха. Колокольное литье — очень необычное занятие. Кто знает, тот знает... Недаром о мастерах этого дела говорили как о способных на «чудо, превосходящее силы человеческие».

Умельцы смешали чуть более 81 % меди и 18 % олова. Обнаружено также некоторое количество примесей из других металлов, которое не превышает 0,5 %, а потому добавки можно считать почти случайными. Среди них: свинец — 0,23 %, серебро — 0,05 %, алюминий — не более 0,002 %, висмут — 0,002 %, сурьма — 0,1 %, марганец — 0,002 %, железо — 0,04 %, кобальт — 0,007 %, а также никель — 0,008 %.

«Слито» все это было в 1668 году Александром Григорьевым, «государевым пушечным и колокольным мастером».

Причем лишь со второй попытки. Первая — за год до этого — оказалась неудачной. Ровно 130 дней потребовалось на повторную работу. В ней приняли участие восемь учеников Григорьева (у молодого мастера уже была своя школа!), бригада мастеров Пушкарского приказа из Москвы да еще — на самых тяжелых участках — до сотни охранявших монастырь стрельцов. Событие так запало в душу современников, что они сохранили в Саввином монастыре отливную колокольную яму, которая была приготовлена и открыта в двух шагах от колокольни (см. пояснения в разделе *Дополнительные материалы*).

Три года колокол стоял на земле. Никто не решался поднять более чем 2 тысячи пудов металла на высоту звонницы. Вызвался сделать «неподъемное» дело некто «Мишка Клементьев со товарищи», прибывший специально для этого из Москвы. Знал, видимо, какой-то хитроумный инженерный секрет. И в 1671 году Большой Благовестный Звенигородский первый раз потряс окрестности своим звоном.

Сегодня мы можем смело назвать этот колокол Саввино-Сторожевской обители одним из самых уникальных достижений мировой цивилизации. Необычность отлитого чуда заключалась не только в его величине и форме, но в первую очередь — в его оформлении. За всем этим скрыта была какая-то до сих пор еще не до конца разгаданная история, разговоры вокруг идут не одно столетие, мнений много, но решения как не было, так и нет.

А суть дела вот в чем. Обычно, во время отлива, колокола украшали, то есть их внешняя сторона отливалась с некоторыми изображениями и текстами. Как правило, это могли быть иконописные лики Спаса или Богородицы, различных святых, позднее — особ царского рода, гербы и другие регалии. Тексты содержали либо молитвы, либо упоминания о времени отлива или об именах инициаторов и вкладчиков.

С Большим Благовестным из Звенигорода все обстояло несколько иначе. Достаточно только лишь взглянуть на его изображение, чтобы увидеть — он весь испещрен невероятно большим количеством текста, часть которого написана на церковнославянском (шесть верхних рядов), а часть — на совершенно непонятном иероглифическом языке (три нижних ряда). Вот эта самая надпись и заставляет исследователей спорить по сей день: что, как и почему.

Большой колокол подарил Саввино-Сторожевскому монастырю государь Алексей Михайлович. Именно он приложил руку ко всем текстам. Хотя мы не можем утверждать это со стопроцентной достоверностью. Однако считается, что царь написал лично (и это было отлито на колоколе) следующее:

«Бога всемогущаго в Троице славимаго, всех благ дателя, монастырю Пресвятыя владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии, помощию Святаго Саввы чудотворца молением, повелением христолубиваго Монарха, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белыя России самодержца в 23-е лето богохранимыя его державы, при его Государеве благочестивой Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне, Царскаго его Величества при благороднейших Царевичах, благоверном Царевиче и Великом Князе Алексее Алексеевиче, благоверном Царевиче и Великом Князе Симеоне Алексеевиче, благоверном Царевиче и Великом Князе Иоанне Алексеевиче и при благородных его Царскаго Величества сестрах, благоверной Царевне Великой Княжне Ирине Михайловне, благоверной Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне и его Царскаго Величества при благородных дщерях, благоверной Царевне и Великой Княжне Евдокии Алексеевне, благоверной Царевне и Великой Княжне Марфе Алексеевне, благоверной Царевне и Великой Княжне Софии Алексеевне, благоверной Царевне и Великой Княжне Екатерине Алексеевне, благоверной Царевне и Великой Княжне Марии Алексеевне, благоверной Царевне и Великой Княжне Феодосии Алексеевне и при Святейших Вселенских Архiereях Паисие Папе и Патриархе Александрийском, Макарие Патриархе Антиохийском, Иоасафе Патриархе Московском и всея России слит сей колокол в пречестную Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея рождества; и Преподобнаго чудес источника Саввы Сторожевскаго обитель, в той же чудотворней и Святей Лавре, в лето от сотворения света 7176, а от воплощения единороднаго Божия слова 1667, месяца сентября в 25 день, в коем 2125 пуд, 30 гривенок. Лил мастер Александр Григорьев».

Надпись, хотя и длинная, что для колокола не совсем привычно, но все

же достаточно обычная. Указаны время и место литья, а также имена всех царских родственников с полными их титулами и других известных людей, включая вселенских патриархов (каждый удар колокола — поименное поминание). Отлили к празднику Рождества Богородицы, то есть спешили к памяtnому дню, когда произошла Куликовская битва, в честь которой и был заложен Саввой Сторожевским его монастырь.

Но самое интересное ждало «читателей» внизу, в последних трех строках записи на металле. Перед глазами возникала тайнопись, похожая на древние рунические письма или другие непонятные иероглифы. Считается, что этот шифр код придумал сам Алексей Михайлович. Но прямых доказательств этому нет. Конечно, трудно предположить, что кто-то другой (пусть даже сам мастер литья) в «собственном государевом богомолье», в монастыре, находящемся под личной опекой царя, может что-либо писать на колоколе (который стоил, кстати, огромных денег!), да еще и на непонятном языке.

В связи с этим припоминается, как в другом Звенигороде — Галицком, тезке подмосковного, археологами была найдена пряслица с написанным на ней женским именем Сигрид. Надпись была сделана руническим письмом еще в XII веке, когда руны, как письма, уже вышли из употребления в Скандинавии. Может ли это быть как-то связано со Звенигородом у Москвы в XVI веке? Может, если рассматривать руническое письмо как скандинавскую традицию, которая символически подтверждала власть новой династии Романовых, как продолжателей рода норманнов-Рюриковичей.

Интересна версия переплавки всех старинных русских колоколов с древними руническими надписями, которая была как будто бы предпринята Романовыми с целью уничтожить противоречивое наследие Руси-Орды. Взамен этим древним текстам, утверждавшим якобы иные принципы происхождения власти и иные исторические приоритеты, создавались новые, на церковнославянском языке. А рунический опус царя Алексея на Большом Благовестном — это лишь дань старой традиции, но уже с новым содержанием (см. пояснения в разделе *Дополнительные материалы*).

Полтора столетия запись не была доступна для обычного разума. Однако в 1822 году за дело расшифровки взялся известный хранитель древних рукописей Публичной библиотеки, художник, археолог и нумизмат Александр Иванович Ермолаев. Поучаствовали в деле дешифровки не меньшие знатоки: князь Львов и штаб-ротмистр Скуридин, также археолог. Они разобрали криптографию, почувствовав в ней видоизмененный старославянский язык с особенными титлами.

Перед ними предстала следующая тайная запись: «Изволением Преподобного и Прещедраго Бога нашего, и заступлением Милостивыя Заступницы Пресвятыя Владычицы наша Богородицы, и за молитв Отца нашего и Милостиваго Заступника Преподобнаго Саввы чудотворца, и по обещанию, и по повелению раба Христова, Царя Алексея, и от любви своея душевныя, и от сердечнаго желанія, слит сей колокол в дом Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рождества и Великаго и Преподобнаго Отца нашего Саввы Чудотворца, что в Звенигороде, Наричаемый Сторожевский».

Ничего сверхъестественного мы в этой записи не наблюдаем. Зачем же тогда пришлось ее шифровать? Один из возможных ответов таков. Царь, решивший сделать щедрый вклад в монастырь, не хотел его афишировать, а потому текст о своем «обещании» и о себе — «рабе Христовом», осуществляющем подарок Саввиной обители «от любви своея душевныя, и от сердечнаго желанія», перевел в непонятные знаки. Можно заметить в этом и некие отголоски языческих обрядов и традиций, с которыми в то время еще продолжали бороться в христианской среде (об истории про царя Алексея и медведе — речь еще впереди). Недаром мастера, когда начинали лить колокола, придумывали всякие «отвлекающие» и совершенно непонятные, безумные истории. «Отвлекающий» текст шифровки-кода на Большом Благовестном защищал автора словно оберег-талисман. Колокол звонил, кого-то тайно поминал, но кого — это не должно было быть доступно окружающим. Поразительно, но слова царя оказались крепче металла, они пережили даже сам колокол, став доступными еще до его исчезновения.

О появлении вообще колоколов в Звенигороде ходили разные легенды. В XIX веке один радатель правды истории писал: «Савва построил монастырь на месте, которое слывет Сторожевскою горою. В Звенигороде всякий расскажет вам, что на сей горе в старину находилась стража и висели колокола, и в случае нашествия стерегущие ударяли в оные. Звук сообщался подобной не в дальнем расстоянии второй стороже, от коей — третьей и так далее в самую Москву о приближении неприятельском». Рассказ мог бы показаться правдоподобным. Однако мы уже знаем, что название — Звенигород — не обязательно и скорее всего вовсе не связано ни с какими колоколами. Оно появилось гораздо ранее, нежели на Руси стали использовать колокола. В древние времена звонили с помощью «била» — куска металла, болванки, о которую стучали другим куском металла же. Не всегда такой звон можно было назвать звоном, и ему в

большинстве случаев не была присуща хоть какая-нибудь гармония. Мы даже не можем утверждать, что, например, во времена Саввы Сторожевского при церквях в монастыре и в Звенигородском Кремле были колокольни, а на них висели колокола. Здешние колокольни тех времен до нас не дошли.

Однако символом Звенигорода, хотя и более поздним, стал именно колокол. Это скорее всего был именно тот самый, уже упомянутый нами Большой Благовестный, что подтверждается в описании городского герба в конце XVIII века, на котором помещен был «великий колокол, подписанный на краю онаго неизвестными ныне литерами», то есть с тайнописью.

Уникальная, «обросшая» изысканными шатрами и арками звонница из пяти ярусов, расположенная на Соборной площади монастыря, появилась в законченном виде уже после Смутного времени, в эпоху Алексея Михайловича, то есть в XVII столетии. Она также стала «визитной карточкой» города, неповторимым образом обители, самым узнаваемым и любимым многим силуэтом верховий Москвы-реки. Надо сказать, что даже столичные звонницы, включая колокольню Ивана Великого, не могли соревноваться с Саввинской, в особенности по ее сказочной многообразности, неповторимости архитектурных деталей и чисто русской асимметрии, напоминающей былинные сказания о дворцах-теремах и замысловатые очертания произведений деревянного зодчества.

Она-то и приняла на себя то удивительное количество и не менее удивительное качество колоколов, которые сделали славу Граду Звона. Среди них самые известные, кроме Большого, следующие.

Колокол Федора Моторина весил немного, всего 300 пудов и имел звание «повседневного». Был отлит он через год после того, как в Саввино-Сторожевском монастыре подвесили Благовестный мастера Григорьева — в 1672-м. Использовали для него металл, оставшийся после работы григорьевской артели. То была одна из лучших работ выдающегося мастера. Это его сын — Иван Моторин — позднее отольет в Москве гигантский Царь-колокол.

Ганс Фальк был специально приглашен из Европы для создания колоколов. Ему принадлежат некоторые наиболее известные из тех, что сохранились и сегодня. Он с гордостью носил русифицированное имя Иоанн и звание «главного пушечного и колокольного мастера Москвы». Это он сделал первую попытку отлить Большой Благовестный для Саввино-Сторожевской обители — еще в 1652 году, в том самом, когда были вновь обретыны мощи старца Саввы. Тот колокол весил 1344 пуда —

более 22 тонн. Однако почему-то его не сохранили и он был переплавлен, хотя на нем оставил «собственноручную» запись сам государь. Причины для переплавки могли быть разными: неудачный звук, трещины по прошествии времени и даже более «идеологические», такие как изменения в отношениях между людьми. Ведь на том отлитом Фальком колоколе были, например, перечислены десятки имен представителей монастырской братии, которые на второй — основной Большой Благовестный — вообще потом не попали.

И, наконец, единственным сохранившимся до наших дней старинным колоколом монастыря является часовой колокол голландского литья, который в качестве трофея был вывезен из Смоленска в 1654–1655 годах, где до этого украшал городскую ратушу. Его отливал мастер Килиан Вегеварт в 1636 году. Надпись его не была зашифрована, но сделана была на латыни. Быть может, именно она и спасла творение католического умельца: «Бог с нами, кто же на нас?» Долгое время колокол отбивал время на монастырских часах, появившихся на звоннице после присоединения Смоленска к России в результате победы в войне с Польшей.

Другие колокола также составили славу обители. Но, как мы уже говорили, последние из них ушли «в никуда» по описи «Рудметаллторга» в 1930-м. Лишь в наши дни, при возрождении литейного дела, новые колокола украсили монастырскую звонницу (см. пояснения в разделе *Дополнительные материалы*).

И теперь вновь слышен звон, разносящийся на километры окрест древнего города и монастыря. Не тот, что был раньше? А кто теперь может сказать — как это «звучало» раньше?

Царь Алексей Михайлович и медведь-убийца

Гипотеза 17

Страшались и в образе медведи.

«Повесть временных лет»

А инии из Медвежьи Головы на сторожей...

Псковская I летопись

Кто первым вспомнил об этой истории — теперь и не установишь. Но уже в XIX столетии весьма популярным было сказание о том, как царь Алексей Михайлович чуть было не погиб в объятиях свирепого дикого медведя. Спас же его — преподобный Савва Сторожевский, явившийся в нужный момент в лесу неподалеку от Звенигорода. Легенда была настолько распространенной, что легла даже в основу творчества некоторых поэтов. Один из них — талантливый и забытый ныне Лев Александрович Мей — создал поэму под названием «Избавитель», которая была необычайно роскошно иллюстрирована цветными рисунками художника Николая Самокиша в неорусском «васнецовском» стиле.

Вообще знаменитое издание Н. И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» (1892–1911) является ныне одним из самых ценных среди антикварных книжных раритетов. Оно же стало и наиболее важной книжно-графической работой Самокиша, в особенности — второй том, посвященный охоте на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (СПб., 1898). В своей книге Кутепов собрал уникальные свидетельства об охотничьем промысле, о дичи и употреблении продуктов охоты, летописные упоминания о поверьях народа, имевших к ней отношение, об обиходном и политическом значении царской охоты, охотничьих дневниках царей, особенных историй или обстоятельств, сопровождающих подобные развлечения. В ней имеются сведения, интересующие и нас: охотничьи заклания, поверья, а также рассказы о медвежьей и львиной охотах-потехах.

Оформляли книгу и рисовали для нее лучшие художники-графики России: А. М. Васнецов и В. М. Васнецов, Л. С. Бакст и А. К. Беггров, А. Н.

Бенуа и Е. Е. Лансере, А. П. Рябушкин и И. Е. Репин, В. И. Суриков и К. В. Лебедев, Ф. А. Рубо и Л. О. Пастернак, К. А. Савицкий, В. А. Серов, А. С. Степанов и др. Но Самокиш во всех четырех томах «Царской Охоты» создал 173 иллюстрации!

Главной его работой стало оформление легенды-истории о спасении царя Алексея Михайловича преподобным Саввой Звенигородским. Поэма Л. Мея подвигла художника на создание самостоятельной лицевой рукописной книги, в которой присутствуют уникальные инициалы, заставки, миниатюры и маргиналии — заметки-рисунки. Для «Избавителя» были нарисованы 15 миниатюр-иллюстраций, среди них изображения зверей, включая медведя, вид на Саввино-Сторожевский монастырь, интерьер храма обители с иконой старца Саввы, царский выезд в Звенигород на охоту, приготовления к охоте, а также поединок царя с медведем, чудесное спасение от зверя, монастырская братия и семья государя Алексея Михайловича. Некоторые рукописные буквенные инициалы Самокиша явно напоминают о традиции Андрея Рублева в оформлении старинных книг.

«Избавитель», иллюстрированный Н. С. Самокишем, выходил также и отдельным изданием. Во всяком случае, лучшее, что было создано художником в сфере книжной миниатюры — это именно цикл, связанный со Звенигородской легендой.

Н. Самокиш дожил до глубокой старости и скончался в январе 1944 года. Среди оставленного им большого художественного наследия важнейшее место занимают иллюстрации к поэме Л. Мея «Избавитель».

Что же это за легенда о медведе-убийце?

Остановимся на ней подробнее.

Вот как описал события поэт Лев Мей (приведем отрывок из его поэмы). Царь во время охоты на медведя остался один. И увидел зверя в берлоге.

*И медведь заревел, индо дерево
Над берлогой его закачалось;
Показал он башку желтоглазую,
Вылез вон из берлоги с оглядкою,
Дыбом встал и полез на охотника,
А полез — угодил на рогатину.
Под косматой лопаткою хрустнуло,
Черно-бурая шерсть побагровела...*

Обозлился медведь, и рогатину
Перешиб пополам, словно жердочку,
И подмял под себя он охотника,
И налег на него всею тушею.
Не сробел Государь, руку к поясу —
Хватать!., ан нож-то его златокованный
И сорвался с цепочки серебряной...
Воздохнул Государь — и в последнее
Осенил он себя Крестным знаменьем...
Вдруг скользнула с плеча его Царского
Стопудовая лапа медвежья;
Разогнулись когти и замерли,
И медведь захрипел, как удушенный,
И свалился он на бок колодою...
Глянул Царь — видит старца маститого:
Ряса инока, взгляд благовестника,
В шуйце крест золотой...

Да как глянул на лик Преподобного —
Так и пал на чело свое Царское:
Понял — кто был его избавителем.
На другой день за ранней обеднею
Отслужил он молебен Угоднику
И вернулся к Москве белокаменной.
А вернувшись к Москве белокаменной,
Ко Двору своему златоверхому,
Приходил Государь — не откладывая —
В терема к Государыне ласковой,
Что к своей ли Наталье Кирилловне,
Слезно с ней обнимался-здоровался.
И сажал Государь, ухмыляючись,
На колени меньшого Царевича
Государя Петра Алексеича...

Счастливым семейный итог всей истории в описании поэта Мея выглядит немного странно, так как вышеуказанные события происходили намного раньше, чем он пытается это представить, еще во времена первого брака Алексея Михайловича — с Марией Милославской (а не с Наталией

Кирилловной Нарышкиной), для которой он и построил в Саввино-Сторожевском монастыре отдельные Царицыны палаты. Тогда царевича Петра еще не было на свете.

Да и сама история с берлогой и медведем, так образно описанная автором, на самом деле имела более серьезные корни.

И здесь необходимо поговорить о давно забытых поверьях и преданиях. Ведь образ и символ медведя для Руси-России, как известно, всегда имел и теперь имеет очень важный смысл. А случайно ли вообще возникла эта легенда-миф о царе Алексее Михайловиче и спасшем его старце Савве Сторожевском? С чем могло быть связано ее появление?

Для россиян медведь значит очень многое. Ведь его изображают даже в качестве образа страны и наиболее важных предприятий: от Олимпийских игр до современных партийных символов.

Обратимся к древности. Из незапамятных времен ведет свои корни языческое восприятие мира, когда главными божествами для обитающих на планете людей являлись дикие звери. А главным из них — особенно в северных странах — конечно, был медведь.

В мифологии и различных ритуалах медведь выступал как некое божество, культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира. Часто древние люди селились в пещерах, выгоняя из них живших там медведей. До сих пор эти горные лабиринты Европы являются местами, где находят останки сотен тысяч мохнатых хищников, и это подтверждает, что они были массовыми промысловыми животными и главными конкурентами людей в борьбе за выживание. Медведи производили необъяснимое и сильное мистическое впечатление на сознание людей древности, а их пещеры и логова были местом не только проживания, но и поклонения тотемным духам. Отсюда такое широкое распространение получало религиозное поклонение медведю, как прародителю рода.

Постепенно люди освобождались от страха перед миром животных, а в звериных чертах рисуемых ими божеств стали «проступать» образы человеческого лица. Хозяин леса из медведя превращался в лешего с рогами и лапами, и он уже напоминал человека. Ему — лешему, покровителю охоты — оставляли в лесу самую первую добычу. Люди предполагали, что именно он может вывести заблудившихся из леса или, наоборот, — погубить любого человека в непроходимой чаще.

Медведи в реальности, и правда, похожи на людей. Они могут ходить на задних лапах, очень умны и проворны. Считалось, что они частенько

воруют жителей деревень, в особенности женщин. У многих народов есть сказания и мифы о родившихся от медведей человекообразных детях, которых находили в лесу.

Что означает слово «медведь»? Ответ довольно простой: «медоед», тот, кто «ест мед». И в названии жилища зверя — «берлога» — заметен древний корень «бер», что означает в переводе с индоевропейского «медведь» или «бурый». Получается, что «берлога» — это просто-напросто «логово бера».

Почему-то древние люди не смели называть медведя по имени. Предполагается даже, что в древности у этого зверя было вообще другое название (не медведь), но оно считалось священным, не произносилось вслух, а потому до нас и не дошло. Охотники на Руси часто применяли более знакомые нам «отвлекающие» и «ласковые» эпитеты: Михалыч, Мишка, Михайло Потапыч или Топтыгин.

Когда в наше время произвели исследования фамилий живших в XVII веке в Звенигородском уезде людей (а именно в это время фамилии только начинали фиксировать и записывать в документы, ранее же различные прозвища среди простого народа употреблялись только устно), то выяснился поразительный факт — самыми распространенными в округе Звенигорода оказались Волковы, Буровы и Медведевы! В основе первой лежало широко распространенное на Руси нехристианское имя Волк. Так, иногда даже тайно, называли детей внутри семьи, следуя суеверным традициям. Предполагалось, что названного этим именем человека волк в лесу обойдет, не тронет или примет за кого-то из своей стаи. Это простое, можно сказать, «индейское» имя-кличка означало, что носитель его словно бы приобретал известные качества зверя — живучесть и выносливость. Неповоротливость же, сила и склонность к лени становились основой для прозвища-фамилии Медведь (Медведев) или Буров. Иногда ведь в ту пору говорили: «Силен медведь, да в бору лежит».

Все напоминает нам о том, что в Звенигородском крае было какое-то особенное отношение к лесным хищным животным, видимо, древнее и очень устоявшееся почитание медведя. Можно с уверенностью предположить, что на самой горе Сторожи когда-то существовало древнее капище (о котором мы уже говорили ранее), посвященное также и культу мохнатого зверя. А потому и история с царем и святителем приобретает совершенно другой смысл, о котором мы и поговорим.

Что такое охота? Любой читатель сразу же скажет — поход в лес, горы

или на дикую природу с целью убить или добыть дичь: зверя или птицу. Для чего охотились люди в древности? Наверное, в первую очередь для пропитания. Но в XVII веке на Руси в подавляющем большинстве были уже развитые крестьянские хозяйства и дворы. Не было большой необходимости спешить в чащу и добывать себе там хлеб насущный. Тем более — царю, у которого было все, что необходимо.

Однако «охота» — более удивительное и многогранное слово. Оно буквально, в переводе с древнерусского языка, означает «удовлетворение желания», «забава», «развлечение», «игрище». Собственно в XVII веке в лес часто ходили не для поисков пропитания (как в древности), не за добычей, а для «острых утех» и разгульного проведения времени. А охота на медведя — была одной из самых древних, интересных и опасных забав. О чем свидетельствует факт, что самыми распространенными резными деревянными игрушками на Руси до настоящего времени были изображения охоты на медведя или единоборство с ним человека.

По сути, это была забава еще языческих времен. Специфический «мужской» ритуал.

Но не только охота, связанная с медведем, привлекала тогда людей. Игрища и посерьезнее происходили в жизни того времени. Бои с медведями были сродни боям гладиаторским. Хлеба и зрелищ становилось вполне достаточно, когда на некую арену выходил косматый зверь.

О записках иностранца Джерома Горсея, побывавшего в России в XVI веке, много спорят. Вернее — о его описании казни с помощью медведя. Мол, было или не было. Но большинство историков сходятся на том, что — было. В период 1575 года, при подготовке к Земскому Собору.

Мы приведем этот впечатляющий рассказ таким, каким он помещен в его книге «Путешествия сэра Джерома Горсея», где в предисловии он напишет: «Рассказ или воспоминания сэра Джерома Горсея, извлеченные из его путешествий, занятий, служб и переговоров, в которых он провел большую часть из восемнадцати лет, собранный и записанный его собственной рукой».

В первой части своих записок он повествует: «Теперь мы переходим к рассказу о занимательной трагедии (*merrie tragedie*), которая вознаградит ваше терпение. В день св. Исайи царь приказал вывести огромных диких и свирепых медведей из темных клеток и укрытий, где их прятали для его развлечений и увеселений в Великой слободе (*Slobida Velica*). Потом привезли в специальное огражденное место около семи человек из главных мятежников, рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и

четки в одной руке и пику в 5 футов длины в другой, эти пики дали каждому по великой милости от государя. Вслед за тем был спущен дикий медведь, который, рыча, бросался с остервенением на стены: крики и шум людей сделали его еще более свирепым, медведь учуял монаха по его жирной одежде, он с яростью набросился на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот, ноги и руки, как кот мышь, растерзал в клочки его платье, пока не дошел до его мяса, крови и костей. Так зверь сожрал первого монаха, после чего стрельцы застрелили зверя. Затем другой монах и другой медведь были стравлены, и подобным образом все семеро, как и первый, были растерзаны. Спасся только один из них, более ловкий, чем другие, он воткнул свою рогатину в медведя очень удачно: один конец воткнул в землю, другой направил прямо в грудь медведя, зверь побежал прямо на нее, и она проткнула его насквозь; монах, однако, не избежал участи других, медведь сожрал его, уже раненый, и оба умерли на одном месте. Этот монах был причислен к лику святых остальной братией Троицкого монастыря. Зрелище это было не столько приятно для царя и его приближенных, сколько оно было ужасным и неприятным для черни и толпы монахов и священников, которых, как я уже говорил, собрали здесь всех вместе».

Это известие потрясает многих. Оно по-своему уникально, ведь похожих подтверждений в русской истории практически нет. Хотя считается, что было одно сообщение о казни Леонида, архиепископа Новгородского — в Псковских и Новгородских летописях. Его вроде бы затравили собаками, предварительно «в медведно ошив» (одев в медвежью шкуру, чтобы собаки почуяли охоту на зверя).

Либо событие было уникально (в эпоху Ивана Грозного — могло быть и такое). Либо... это желание автора показать «дикость нравов» московитов. Не более.

Оставим это на его совести. Ведь были и другие, более радостные напоминания, связанные с медведями. У того же Горсея. Он описал торжественную и весьма пышную коронацию царя Федора Ивановича 10 июня 1584 года. В награду кому-то тогда было передано «60 галлонов пива, 3 молодых медведя, 2000 яиц, запас лука и чеснока, 10 свежих семг, дикий кабан».

Три молодых медведя в подарок! А зачем? Для еды? Вряд ли. Так для чего же? Все для той же забавы. Для игрищ или охоты. Для поединков.

Свидетельства же о простых медвежьих боях довольно многочисленны. То были бытовавшие у русских традиционные

противоборства человека и медведя. Или бились всерьез, один на один, или «с подстраховкой», когда бойцу помогала парочка друзей — «охотников с рогатинами».

Традиция была крайне устойчива. Переменить ее было трудно. Такие человеко-медвежьи схватки устраивались в деревнях и селах, в городах, особенно на ярмарках и при народных гуляниях, на Масленицу и даже на Святках. Они встречались и их наблюдали еще в начале XIX века.

Не дрался ли с медведем один на один сам Алексей Михайлович? Не была ли это потеха в виде охоты? Не попал ли он в «затруднительную ситуацию», быть может, даже на глазах у своей охраны? И чудом спасся. После этого — переменившись к такого рода развлечениям и переключившись в основном на охоту соколиную?

История со спасением царя Алексея Михайловича имела более глубокий, сакральный смысл. Попытаемся обрисовать его контуры.

Миф о медведе и победе над ним может иметь конкретное значение — как о победе над личными духовными проблемами. В этом смысле «вмешательство и помощь» Саввы — имели просто важнейшее значение.

Как говорят — не будите спящего медведя! Но если уж он разбужен, то не всегда может выручить обычная помощь.

Считается, что история с медведем произошла у стен Саввино-Сторожевского монастыря в 1651 году (или даже в 1652-м). Но мы предлагаем эту дату перенести на год 1648-й. Именно тогда происходили события, связанные с отстранением боярина Морозова от влияния на молодого царя. Это было время, когда приходил конец «медвежьим игрищам», забавам, начинался переход в серьезную, взрослую жизнь. Да, царю — только 19 лет! Но и Юрию Звенигородскому было 24, когда он получил власть в своем уделе (Савва Сторожевский выступает как попечитель о «молодых правителях»).

С этого времени царь начнет все свои государственные преобразования. «Оковы» медведя сброшены. Затем он приступает и к реконструкции Саввиной обители. Происходит новое обретение мощей старца, печатаются его жития.

Берлога была сакральным прообразом первоначальной пещеры (норы), в которой когда-то поселился старец Савва. В мифической берлоге медведя поселился человек! Произошло «очеловечивание тварного мира». Мифологический медведь-человек окончательно стал человеком. А человеком по пониманию того времени мог стать только христианин, то есть тот, кто имел Имя (имя же медведя — не произносилось). Актом

спасения царя — и публичным провозглашением этого спасения — подтверждалось главное: медведь с его силой — выселен отсюда, больше он в Звенигороде и на горе Сторожи не живет!

Это была важная схватка с языческими культами, возможно, еще широко бытовавшими в это время. Не случайно чуть позднее последует целая цепочка указов царя о борьбе с язычеством.

В Древнем Риме был миф о волчице, на Руси — о медведе! Убить медведя, например, на охоте значило освободиться от родства с ним. Так отдавали языческую дань. А после «охоты» и убийства начинались широкие пиры и разгулы, которые служили компенсацией за страх и проявленный риск, отдушиной после встречи со смертью и посещения некоего иного мифологического мира. Это надо было как-то прекратить. Царь Алексей решил сделать так с помощью имени святого Саввы. Борьба с медведем становилась сродни змееборчеству. Появлялся некий вариант чуда Георгия о змие, переходящий в чудо о медведе. Но становилось ясным; главное, что без помощи ангела-хранителя никакая победа и позитивный исход невозможны.

Царь на той «охоте» просто окунулся в иное пространство, попал словно на машине времени в мир мифологии, в некоторое настоящее, перемешанное с прошлым. Ощувив дух предков и старины, он будто преодолел космические страхи. При этом едва остался жив. Настолько это духовное переживание было серьезным.

Еще Савва Освященный боролся в Палестинской пустыне со зверями. Ведь именно он, его жизнь и его идеи лежали в сути монастыря, основанного русским иноком Саввой Звенигородским. А сербский архиепископ Савва — Свети Сава — как известно по народным легендам, мог превращать людей в животных и обратно, особенно волков и медведей. Отголоски борений с языческими мифами не случайно впервые появляются тогда и в Саввино-Сторожевском монастыре. Список Кормчей сербского святого Саввы был впервые напечатан в Москве... в 1653 году! В то самое как раз время, при Алексее Михайловиче, в самый момент преодоления всех «медвежьих проблем» и грандиозного устроительства Звенигородской обители! Вот и становится яснее теперь — откуда взялся и «медведь», и история о нем;

Тайны древних крюков

Гипотеза 18

Пение родилось вместе с человеком.

Г. Р. Державин

Эта глава может показаться читателю странной. Потому что она будет посвящена... музыке. Вернее человеку, который был связан с ней всей своей жизнью, как был связан с Саввино-Сторожевским монастырем и памятью о старце Савве.

Известно, что на протяжении столетий, до начала XX века, в Звенигородской обители после ее основателя не было ни одного святого, канонизированного Русской православной церковью. Что ж, разве не было в ее стенах настоящих духовных подвижников, пусть даже и не отмеченных на миниатюрах святыми нимбами? Оказывается — были. Просто времена имеют свойство тускнеть в нашем воображении. И эта глава — об одном таком человеке, достойном лучшей памяти. Жил он в XVII веке. И называли его так: старец Саввино-Сторожевского монастыря Александр Мезенец.

Известен он был как блестящий знаток церковного пения. Именно поэтому принимал самое активное и ведущее участие в работе двух комиссий, созданных в Москве в 1652–1654 и в 1669–1670 годах для исправления «на речь» и подготовки к печати знаменного пения. Им была создана знаменитая «Азбука» или «Извещение о согласнейших пометах, во кратце изложенных со изящным намерением требующим учиться пения», а также вариант печатного нотного шрифта. Выдающийся ученый М. В. Бражников так писал о ней: «Оценивая многочисленные древнерусские музыкально-теоретические руководства... «Извещение о согласнейших пометах», или, как его теперь кратко называют, «Азбуку» Александра Мезенца, придется поставить на совершенно особое место. Это единственный теоретический труд по знаменному пению, который представляет огромный интерес для исследователя знаменного распева, знаменной нотации и их истории, *сохраняя при этом и в настоящее время значение современного учебника знаменного пения, несмотря на свой трехсотлетний возраст* (выделено мной. — К. К.)». Исходя из того, что эти слова были написаны в конце 1960-х, возраст учебника может

исчисляться уже в 350 лет! Считается, что и в наши дни его книга — это одна из удобнейших и подробнейших «Азбук» крюковых нот.

Перечислим вкратце и в основном то, кем был А. Мезенец и что сделал он для развития российского певческого искусства. В настоящее время в результате исследований и разысканий Александр Иванович Стремоухов по прозвищу Мезенец (? — предположительно 1778) предстает перед нами как:

величайший знаток знаменного пения и крюковой нотации;
известный исполнитель — певчий и регент на клиросе — возможно, с самого детства (на клиросе и получил прозвище Мезенец, см. ниже);

искусный каллиграф, переписчик (справщик), имевший изящный почерк полуустава, умевший выписывать заголовки, что делал для многочисленных рукописей, и не только для своих;

изобретатель «признаков» (или один из изобретателей), причем еще задолго до начала работ государственных комиссий (!);

один из ведущих мастеров перевода крюкового пения «на речь» (перевода с «раздельноречного» пения на «наречное»);

вдохновитель создания нового нотного шрифта, основоположник русского нотопечатания (хотя и не осуществленного в том виде, как оно предполагалось);

создатель новой и уникальной крюковой азбуки с предисловием (один из первых научных трактатов на Руси по древнерусскому пению): «Извещения о согласнейших пометах, во кратце изложенных со изящным намерением требующим учиться пения».

Всё вместе означает, что он был выдающимся деятелем своей эпохи, внесшим неоценимый вклад в развитие русского певческого искусства и в историю русской музыки.

А теперь немного из истории знаменного пения и крюковой нотации. Без этого мы не разберемся в изложении многочисленных событий.

Многие уже привыкли к нотной системе, где на пяти линейках обычно наносятся круглые значки с вертикальными линиями. В зависимости от начертания этих круглых знаков и соединения вертикальных линий определяется длительность звука, его высота. Дополнительные значки на таком нотном стане определяют размер, в котором должны воспроизводиться мелодия, ее ритм, наконец, характер ее звучания: если грустно — то минор, если весело, задорно — то мажор. Для знания этого вовсе не нужно иметь специального музыкального образования.

Но если вполне возможно понять смысл прочитанного древнерусского текста, скажем, XII–XVII столетий, потому что структура этого текста и многие слова остались неизменными и по сей день, то музыкальную нотацию этого же периода куда труднее понять, а то не понять и вовсе. Почему?

Происходит это потому, что пятилинейная система записи нот утвердилась на Руси только к концу XVII столетия. До этого же в ходу была совсем иная нотная грамота. Никаких линеек не было и в помине. Для записи нот употреблялись специальные знаки. Их так и называли — «знамена». А так как музыка в Древней Руси была нераздельно связана с текстом и не могло быть и речи о том, чтобы она существовала сама по себе, отдельно, без слов, то и систему нотного обозначения целиком именовали так: «знаменное пение».

Знаменное пение было органичной частью мирозерцания древнерусского человека. Оно требовало большей строгости и правильности в исполнении, потому что было связано с духовной жизнью людей, происходило из недр Русской православной церкви. Поэтому-то его тщательно записывали, дабы не было ошибок и разногласий.

Если взять в руки старинную нотную книгу, то первоначально может показаться, что перед нами обычный древнерусский текст. В самом деле, начинается страница такой книги с витиевато выписанной заглавной буквы. Затем идут обычные слова, предложения — словом, никакого намека на ноты. Но если внимательно присмотреться, то нетрудно заметить, как над каждой строкой текста терпеливая рука писца нанесла еще один ряд замысловатых значков, похожих на малопонятную грамоту. Это и есть древняя нотная запись. Такие ноты называли еще и «крюками». Крюки эти, непонятные для нас, прекрасно разбирал и по ним воспроизводил мелодию обычный образованный россиянин.

Знаменная (или крюковая) нотация появилась на Руси после принятия христианства, в конце XI — начале XII столетия, под влиянием подобной же византийской традиции. О появлении на Руси первых нотных певческих рукописей повествовала Степенная книга, написанная во второй половине XVI века. Существуют нотные рукописи XII века и более раннего времени. Такие ноты вообще невозможно воспроизвести, хотя по ним пели точно так же, как и по другим — «знаменным». В тексте книги нет никаких обозначений кроме регулярно проставленных специальных знаков, которые явно указывают на конец некой мелодической строки, а также упоминания вначале — к какому «гласу» относится песнопение. Видимо, переписчик такой книги прекрасно знал, что тот, кто будет ею пользоваться,

разбирается в нотной грамоте не хуже его. А так как книги были редки и одной рукописью пользовались многие певчие, даже разных поколений, то можно сделать вывод, что музыкальное образование не было уделом узкого круга людей. Мелодии легко заучивались на память, передавались на слух.

Постепенно на Руси появилась совершенно новая крюковая музыкальная письменность, не встречаемая нигде более, даже среди славянских народов. Известный музыковед Ю. В. Келдыш, анализируя причины ее появления, пришел к следующему выводу: «Эта письменность сложилась не стихийно, не в результате отдельных случайных отклонений от византийской нотации, а явилась плодом сознательных и целенаправленных усилий».

Отчего же столь широко распространенная и в то же время глубоко укоренившаяся музыкальная азбука Древней Руси все-таки перестала существовать? Ответ на этот вопрос не прост. «Сему же знаменному нашему пению и в нем развращению, речей начало никто же никак же нигде же может обрести», — восклицал, скорбя душою и сердцем, замечательный знаток древнерусской музыки середины XVII столетия инок Евфросин. В своем «Сказании» он даже попытался эмоционально выразить причину такого упадка: «Мнози бо от сих учителей славнии во дни наша на кабаках валяющаяся померли странными смертьми и память их погибла с шумом». В самом деле, именно эти времена по сей день являются рубежом, отделявшим от нас древние крюковые распевы. Именно в XVII столетии произошел, как определял крупнейший современный исследователь Н. Д. Успенский, кризис певческого искусства.

Тому было множество причин. Одна из них — так называемая «хомония». Произнесенное вслух, по-московски, с выговором на «а», это слово звучало как «хамония», будто производное от корня «хам». И это не просто каламбур. Реальное действие хомонии в области знаменного пения можно сравнить лишь с «хамскими» действиями какого-нибудь переписчика, вносящего отсебятину в многовековой труд поколений летописцев. Хомония не просто внедрялась в музыку, но и систематически, исподтишка, незаметно разрушала ее.

Врагом крюковой системы оказалась сама ее суть — неразрывная связь мелодии и текста, ее певческая основа. С течением времени русская речь меняла свои формы. Многие глухие звуки, как, например, «ъ» и «ь», перестали произноситься, хотя ранее в слогах имели явственное полугласное произношение. И устная речь, и письменность переживали это явление степенно и с достоинством, отдавая дань времени и историческому развитию народной языковой культуры. Но музыка столкнулась с

непреодолимыми противоречиями. Если гласные звуки в произношении пропадали, то во время исполнения песнопений, когда мелодия оставалась прежней, их нужно было продолжать петь. Если же не учитывать «старый» текст, где гласные еще употреблялись, то необходимо было заполнять пробелы, как-то их пропевать. Иначе говоря, например, древнерусское слово «днесь» (означающее — «сегодня») ранее писалось «дънесь» и, соответственно, читалось примерно как «денесе». То есть из трех прежних слогов в новом слове остался один. Но мелодия напева написана была в древности с учетом трехсложного произношения! Значит, необходимо было что-то изменить. На выбор следовало предпринять один из двух возможных шагов. Как писал автор трудов о древнерусской музыке А. В. Преображенский, можно было сделать так: «Все три знака (крюка. — К. К.) распеваются на один слог «днесь», и тогда была бы целиком сохранена принадлежащая ему мелодия, напев, или эти три знака заменяются одним, двумя — и тогда предстояло какое-то изменение напева. Русские певцы не пошли ни по тому, ни по другому пути: они нашли третий, когда в угоду напеву и старому произношению стали распевать это слово трехсложно как «дэнэсэ». Что же получилось в результате? Именно то, что множество давно забытых гласных заполнило тексты песнопений. Певчие порой даже сами не понимали — о чем поют. Не говоря уже о тех, кто слушал. Наименование «хомового» пение и получило потому, что типичные окончания слов «хъ», «мъ», «въ» пелись как «хо», «мо», «во».

Но и это еще полбеды, если бы к этим «хо», «мо», «во» не прибавлялись еще более непонятные слова, известные в истории русской музыки как «аненайки» и «хабувы». Смысл этих длинных бессвязных вставок в песнопениях никто не мог объяснить уже в XVII столетии. Ясно было одно, что достались они в наследство от Византии и постепенно обрели какое-то абсолютно невразумительное содержание. Вот как пелась строка демественного распева XVII века «в память вечную будет праведник»: «Во памя ахабува ахате, хе хе бу-вее вечную охо бу бува, сбудете праведе енихи ко хо бу бу ва». Получалась не просто бессмыслица, а чудовищный текст, с какими-то «ахами», «ехами» и даже насмешливыми, ехидными «хе-хе». И это в серьезных по содержанию песнопениях!

То были «хабувы». «Аненайки» же звучали и вовсе беспардонно. Пожелание «Многолетия», к примеру, пелось так: «Много ле-ле-та — инаниенинойетейнеинеенаинаинаа-аааини...» Строчку эту здесь стоит оборвать, хотя можно ее еще долго продолжать.

Возмущению, которое вызывали «аненайки» и «хабувы» у многих современников, не было предела. Иван Трофимович Коренев, автор

знаменитого трактата о пении, был настроен наиболее воинственно. «Нам подобает не смеяться, а плакать, — писал он, — ибо они, омрачившись и простотой и тьмой невежества... слова превратили в беспорядочные слова, а великую силу — в беспомощные ворожбы и бессловесные бляения козлов... Нет на земле такого человека и не будет, который так бы говорил... О тьма невежества! О бессмыслие мрака!.. Никак иначе не следует петь, как только умом и сердцем и вещать разумными устами».

Столкновение двух лагерей — сторонников и противников «хомонии» — было долгим и принципиальным. Защитники «аненаек» пытались выдвинуть свои аргументы. И весьма убедительные. Во-первых, говорили они, подобные припевки вроде «эх, ах, ай, ой, ой-ли, ой-да, ай-но» встречаются широко и в народных песнях, где явно имеют свое место в мелодическом и ритмическом построении куплетов. Приводился даже пример такой песни: «Ой-да, уж вы горы, ай-но, а-ах, ой-да, почему же ой-да вы, горы, ничего вы не породили, ой-да, не породили, ай-но». Во-вторых, относительно хомового пения, иначе его еще называли пением на «он» («онным»), в качестве довода ссылались на прасла-вянские языковые корни. Ссылались справедливо. Хомовое пение во многом действительно сохраняло фонетические, звуковые достоинства древнерусского языка. В этом можно было углядеть некоторый консерватизм, но одновременно проследить и глубокую традицию.

Беда же подстерегала любителей хомонии в другом. Многочисленные ошибки, описки, начертания понаслышке за долгие столетия привели и к искажению древнего произношения. «Молодые отрочата, учившиеся пети у подобных себе, а иные писати, списывают друг у друга, и перевод с перевода, и тетрадки с тетрадок, не зная добре ни силу речи, ни разум стиха, ни буквы ведая, и в той переписке от нена-учения, или от недосмотра описываются», — замечал современник. Никакие спасительные меры по сохранению отдельных эталонов-образцов нотных рукописей для переписывания, как, например, запись на титульном листе одного сборника — «не отдати никакоже, держати его книгохранителю в казне на свидетельство», — не помогали. Это и дало повод упомянутому выше иноку Евфросину сделать горький вывод: «Много убо и безчислена опись злая в знаменных книгах. Редко такой стих обрящется, который был бы не попорчен...»

К середине XVII века, в пору наступившего кризиса крюковой нотной системы, лучшие умы понимали, что необходимо принять важные меры по упорядочению древнерусской музыкальной грамоты, привести ее к единству сообразно времени, для большего удобства и распространения.

Именно тогда, в годы расцвета книгопечатания, возникли первые идеи внесения коррективов в знаменное пение. Именно тогда впервые понастоящему зародилась и другая идея — отпечатать все нотные книги, которые всё ещё копировались вручную.

Первенство в создании «пометного знамени» принадлежит новгородскому распевщику Ивану Акимовичу Шайдуру. Основной труд его до нас не дошел. Но многочисленные ссылки на него и переписанные отрывки встречаются в самых разных музыкальных сборниках. Иван Шайдур решил сделать крюковую грамоту более понятной. Для этого он разработал специальные указательные знаки — «пометы», которые писались рядом с прежними нотами, но другой краской — красной. В древности красная краска называлась киноварью. Поэтому и пометы Шайдура окрестили «киноварными». Подробности данного дела были изложены, в частности, в «Сказании о помете красной, получающейся во всем пении столповом»...

Дополнительными знаками служили те же буквы. Теперь певчий имел перед глазами совершенно конкретные указания — как и когда петь. Окончилась эпоха исполнения «понаслышке». «Аще стоит знамя У, то ударить гласом», — указывает «помета» Шайдура. «А где Б, тамо пой борзо», «аще К на верху знамени, там гакни». Осмыслив совокупность древнерусской музыки, Иван Шайдур в некоторой степени упорядочил всю ее в систему, которая, в отличие от систем многих других именитых распевщиков, безуспешно пытавшихся создать свое «пометное знамя», была принята сразу же и широко по всей Руси.

Но этого было мало для начала нотопечатания, так как двуцветная печать в то время была еще очень трудным делом.

Московский печатный двор середины XVII века славился качеством издаваемых в нем книг. Печатники — последователи традиций Ивана Федорова, — среди которых особой известностью пользовался «друкарь» Василий Бурцов, владели в совершенстве всеми современными формами труднейшего ремесла. Уже были изданы, причем во многих вариантах оформления, основные книги, необходимые в обиходе культурной и церковной жизни Российского государства: «Азбуки», учебники, жития, псалтыри, служебники и т. д. Оставался опять-таки последний шаг — отпечатать ноты. Для того, в частности, и были созданы в XVII столетии государственные комиссии, о которых речь пойдет ниже.

Сначала — о работе А. Мезенца в Первой комиссии по исправлению

крюковых нот.

Начальной попыткой в борьбе за устранение многочисленных вариаций знаменных распевов (которых было уже больше тысячи) стал Собор 1649 года, на котором царский духовник Стефан Вонифатьев выступил за единоголосное пение. Надо иметь в виду, что под многогласием в то время часто подразумевалось не только партесное или трое-строчное пение (то есть пение на многие голоса), но и простое несоблюдение последовательности церковной службы, когда певчие и священник творят службу одновременно. Примером этому служит указ Алексея Михайловича от февраля 1651 года, направленный в Кострому, о запрещении одновременного пения различных по времени последования частей богослужения. Об этом указывалось еще при Иване Грозном: «Пети единоголосно, и грамоты по всем городам были посланы». Но теперь проблема рассматривалась более конкретно: «Пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно на Москве и по всем городам единоголосно... в один голос тихо и неспешно со всяким вниманием... В которое время священник говорит ектенью, а певцы в то время не поют, а в которую пору певцы поют, и в то время священнику ектенью не говорить...» После данного указа отрицание единоголосия стало восприниматься как преступление! Против нарушителей писались доносы и заводились дела.

Наиболее интересным в развитии церковного пения и связанных с этим реформ представляется год 1652-й (7160-й), когда последовательно произошли важнейшие события, не случайно сконцентрированные по времени. К этим событиям можно отнести следующие.

Обретение мощей преподобного Саввы Сторожевского в январе 1652 года. Это важное событие связано с именем Александра Мезенца, так как он, по всей вероятности, в это время уже входил в число братии монастыря или даже уже стал старцем и членом Совета старейшин;

по сообщению А. В. Преображенского — некоему Федору Иванову Попову было «поручено заводить знаменное печатное дело»;

прибытие на Русь в 1652 году музыкантов и распевщиков из Малороссии (Украины), священник Иван Курбатов послан царем в Киев для «книжных покупок» и за певчими;

появилось вышеупомянутое «Сказание о различных ересь» инок Евфросина (писалось еще в 1651 году): «Много убо и безчислена опись злая в знаменных книгах. Редко такой стих обрящется, который был бы не попорчен...»;

обнародовано «Слово о единоголосном пении» Шестака Мартемьянова, который летом 1652 года (до сентября) неожиданно скончался;

апрель 1652 года — скончался патриарх Иосиф;

25 июля 1652 года — патриархом становится Никон;

и хотя новая пятилинейная квадратная нотация вводилась на Руси впервые Никоном еще в бытность его архиепископом Новгородским, первые линейные рукописи появились именно в 1652 году и сохранялись затем в библиотеке основанного им позднее Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря;

началась чистка рядов среди певческого и печатного штата. Осенью 1652 года уволили о. Наседку и Силу Григорьева из Печатного двора (как сторонников боголюбцев — противников Никона) и назначили туда «подозрительного авантюриста Арсения Грека» (по мнению историков-старообрядцев);

август 1652-го — конец 1654 года. Открыта работа Первой комиссии знатоков пения по переводу знаменного пения «на речь», то есть по исправлению певческих книг и приведению текста и мелодики к сообразности, толковости и удобству исполнения. Приглашено 14 дидаскалов. По всей вероятности, одним из них и был Александр Мезенец, так как только он и упоминает о существовании этой комиссии (других источников нет), а значит, — знал о ней доподлинно, не из вторых уст. О чем и поведал в своем предисловии к «Извещению о согласнейших пометах».

Считается, что комиссия закончила работу к лету 1654 года из-за случившегося мора и войны (об этих обстоятельствах также сказано в вышеупомянутом предисловии). Но, по нашему предположению, она продолжала работу как минимум до конца 1654 года (или до начала 1655 года), хотя бы потому, что ее работа была закрыта в *результате* мора, а не потому, что он еще только *предполагался*. Ведь мор (моровое поветрие, чума) начался на Руси только в августе 1654 года, а пик его пришелся на осень. Работа до мора не могла быть закончена, так указано в предисловии.

Эпидемия захватила Москву, а также Звенигород и Саввин монастырь. Есть сведения, что в Москве погибло до 300 тысяч человек. Война с Польшей в некотором роде спасла самого царя, так как он уехал из Москвы сначала в Калязин, а затем в район военных действий под Смоленск. Ему докладывали: «Моровое поветрие умножилось... Многие лежат больные, а иные разбежались... А приказы, государь, запреты, дьяки и подьячие все померли... а мы холопы тоже ожидаем себе смертного посещения с часу на час». В одном месте упоминалось, что в Звенигороде осталось в живых около 37 жителей (похоже на сильное преувеличение).

А о Саввино-Сторожевском монастыре известен отзыв самого Алексея

Михайловича (записано Павлом Алеппским), который сетовал, что там из более чем 300 монахов осталось менее 170. В результате царь построил здесь палаты для больной братии, нечто вроде монастыря в монастыре.

Где был в это время старец монастыря Александр Мезенец? Быть может, в Москве, где работала комиссия, где-то на Печатном дворе. Возможно, он находился на московском подворье Саввино-Сторожевского монастыря. Или даже в самом монастыре. Во всяком случае, старец просто чудом уцелел, и ему удалось пережить эту ужасную трагедию глобальной эпидемии.

Однако работа Первой комиссии (хотя тогда еще никто не ведал, что возможна Вторая) была прекращена. Хотя поиски в сфере реформ церковного пения продолжались. Известен факт, что в 1656 году царь отправил послов в Киев за старцем Печерской лавры Иосифом Загвойским «для начальства партесному пению». Однако Иосиф «не был сыскан» (предполагается, что монах просто скрылся, ибо не хотел отправляться в Москву). И в некотором роде революционное событие — активизация партесного многоголосия в русских церквях — в это время так и не свершилось.

Теперь о работе А. Мезенца во Второй комиссии по исправлению крюковых нот.

Большой Московский Собор 1666–1667 годов окончательно постановил: «гласовное пение пети на речь», а также, чтобы «пение бы пели в домех чинно и единогласно, якоже и в соборней церкви поется, а без священника в домех и церквях пения не лети и не начинати...». Такого рода приведение пения к единогласию показывало также и усилившуюся борьбу с возникающим движением «старообрядцев», не желающих подчиняться реформам Никона и уже тогда устраивавших службы не в церквях, а на дому.

В связи с этим появилась нужда не только в массовом порядке исправить основные певческие обиходные книги «на речь», но и с большой скоростью распространить эти нововведения по всей стране. Лучшим способом такого распространения являлась конечно же печать. Тиражирование давало возможность сразу же свести на нет многие потуги врагов Никона.

Для осуществления этих планов нужны были писцы наречного пения при Печатном дворе и умельцы печати. Царь повелел: «Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому (Крутицкому. — К. К.), паки мастеров собрати, добре ведущих знаменное пение». В Москве удалось собрать «мастеров

шесть человек» (так указано в «Извещении Мезенца»). Это были Александр Печерский — старец Чудова монастыря; Александр Мезенец — старец Саввино-Сторожевского Звенигородского монастыря; Федор Константинов — патриарший певчий дьяк; Кондратий Илларионов — дьякон из Ярославля; Григорий Нос — церковный дьячок; Фаддей Никитин — церковный дьячок из Усолья.

Расходные книги приказа Книгопечатного дела повествуют о том, как старец Саввино-Сторожевского монастыря Александр Мезенец расписывался за жалованье: «поденного корму по два алтына на день». Деньги он получал исправно до мая 1670 года.

Исходя из данных по этим книгам исследователями был сделан вывод, что Вторая комиссия проработала с января 1669 года по апрель 1670 года. Главным результатом работы «справщиков» стали подготовка и исправление Ирмология, который теперь надо было срочно распространять. С этой целью в течение года, до весны 1671-го, был изготовлен шрифт для печати «новых» знамен (ранее всеми исследователями предполагалось, что шрифт впервые был изготовлен в 1678 году, то есть на семь лет позднее). Участвовали в этом Иван Варфоломеев — «наборщик» (набирал готовый шрифт), а также Иван Андреев — «словолитец» (создавал сам шрифт).

Шестнадцатого мая 1671 года царь Алексей Михайлович указал: «Напечатать наречные Ирмосы под знаменем нового распева, по заводу 2400 книг». Для того времени это был огромный тираж! Но... Ни одного печатного экземпляра данной книги по сию пору неизвестно. Однако готовые формы для печати хранились чуть ли не до XVIII века и, может быть, были известны композитору Бортнянскому, который, по всей вероятности, предполагал новое издание крюковых нот (ему приписывается уникальный документ — «Проект об отпечатании древнего крюкового пения»), Не эти ли печатные формы подвигли Бортнянского на подготовку гравированных плат с нотами его собственных духовных концертов, которые после его кончины хранила вдова, а затем выкупил император с целью материальной поддержки семьи? Впрочем, в итоге пропали и эти печатные платы. Время не щадило многое из того, что связано с историей русской музыки...

Именно в эти годы (конец 1660-х), параллельно с работой Второй комиссии и подготовкой нотного печатного шрифта, Александр Мезенец создает свою Азбуку — «Извещение о согласнейших пометах, во кратце изложенных со изящным намерением требующим учитися пения». Годом ее окончания можно считать 1670-й. Не случайно практически

одновременно создает свой трактат «Муסיкия» Иван Коренев (работа была обнародована в 1671 году). Он пишет о новых веяниях в певческом деле именно в год завершения Мезенцем Азбуки, всей работы как самого старца, так и Второй комиссии. А уже в 1679 году Николай Дилецкий переводит в Москве на русский язык «Идею грамматики муסיкийской» (которая первоначально была издана по-польски в Вильне, затем — в 1677 году в Смоленске на белорусском языке). История духовного пения пошла другим путем.

Каковы же были основные итоги работы комиссий (в особенности Второй комиссии Мезенца)? В результате кропотливой работы лучших знатоков знаменного пения, а среди них — старца Александра Мезенца, были сделаны следующие важнейшие шаги в развитии церковного певческого дела:

созданы дополнительные значки для показания «степени», то есть высоты — так называемых «признаков». Знаменные рукописи и по сей день существуют одновременно и пометные, и призначные;

исправлено пение «на речь» или на «наречное», то есть соответствующее речи (без хомонии, без аненаек и хабув). Эту работу, по сути, признавал и противник в то уже время Никона — протопоп Аввакум, который в 1669 году, в период работы Второй комиссии, писал в «Послании рабом Христовым»: «А наречное пение я сам, до мору на Москве живуци, видел... Оттоле и доднесь пою единогогласно и на речь, яко праведно так. По писанию, как говорю речь, так ея и пою»;

подготовлена книга Ирмологий и предполагалась ее дальнейшая печать;

разработан шрифт для печати.

В итоге была поставлена точка в многолетнем споре — о выживаемости и дальнейшем существовании знаменного распева в целом. Профессиональный вывод был однозначен: может существовать.

Однако вывод комиссии стал на первый взгляд совершенно неожиданным: «Ныне в нашем старороссийском знамени сим согласованным пометам сими известными литерами в печатном тиснении бытии невместно». Печатание крюковых нот так и не состоялось. Это говорит о еще более дальнозорком видении перспектив развития пения как самим Мезенцем, так и его сотрудниками.

Сегодня мы можем смело сказать, что и Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде был одним из важнейших центров изучения

крюкового пения в XVII веке. Он играл огромную роль в развитии певческого дела и в истории реформ знаменного распева. Это был «государев монастырь», здесь царь часто бывал, здесь происходили торжественные царские службы. Именно отсюда и происходил старец Александр Мезенец, а скорее всего он жил там гораздо большее время, чем ранее предполагалось.

Однако события, происходившие в монастыре, не всегда можно расценить однозначно. Известно, что еще в 1648 году патриарх Иосиф порицал монахов Саввина монастыря за то, что они «поют по скору и не единогласно». При этом, по последним сведениям, в монастыре занимались наречным пением (переводом пения «на речь»), а также использовали «признаки» еще с конца 1640-х годов, то есть за 20 лет до окончательного утверждения этих важнейших моментов Второй комиссией Мезенца.

Будучи под пристальным вниманием царского и патриаршего ока, монастырь был в некотором роде центром всех событий вокруг певческих реформ, местом, где, по всей видимости, сталкивались мнения, существовали разные направления. Небезынтересно, что один из «боголюбцев» (противников Никона) Лазарь — протопоп Романово-Борисоглебского собора — долгое время скрывался не где-нибудь на Севере, в отдалении, а у игумена Никанора в монастыре Саввы Сторожевского, то есть под самым боком у царя и патриарха. Хотя все-таки позже был найден и сослан в Сибирь, что описывает сам протопоп Аввакум.

Эта разнообразная роль монастыря показывала все противоречия времени, братия то поощрялась, то подвергалась критике. Но именно здесь вырастали известные кадры. Именно отсюда и мог появиться такой выдающийся деятель, как А. Мезенец.

Настало время поговорить о некоторых загадках биографии А. Мезенца и гипотезах по их разгадке.

Его полное имя — Александр Иванович Стремоухов (Мезенец), биография нам почти совсем неизвестна. Происхождение Мезенца можно определить по его собственноручной рукописи, подаренной им самим одному из сподвижников, с мини-автобиографией:

*Труждающийся в сем деле монах Александр
В праворечном же пении издатель властен.
Руководительством Черкас иноземец:
Клиросским прозванием случайный Мезенец.*

*Отца имуща Иоанна малоросца:
Северских же стран прежде бывша Новгородца.*

Разберем этот текст.

*Труждающийся в сем деле монах Александр
В праворечном же пении издатель властен.*

Здесь всё понятно — речь идет о работе в комиссии, где Мезенец «властен», то есть один из главных, а также упоминается, что он уже является монахом (очевидно, Саввино-Сторожевского монастыря).

*Отца имуща Иоанна малоросца:
Северских же стран прежде бывша Новгородца.*

Слова «прежде бывша Новгородца» напоминают о том, что не сам Мезенец происходил из города Новгорода-Северского, а именно его отец. Украинское происхождение Мезенца обычно определяется по этим последним двум строкам. Однако при внимательном чтении видно, что всё это скорее относится к его отцу, который «прежде» там жил, а затем мог переехать в Москву или Звенигород, где и родился затем отрок Александр. Возникают вопросы: так откуда же сам Мезенец? Можно ли утверждать, что он жил в самом Новгороде-Северском, что он по происхождению «севрюк» — так тогда называли выходцев из Северной земли?

Однако текст говорит немного о другом.

Руководительством Черкас иноземец:

Неожиданное слово — «руководительство» — вызывает желание разобраться в сути фразы. По словарю древнерусского языка Срезневского «руководительство» означает «наставничество». Словарь Даля подтверждает такую интерпретацию: управлять, советовать, указывать, наблюдать, наставлять в чем, в деле, в труде, в работе, следовать чьему указанию, принять за правило, за наставление. Кто же «руководительствовал» Мезенцем?

Читаем дальше.

Слово «иноземец» — вполне понятно. Тогда это означало, что человек — выходец с юга, из Малороссии (Украины). Причем «иноземец» действительно был просто иностранцем, жителем из другой земли. И зачастую даже «своим» жителем, то есть единоверцем. В отличие, например, от «иноверца» или даже «иногородца», то есть — чужака. «Иноземцем» Мезенца сделала судьба, ведь Новгород-Северский был во времена жизни его отца польским городом. На некоторое время в середине XVII столетия стал русским, но «монах Александр» в это время уже жил в Москве или даже в подмосковном Звенигороде.

Итак, Мезенец мог быть «руководительствовал» своим отцом, который отдал его к русскому царю, возможно, еще во времена Михаила Федоровича, а сам оставался жить на юге, в иноземном государстве. Вот почему юный певчий попал, как и многие его сверстники, в монастырь, где и был воспитан, достигнув положения старца.

Наконец, слово «Черкас» в тексте автобиографического стиха — вообще особенное, необычное, а потому о нем отдельный разговор.

С XVII века в Московии в массовом порядке стали селиться казаки с Украины, или, как их тогда называли, — черкасы. То были выходцы из разных мест юга и юго-запада Руси. По современной географии они переселялись в основном из мест, которые ныне принадлежат таким областям, как Волынская, Киевская, Полтавская или Черниговская. Царь Алексей Михайлович еще 14 мая 1641 года писал о казаках-черкасах: «Они из Литовския стороны в наше Московское государство пришли для того, что польские и литовские люди их крестьянскую веру нарушили, и церкви Божии разоряют, и их побивают, и жен и детей разбирая в хоромы пожигают, и дворы их, и всякое строение разорили и пограбили. И мы, великий Государь, жалея, что они черкасы, православный крестьянский веры греческаго закона и видя их от поляков в изгнании и в смертном посечении, велели их принять под свою царскую высокую руку и велели устроить их». Бывали моменты в действительности массового переселения черкасов, как, например, в результате Берестечского поражения в 1651 году, когда 10 тысяч казаков убежали с польских земель и просили русского царя позволить им селиться на Московской земле. Да и вообще, черкасами в России до XVIII века называли многих днепровских казаков, что отличало их от малороссиян-украинцев. Эти черкасские казаки стали настолько известны, что позднее иногда вообще вместо слова «казаки» употребляли «черкесы», тогда как они никогда ни к нынешним черкесам, ни к Кавказу никакого отношения не имели. Любопытен факт, что знаменитую украинскую горилку до конца XIX века называли «черкасским вином» в

отличие от водки, которую именовали «русским вином».

Итак, осталась еще одна строка, связанная с прозвищем монаха Александра.

Клиросским прозванием случайный Мезенец.

Почему Мезенец? Некоторые исследователи (не совсем удачно) предполагали следующее:

что он был происхождением с Мезени (север Руси);

что, может быть, жил в монастыре на Мезени до этого;

наконец, что он был сыном некоего Ивана Меньшова Стремоухова из Новгорода-Северского, а Меньшов и Мезенец — близки по смыслу.

Мезенец буквально означает — «малый», «мизинец» (палец). Как правило, именно «мезенцами» называли самых младших детей в семье. Казалось бы — последнее предположение близко к истине. Но мы читаем в тексте стихотворения черным по белому: «...клиросским прозванием случайный...» Значит, не является «мезенец» частью фамилии, это именно прозвище. Данное не родителями, а «случайно», причем на клиросе, то есть в период, говоря на современном языке, его певческой карьеры или даже хорового регентства.

Попробуем разобраться тогда — почему это прозвище могло быть дано монаху Александру, имевшему собственную фамилию — Стремоухое (что значит — «Прямоухов» или «Твердоухов»)?

Во-первых, известно, что еще со времен Ивана Грозного многие именитые певчие имели прозвища, которые мы можем воспринимать как фамилии (Иван Нос, Стефан Гольш, Иван Лукошко, Маркелл Безбородый, Иван Шайдур и т. д.). Это была старая традиция. Скорее всего, прозвища давались в связи с чем-то реально относящимся к данному человеку. Почему же Мезенец? Можно предположить, что он был *мал* ростом, слыл новичком, имел первоначально низкую (малую) должность или невысокое положение. А может, всё гораздо проще: он был просто мал, то есть — юн по возрасту, когда его так называли.

По нашему предположению, Александр Стремоухое мог попасть на Русь еще в детском или подростковом возрасте в качестве певчего, которых тогда часто набирали в южных регионах, в особенности на Украине. Автор записок о путешествии по Московии XVII века Павел Алеппский пишет: «Наибольшее удовольствие патриарх и царь находили в пении детей казаков, коих царь привез много из страны ляхов...» Вот так и появился

здесь «черкас» — казак — Мезенец, получил должность и новое прозвище, практически заменившее ему фамилию. Мал, да, как говорится, — удал!

Известен факт, что в официальных документах (расписках и пр.) он почему-то не спешил подписываться фамилией Стремоухов. А если и употреблял ее, то в латинском написании. Почему? Скрывал? Не странно ли, что сама фамилия Стремоухов уж больно музыкальная, причем «правильно» музыкальная? Прямоухов, то есть человек с хорошим, правильным слухом. Может быть, сама эта фамилия была, собственно, псевдонимом, старым (до Мезенца) прозвищем, а то и некоей шифровкой на латинице, или вообще — шуткой. То есть ее как таковой и не было. В России его все с детства знали как Мезенца, а потому свою «прошлую» фамилию он в некотором роде скрывал. Возможно даже, что ставил автографы на рукописях по латыни — для будущих «просвещенных» читателей. Это говорит нам о том, что он мог до появления в Московии пройти какую-то школу у ляхов, петь в составе детского хора или даже учиться в латинской школе, а потом с юными казаками-иноземцами переехать с Польской земли. Да и фамилия его — *Stremmouchow* — видимо, именно так и только так — на латинице — писалась в оригинале. По-другому он ее и не мог представлять, потому в России почти не использовал. Иначе говоря — на бывшей родине он был Александр Стремоухов (вернее *Alexander Stremmouchow*), а на Руси — старец Мезенец, как его тут с детства и прозывали.

Но если он попал в Москву и Звенигород в малом возрасте, то как же он стал старцем? Сколько ему было лет? Ответ на эти вопросы достаточно прост. Даже если он попал на Русь в 1620—1640-е годы в возрасте 7—15 лет, то по дате кончины (см. ниже) можно судить, что он прожил в общей сложности 45—70 лет. Возраст вполне почтенный. В то время человек, доживший до 50 лет, уже считался настоящим стариком, а свыше этого, да еще в монастыре — старцем.

Вот, собственно, что поведал нам небольшой стих, сочиненный им самим. Добавим вкратце к этим биографическим фактам также несколько более точных сведений, обнаруженных исследователями.

Предположение публикатора «Азбуки» Смоленского, что Мезенец появился на Руси в 1668 году, теперь можно считать устаревшим. По почерку в монастырских рукописях было определено, что он работал и жил в Саввино-Сторожевской обители уже с конца 1640-х годов, работал с монахом Феодосием Пановым над перепиской крюковых нот и правкой их «на речь».

Известна ли дата его кончины? Выскажу одно предположение. Известно, что его труд оплачивался при Печатном дворе до 1670 года. За работу над «Извещением» («Азбукой») он 15 декабря 1670 года был награжден 10 рублями, хотя, как это часто бывает, — оплата задерживалась, и деньги эти он получил только 8 января 1673 года. То есть к этому времени он был еще жив. Правда, в росписях старцев Саввино-Сторожевского монастыря с 1672 года он не упоминается. Нет его имени и в монастырских документах после 1688 года. Однако есть один факт, который может пролить свет на выяснение дат его жизни.

В 1677 году ученик старца Мезенца — Павел Черницын — получил от него в подарок певческую книгу с собственноручным предисловием автора. Однако любимый ученик продал ее на следующий же год! Вряд ли он сделал бы это при жизни учителя, даже при острой нужде. Запись, что книга принадлежала перу Мезенца, наверняка увеличивала ее ценность, а значит, и стоимость, ведь имя старца, как знатока истинного пения, тогда было одним из самых известных на Руси. Ученик, видимо, был в трудном финансовом положении, а потому и решился на продажу. Таким образом, возможно, что год продажи книги и есть год кончины ее автора. То есть — 1678-й.

Есть предположение, что он мог окончить свои дни в другой обители, в одной из тех, куда им были подарены собственные рукописи. Но в некрополях, в частности, того же Саввина монастыря в Звенигороде, его имя не встречается.

Как оценить значение того, что он оставил потомкам в наследство? Думается, что можно просто попробовать еще раз кратко перечислить всё то, что он сделал и написал.

А именно:

Извещение о согласнейших пометах, Азбуку знаменного пения.

Предисловие к ним — первый трактат научного типа о пении.

Стихи, включая автобиографические.

Каллиграфические списки крюковых книг.

Исправления книг, многочисленные.

Вклад старца Александра Мезенца в историю российского пения неоценим. Абсолютное знание крюкового пения, опыт певчего на клиросе (возможно, с самого детства), талант, умение каллиграфа, переписчика и справщика, изобретение (или участие в изобретении) им «признаков», колоссальная и мастерская работа по переводу крюкового пения «на речь» (с «раздельноречного» пения на «наречное»), создание им нового нотного

шрифта, который лег в основу российского нотопечатания (увы, не осуществленного при его жизни), наконец, написание им уникальной крюковой азбуки с предисловием («Извещения о согласнейших пометах, во кратце изложенных... требующим учиться пения») — выдвигают его в ряды выдающихся деятелей своей эпохи. Можно с уверенностью утверждать необходимость привлечения его имени в учебники по теории музыки для нынешних современных музыкальных школ России с кратким изложением истории древнерусской нотации и знаменного пения.

История комиссий, которые создавались в XVII веке при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне для исправления древних нот и подготовки нотопечатания на Руси, одну из которых возглавлял старец А. Мезенец, дает возможность сделать важнейший вывод. Данные комиссии работали не столько для того, чтобы утвердить и увековечить в печати знаменное пение и крюковую нотацию, а скорее даже для того, чтобы убедиться окончательно — нужно это делать или нет. Россия стояла на перепутье в сфере развития церковного пения. И в данном контексте можно сказать, что роль старца Александра Мезенца была по-своему уникальна: его можно считать не столько столпом старой, уже отживающей свое время певческой традиции, сколько мудрым знатоком традиции новой! Таким образом, «отрицательный» итог работы старца и комиссий (решение не печатать старое знаменное пение, даже исправленное «на речь») сыграл в некотором роде и «положительную» роль. Бурный расцвет церковного пения в новой нотации и в многоголосии в последующие столетия только подтверждает эту мысль.

Возвращение же имени Мезенца в широкий обиход могло бы привлечь еще большее внимание всех, кого интересуют стены древней обители Саввы Сторожевского, где провел он самые важные в своей жизни дни...

Странная благодарность Петра Великого

Гипотеза 19

Радея о народе, он тратил людские средства и жизни безрасчетно.

В. О. Ключевский

Много легенд появлялось со временем вокруг имени преподобного Саввы Сторожевского. Некоторые имели историческую основу. Другие — трудно подтвердить документально. Однако в настоящее время даже древнейшие мифы нашей цивилизации иногда подтверждаются находками ученых-архивистов или полевых археологов.

Одна из таких примечательных историй связана с именем императора Петра I. Проверить ее подлинность совершенно невозможно, и подобных «былей» о Петре предостаточно. Но все же необходимо рассказать то, что уже... просто нельзя не рассказать по причине самого существования этой истории. Она повествует об эпизоде из знаменитой Северной войны — 1709 года, когда Россия столкнулась со Швецией в схватке за выход к Балтийскому морю, за «окно в Европу». Тогда главнейшим событием стала грандиозная Полтавская битва с армией шведского короля Карла. Победитель этого сражения фактически становился победителем всей войны. На карту было поставлено всё.

Легенда как раз и гласит: перед битвой царь Петр I приехал помолиться в Звенигородскую обитель перед мощами старца Саввы. Ведь он и раньше, еще в детстве, бывал в этом монастыре. Говорят, император решил, что если получит благословение, то начнет сражение под Полтавой, а нет — пусть пока шведы останутся в силе. Настоятель благословил царя небольшой медной иконой с образом преподобного Саввы.

Этот образ и спас Петру жизнь во время сражения. Царь лично участвовал в штурме полтавских крепостных стен. По легенде, когда он вечером вернулся в свою палатку, кто-то указал ему на порванный карман на груди. Петр вытащил из этого кармана смятую медную иконку с ликом старца Саввы Сторожевского, разогнул ее — и на пол упала сплюснутая шведская пуля. Передавали, будто он сказал: «Сегодня преподобный Савва спас мне жизнь».

В честь своего чудесного спасения и победы Петр I повелел перелить одну из пушек, участвовавших в сражении, на колокол и подарил его Саввину монастырю.

Известно, что Петр I делал многое наперекор Церкви. Но ведь именно он перед Полтавской битвой произнес такие слова: «Воины! Пришел тот час, который должен решить судьбу Отечества... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, благочестие и благосостояние ее!»

Разве эта легенда — не пример живого российского благочестия?

Есть и предание в Саввиной обители, которое гласит о том, что Петр Алексеевич, будучи трех лет от роду, отправился вместе с отцом — царем Алексеем Михайловичем — в пеший поход в Саввино-Сторожевский монастырь, как настоящий богомолец. Прошел ли он весь путь, или «подвезли», вряд ли мы узнаем. Но спешили царственные особы на празднование обретения мощей преподобного Саввы, к 19 января. Дата странная! Ведь это была зима в самом ее разгаре! В лютые морозы, да еще пешком, да к тому же — с трехлетним сыном! М-да...

Бывало, что из Саввино-Сторожевской обители царь Петр ездил и в Троице-Сергиеву лавру. 30 мая 1693 года он отмечал в Звенигороде свой день рождения. Вот тогда и устроили первый раз потешные военные бои — прямо у стен монастыря.

Но все-таки при Петре I монастырю будет не сладко. Император не любил монашество. Хотя Саввин монастырь помнил. Ведь в период Хованщины — в 1682 году — вместе с матерью, сестрой Софьей и братом Иваном ему придется укрываться в обители от взбунтовавшихся стрельцов, тех самых стрельцов, которые когда-то тут же и охраняли своего государя! Но уже не царь, а будущий император издаст после подавления нового мятежа указ о заключении бунтовщиков в подвалы Саввино-Сторожевского монастыря. «Держать их в том монастыре в тюрьмах скованных и связанных, — диктовал он писцу, — и на тюрьмы очистить им кельи и никого к ним не подпускать и чернил и бумаги давать им не велеть». Часть стрельцов (а их тут было около 100) отсюда повезут на казнь в Москву в феврале 1699 года.

Странной можно считать благодарность Петра в период его зрелости и государственных преобразований в отношении обители. Стараясь «подмять» под себя русские монастыри, император изменил структуру их управления и финансирования. Он перевел все монастырские дела в Звенигороде, а также дела всех приписных к Саввину монастырей (а были

и такие, и немало) под присмотр Посольского приказа. Затем, как мы помним, Петр вместо Патриарха учредил Синод, в его ведение обитель и перешла.

Саввинские иноки обеднели и слезно просили императора о помощи, напоминая о его же, «собственном государевом богомолье». Помощи не последовало.

Однако история зафиксировала одну посылку, которую распорядился послать Петр в Звенигород для братии. Это был... ящик соленой селедки.

Он считал, что она должна была понравиться здешним монахам.

Такой вот был «благодарный», щедрый и памятный на добро первый русский император.

Видение пасынка Наполеона

Гипотеза 20

*...Кто нам помог?
Зима, Барклай иль русский Бог?*

А. С. Пушкин

Как известно, поэта Александра Пушкина, почитавшего игумена Савву и переложившего его Житие на современный язык, убил на дуэли французский офицер Дантес, который затем сделал невероятную карьеру — стал камергером при Наполеоне III, а также сенатором Франции. А Саввино-Сторожевский монастырь в 1812 году спас от почти полного разграбления наследник французского императорского трона, бывший «вторым лицом» во Франции, пасынок императора Наполеона Бонапарта — Евгений Богарне, который после войны потерял почти все свои регалии, а его потомки стали православными, породнились с Николаем I, русским Императорским домом и даже поселились в России. Причем вся эта история началась после нескольких слов, услышанных французским генералом от русского святого — преподобного Саввы, который в самый разгар военных действий привиделся ему при ночлеге в монастырской келье подмосковного Звенигорода и предсказал все, что затем произойдет...

Величественная история Российского государства многие столетия была связана с героическими страницами борьбы за независимость, собственное достоинство и свободу духовного выбора. Столетия оставили в памяти имена многих ратников и героев. Среди них — князья и бояре, воины и пахари. Но иногда важнейшую битву выигрывали незаметные на первый взгляд люди, они сражались на невидимом — духовном поле брани. Бывало, их заступничество имело решающее значение в самые роковые минуты для нашей страны. Среди сокровенных старцев земли Русской духовным «стражем» иногда называют и Савву Сторожевского. Его усердием и подвижничеством укреплялась великокняжеская и царская власть. Единственного из русских святых его величали по-старославянски «забралом Москве», а ведь «забрало» — это форпост, передовое укрепление, защитное сооружение, часть воинского шлема. Считается, что силой своего духа, без меча и копья преподобный Савва мог сделать то, на

что не способны были и тысячи воинов. Созданная им обитель — «Дом Пречистыя на Сторожах» — не только привлекает к себе сегодня множество людей, которые приезжают в Звенигород, чтобы почтить память выдающегося старца, пребывание здесь воодушевляет, придает силы и энергии, возрождает дух. Об этом говорили и писали многие, включая очень известных людей. Заступник, страж, хранитель, кормчий и устроитель — все эти «эпитеты» вполне подходят к образу Саввы Сторожевского. Одним из своеобразных доказательств этому может послужить совершенно необыкновенная, но при этом также совершенно реальная история, которая произошла в Звенигороде во время Отечественной войны 1812 года.

Современник военных действий при нашествии французов описывал необычайные события так: «Принц Евгений Богарне, пасынок Наполеона, вице-король Италийский, с двадцатитысячным отрядом подошел из Москвы к Звенигороду. Он занял комнаты в Сторожевской обители, а его солдаты рассеялись по монастырю и начали грабительствовать, не щадя даже храмов и святых икон... Однажды вечером принц Евгений лег и уснул, и вот, наяву или во сне — он сам не знал того — видит, что в комнату входит какой-то благообразный старец. Явившийся сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь; если ты исполнишь мою просьбу, то Бог помилует тебя и ты возвратишься в свое отечество целым и невредимым»...

Генерал Богарне проснулся в полном изумлении. Сон был почти явью. Тогда он пошел в храм, где увидел икону с ликом Саввы Сторожевского, и признал в нем своего ночного гостя...

Дальнейшее достойно пера Александра Дюма. Принц Богарне выполнил совет российского старца. Французы если и грабили монастырь, то не разорили собор с мощами святого. Храм по приказу генерала был закрыт, опечатан и окружен стражей...

Существуют две версии развития событий. Одна из них предполагает, что всё происходило в монастыре. А другая настаивает, что встреча была во время ночевки в поле, когда принц задремал в палатке. И то и другое не заменяет суть произошедшего.

В итоге Эжен Богарне стал едва ли не единственным из французских генералов, который остался жив в этой войне и даже не получил ранений ни в одной из последующих битв. Современник писал по этому поводу следующее: «Почти все маршалы, бывшие с Наполеоном, погибли или в сражениях, или насильственной смертью. Мортье, взрывавший во время

выступления французов из Москвы наш Кремль, сам был взорван адскою машиною, которая направлена была на короля Людовика-Филиппа, когда он делал смотр войскам своим в Париже; Жюно умер в сумасшествий; Ней и Мюрат расстреляны; Бертье бросился с балкона своего замка в Бамберге; маршал Бессьер убит под Люценом в кавалерийском деле; маршалы Дюрон и Понятовский также убиты в сражениях... Ни в одном сражении принц не был ранен; слова старца сбылись: он возвратился благополучно в отечество и даже после падения Наполеона остался всеми любим и уважаем».

Но на этом удивительная история не заканчивалась. У нее было необычное продолжение и завершение. Родственники Богарне сохранили в памяти еще одну фразу, которую услышал он от далекого русского старца Саввы: «Твои потомки будут служить России».

В 1839 году в Россию приехал сын Евгения Богарне — Максимилиан, герцог Лейхтенбергский. Именно он впервые открыл миру все происшедшее с его отцом. Хотя, возможно, тот рассказал сыну о встрече со старцем без особого афиширования. Когда производились большие маневры на Бородинском поле, в память знаменитой битвы 1812 года, молодой лейб-гусар П. П. Новосильцев сопровождал герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Ведь отец герцога — генерал Богарне — тоже был героем этого сражения, только со стороны французов. Дальнейший рассказ процитируем по изданию XIX века: «Разговаривая о Бородинской битве и вообще о кампании 1812 года, бывшей столь гибельною для французского войска, герцог спросил Новосильцева, не может ли он сказать, где находится монастырь св. Саввы и далеко ли от Москвы. Такой вопрос от человека, никогда не бывшего в России, удивил Новосильцева; и в самом деле, где мог слышать герцог о таком пустынном месте, находящемся близ небольшого уездного города Звенигорода, Московской губернии? Он сказал герцогу, что в монастыре этом ничего такого нет... Герцог, улыбнувшись, поблагодарил за любезность и сказал: вас вероятно удивляет, что я знаю о монастыре св. Саввы, несмотря на то, что там нет ничего замечательного. Вы еще более удивитесь, если я вам скажу, что я, католик, хочу поклониться вашему св. Савве: я в этом дал обет умирающему человеку, а именно отцу моему. Он взял с меня честное слово, если когда-нибудь судьба приведет меня в Россию, непременно отыскать место, где погребен св. Савва, и поклониться ему».

Чуть позднее герцог Максимилиан Лейхтенбергский вместе с императорской семьей посетил Сторожевскую обитель и поклонился мощам Саввы, как и обещал своему отцу. В том же году он сделал предложение великой княжне Марии Николаевне, дочери Николая I. После

свадьбы молодожены поселились в Санкт-Петербурге на Невском проспекте. Так потомки Богарне обосновались в России.

Из-за событий 1917 года семье герцогов Лейхтенбергских пришлось уехать за границу, их дети, внуки и правнуки живут сейчас в разных странах мира, включая Францию и США. Все они православные и носят русские имена. А преподобного Савву почитают как своего небесного покровителя.

В православном монастыре Покрова Пресвятой Богородицы (в Бюсиан-От, недалеко от Парижа) проживает матушка Елизавета — в миру герцогиня Лейхтенбергская, из рода Богарне. Она рассказала, что, возможно, генерал Эжен Богарне перед кончиной был крещен по православному обряду, а потому стал носить чуть измененное имя — Евгений.

К этому можно добавить, что после наполеоновских походов вблизи Парижа была построена часовня во имя Саввы, удивительно напоминающая Рождественский собор монастыря в Звенигороде. Савва Сторожевский почитается во Франции с XIX века, и не только русскими эмигрантами, но и православными французами.

Что же могло так удивить в Звенигороде braveго и закаленного в боях французского генерала Эжена Богарне, о котором Бонапарт писал: «Идет быстрыми шагами по пути к бессмертию: он покрыл себя славой во всех боях. Из него выйдет со временем один из замечательных полководцев Европы»? И вообще — мог ли старец Савва говорить с Евгением по-французски, если в XIV веке русский инок вряд ли мог знать этот язык? Такие же вопросы задавал в начале XX века потомок семьи Богарне — герцог Георгий Лейхтенбергский, описавший всю эту историю в своих воспоминаниях «Семейное предание» (мы специально помещаем небольшой отрывок из них в разделе «Дополнительные материалы»).

А не стоит ли нам поискать какие-то «пересечения с Россией» в жизни пасынка Бонапарта, выявить некий «сакральный дух» всей этой истории, попробовать подступиться к условному коду русской святости?

Начнем с того, что Евгений Богарне прожил славную, но не очень долгую жизнь (3.9.1781, Париж — 21.2.1824, Мюнхен, Бавария). Приставка «пасынок» следовала позднее за ним всю сознательную жизнь, после того как его мать вышла за Наполеона. Но вот что интересно. По-русски пасынок (приемный сын) иногда назывался так — «инóчим» (см. Даля). А это очень близко понятию «инок». Сравним инóчим и иноческий — «сану монаха свойственный, сродный». Берем на заметку...

Ино́чимом Эжен сделал себя сам. Да, да! Это он познакомил Наполеона и свою мать Жозефину. Все помнят эту историю, как рыдающий мальчик ворвался в кабинет Бонапарта и попросил вернуть ему шпагу своего казненного отца. Растроганный император не мог не обратить внимания на такой поступок, и... как раз тут и появилась его матушка.

Дальнейшее — известно.

Еще один штрих. Именно Эжен Богарне штурмовал и брал остров Мальту, проявив отчаянность и невероятную храбрость. Он лично захватил знамя неприятеля. А в это самое время как раз здесь был основан известный Православный Мальтийский орден, учрежденный русским императором Павлом Первым. Не тогда ли Богарне впервые узнает о России, причем в самых неожиданных и сокровенных ее проявлениях?

Хотя нет, нечто подобное могло быть и чуть ранее, в 1797 году, после заключения Кампо-Формийского мирного договора, когда он был отправлен с дипломатическим поручением на Ионические острова и попал на остров Корфу. Тот самый остров, за который русский адмирал Ушаков будет сражаться два года спустя! Русские уже тогда оказывали союзным православным грекам большую помощь и покровительство.

Продолжим.

За всю русскую кампанию Эжен не был ранен ни разу (что ему и предрек Савва Сторожевский). Но было ли так до России? Нет. Вспоминается очень сильное ранение во время Египетской экспедиции (1798–1799), когда он выполнял обязанности адъютанта генерала Бонапарта. Во время осады Сен-Жан-д'Акра Богарне был тяжело ранен в голову осколком бомбы, причем рана эта стала последней в его жизни. Событие произошло у стен священного города, основанного крестоносцами и известного также под названием Акко. Французы не взяли город и понесли большие потери. «Если бы я тогда взял Акко, — писал Наполеон, — то стал бы императором Востока». Бонапарт приказал отступить и отравить всех раненых французов, чтобы они не попали в плен к местным ополченцам — боснийцам, албанцам, берберам, туркам и арабам, которые с врагами не церемонились. Они убивали всех, отрезали головы и выставляли их на стенах города. Но Богарне, впервые так близко встретившись со смертью, будучи сам раненым, проучаствовал в том, чтобы ни один из больных, на исцеление которых еще оставалась хоть какая-то надежда, не был оставлен. Эти события запомнятся Эжену на всю жизнь.

А вот теперь несколько других — более удивительных совпадений.

Как мы помним, празднование обретения мощей Саввы Сторожевского

происходит со времен царя Алексея Михайловича — с 1652 года, когда и было установлено в главном соборе Звенигородского монастыря новое надгробие. Оно приходится на конец января. В один такой день, в 1805 году, Богарне получил высочайший титул принца Французской империи (возможно лишь некоторое расхождение в стилях летоисчисления — новом и старом). Символично. Намного точнее совпадают даты того же обретения мощей Саввы с двумя другими важнейшими событиями в жизни Эжена Богарне. В 1806 году Наполеон в эти самые дни объявит ему об усыновлении, и пасынок обретет уже известное нам «звание» «инóчима». А в январе 1813 года, практически день в день с поминанием Саввы Сторожевского, Богарне возьмет на себя страшную ношу — командование остатками Великой армии Наполеона, уходившей из России. Тогда этот пост оставил даже маршал Мюрат. Получалось, что приемный отец — Бонапарт — напал на русских, а его «инóчиму» пришлось «расхлебывать» всю эту «кашу» и спасать его, солдат. Смелое решение, хотя в то время Богарне уже знал предсказание, что не будет убит или даже ранен до конца войны...

И еще. В первых числах декабря 1807 года Эжену сообщили о получении им титула князя Венецианского, Что совпало с 400-летием преставления Саввы (3 декабря 1407 года по старому стилю)! Патент на титул придет через несколько дней. А затем, в Венеции он сделал многое для сохранения многочисленных святынь, которыми до сих пор полны храмы этого «плавучего города».

«Бывают странные сближения», — как писал Пушкин.

Перед отступлением из Москвы Эжен Богарне предлагал отчиму отчаянный и решительный план быстрого наступления на Санкт-Петербург. Не состоялось. А вот уже после отречения Наполеона русский император Александр I проникся к Эжену симпатией и долгое время склонялся к мысли посадить на императорский трон Франции. Союзники же предлагали ему во владение герцогство Генуя. Но он дожил свой век тихо и спокойно у тестя в «городе монахов» — Мюнхене, получив от короля Максимилиана Иосифа титул принца Лейхтенбергского (вот откуда и пошла фамилия потомков).

Скончался Богарне быстро, от апоплексии, без страданий. Не стариком. Похоронили его в мюнхенской церкви Святого Михаила, неподалеку от раки с мощами святых Космы и Дамиана, надгробие которых было изготовлено около 1400 года в Бремене, то есть в точности во времена Саввы Сторожевского и основания им монастыря в Звенигороде...

Парадный мундир, в котором Эжен Богарне был на торжествах по случаю коронации и объявления его королем Италии, также совершил путешествие в Россию. Он хранится по сей день в Эрмитаже. Время от времени его выставляют для осмотра, а может быть, просто для того, чтобы проветрить после долгого лежания в подвалах. Некоторое время достоянием Эрмитажа были уникальные сервизы позолоченного серебра, принадлежавшие семье Богарне и которых касалась рука французского генерала. Они в советские времена были конфискованы, а затем в 1925–1930 годах часть сервизов была продана почти за бесценок за рубеж. Теперь регулярно в объявлениях очередного аукциона Сотбис можно встретить эти роскошные предметы, напоминающие нам о величии прежних времен...

Не так давно автор этой книги получил — очередное письмо из Франции, из монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От, что расположен недалеко от Парижа. От той самой монахини — матушки Елизаветы, что носила в миру титул герцогини Лейхтенбергской и происходит из рода Богарне.

Матушка написала: «Что касается моих воспоминаний, могу только сказать, что, узнав об этом семейном предании, я была поражена тем, что мой предок Евгений де Богарне получил такое откровение, глубоко запечатлевшееся в его душе. С тех пор я горячо желала приехать когда-нибудь в Россию и поклониться святым мощам прп. Саввы. В 1996 году Господь исполнил мое желание и сподобил меня наконец посетить Саввино-Сторожевский монастырь, где меня и мою сестру очень тепло приняли. С тех пор судьба этого монастыря очень близка моему сердцу и я радуюсь его развитию и духовному преуспеянию».

Письмо это цитируется здесь в современном написании, хотя в оригинале оно написано на добротном старом русском языке, с «ятями» и точками над «і».

История не заканчивается. История — продолжается...

Годы революции и Гражданской войны

*Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит,
Но колокол растреснувший молчит.*

М. Ю. Лермонтов

В 1918–1922 годах новое советское правительство приняло решение о национализации монастырских владений, конфискации церковных ценностей и вскрытии главных православных святынь — мощей преподобных старцев. Этому естественным образом воспротивились некоторые христиане, которые пытались словами убедить погромщиков в том, что они совершают непоправимую ошибку.

Люди эти — хранители православных традиций — словно бы встали на защиту Отечества. Только это была духовная брань, хотя на пороге уже маячила другая война, именуемая в истории Гражданской. Революция породила волну ненависти, в итоге которой пострадало такое количество невинных, которого мировая история до этого не знала.

Так произошло и в Звенигороде. 17 марта 1919 года в городе собрался местный съезд советов рабочих и крестьянских депутатов, который, следуя указанию свыше, принял решение о вскрытии мощей преподобного Саввы Сторожевского. Недолго думая, все 100 депутатов съезда прямо с заседания отправились в монастырь, дабы осуществить свой замысел. Собралась толпа ротозеев. Рака старца была вскрыта, и из неё достали череп и кости святителя. Люди в военной форме много смеялись и раскладывали их то так, то сяк — «чтобы было смешнее».

В то время бывший в монастыре игумен Иона немедленно написал рапорт о случившемся настоятелю монастыря — епископу Можайскому Дмитрию. А уже 20 марта активисты развешивали в Звенигороде объявления о том, что каждый желающий может увидеть — как их обманывали эти «церковники».

Сохранилось свидетельство одного из местных крестьян, который сокрушался о том, что довелось видеть ему во время вскрытия святынь: «Я видел косточки в очень плохом виде, они лежали в большом беспорядке, все собранные и смешанные в кучу. Мне было крайне тяжело на это

смотреть, и я все время плакал... Посмотришь, поплачешь и пойдешь из собора. Было очень тяжело».

Группа прихожан написала заявление в Наркоматы внутренних дел и юстиции, где пожаловалась на вызывающие и оскорбительные действия местных властей. «Грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей, — писали люди, — дошли до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы, останки которого составляют святыню русского народа». Заявители просили «раку оставить на том же месте, где она находится в настоящее время. Исполнением таковой просьбы общины будет хоть несколько удовлетворено глубоко оскорбленное чувство православно верующих членов ее».

В апреле 1919 года уже сам патриарх Тихон обратился непосредственно к председателю Совнаркома — Ульянову-Ленину с гневным заявлением: «Вскрытие мощей нас обязывает встать на защиту поругаемой святыни и вещать народу: должно повиноваться более Богу, нежели человекам».

А в Звенигороде тогда письмо-жалобу подписали 113 человек, среди которых были оставшиеся монахи обители и местные жители. Почти всех их в дальнейшем, особенно в 1930-е годы, ожидала самая страшная участь.

Но ничего не помогло. Уже 5 апреля мощи старца Саввы были увезены из монастыря. Тогда люди написали заявление прямо в Совнарком. В ответ появилось «дело о вскрытии святых мощей преподобного Саввы», которое распорядился начать лично Ленин.

За «дело» взялся «товарищ» И. Шпицберг, считавшийся уже тогда знатоком борьбы с религиозными предрассудками. Он же занимал должность следователя VIII ликвидационного отдела Наркомата юстиции. Полтора месяца допрашивали свидетелей и братию монастыря. И оказалось... что все заявители вдруг уже ничего кощунственного в действиях комиссаров не припоминали.

Ясно было — откуда «ветер дует». По воспоминаниям современников, Шпицберг всех допрашиваемых попросту «запугивал, угрожал сгноить в тюрьме». А игумен Иона рассказал следующее: «Мне самому, когда я служил в военном ведомстве, неоднократно приходилось производить следствие и самому судить. Следователь должен говорить языком обвиняемых. Шпицберг записывал собственноручно и мне не давал читать... угрожал мне... Меня оскорбил гражданин Шпицберг, который сказал, будто бы я обращался к нему с просьбой: если монастырь закроют, то я не знаю, где существовать. Я никогда не обращался и Шпицберг совершенно изменил мои слова...»

Следователь «разобрался» быстро. Решение уже было готово заранее. В июне 1919 года уездный съезд советов принял решение о закрытии монастыря. «Признавая, что монастыри являются не только все еще пылающими очагами контрреволюции и отживших суеверий, но и местами растреления гражданской нравственности, — поручить Звенигородскому Совдепу в течение не позже месяца от сего дня выселить все монашеское население из монастырей Звенигородского уезда, просить центральную власть по тем же мотивам подобные же меры провести по всей Советской России и монастыри передать на нужды просветительные и лечебные для детей трудящегося населения...»

Звенигород призывал закрыть все монастыри России! Об этом доложили Ленину.

И Саввино-Сторожевский монастырь закрыли на 70 лет!

Закрытую советскими властями обитель превратили сначала в концлагерь для белых офицеров, затем в колонию для малолетних, секретное КБ, военный санаторий — и так далее. Уникальные храмы-палаты принимали гостей офицерского клуба. А вывезенные ящиками ценности и документы, к сожалению, и в сотой доле не сохранились в архивах и музеях.

Рассказывали и так, что мощи преподобного Саввы пытались вскрывать намного раньше произошедших событий. Фанатичные радетели материализма буквально домогались этого и ждали благоприятного момента, дабы осуществить свой план.

В памяти людей остался знаменитый мятеж жителей Звенигорода, который произошел в мае 1918 года — намного ранее официального вскрытия мощей. Тогда убили комиссара по продовольствию и коменданта монастыря (такая появилась должность), занимавшегося конфискацией зерна. Такого большевики простить не могли. Но сила была еще на стороне народа. Оставалось лишь только подождать.

Разруха и голод сделали свое дело. Нужно было найти виноватых в разгоревшейся войне и в отсутствии элементарного продовольствия. Люди все больше склонялись к пропагандистским рассказам о контрреволюционных действиях монашества и спрятанных в закромах обители «сокровищах», включая хлеб.

Но в 1918 году большевики направлялись не только за хлебом. Им нужны были мощи старца — символ всей окрестной жизни, а также верующей России. Тогда, забрав 600 пудов хлеба, группа товарищей ворвалась в Рождественский собор и стала требовать открыть раку с

мощами, дабы убедиться, что они там есть. И они добились результата. Мощи были вскрыты в первый раз.

Звенигородская земля знает нынче много имен своих Новомучеников. Они пострадали не напрасно. Чудом сохранились и мощи преподобного Саввы Сторожевского. Их в 1998 году вернули в монастырь, в построенный самим старцем храм в память победы на поле Куликовом, и они опять почивают у соборного алтаря. История вновь напоминает нам о том, что даже время не властно над народными святынями.

Но как это произошло?

Мощи старца большевики показывали на выставке «Охрана здоровья» при Наркомате здравоохранения. Почему «здоровья»? Наверное, считалось, что многочисленные чудеса по исцелению больных, происходившие у раки святого, как-то противоречили «современной медицине». После закрытия выставки мощи попали в ЧК, на Лубянку. Здесь они могли погибнуть точно так же, как и многие другие останки русских святых. Однако этого не произошло.

В Историческом музее работал тогда член Комиссии по охране памятников архитектуры Московской области Михаил Михайлович Успенский. Однажды по приходе на работу ему сообщили, что его вызывают на Лубянку. Идти, как говорится — недалеко. И он пошел.

Не известно, что передумал он по дороге. Но разговор, который состоялся — поразил сотрудника музея. Чекист вынул из шкафа накрытое материей серебряное блюдо. И отдал Успенскому.

— Что это? — спросил ученый.

— Останки Саввы Сторожевского из Звенигорода. Знаете? Делайте с ними что хотите, а блюдо передайте в ваш музей.

Что было делать с такой неожиданной «передачей»? Михаил Михайлович отвез мощи к себе в загородный дом, который находился в Звенигороде (видимо, чекист знал, что тот из Звенигорода). Но хранить их там было совершенно небезопасно. Ведь сотрудник ЧК помнил — кому он передал блюдо. А значит, если бы возникли какие-то обстоятельства — то немедленно бы сообщил об этом.

Теперь, по прошествии времени, мы знаем, сотрудник ЧК никому ничего не сообщил. А Михаил Михайлович перепрятал мощи в другое место — сложил все так как надо, убрал в сосуд и закопал в землю, в саду, подальше от дома.

И вовремя. Неожиданный пожар уничтожил дом. До основания...

Потрясенный этим событием, Успенский перевез мощи к себе в московскую квартиру. Еще перед своей кончиной он хотел передать их в Троице-Сергиеву лавру, но не успел.

Его родственники довершили дело, передав мощи священнику, с которым он беседовал незадолго до преставления. Так в марте 1985 года они попали в Свято-Данилов монастырь.

А уже в августе 1998 года, когда Саввино-Сторожевский монастырь праздновал свое 600-летие, когда он уже вновь принимал прихожан и в его храмах вновь служили священники, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II — священноархимандрита Саввиной обители — сохраненные буквально чудом мощи преподобного были торжественно перенесены обратно в основанный им монастырь.

Теперь этот день — еще один новый праздник, отмечаемый в Сторожевской обители, называемый по календарю «Вторым обретением и перенесением честных мощей преподобного Саввы Сторожевского». Отмечается он 23 августа по новому стилю. А летом 2007 года событие уже свяжет времена в 600-летнюю годовщину со дня преставления преподобного Саввы.

Говорят так: Россия жива, пока жив хотя бы один ее праведник.

Известные и чудотворец (наброски из дневника)

*Дух звенигородской земли впитал в себя величие
русской культуры.*

Борис Зайцев

Тихие и не предвещавшие великих бурь времена начала XX века стали периодом расцвета «дачного Подмосковья». Появились в печати многочисленные романы, связанные с теми или иными «дачными историями». Лучше всего это удавалось Чехову.

Звенигородская Америка (так буквально называли эти места на тогдашних цветных открытках) привлекала множество людей. Отдыхающие гуляли у горы Сторожи, бывшая старина превратилась в место экскурсий и «променадов». Паломники жили в монастырских гостиницах в окрестностях Звенигорода и Воскресенска. Именно тогда в здешних парках возникли «обрыв Танеева» и «пейзаж Левитана», разные «аллеи любви» и «тихие долины», что-то вроде будущих бунинских «тихих аллей».

Дачный ажиотаж появился еще с XIX столетия. Привлекала сюда и природа, и уникальный климат (недаром здесь предполагается в наши дни открытие Сра-центра, связанного с весьма ценными источниками минеральной воды). В Звенигород из Москвы «на лето» устремляются люди разных сословий — дворяне и купцы, духовные лица, приезжают известные музыканты, художники, писатели. Среди них Чехов и Левитан, Танеев и Шаляпин, Глазунов и Рихтер, наконец, Михаил Пришвин. Известно, что разных дворянских усадеб в Звенигородском крае было не меньше двухсот.

Что-то манило сюда. Не только климатом и природой.

И это «что-то» мы не можем обойти стороной в данной книге.

Пушкин — историк

Ранние годы в сельце Захарове — у предков Ганнибалов — это уже много раз повторенный рассказ из жизни поэта. У него был особый интерес

к Саввино-Сторожевскому монастырю, что отмечают исследователи. Повышенное внимание к истории этих мест было связано с детскими впечатлениями.

Они же и привели его сюда еще раз, уже в 1830 году. В эти годы он вдруг возьмет и сделает работу архивариуса — переведет на современный русский язык Житие преподобного — основателя монастыря в Звенигороде. Зачем?

Случайного поэт ничего не делал. И тут такая «сугубо церковная» тема...

А уже давно старец Савва — будто «мелькал» среди его строк.

Считается, что прямое отношение к Саввино-Сторожевской обители имеет стихотворный набросок Пушкина «На тихих берегах Москвы» (1822).

*На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.*

Не меньшее значение для определения связки Пушкин— Звенигород имеет и другой его поэтический набросок — «Вечерня отошла давно» (1823).

*Трепе[щет] луч лампады
И тускло озаряет он...*

Оба наброска, по мнению пушкиноведов, стали частью замысла поэмы «Братья-разбойники», отрывок которой автор позднее все же напишет и опубликует. Древний текст Жития игумена Саввы Сторожевского (и не только тот, с которым работал поэт) подтверждает эти мысли. В одном из чудес, описанных Маркеллом Безбородым, строгий игумен ложится спать, совсем как у Пушкина:

*Уже и сам игумен строгой
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогой.*

Старинные звенигородские предания, связанные со старцем Саввой, видимо, могли лечь в основу какого-то большого замысла. Все больше склоняющийся к духовным темам в последние годы своей жизни, Пушкин понимал, что есть творческие идеи, которые должны «подождать» своего часа. И когда он взялся за перевод Жития Саввы Сторожевского, используя для этого текст из публикации Дмитрия Ростовского и Пролога, он уже знал — для чего это делает. Конечно же его привлекали не исторические изыски и архивные поиски. Звенигородский чудотворец, скорее всего, мог стать прообразом какого-то будущего героя новой поэмы или большого прозаического произведения.

Однако мирские планы (в случае с памятью о Савве) вновь не взяли верх. Имя старца в пушкинском осмыслении в полной мере для потомков так и не прозвучало.

Не в первый раз в истории для преподобного, но, быть может, все-таки — не в последний...

Молодой Чехов

Самое интересное, что было связано с жизнью молодого Чехова в Звенигороде, а она продолжалась довольно длительный период — с перерывами почти два года, можно назвать так: познание реальной жизни. Известно, что в 1884 году ему пришлось замещать в городе уездного врача. Тогда и назвал он сам себя «земским эскулапом». «Живу в Звенигороде и вхожу в свою роль... Милое дело!»

Один из его коллег позднее вспоминал, как будущий писатель «насадил на земле больницы аллею лиственниц, которые еще и теперь стройными красавицами тянутся от служебного корпуса вплоть до больничного», а кроме того, «нашел в лице теперь уже покойного фельдшера земской больницы оригинал для героя своей «Хирургии».

Молодость, жажда познания жизни, просыпающаяся творческая энергия, новая карьера — все это он переживал тогда сполна. Не надо было еще заботиться о собственном здоровье (редкие и счастливые времена!),

ничто не предвещало ближайших почти неизлечимых проблем. Вообще, звенигородский Чехов — вовсе не тот Чехов, которого многие привыкли видеть на фотографиях или представлять по будущим сочинениям. Еще не было ни собраний сочинений, ни специального ухода за отрациваемой бородой, ни всеобщего почитания и славы.

В Звенигороде Чехов лечил людей, будучи еще сам здоровым человеком. Лишь позднее, уже потом — он напишет: «У меня всё в порядке, всё, кроме одного пустяка — здоровья». А ведь именно в это время множество паломников стремились в этот уездный город, прослышав со старых времен о чудесных исцелениях людей у мощей преподобного старца.

Потому и примечателен факт: проживая в двух верстах от монастыря, слушая с утра до вечера колокольные звоны, Чехов ни разу (!) — ни тогда, ни позднее — нигде не обмолвился хотя бы словом о своих впечатлениях или представлениях, связанных с обителью или старцем Саввой. Не лечил разве он тех, кто так или иначе работал при монастыре? Не слышал многочисленных рассказов или преданий? Существовал в стороне от реальной жизни, в то время неизбежно во многом связанной с жизнью древней обители? Известные современники, бывавшие тут, почему-то замечали, а вот он, Чехов — нет.

Об этом академик Дмитрий Лихачев сокрушался с удивлением: «Мимо этой «своей красоты» проходили Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие. Чехов жил в Звенигороде, жил на Истре, но ни разу не упомянул в письмах о тех памятниках древнерусского зодчества, которые его окружали».

Однако известно, что зимой 1885 года Чехов приезжал в Звенигород на освящение вновь отстроенного здания городской больницы. Освящение — это большое событие, и оно происходило конечно же с участием представителей монастырской братии...

Но — ни слова, нигде, даже ни строчки.

Легко можно представить — что мог думать молодой врач в уездном городе, так много посвятивший докторской практике и уже начинавший писать рассказы, когда из соседнего монастыря приходили люди и рассказывали о чудесах исцеления без всякой профессиональной медицины, лекарств и материальных объяснений. Такие медицинские «нонсенсы» происходили при его работе в Звенигороде постоянно. И отношение практикующего врача к ним вполне понятно. Не желая комментировать события или высказывать по их поводу какие бы то ни было мнения, Чехов просто «молчал». Вступить в полемику с тогдашним

уездным светским и духовным управлением для молодого человека было просто карьерным самоубийством. А его отношение к современной церковной жизни можно заметить и в более поздних бумагах, чего только стоит фраза из письма Куприну: «Я с удивлением смотрю на всякого верующего интеллигента». Так и произошло в итоге: писатель и церковная жизнь Звенигорода на первый взгляд словно бы «не заметили» друг друга.

Но так ли это на самом деле?

Кажется, что не совсем. Приведу лишь два-три примера.

Первый — это отрывки из двух более поздних писем Чехова из Ялты — Ольге Книппер, посланных почти перед самым их венчанием. В них он мечтает о предстоящем свадебном путешествии.

«24 апреля 1901 г. *Ялта*.

Ты уже решила, куда нам поехать? На Волгу или в Соловки? Думай, дуся... В Звенигороде в самом деле хорошо, я работал там в больнице когда-то. Непременно поедem, супружница моя хорошая».

«26 апреля 1901 г. *Ялта*.

Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде...»

Желание венчаться в городе своей творческой и врачебной юности, в городе своей энергии, своего здоровья, своих мечтаний и будущих надежд, то есть совершить самое главное на тот момент событие в своей жизни именно здесь — может ли это желание говорить о чем-либо?

Конечно — да!

Между тем впервые Чехов попал в Звенигород еще до врачебной практики, в 1883 году. И весьма своеобразным способом. Вместе с друзьями он прошел пеший путь, который выбирали обычно пилигримы и паломники еще со времен царя Алексея Михайловича — от Воскресенска до Звенигорода. То есть — от Ново-Иерусалимского монастыря до Саввино-Сторожевской обители.

И разве это не послужило ему через год поводом для выбора места своей службы в качестве доктора?

Или вот еще.

Жизнь и врачебная деятельность в Звенигороде навевали разные мысли, которые позднее отражались в некоторых его ранних миниатюрах. В рассказе «Темнота», навеянном «звенигородскими» ощущениями, герой-мужичок в трудной ситуации просит другого персонажа — больничного доктора: «Рассуди по-божецки!» Но доктор живет в реальном, вполне

прагматичном мире, а потому и отвечает: «Уж тут не может ничего поделать ни губернатор, ни даже министр, а не то что становой».

Мужичок уходит от доктора и вдруг встречает на дороге странного старика. «Было тихо, только какой-то старик в бабьей кацавейке и в громадном картузе шел впереди...» Поведав ему свою проблему, мужик услышал в ответ: «Оно, конечно, доктор этих делов не знает. Он хоть и барин, но обучен лечить всякими средствами, а чтоб совет настоящий тебе дать... — он этого не может».

Звенигород, венчание, доктор, старец на дороге...

И это тоже — Чехов.

В последний раз он приехал сюда за год до кончины, в 1903-м.

Знаменитый и много знающий. Смертельно и безнадежно больной.

О чем думалось ему тогда?

Нам не известно...

Детство Максимилиана Волошина

Никто не может определить за другого человека — как складывается и откуда у него берется талант или умение создавать художественные ценности. Творческая мастерская любого художника — кладовая тайн и неожиданностей. Иногда только сам мастер способен оценить или почувствовать истоки своего вдохновения, а затем передать их, пусть даже в нескольких словах.

Часто, по прошествии времени, как говорят — на закате жизни — в своих дневниках или воспоминаниях некоторые творческие люди примечают места или события, которые в значительной степени повлияли на их духовное становление, интеллектуальное созревание, выявление особенных дарований.

Для Максимилиана Волошина, судя по его записям, в детстве немалое значение имел небольшой период жизни его семьи в Подмоскovie. Вот как он отметил это в краткой «Автобиографии».

«С 5 лет — самостоятельное чтение книг в пределах материнской библиотеки. Уже с этой поры постоянными спутниками становятся: Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Достоевский, и немногим позже — Байрон и Эдгар По. Обстановка: Звенигородский уезд от Воробьевых гор и Кунцева до Голицына и Саввинского монастыря. Начало учения: кроме обычных грамматик, заучиванье латинских стихов, лекции по истории религии, сочинения на сложные не по возрасту литературные

темы...»

Юный читатель — будущий поэт и художник — запомнил некоего студента, который влиял тогда на него «культурной подготовкой». Студента никто уже не вспомнит, а багаж, им заложенный, получился знатным. Среди «культурных» ориентиров — обитель старца Саввы.

Уже потом будет встреча с реальным старцем — отцом Алексеем, изменившим его жизнь. А в Коктебеле прошедший через интеллектуальное отрицание веры крымский отшельник Волошин как-то напишет:

*Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнания,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.*

А затем не Саввина ли обитель, в честь Рождества Богородицы основанная, называемая «Домом Пречистыя на Сторожах», так впечатлившая поэта в детстве, навеела ему следующие строки:

*Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дориносимая
Над родимою землею
Купина Неопалимая.*

*Херувимов всех Честнейшая,
Без сравнения Славнейшая,
Огнезрачных Серафим,
Очистилице чистейшее.
Госпожа Всенепорочная
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о Благодатная,
Ты молитвы влага росная
Живоносная вода.*

Земной рай отца и сына Тарковских

Арсений Тарковский в 1978-м проживал в Доме творчества писателей в Голицыне. Не заехать туда, где сын снимал «Солярис», было просто невозможно. В одном из писем поэт пишет:

«До сих пор я все чаще вспоминаю нашу экспедицию в Звенигород и Большие Вязёмы — а там ведь и вправду было хорошо и, верно, понравилось бы Анне Андреевне. Она, кажется, хоть и жила одно время в Голицынском Доме творчества, а ни там, ни там не побывала».

Анна Андреевна — это Ахматова. Была ли она у старца Саввы или нет — нам не известно (хотя так не бывает, чтобы быть в Голицыне и не заехать в Звенигород и на гору Сторожи). Для Тарковских же место стало особенно памятным.

Безусловно, снимать фильм под названием «Андрей Рублев» и обойти Звенигород и Саввину обитель стороной — невозможно. Андрей Тарковский смысл происходящего сформулировал так:

«Русские люди уверовали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это предчувствие перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи. На мой взгляд, в этом и заключается высшее предназначение художника».

История этих мест, слух о необычайном подвижнике — Савве Сторожевском — привлекли внимание художника. Для самых сокровенных кадров фильма «Солярис» Тарковский выбрал место у стен основанного старцем Саввой монастыря. Дом астронавта Криса Кельвина, где он прощается со всем земным, где под органные фуги Баха, словно итогом его жизни, пробегают кадры из детства, располагался прямо внизу, у стен обители. Есть мнение, что судьба здешнего загадочного монастырского колокола легла в основу одной из главных новелл фильма «Андрей Рублев», так и названной — «Колокол». Все так, все близко к правде.

Кроме одного — самого фильма.

Названная «Андреем Рублевым» кинолента конечно же не была об Андрее Рублеве. Мысль эта не раз повторялась и ранее. Но с каждым годом становится все более понятно, что к реальной истории — фильм не имеет отношения. Просто для воплощения своих художнических замыслов Тарковский выбрал образ одноименного ему инока-иконописца.

Но что-то ведь вдохновило его на это! Сакральное духовное

творчество начала XV столетия, аура мест, связанных с возникающим самым последним кадром в финале фильма «Спасом Звенигородским», особое отношение к окрестностям обители Саввы поколений мыслящих художников слова и образа — все это привлекало внимание.

Беда только в том, что персонажи фильма, рассуждающие на современном нам-языке, вообще далеки от своей эпохи, а историческая роль некоторых и события настолько искажены, что иногда просто абсолютно противоположны реальности.

Вот одна из новелл фильма — «Страшный суд, 1408 год». Два князя — великий и его младший брат — будто бы тайно воюют между собой за русский престол. Подразумеваются современные Андрею Рублеву князья Василий и Юрий Дмитриевичи. Сначала старший брат — Василий — ослепляет мастеров, строителей и камнерезов, украсивших ему палаты и отстроивших собор во Владимире, за то, что они собрались уходить в Звенигород к младшему брату. Эта «экзекуция» произведена для того, чтобы они не сделали брату лучше. Самая жуткая сцена фильма — это ослепление их в лесу дружинниками. Они ползают по траве, вместо глаз — кровавые раны. А затем, в отместку, младший брат идет с татарами на разграбление Владимира, чтобы отомстить старшему...

Невероятное нагромождение абсолютных нереалий! История с ослеплением мастеров, похоже, взята из легенды о Постнике и Барме, которые построили храм Василия Блаженного в Москве, правда... полтора столетия спустя. Да и братья Василий и Юрий друг с другом не воевали. Раздоры начались гораздо позднее и не между ними, а — на самом деле — между племянником и дядей совсем по другим причинам, почти тридцать лет спустя, где происходили и ослепления, но не мастеров, а самих князей. К тому же реальный Андрей Рублев преспокойно расписывал соборы и московские, и звенигородские. Никто его не удерживал и членовредительством не угрожал. Да и великий князь жил в Москве, ставшей уже тогда стольным градом, а не во Владимире. Наконец, добавим к этому, что в том самом 1408 году (вынесенном в название новеллы фильма) старец Савва Сторожевский (вдохновлявший все это время возведение соборов и Андрея Рублева на творчество) только что ушел из жизни. Но он успел закончить важнейшее дело: абсолютно все белокаменные соборы в Звенигороде и Саввином монастыре уже были полностью отстроены, а затем расписаны Рублевым! Кстати, так же как и собор во Владимире! Поэтому никаких мастеров незачем было ослеплять, тем более что им нечего было делать в это время в Звенигородском уделе младшего князя — Юрия!

Вот такая полная мешанина фактов и реальной истории.

Нет смысла в детальной точности рассматривать весь фильм Андрея Тарковского, списки «нереалий» будут расти с большой скоростью. Обычно в таких случаях применяется «примиряющая» всех формулировка, будто данная кинолента — это «не конкретное жизнеописание конкретного человека». Да ведь названа-то она — конкретным именем, в заголовке ведь не использована какая-нибудь абстрактная, «не конкретная» художественная метафора! Если же считать экранное творение Тарковского лишь только неким философским осмыслением наследия Андрея Рублева, его эпохи или современной России как таковой, то здесь мы получим еще более противоречивую картину. Достаточно красноречиво и метко звучат в этом смысле слова отца Александра Меня в одном из интервью, которые связаны с его восприятием творчества кинорежиссера:

«Тарковский был очень неоднозначен. К сожалению, мы с ним мало встречались, хотя и учились в одной школе. Он шел очень сложным и трудным путем. У него были увлечения разными восточными доктринами, и я видел в этом только одно: что этот творческий, мечущийся человек не мог найти истинно христианский источник. Вместо этого он читал разные теософские книги. Ведь мы выросли в сталинское время, жили, учились в школе. А что нам вбивали тогда в голову? Книги о религии мы могли доставать только из-под полы. Я читал церковные книжки из-под полы, а он доставал теософские, и что попадало, тем и питались. Но, как мне говорили, с ним впоследствии произошли определенные трансформации в сторону христианства, поэтому он завещал похоронить себя по-христиански.

Что касается его фильмов, то его «Жертвоприношение» я не понял. Мне показалось, что он что-то искал, но не нашел. А «Андрей Рублев» — это фильм, в котором он приблизился, еще не понимая, но уже чувствуя, к очень важным христианским истинам...

Когда мы говорим об ужасах нашего времени, мы часто забываем о том, что окружало создателя «Троицы», звенигородского «Спаса» и других икон. А окружало именно то, что показано в этом фильме. Да, жизнь бывает горькой и страшной, но «свет во тьме светит»...

Фильм «Андрей Рублев» заканчивается ликами, написанными самим Андреем Рублевым. Образ «Спаса Звенигородского», которого иногда называют и «Русским Спасом», созданный великим иконописцем и вдохновленный пригласившим его в Звенигород старцем Саввой Сторожевским, Тарковский поставит завершающим — «цветным» — кадром полностью «черно-белого» фильма «Страсти по Андрею» (это в

советском кинопрокате он станет «Андреем Рублевым»), При съемках картины на столе Тарковского будет лежать книга о святом Франциске Ассизском — известном аскете, проповеднике бедности. И если академик Д. С. Лихачев написал свою известную работу «Сергий Радонежский и Франциск Ассизский», пытаюсь сопоставить жизнь двух подвижников, связанных с понятием «Возрождение», то Тарковский по-своему решил проследить возможные пересечения путей аскетизма западного монаха и творчества русского инокa. Задача была явно неудобоваримой, и разрешение ее не стоит считать чем-то сопоставимым с появлением вариантов раскрытия, скажем, теоремы Ферма.

Как бы то ни было, поиск образа духовного старца-подвижника у обители Саввы — в Сторожевском монастыре в Звенигороде — станет местом становления и прозрения героев кинорежиссера, их родным домом, который предстанет перед зрителем в виде некоего центра как невидимого духовного Космоса, так и всей материальной Вселенной.

Церковь Солженицына

Эту быль рассказывают так.

Однажды в Звенигород приехали отец Александр Мень и Александр Солженицын. Это были советские времена. Они не гуляли по окрестностям и не отдыхали, а просто искали некое «подходящее место». У писателя возникла одна неожиданная идея.

История была как странной, так и весьма скорой в своем завершении. Постоянно ожидающему ареста Солженицыну в 1970-е годы казалось, что крайне необходимо построить в святом месте Подмосковья небольшую церковь. Свою.

Затея почти немыслимая в те советские времена.

И она так и не осуществилась.

Федор Шаляпин

Старинные русские фотографии — удивительный мир, который открывает лучше любых рассказов панораму быта России начала XX века. На нескольких пожелтевших фото можно заметить великого певца — Федора Шаляпина. А на заднем плане — окрестности Звенигорода.

Знаменитый бас не один раз бывал в Саввино-Сторожевской обители.

И не просто — «бывал», а жил при монастыре, в монастырской гостинице как паломник. Посещал службы, забирался на колокольни, приходил в укромный Скит, к месту подвигов преподобного Саввы.

В мае 1913 года отмечали Пасху — в Звенигородской обители. Шаляпины приехали на этот раз всей семьей. Супруга, сын Борис, дочери Ирина, Лидия и Татьяна. Все здесь были.

«Был на днях в Звенигороде, — пишет он сразу же по приезде Горькому, — ездил в монастырь преподобного Саввы, отстоял Христову заутреню и два дня лазил на колокольню и звонил во все колокола. Славно отдохнул и получил большое удовольствие. Был в гостях у монахов, которые отнеслись ко мне очень гостеприимно...»

Рассказывают, что был и такой случай. После очередных звонov в колокола Шаляпин прямо со звонницы пел перед всей монастырской братией и честными людьми оперные арии и народные песни. Благодаря уникальной природной акустике можно было не сомневаться, что слышно было и в самом городе Звенигороде.

Николай Рерих

Сначала он мечтал о Старой Руси. Много ездил по святым местам. Писал картины на исторические сюжеты.

Звенигород привлек его особенно. Это уже потом он напишет картину, где изобразит на фоне большого собора двух старцев. Собор очертаниями абсолютно схож с Рождественским в Звенигородском Сторожевском монастыре, а старцы явно отображают силуэты преподобных — Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского, причем последний, для подтверждения имени своего, держит в руках свиток с крупной надписью: «Звенигород».

Образ древнерусского Звенигорода — символического идеального города символической идеальной Древней Руси — затем прочно овладеет его идеями. И попадая в горы Тибета, он начнет развивать концепцию построения универсального города для будущих жителей обновленного мира.

Мы не будем говорить здесь о сущности этих идей, разбирать или оценивать их. Одно лишь интересно нам в данном случае. Рерих избрал названием идеального града — Звенигород.

И сейчас некоторые последователи строят или пытаются строить этот Звенигород где-то в горах Алтая, в предгорьях Тибета, в районе Белухи.

Довольно далеко от реального древнерусского прототипа. И совершенно забыв о том, что и на месте Древней Руси, в подмосковных «горах Сторожах» по сию пору остаются отпечатки великих духовных побед, коими всегда славилась русская святость.

Надо только «уметь» их замечать. Не уезжая далеко от дома.
Вот и вся премудрость.

Иван Шмелев

Автору данной книги довелось лететь в том самолете, что перевозил («перелетал») прах Ивана Шмелева из-под Парижа — в Донской монастырь в Москве. Так русский писатель распорядился в своем завещании. И оно было исполнено.

А теперь вот... Звенигород. Память о преподобном Савве Сторожевском.

Не мог Шмелев пройти мимо такого святого старца. И не прошел.

Ну что за строки в его «Лете Господнем»!

«— Ах, хорошо... уж очень воздух!.. В рощи бы закатиться, под Звенигород... там под покос большие луга сняты у меня, по Москва-реке. Погоди, Ванятка... даст Бог, на покос поедем, большого покоса ты еще не видал... Уж и луга там... живой-то мед!.. А народ-то ласковый какой, Панкратыч?!.. Всегда от него ласку видел, крендель-то как на именины мне поднесли... а уж нонче как встретили, — вот это радость.

— Наш народ, Сергей Иваныч... — уж мне ли его не знать!.. — пуще всего обхождение ценит, ласку... — говорит Горкин. — За обхождение — чего он только не сделает! Верно пословица говорится: «ласковое слово лучше мягкого пирога». Как вот живая вода, каждого бодрит ласка... как можно!..»

Или вот еще.

«— Уж и места там, Михал Панкратыч... райская красота!..

— Как не знать, почесть кажинный год удосуживался на денек-другой. Красивей и места нет, выбрал-облюбовал Преподобный под обитель.

— И Москва-река наша там, и еще малая речка, «Разварня» зовется, раков в ней монахи лучинкой с расщепом ловят. Ох, высокое место, все видать! А леса-то, леса!.., а зво-он ка-а-кой!.. из одного серебра тот колокол, и город с того зовется — ЗвениГород. Служение было благолепное, и трапеза изобильная. Ушицу из лещиков на Петров день ставили, и киселек молошный, и каша белая, и груздочки соленые с черной кашей, и

земляники по блюдечку, девушки нанесли с порубок. А настоятель признал меня, что купеческого я роду, племянничек Сергей Иванычу — дяденьке, позвал к себе в покои, чайком попотчевал с сотовым медком летошним, и орешками в медку потчевал».

Шмелев — неповторим. Нет, не будет уже такого языка в русской литературе! Нет уже и его «носителей», каким он был из числа первых.

Да будет ли и сам язык?..

Государева дорога: по Рублевке — от Москвы до Звенигорода

*Дорога оттуда в Москву есть самая приятная для
глаз.*

Н. М. Карамзин

Прав был историк Карамзин, писавший об этих местах. А теперь приведем его слова полностью: «Нигде не видал я такого богатства растений; цветы, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свежести; липы и дубы прекрасны; дорога оттуда в Москву есть самая приятная для глаз, гориста — но какие виды!»

Историк был прав, но для своего времени.

Многое меняется, как меняется и сама дорога, которую не случайно называли «государевой». Звенигородский тракт (так этот путь величали в старые времена) приводил прямо в царский дворец, построенный непосредственно в монастыре. Да и по дороге еще встречались несколько дворцовых теремов, красоты которых были в разное время воспеты иностранными послами.

Теперь это — «Рублевка». С ее ресторанами, бутиками и стеклянными павильонами. С джипами и лимузинами, с «мигалками» и милицейскими жезлами. Со смесью всех видов архитектуры, с мешаниной богатых коттеджей и заборов разной величины, домов-крепостей «покруче» Кремля князя Юрия Звенигородского и все еще остающихся тут и там бедных, деревянных, полуразвалившихся сельских построек.

Часть текста отсутствует (приблизительно половина
страницы).

Дефект исходного файла. — *Прим. оцифровщика.*

кого лесного зверя, волков, медведей, лисиц и зайцев. Большая часть ближайшей к Кунцеву местности с Хорошевскими лугами искони принадлежала дворцовым волостям и была со своими лесами заповедною стороною, охраняемою собственно для царских охот, звериной и птичей...

Были горячие лисьи и волчьи осоки (травли) под Хорошевым; сочили (ловили рогатинами) медведя под селом Крылатским... Для птичей же соколиной охоты, расположенные вокруг Хорошевския и Хвильския (Филевские) болота, представляли еще больше удобств. Царь очень заботился об этих болотах и строго приказывал беречь на них всяких птиц и посторонним отнюдь не ездить и не травить соколами...»

Мягкий прибрежный грунт породил тут бесчисленные повороты и извилины русла Москвы-реки, огромное количество заливов, озер, бухт, а также речек и ручьев, таких как Соболевка, Таракановка и Ходынка. Огромная площадь водной поверхности имела большое значение для всей местности. Здесь водилось много рыбы и даже были рыбные знаменитые государевы промыслы. Как известно, название деревни Мневники пошло от ловли здесь рыбы «мни» (налим), а соседних деревень Строгино и Щукино — от слов «острог» (заточенная палка для ловли рыбы) и «щука».

Два слова о Москве-реке и ее верхнем течении, вдоль которого и располагается Рублевка вплоть до Звенигорода. От нее «кормились», она же была важнейшим торговым путем. Особо это относится к данной местности, так как здесь проходила часть большого Волоколамского пути.

За свою историю Москва-река то разливалась, то мелела, пока, наконец, не приобрела современные очертания, близкие к исконным. В XIX столетии река оскудела до такой степени, что на ней почти прекратилось большое судоходство, лишь на плотях могли ходить, но только до Филей.

Москву-реку почти во всех местах переходили вброд. В документах так и упоминается вдоль «государевой дороги» на Звенигород: «Брод под Тереховым, брод во Мневниках, брод в Мякинино». Кстати, благодаря этим бродам дорога и продолжалась далее на запад. Ведь наступала необходимость переправы на другой берег реки. Зимой было проще. Можно было просто мчаться на санях. И не по дороге, которая была засыпана снегом, а именно по реке, по льду. Таким образом, Звенигородский тракт как бы удлинялся, становился извилистым, как русло Москвы-реки. Но идеально проходимым, даже после большого снегопада.

Делаем остановку в селе Хорошеве. Как это делали цари. Оно исчезло не так давно. Но уникальный Троицкий храм, построенный во времена Бориса Годунова — остался. Именно этот просвещенный государь возвел здесь дворец, где можно было переночевать по пути в Звенигород. А еще один храм — очень похожий на Хорошевский — Годунов построит уже в Вяземах, неподалеку от итоговой точки нашего путешествия — Звенигородской обители.

Голландский путешественник Исаак Масса, живший в России в конце XVI — начале XVII века, отмечает в своих записках, рассказывая о Годунове: «У него повсюду были прекрасные имения... в числе коих одно весьма красивое, на расстоянии мили от Москвы, называвшееся Хорошево (Corossovo), что значит красивый. И был дворец построен на горе у реки Москвы; здесь он часто веселился, нередко приглашал к себе иноземных докторов и других подобных людей». Очень часто в Хорошеве бывал царь Алексей Михайлович, который особенно любил и здешнюю охоту, и здешнюю церковь. Праздники Николы отмечались в приделе святого Николая Хорошевской Троицкой церкви. Другой придел был назван по имени не только сына Бориса Годунова, но и сына Алексея Михайловича — Федора — приделом одноименного святого Федора Стратилата (воина) и потому также был уважаем государем.

Местоположение дворца в настоящий момент можно указать лишь предположительно.

Но отправимся дальше.

У села через реку в старые времена был перекинут плавучий мост с двумя разводными плотами длиной 33 и шириной 4 сажени. Тут же, у въезда в Серебряный Бор, находилась конечная станция извозчиков.

Переправившись через Москву-реку, мы попадаем в место на краю микрорайона Крылатское. Раньше его не заметить было нельзя. Здесь была деревня Татарово. О древних временах оставалось тут одно напоминание. Так называемое «проклятое место» на Татаровских высотах. Якобы было какое-то языческое кладбище, где находились остатки каменных идолов (скорее всего — кладбище селившихся здесь выходцев из Золотой Орды еще с XV века). В одном из путеводителей по Москве за 1867 год предлагалось «посредством рачительного взрытия земли на самом месте вырыть или череп или какую-нибудь древность, которые разом решили бы все сомнения».

Автор данной книги застал еще странный колокол, который висел посреди деревни Татарово (ее снесли при строительстве Крылатского) на перекладине и служил для пожарных нужд. Возможно, это был один из звенигородских колоколов.

Мы миновали Серебряный Бор. Он остался по правую руку. Но в старое время подобные вековые сосны росли практически до самого Звенигорода.

Известно, что в доисторические времена на месте Москвы

существовало большое море. И до сих пор по берегам Москвы-реки мы можем находить окаменевших морских животных, растения или их отпечатки. Позднее Москва-ре-ка создала здесь гигантский водный бассейн — пойму, площадь водной поверхности которой составляет около 500 гектаров. Берега заросли гигантскими лесами, образовались живописные высоты и овраги. На песчаной почве разросся великолепный сосновый бор, часть которого как образец первичного леса существует до сих пор. Ранее такой лес простирался и до Кремля, но постепенно при застройке Москвы был вырублен.

Этот бор мы теперь по традиции называем Серебряным. Общая площадь Серебряноборского лесничества — почти 2500 гектаров, учитывая леса за пределами Кольцевой автодороги. Однако площадь острова, собственно именуемого Серебряным Бором, — лишь гектаров 330.

Именно тут многие тысячелетия назад и появились первые поселения людей, которые известны на территории Москвы и области. Ученые открыли только три такие «точки». И все они были здесь! Ведь не случайно говорят, что у всякого места есть своя уникальная аура.

Далее выезд в лес был приблизительно там, где начинается Рублево-Успенское шоссе. Тогда еще не было Кольцевой автодороги. Москва вообще заканчивалась где-то в районе станции метро «Улица 1905 года».

Но мы держимся новой трассы. Она двухрядная. Не быстрая. Здесь ездят на машинах, которые по своей стоимости не должны «суесться».

Приближается Барвиха. Тут есть поворот налево. На знаменитое Подушкинское шоссе, которое выводит в Одинцово. Село Подушкино известно с XV века и название свое получило от имени купца Ивана Подушки. Если повернуть, то можно увидеть роскошный замок XIX века генерала Казакова, одного из первых людей, начавших всерьез осваивать Подмосковную Швейцарию. Но носит он название от Мейендорфа — титулованного зятя генерала, за которого тот сумел выдать свою дочь, дабы заполучить баронский титул. Все у него получилось: и замок, и деньги, и титул, и счастье дочери.

Но где они все теперь, когда конфискованный при «советах» замок оказался уже в наши дни — не понятно чьей собственностью.

Все течет, и все изменяется. Этот лозунг обязан висеть на каждом километре Рублевки.

В Подушкине есть храм Рождества Христова XVIII века, перестроенный до неузнаваемости.

В Барвихе гостей встречает церковь Покрова Пресвятой Богородицы,

но это новая копия старой, разрушенной. Она появилась здесь в 1996 году.

Едем дальше. Почти сразу же начинается Жуковка — место для стеклянных павильонов-бутиков, стоянок «феррари» и «мазератти», а также ночных тусовок в придорожном круглосуточном клубе. Здесь самые дорогие рестораны и самая пафосная публика. Под землей открыт круглосуточный рынок — со съестным, рядом — галереи антиквариата. Все не просто дорого, а очень дорого.

Но нам-то что, ведь мы едем к святыням.

Однако дорога нынче такова, что требуется съезжать с нее, чтобы попасть в старинные интересные места.

Кстати, в Жуковке обитали и дочь Брежнева, и академик Сахаров, и Ростропович с Вишневецкой, которые прятали у себя Солженицына перед его отъездом за рубеж. Земля тут нынче дорогая. Но уже — малоинтересная. Потому что здесь есть все, кроме Истории.

Въезжаем в Успенское. Здесь можно увидеть знаменитую усадьбу князя Б. Святополка-Четвертинского, построенную в английском стиле, если удастся договориться с охраной больничного комплекса ЦКБ, который тут расположился. В этом доме бывали Чехов и Левитан, у которого последний владелец имения Морозов брал уроки живописи (в Успенском Левитан создал картины «На Москве-реке» и «Сумерки»).

А вот храм Успения Пресвятой Богородицы очень интересен. Он построен в первой трети XVIII века в стиле петровского барокко.

Дорога как бы упирается в тупик. Теперь с Рублевского шоссе надо перебраться на шоссе Успенское. Это небольшой крюк, а дальше — опять прямо до самого Звенигорода.

Если в тупик, то подъезжаем к поселку Горки-10. Здесь знаменитый конезавод. Можно покататься на лошади. Затем — Николина Гора. Уже само название многое напоминает. И в первую очередь то, что это давно известное дачное место в Подмосковье. Но сейчас кроме воспоминаний об «Утомленных солнцем» Михалкова — ничего интересного. Можно искупаться летом на дипломатическом пляже. Вода в верховьях Москвы-реки довольно чистая. Возможно, здесь, в Николиной Горе, располагался известный монастырь Николы на Песку, который упоминается в писцовых книгах XVI века.

Можно свернуть и заехать в Захарово или в Большие и Малые Вяземы. Чтобы вспомнить о Пушкине, посмотреть музей, познакомиться с храмом Бориса Годунова — Преображения Господня — почти копией церкви в

Хорошеве, только «о пяти главах».

Надо отметить, что когда-то русские цари делали еще одну важную остановку на этом пути. Ведь существовал роскошный дворец в Павловской Слободе. Но это довольно большой крюк.

У въезда в Звенигород расположилась небольшая церковь Святого Александра Невского. Но центр города встречает недавно построенным и открытым собором Вознесения. Чуть далее по дороге — и мы уже рядом со знаменитым святым источником, у подножия Звенигородского Кремля, наверху — храм Успения Пресвятой Богородицы, что на Городке, именно здесь и были найдены в 1918 году иконы Андрея Рублева, среди которых был «Русский Спас».

Наконец, по правую сторону нас встречает гора Сторожи, на которой расположилась Саввино-Сторожевская обитель. Чуть далее — Скит.

Много селений у Звенигорода когда-то принадлежало Саввину монастырю, это Каринское, Локотня, Саввинская слобода, Татариново (опять «татарские» названия на одной дороге!). А в окрестностях Звенигорода когда-то было и много других обителей. Среди них — Крестовоздвиженская, Никольская, Введенская, Успенская Софрониева. Некоторые были разрушены в Смутное время начала XVII века. Введенская обитель занимала территорию на берегу Москвы-реки, рядом с усадьбой Введенское (у станции Звенигород).

Итак, «государева дорога» привела нас к святыне, к мощам преподобного старца. Не случайно именно по этому пути проходили все богомолья русских царей — в их собственную обитель, одну из самых почитаемых в России.

Кстати, когда-то всю эту дорогу проходили пешком. И была еще одна традиция — крестный ход отправлялся от Саввинского подворья на Тверской улице (практически от самой нынешней Государственной думы) — напрямик в Звенигород.

Наверное, все встанет на свое место, когда такой крестный ход повторится вновь. По истечении почти столетия с тех пор, как подобное шествие происходило в последний раз.

Ведь что такое время, если дорога все равно приводит к собственной памяти.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слово плетуци и слово плодяци, и словом почитимняци.

Епифаний Премудрый

Маркелл Безбородый повествует напоследок, когда мы достигли конца времен: «О, честная глава... отец наш Савва... Ибо знаешь ты отовсюду осаждающий нас страх, знаешь и непременную бесовскую войну против нас, знаешь телесные наши слабости и злопамятность, знаешь усердия нашего бессилие... Помни, преподобный отче, и меня, убогого и многогрешного инока Маркелла, мало потрудившегося в написании равноангельного жития твоего... Аминь».

Читатель помнит наш разговор в самом начале этой книги — о многообразии смысла удивительного древнерусского слова «конец». И так как мы уже знаем, что оно всегда означало — «начало», то всем, кто привык к традиционному завершению биографического жанра — кончине героя книги, — предлагаю вновь вернуться к первым страницам нашего повествования, рассказывающим о последних днях жизни старца Саввы. В таком круговороте событий, собственно, и проистекает наше бренное бытие, в котором иногда и не отличишь вымысел от реальности, фантазии от фактов. Порой именно все это — объединенное в единое целое — и составляет сущность, называемую нами словом «Жизнь». В материальном воплощении она иногда подходит к завершению, но никогда к какому-то определенному концу, ведь вослед за ним всё еще только зарождается вновь.

Вот почему последнее слово-строка данной книги могла бы выглядеть и так:

Конец-Начало.

Многое знал и хотел сделать Савва Сторожевский, хотя от этого в материальном смысле — не осталось почти ничего. Ни книг, ни «картинок», ни даже предметов его обихода. Не известно точно даже, как он выглядел, разве что икона кисти игумена Дионисия намекнет (ведь написал он ее около 1430 года, и знавшие старца иноки подтвердили

схожесть лика) да сборник рекомендаций иконописцам — «подлинник» — подскажет своими строками черты его образа: «Подобием стар, сед, брада... плешив, ризы преподобничес-кие». И он действительно всегда изображался с высоким открытым лбом — признак недюжинного ума — а также с густой седой бородой.

Но не зная его внешности, мы ведь не можем отрицать того — чего и как он достиг! Скрытое от постороннего взгляда не является «ничем». Оно потому и называется — духовным, что становится явью только тогда, когда кто-либо захочет этого по-настоящему, всеми силами души и сердца.

Ведь и примирение двух ветвей Русской православной церкви — Московской и Зарубежной — произошло именно в год большого торжества — 600-летия со дня кончины преподобного Саввы Сторожевского...

А мы разложим еще раз напоследок несложную «мозаику истории»: Сергей Радонежский — Дмитрий Донской — Троицкая обитель — Куликовская битва — князь Юрий Дмитриевич — Звенигород — гора Сторожи и монастырь — поход на болгар — смоленская родня — Андрей Рублев — каменные храмы Московии — «Спас Звенигородский» и «Троица» — пещера и скит — образ Небесного Града. Завершает собрание этих отдельных частей в единое целое — Савва, Звенигородский чудотворец.

Что-то есть за всем этим на первый взгляд — и знакомое, и весьма важное. Присмотревшись, можно заметить код времен и житий, некое продвижение и становление среди дней и лет, которое приводит к скрытому от прямого взгляда результату. Смесь бытовых и вполне земных событий с невидимыми обстоятельствами духовных поисков и борений открывает панораму удивительной живучести забытых идей и устремлений. Мы начинаем понимать, что вот так могло строиться или почти было уже построено некое новое Восточное Православное Царство. Без Орды и без Литвы, без контроля со стороны уже погибающей Византии. Царство это, в какой-то момент выбора, могло быть или Васильевским, или Юрьевским, то есть — Московским или Звенигородским. Образно говоря, Юрий и Савва строили Русь Русскую, а Василий и Киприан — Русь Византийскую. В реальности был осуществлен Васильевский вариант, а за ним последовали братоубийство и самозванство, смута и «феодалные войны», продолжительные десятилетия ордынского ига. Так распорядились «небеса истории», хотя во многом распорядились и сами люди: от наделенных властью князей-наследников — до простых пахарей.

И Русь — как это часто бывало — опять пошла «другим путем»...

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. С. Пушкин

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА ИГУМЕН

В этой публикации великий поэт предстает перед нами как исследователь древнерусской агиографии. Он перевел, вернее, переложил с церковнославянского на современный ему литературный язык древнее Житие Саввы Сторожевского. Причем переписал его набело, видимо, готовя к публикации или для осуществления какой-то другой важной работы (об этом, увы, мы ничего пока не знаем). Автограф беловика и по сей день хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге.

Считается, что за это переложение он взялся в начале 1830-х годов, когда Житие попало к нему в руки. Текст переложения публикаторы произведений Пушкина обходили стороной, особенно в XX столетии, когда даже академическое издание сочинений поэта о нем «забыло». Естественно, ведь это касалось Жития святого, мощи которого были тогда разорены (но позже найдены и возвращены на свое место), а основанный им монастырь — закрыт.

Поэт взялся за чтение «Книги житий святых на три месяца вторья», подготовленной когда-то к печати Дмитрием Ростовским. Здесь был помещен текст Жития игумена Саввы, отличный от того, что написал Маркелл Безбородый еще в XVI веке. Пушкин приводит текст по «Прологу» XVII века, на который ссылался и Дмитрий Ростовский. Его переложение кратко, без описаний чудес, связанных с именем святого. Краткое изложение было явной «заготовкой» для какого-то будущего произведения, которое так и не было написано. Исследователи заметят лишь «нечто мелькнувшее» в более раннем отрывке из его незаконченной поэмы о братьях-разбойниках да еще в беловике «Евгения Онегина», где вдруг отец русской душой Татьяны будет назван загадочно — «смиренный грешник Сава Ларин». О «смиренном старце Саве» (именно так, по-старому, в подлинниках, с одним «в») и повествовали когда-то древние жития.

Текст приводится по изданию: Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т.: Т. 7. М., 1962.

Декабря 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы игумена

святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожах, нового чудотворца.

Из Пролога. Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял ангельский образ и стал подвизаться, угождая Богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от Господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощью вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святой иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу жара дневного. — Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовию, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая инося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностию, изобретательницею всего злаго. Потом некий христоролюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он добре пас во имя Христа собранное стадо,водя оное на пажить духовную, и быв некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о Господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братьям заповедал пребывать у игумна в послушании и в повиновении. Наконец дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руце Божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив Владыке своему, Христу. Услышав о преставлении святого, князь и бояре, и окрест живущие, и все христоролюбивые граждане Звенигорода стеклись с великою любовию на погребение отца, принеся с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честью в им построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и

различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, Бога нашего, угоди́ками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Маркелл Хутынский

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ СТОРОЖЕВСКОГО

Текст Жития Саввы Сторожевского помещен здесь в переложении (в переводе, редакции) на современный русский язык, совершенном автором данной книги. Это не значит, что не существовало такого переложения ранее. Однако, по мнению автора, необходимы были многие уточнения в тексте, чтобы, во-первых, осовременить его и при этом — во-вторых — оставить читателю возможность почувствовать неповторимое ощущение старинного оригинала.

Немалую ценность для понимания текста Жития имеет работа исследователя Л. А. Тимошиной, названная «Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII в.)» (М., 1994). В этом труде мы видим, во-первых, полную публикацию оригинального текста на церковнославянском языке по одному из первопечатных изданий Жития, а во-вторых — последовательный анализ этого текста, позволяющий нам правильное понять некоторые его нюансы.

Почему мы не стали публиковать здесь оригинальный текст Жития, написанный Маркеллом Безбородым на церковнославянском языке? Ответ прост — современный читатель может кое-что не понять в старых словах, упустить суть. Для примера представлю здесь вступление к Житию, оставив все так, как это было у игумена Маркелла Хутынского (цитата дается нами по одной из рукописей XVII века):

«Месяца декабря в 3 день сказание о житии и от части чудес исповедание преподобного отца нашего Савы, составляшаго святую обитель пресвятыя Богородицы близ Звенигорода идеже есть место, нарицаемое Сторожи. Благослови, отче. Яко же убо царския утвари, златом украшени со многоценным камением, веселят очи зрящих на ня, паче же сих духовная красота. Праздницы, сотворяеми в памяти святых, веселяще верных. Сердца и душа освящающи. Вся убо сия человеколюбцу богу на ползу нам творящу. Изрядных бо муж жития и древнии обыкоша переписовати, ради от сих прибывающыя пользы. Нам же ныне напоследок, в онъ же кончина век достиже, наипаче нужно есть сие. И се убо ныне приспе пресветлыи новейший праздник предивная и честныя памяти преподобнаго отца нашего Савы».

Как видим, вникнуть в оригинальный текст не очень просто. Поэтому мы и решили не «погружать» читателя в дебри палеографических изысканий и филологических премудростей.

Удачный современный перевод Жития был сделан во времена «перестройки» историком М. Г. Кротовым (о. Я. Кротовым), бывшим в советское время сотрудником музея еще до возобновления монастырской жизни в Саввиной обители. Затем эта работа была опубликована в сборнике «Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской» (М., 1992).

В основе приводимого здесь нового перевода лежит текст одного из списков Жития, по всей видимости, относящегося к XVII веку. И хотя данное переложение не претендует на абсолютную завершенность и даже местами представляется будущая возможность уточнять некоторые нюансы, автор все же предлагает его читателю.

Текст Жития приводится не полностью. Мы намеренно не включили в него многочисленные описания чудес, которые происходили уже после кончины преподобного Саввы Сторожевского. Не для того, чтобы умалить значение этих событий. Просто вослед за Житием Маркелла Безбородого читатель заметит, что в книге помещено и еще одно жизнеописание Звенигородского старца — принадлежащее перу известного церковного писателя XIX века. И так как он почти повторяет описанные Маркеллом чудеса, но в более образной и доступной современному восприятию форме, мы решили оставить именно их, дабы во многом не повторяться. Приведен здесь только один чудесный рассказ (он поставлен у Маркелла самым первым), где повествуется о том, как будущий игумен монастыря по имени Дионисий (XV век), поставленный на этот пост через некоторое время после преставления Саввы, создал первую икону преподобного. Он воспользовался воспоминаниями еще знавших прозорливца старцев, живших в обители, которые и признали лик настоящим. Икона стала, возможно, единственным изображением, передавшим потомкам реальное лицо (конечно же в иконописной интерпретации) Звенигородского чудотворца.

Итак, приглашаем читателя в мир средневековой житийной литературы.

Месяца декабря в 3 день сказание о житии и отчасти исповедание чудес преподобного отца нашего Саввы, составившего обитель Пресвятой Богородицы близ Звенигорода где есть место, называемое Сторожи. Благослови, отче.

Как бы царские убранства, златом украшенные с драгоценными камнями, ни радовали взгляды увидевших их, но намного выше этого духовная красота. Праздники, творимые в память святых, веселят верных. Сердца и души освящают. Все это человеколюбцу Богу, творящему нам на пользу. Жития лучших мужей и в древности по обычаю писали ради прибывающей от этого пользы. Нам же ныне напоследок, когда мы достигли конца времен, еще более это необходимо. И ныне настает пресветлый новейший праздник предивной и честной памяти преподобного отца нашего Саввы. О его житии ныне обязались написать во славу Сына Божьего, избравшего Своего раба и даровавшего ему исцеление душевных и телесных страданий. Не об ухищрении слов заботясь, но простыми письменами написали, призывая святого сего к Богу на молитву, боголюбивым и благонравным на послушание и пользу. Повинуясь повелению великого отца и первопрестольника великой и апостольской Церкви, русской митрополии преосвященного, имею в виду Макария, митрополита всея Руси, отцы этой обители умолили его о сем подвижничестве, и меня убогого понудили писать, чтобы всем было известно о святом этом и навеки памятном муже, как, и откуда, и в какие времена такой светильник воссиял нам.

О рождении же его и о воспитании мы не ведаем, но только о пребывании его в монашестве изыскали и написали кратко. Начало же всему таково.

Сей преподобный отец наш Савва был одним из учеников блаженного Сергия Чудотворца. Пребывал в его обители в совершенном послушании, монашеской жизни обучаясь нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как украшение всего иноческого жития. Работая много руками своими /в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая. И все казалось, что он из простых людей, ничего не знающий, но многих в мудрости мнящих себя витиями разумом превосходил. Не внешней ибо мудрости искал, но более горней, и к ней подвизался. Всякое о Христе благое изволение от святого этого старца исходило. Прежде всех входил в церковь и последним уходил, со страхом Божиим стоял, выполняя правило пения, и такое умиление было у него, что он не мог удерживаться от великого плача и рыдания во время божественной службы. Дивились отцы обители той, видя такое умиление и плач, и за это прославляли благодатного Бога.

В те времена благоверный великий князь Димитрий Иоаннович победил безбожного царя Мамай со всем его воинством и с великой

радостью возвратился в свое отечество. И пришел в обитель к блаженному Сергию принять от него благословение и молитву и поведал ему также: «Когда еще, старче Божий, я хотел пойти против безбожных агарян, то дал обет устроить монастырь во имя Пресвятой Богородицы и ввести в нем общежитие. И ныне, честный отче, с помощью всесильного Бога и Пречистой Богоматери и твоими святыми молитвами, желание наше исполнилось, враги наши побеждены. И молю твое преподобие, с усердием постарайся, Господа ради, чтобы обет наш вскоре исполнился». Все это он святому с молением сказал. Блаженный же Сергей принял мольбу самодержца, и с усердием подвизался на то, и обойдя многие места пустынные, смотрел, где хорошо устроить монастырь. И пришел на реку, называемую Дубенка, обрел такое место и очень полюбил его, и создал церковь во имя Пресвятой Богородицы, честнаго Ее Успения. И пришли к нему некоторые из братьев, он же с радостью принял их, и вскоре основалось общее житие. И избрав из стада учеников своих сего блаженного Савву, о нем же повесть эта предлагается, видя отрешение его от жизни и честный нрав, и тихое поведение, и в итоге благого изволения, вручил ему старейшинство, чтобы заботился об этом месте. Также помолился о нем святой и благословил его. «Бог, — сказал он, — да поможет тебе, чадо, и усердию твоему да подаст силу, и руководствует на лучшее и благое».

Блаженный же Савва, когда принял благословение старца, пребывал на месте том, не отягощаясь вещами земными и имея житие ангельское, постом и бдением себя усмиряя, пустынными травами причащаясь и ими питая плоть свою, от сытной же пищи и мягкой одежды совсем отказавшись. Вместе с этим слезные рыдания и частые стенания, и непрестанное лежание ниц, и испытания постоянные переживал. И когда число братии умножилось, он всем с любовью указывал и служил каждому со смирением и кротостью. Так, добрыми подвигами украшая свое житие, пробыл много лет на месте том.

Когда же захотел блаженный Сергей от жизни этой уйти, то вручил паству великой лавры ученику своему блаженному Никону. Он же после преставления его, немного лет был игуменом, вновь оставил паству и возжелал в безмолвии пребывать. Братия же, не имея возможности быть без настоятеля, после многих просьб возвела на игуменство блаженного Савву в великую лавру. Он же принял паству и хорошо пас порученное ему стадо, сколько мог и насколько отца его блаженного Сергия молитвы помогали ему. По прошествии шести лет он оставил паству. Они же вновь возвели на игуменство преподобного Никона, как и в житии его поведено. Мы же об

этом оставим рассказ, и позднее к нему возвратимся.

После этого пришел в обитель Святой Троицы благоверный князь Георгий, сын великого князя Димитрия, и с большой просьбой обратился к блаженному Савве, чтобы пошел с ним в город Дмитров и помолился и дал благословение дому его, ибо Савва был его отцом духовным. Он же, не уклонившись от просьбы его, пошел с ним, желая исполнить прошение его, думая же вскоре вновь в обитель возвратиться. Христоролюбивый же этот князь еще более упрашивает преподобного старца, чтобы тот никогда не разлучался с ним, но пребывал у него, и основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода, где есть место, называемое Сторожи. Усердный же в послушании Савва, видя душевное желание князя, и от этого не отказался, но все возложил на всемогущего Бога, любя труды пошел в названное место. И как небесный рай благовонными насажденный цветами обрел его, и очень возлюбил его, и припал к пречистой иконе Пресвятой Богородицы, которую носил с собой, горячие из глаз непрестанно изливая слезы, с умилением сказал: «Владычица мира, Пресвятая Богородица, на Тебя возлагаю надежду спасения моего, не отринь меня, убогого своего раба. Ты ведь знаешь немощи души моей. И теперь, Владычица, посмотри на место это и сохрани его от врагов незримо, и наставница и окормительница будь мне до самого конца жизни моей. Иной надежды, кроме Тебя, не имею».

Так помолился и всю надежду на Богоматерь возложил, поселился на месте том, где воздвиг церковь деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества. Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись. И собралось к нему несколько братии, и основали общее житие, которое существует и донныне.

Князь же Георгий исполнялся многою радостью и большое доверие оказывал ему, и очень почитал его. И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось. И дал блаженному села многие и средств достаточно для строительства монастыря. Святой же очень об этом заботился и Богу молился, да и место это еще более разрасталось.

Благодатью же Божией братство умножалось, и обитель возрастала, о трудолюбивой же его жизни повсюду слышали, и многие стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели. Чадолубивый же отец всех с любовью принимал и отечески соблюдал, и всегда полезными учениями наставлял. Они же любовью Божией пронизанные, заповеди его во всем хранили и, словно сладкими

водами, поили свои души. Как говорил Давид, что некий сад, у истоков водных насажденный, возрастает и расцветает, и плод сладкий приносит во время свое.

О победе князя Георгия.

Однажды захотел благоверный князь Георгий пойти войной на болгар, и пришел в обитель Пресвятой Богородицы, и просил преподобного игумена Савву молить за него всемилостивого Бога, чтобы подал ему крепости на противостоящих врагов. Святой же помолился, и, взяв честный крест, благословил его, и пророчески изрек ему: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество». Он же, взяв благословение у святого старца, собрал воинов своих и пошел на болгар, и многие города и области завоевал, и город Казань до основания разорил, и многие страны татарские пленил и пожег, и с великою победою и славою в свое отечество возвратился по предсказанию святого старца. После возвращения же с победой он вновь пришел в обитель Пресвятой Богородицы и великую благодарность воздал всемилостивому Богу и Пречистой Богоматери. Когда же преподобный осенил его честным крестом, он поклонился, любезно, и целуя святую руку его, и слезами ее омочив, говоря: «Великого в тебе молитвенника к Владычице обрел, честный отче, и крепкого помощника в сражениях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих». Преподобный же старец со смирением ответил ему: «Благой и милосердный Бог виде твоё благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим, и сего ради дал тебе такую победу над неверными, чтобы отомстилась кровь рабов Его, прославляющих имя Его. Пусть же и твоё сердце до конца утвердится и пребывает в любви Его. Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ». И так множество других поучительных слов изрек ему из божественных писаний. Князь все это слушал сладостно, влагая в сердце свое, и дал милостыню монастырю, и братию обеспечил довольно, и вернулся к себе. И с той поры стал доверять ему ещё более, чем раньше.

Блаженный же Савва несколько лет пробыл на месте том и достиг глубокой старости, никогда не изменяя своего уставного правила. Лишь в отношении к миру и живущим в нем он изменился, упражняясь не в мирском и суетном. Не об излишней пище заботясь, не в мягких одеждах

красуясь, не телесного ища покоя, но тесный и трудный путь предпочитая, а не легкий, и нищету больше богатства возлюбил, и бесславие больше мирской славы, и терпение страдания больше бесполезных радостей, и всеми добродетелями просветился, конец здешних трудов принял, честную же и блаженную душу свою предав в руки Господа месяца декабря в 3 день.

Братия же собравшаяся на погребение отца своего и видя его, преставившимся к Господу, многие слезы проливала и стонами горькими терзалась, ибо отлучилась от кормника и учителя. И взяв святое тело его, положили его на ложе и с надгробными песнопениями достойно проводили; земле предав в созданном им монастыре, где и доныне память его совершается.

Мы же, возлюбленные, ко святой его раке приходя, со страхом и любовью припадая, молимся, произнося: «О, честная глава, преподобный и блаженный в Боге отец наш Савва, не переставай молитву творить человеколюбцу Богу о стаде твоём, которое от души возлюбил, о котором много потов и напастей претерпел. Ибо знаешь ты отовсюду осаждающий нас страх, знаешь и непремennую бесовскую войну против нас, знаешь телесные наши слабости и злопамятность, знаешь усердия нашего бессилие. Сего ради молим тебя, как в этом трудном и многострадальном житии до сих пор любящий нас, наставник и вождь ко спасению, много ныне предстоя у престола Божия всех Царя. Вспомни нас, чад своих, да избавит нас Господь от тьмы страстей и всякой одержимости от лукавых бесов и злых человек».

Помни, преподобный отче, и меня, убогого и многогрешного инока Маркелла, мало потрудившегося в написании равноангельного жития твоего. Дабы молитвами твоими в день Страшного Пришествия нашел я милостивым судьей Господа нашего Иисуса Христа. Ему же слава и держава с Отцом и с Пресвятым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О явлении преподобного Саввы

По прошествии многих лет после кончины преподобного Саввы игумен той обители по имени Дионисий молился ночью и после обычного своего правила лег спать, и в видении видит представшего перед ним мужа благообразного, сединами украшенного и говорящего ему: «Дионисий, встань быстрее, напиши образ мой на иконе». Тот же спросил: «Кто ты,

господин, и как твое имя?» Благолепный же старец сказал: «Я Савва, начальник месту сему». Игумен же, проснувшись, призвал старца некоего, одного из учеников блаженного Саввы по имени Аввакум, и стал спрашивать его о блаженном Савве, как он выглядел. Тот же виденное поведал об облике его и росте. Игумен же сказал ему: «Воистину, брат, в этом образе он явился ко мне ночью и повелел образ свой написать на иконе». И с усердием образ его написал, ибо был тот игумен сам иконописец. И с тех пор начались многие и различные исцеления происходить от честного гроба его...

Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ

Данное Житие — одновременно и поэтический рассказ-биография Саввы Сторожевского, и проповедь о нем — было написано в XIX столетии одним из настоятелей основанного им монастыря. Подробнее об авторе текста можно узнать в главе «Житийная традиция» данной книги. В отличие от публикации Жития, написанного Маркеллом Безбородым, здесь мы приводим не только биографическую часть произведения, но и описание некоторых чудес, связанных с преподобным, так как сюда включены случаи, которые произошли уже после кончины Маркелла, и знать о них он просто не мог. Это позволило избежать повторений, которые были бы неизбежны при публикации обоих Житий полностью (так как епископ Леонид, естественно, пересказывает многие чудеса вслед за Маркеллом, который описал их впервые по сведениям от братии Саввино-Сторожевского монастыря, собиравшей эти истории с конца XV века и, собственно, просившей создать это жизнеописание во времена составления Великих Четьих-Миней в XVI столетии при митрополите Макарии).

Краткие Примечания в конце подготовлены самим епископом Леонидом.

Печатается по изданию: Леонид (Краснопевков), епископ. Преподобный Савва Сторожевский. М, 1885.

В глубине дремучих лесов, над оврагом, по которому струится скудоводная речка, раскидано за деревянным забором несколько бедных изб с бедною деревянною посреди их церковию. В этой церкви «с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению; но сердца молящихся горят тише и светлее свечи (а)»; в этой церкви игумен служит в крашенинной ризе, но достойные видят светозарных ангелов, сослужащих ему, видят огонь, входящий в потир, и священнодействующего стоящим в огне. В этой обители подвижничества не знают сегодня, будет ли завтра пища; но тот, который в юности отдавал голодному медведю последний кусок хлеба, стоит на страже молитвы о всех, и духовных, и вещественных, нуждах братии, и, без прошения, рука неведомого благодетеля подает братии пищу; из дальнаго Царяграда святейший патриарх Вселенский простирает руку благословляющую общежителство сей малой братии, как

бы провидя будущую славу их обителей; а из соседственной Москвы государь приходит требовать благословения своему оружию в решительную для отечества минуту, ибо знает, что сие благословение будет действительно и вся Россия воспрянет духом при известии, что благословение Сергия Маковецкого почует на предприятии мужественного государя. В такую-то обитель пришел, под таким-то руководством воспитался в духовной жизни преподобный и богоносный отец наш Савва. Неизвестно, где и от кого рожден сей ученик Сергиев. Может быть, он намеренно скрыл свое высокое происхождение, так как предание приписывает ему оставление имущества и замещение мягких одежд власянскими рубами. Может быть, об этом его и не спрашивали, ибо дух обители требовал, чтобы у порога келлии слагалось все мирское, не одеяние токмо, но и воспоминание, дабы отречение духовное было полно, и беспрепятственно было восхождение по духовным возрастам. В преподобном Савве сие духовное отречение было глубоко, и потому возрастание совершалось скоро, и естественные дары Божии, одухотворенные новым о Христе житием, процвели и дали плод духовный на потребу многих душ, алчущих Господа. От юности мир возненавидев и Христа возлюбив, он покорил духу мудрование плотское; постоянно мысль свою горе возвышая, он умел весь свой ум к небесным вперить, и тем очистить зрение умственного ока, освятить и изодрать его для высших созерцаний. Свою способность постигать прекрасное в природе он устремил к той первообразной красоте несозданной, созерцание которой благоукрашает душу и у красоты сотворенной отнимает ту опасную силу, которая ей сообщается неочищенным взором ума и сердца. Свою чувствительность сердечную он пропитал печалию по Бозе, плачем о грехах — и превратил ее в умиление. Постом и трудами обученная плоть не представляла той преграды к духовным восторгам, какую иногда в людях, много ей угождающих, представляет она, служа как бы плотиною для той воды живой, которая из глубины христианской души хочет устремиться в иную, лучшую область духа, и вопиет в своем журчании: «иди к Отцу», но прегражденная, мало-помалу оскудевает и превращается в болото. В нем чистая девственная кровь горела часто на ланитах, но только от молитвенного в духе горения, и не остывала, пока неудержимые потоки слез не напоили довольно души умиленной или обрадованной таинственными посещениями Духа Божия. Духоносный отец и руководитель Саввы умел употреблять всякий дар духовный, от Отца светов ниспосылаемый тому или другому из его учеников. Савва, по просвещению духовному, по воспитанию сердечному, по бдительности над собою, был призван Сергием к трудному деланию, к

послушанию, которое нелегко приемлется смиренномудрыми иноками. Он был поставлен во пресвитера и назначен духовником. В высокой степени трогателен был он, когда в благоговейном страхе и слезах приносил бескровную жертву, и столько же назидателен, когда действовал в качестве духовного отца. Молчанием обучив себя бережливому, осторожному употреблению слова; в подвиге послушания, самоотвержения, борения с искушениями, изведав тайники собственной души, он явился таким судьей и целителем совести ближнего, что ищущие спасения скоро оценили в нем высокий дар назидания: не только иноки, но и миряне приходили к нему открывать язвы совести своей. Это возбуждало его к еще большим подвигам; подвиги еще более возвышали его дух, и из среды, богатой преуспевающими в духовной жизни людьми, он избран управлять обителью, когда преемник Сергиев, преподобный Никон возжелал работать Богу в уединении. Начальственная власть, принятая им, не возгордила его, а еще более смирила. При первой возможности он от нея уклонился. Тогда-то сие, во многом огне искушенное злато, Господь приемлет, чтобы соделать из него светильник высокий, способный далеко светить и многих освещать. Сын и брат великокняжеский, крестный сын преподобного Сергия, Георгий (Юрий) Дмитриевич, князь Звенигородский, часто посещая Сергия в его обители, по его, конечно, совету, избрал себе Савву в отца духовного. Пытливый дух молодого князя, его ум, просвещенный многим книжным учением (б), нашел себе полное удовлетворение в духовном руководителе своем, и он, наконец, решился, влекомый любовью и жаждою духовною, не разлучаться с этим руководителем. Княжеские и семейные обязанности не позволяли ему ни совсем покинуть свой город, ни часто посещать Сергиеву обитель. Однажды, пользуясь пребыванием своим в соседственном Дмитрове, где княжил родной брат его Петр, он приглашает туда Савву и, при свидании, убедительно просит его прийти в Звенигород, найти место и устроить близ города обитель иночества. Благим сердцем отнесся ученик Сергия к благому желанию сына Димитрия Донского. Видно, и князь, и старец поняли, что иночество доброе спасительно не только для людей, ему себя посвящающих, но и для прочих, и что обители монашеские в русской земле должны гореть как светочи, при которых только и возможно православному народу со всею ясностию видеть и сознавать себя народом православным, сильным не столько внешнею силою знания и искусства, сколько всепобеждающею, всепокоряющею, всеспасающею верою. Савва подвигся, оставив, как Авраам, землю отечества духовного, для другой земли, ему, может быть, неизвестной, но которая была ему в совете Божиим обещанною землею.

Звенигород был в то время оплотом для Москвы при нашествиях врагов ее Литовцев и Поляков. Течение Москвы-реки от запада к востоку наводило их на этот город — щит столицы. Впереди его, на левом возвышенном берегу располагались военные сторожи. Обходя места окрест города, Савва поражен был благоуханием диких цветов и красотой местности Сторожевской, покрытой величественным лесом на горе, открытой по течению реки, совершенно уединенной, хотя и близкой к жилищам человеческим. Тут поставив принесенную им с собою икону Божией Матери, молитвою веры и любви положил он с надеждою начало будущей обители. Падая лес под секирами, устроились церковь во имя Рождества Божией Матери, келлии, а строитель жил в тесной пещерке. Распоряжался он и начальствовал так, как свойственно совершившемуся в любви ученику Христову: слово веления подкреплял действием примера. Предание сохранило ту черту его жизни, что он, к монастырю на крутую гору, носил воду на утружденных подвигами и летами раменах своих.

Не долго наслаждался монахлюбивый князь видом мирной деятельности в возникающей обители. Пронеслись военные слухи, военная труба огласила окрестности с соседственной горы, где было, под сению старинного Успенского собора, жилище княжеское. Скоро, как некогда двор обители Сергиевой, так теперь двор обители Саввинской наполнился людьми не в праздничных благолепных одеяниях того времени, а в железных доспехах ратных. Князь пришел просить благословения на далекий поход против Болгар на берегах Камы. — «Господь ти поможет, благоверный княже, — сказал ему Савва, — и врагов одолеешь и благодатию Божиею здрав возвратишься». Эти слова были не слова только благожелания, но и пророчества. В три месяца совершен благополучно отдаленный поход, взяты многие города, и, отягощенное добычею, возвратилось войско. Покрытый славою Юрий, приняв благодарность от государя брата, поспешил с благодарностью к Савве, и нетрудно угадать то чувство, с каким благоверный князь, после благодарственного молебствия, приложась ко кресту, целовал руку, через которую истекло на него благословение Божие. Смиренный старец, отклоняя от себя славу человеческую, говорил князю о своей духовной немощи, признавал победу наградою от Бога за любовь князя к нищим и убогим и от избытка сердца обильно льющимися словом поучал его добродетели.

Разделяя радость с семейством и подданными, Юрий Дмитриевич выражал ее обители в обилии своих приношений. Он давал своему отцу духовному на устройство монастыря и золото, и села с угодьями, и борти и бортниками, и свободу от дани и пошлин для живущих на монастырских

землях, и право игуменского суда над ними. Наконец, усердием и щедростью Юрия, вместо деревянного, сооружен храм из белого камня с позлащенной главою, освященный также в честь Рождества Божия Матери.

Супруга Юрия, Анастасия, дочь Юрия Святославича Смоленского, без сомнения, входила сердцем и трудами рук в заботы мужа о новой обители. В монастырской ризнице хранится, как сокровище, белая шелковая риза преп. Саввы, сходная с ризою пр. Никона, что сберегается в ризнице лавры (в). Легко догадаться, чья искусная рука выводила золотом, серебром и шелками струйчатые узоры по голубому бархату оплечья этой ризы. Мы знаем, что в старину русские княгини и княжны значительную часть своей тихой жизни отдавали женскому изящному рукоделью. Не удивительно, что юная княгиня Звенигородская в своем тереме, из которого, над лесистым берегом реки, виднелась златоверхая обитель, готовила дорогия облачения для своего отца и богомольца игумена Сторожевского, мысленно вручая себя и все, что дорого ей чистому сердцу, святым его молитвам.

Обитель Саввы расцветала, украшалась, и далеко разносилась о ней и о нем добрая слава. Иноки стекались сюда, ища духовного руководства; князья, бояре и народ приходили искать себе утешения в молитве братии, назидания в их жизни, вразумления в мудрых советах настоятеля. Всех любезно приемля, он согревал сердца божественною любовью; но бодрствуя над другими, он постоянно и над собою бодрствовал. Опасаясь славы и счастья более, нежели в мире боятся унижения и бедствия, он уклонялся за версту от монастыря, к северу и там, в глубоком овраге (г), под сению густого леса, ископав себе пещеру, предавался молитве и изливал потоки слезные, в покаянии, в умилении, в созерцании на земли жизни обителей небесных. Там большие камни, доныне видимые, были местом его отдохновения.

Телесная болезнь предварила подвижника об исходе души из претружденного тела. Братия, собранная около его одра, внимала в последний раз его отеческому слову. Этот мужественный борец и победитель во внутренней брани; инок, никогда не изменявший своему уставному правилу, поучал своих сынов о Христе хранить смирение, телесную чистоту и братолюбие; тут же изрек свою последнюю волю, покорно принятую всеми, чтобы настоятелем по нем быть избранному им самим из Среды его учеников и носившему тоже имя Саввы. В мире с совестью, в общении с Господом в Теле и Крови Его, любя и прощая, моляся и благословляя, отошел этот сын света к Светоначалинику Отцу.

Мирная кончина игумена Сторожевского последовала в 3 день декабря 1408 (6915) года. Она была кончиною отца среди детей. Много слез было

пролито о нем. Братия обители оплакивали в нем своего *кормника и учителя*, князь Юрий Дмитриевич, княгиня Анастасия Юрьевна, их дети (д) — духовного отца, руководителя и друга, бояре — советодателя и заступника, жители Звенигорода и окрестностей — духовного светильника, озарявшего целую страну.

Новопостроенный храм дал преподобному могилу (е).

Течение всей жизни св. Саввы простиралось лет на 80. Начав иноческий подвиг в числе первых учеников преподобного Сергия, он продолжал его около 60 лет, из которых последние 15 начальствовал; в Сергиевой обители, вместо Никона, около шести лет и на игуменстве Сторожевском восемь или девять (ж).

Обитель Сторожевская, почитая своего основателя, «яко жива суща» своим начальником, заступником, отцом, благоговейно, в течение веков, хранит его память, его заветы и события после его кончины, доказывающая, что от земли он преселился в обители святых Божиих человеков. Святость его была признаваема еще при жизни его. Как только пронеслась весть о его преставлении, окрестные жители понесли недужных своих в его обитель. Не прошло 25 лет, как различные явления благодатной силы стали более и более укреплять в православном народе веру к преподобному, доныне спасительно действующую.

Четвертый игумен обители Дионисий (около 1430 года) был из тех, которые уже не знали лица основателя обители. Ему-то и благоволил преподобный Савва явить лицо свое, яко лицо Божия угодника. Ночью, после обычного своего правила, Дионисий возлег почить от труда и узрел явившагося ему инока честного, благообразного, сединами украшенного, и услышал его говорящего: «Дионисий, встань скорее, напиши образ мой на иконе». Дионисий спросил его: «Кто ты, отче, и как имя твое?» Благолепный старец отвечал: «Я Савва, начальник места сего». Дионисий воспрянул от сна и, призвав старца, именем Аввакума, который был одним из учеников преп. Саввы, спросил его: «Каков был наружным видом преп. Савва?» Аввакум стал описывать ему наружность своего учителя. Игумен сказал ему тогда: «Поистине, брате, таким, как ты описываешь, явился мне преподобный в эту ночь и повелел изобразить себя на иконе». Он поспешил написать икону преподобного Саввы, так как сам был иконописец. Можно догадаться, что эта самая икона стоит теперь в церкви преп. Саввы, над дубовым гробом, в котором находилось тело угодника Божия до открытия мощей. По сохранившимся чертам иконы — высокому челу, большим глазам, правильному облику лица, на котором видны следы возраста, труда и поста — можно несколько понять, почему

те, которым он являлся по смерти, называли его благолепным (з). С этого времени начались чудеса и исцеления от гроба преподобного.

Игумен Дионисий II (1490 год), муж благочестивой жизни, был оклеветан пред великим князем Иоанном III некоторыми из братий. Иоанн, поверив клевете, велел игумену явиться к себе на суд. Когда возвестили Дионисию, он впал в глубокую печаль и просил заступления у преподобного Саввы, который в следующую ночь явился ему и роптавшим братиям. Игумена он утвердил в дерзновении и велел безбоязненно предстать к великому князю; а братиям сказал: «Для того ли вы оставили мир, чтобы с ропотом проходить подвиг иночества? Вы ропщете, а игумен о вас со слезами молится и бодрствует. Что же одолеет: ваш ли ропот или его молитва? Знайте, что в сердцах ропотливых не почиет смирение и оправдание Божие». Братия, восстав от сна, пересказывали виденное и когда явились к Иоанну, не могли ничего доказать и были пристыжены. Дионисий же с честью возвратился в монастырь.

Некий Иуда, одержимый духом злым, приведен был в обитель преподобного. Во время совершаемого о нем молебствия он вскричал: «Люте мне, стораю!» — и тотчас выздоровел. Когда спрашивали его, какая причина тому, что он вскрикнул, он отвечал: «Увидел я на гробе преподобного Саввы стоящего благолепного старца. В его руке был крест, которым он осенял меня. От креста вышел огонь, которого пламя опалило меня всего. Поэтому я вскричал, и прогнан от меня дух злый тем огнем». Это было, догадываться можно, при игумене Каллисте (1505 год).

Инок Саввинского монастыря долго был болен глазами, так что совсем не мог смотреть на свет. Однажды приступил он ко гробу святого, припал со слезами, прося исцеления, и отер глаза свои покровом, бывшим на гробе. Один из братий, смотря на это, стал издеваться над больным, говоря: «Исцеления не получишь, а только песком глаза свои еще больше напорошишь». Но прикоснувшийся ко гробу с верою, получил исцеление болящим глазам своим, а ругатель поражен был внезапно слепотою и слышал голос, говорящий ему: «Ты обрел чего искал, чтобы чрез тебя и другие вразумились не смеяться и не хулить чудес, бывающих от Божия угодника». Тогда ослепленный со страхом великим и рыданием пал у гроба Саввы преподобного, просил и получил прощение, но не скоро, а после многих молитв, слез и покаяния.

Тати прокрались ночью в монастырь преподобного в намерении обокрасть церковь Рождества Богоматери и когда устремились к окну, которое над гробом преподобного, то представилась им как бы гора великая, на которую взойти им невозможно. Такой напал на них страх и

трепет, что они ушли ни с чем. Есть известие, что впоследствии они омыли грех свой слезами покаяния.

Прибыл в обитель боярин Иоанн Иртищев. С ним был сын его, больной, котораго принесли на одре. От великой болезни он уже не мог и говорить. Иноки, сотворив о нем молебное пение, влили монастырского квасу в уста больного; больной тотчас проглаголал, освободился от недуга, вкусил хлеба от монастырской трапезы и выздоровел. Родитель его, чрезвычайно обрадованный, усердно благодарил Бога и взывал к его угоднику: «О преподобие отче! Имею в дому моем рабов и рабынь, одержимых различными недугами; верую, что если восхощешь, можешь и тех исцелить». Испросив у игумена монастырского квасу, он возвратился в дом свой с здоровым сыном и приказал привести к себе одну из служанок, Ирину, глухую и слепую; влил ей кваса монастырского в уши и помазал им глаза ея. Ирине тотчас возвратился слух и зрение; все в ужасе дивились величию Божию. Призвал он также служителя Артемия, который семь лет одержим был глухотою; и этому влил в уши того же кваса, и этот исцелился. Привели слепую девицу Киликию; от помазания квасом прозрела и Киликия. Не квас сам по себе такая чудеса творил, замечает св. Димитрий Ростовский, а благословение и молитвы преподобного и великая вера боярина Иоанна. Чрез некоторое время и сам боярин Иоанн заболел; то же лекарство и его исцелило.

Игумен Саввинского монастыря Мисаил (около 1540 года) впал в тяжкую болезнь, потерял надежду на выздоровление и был действительно близ смерти. Однажды пономарь монастырский Гурий шел благовестить к утрени и, проходя мимо церковных дверей, встретил благолепного старца, который спросил его: «Как здравствует игумен ваш?» Гурий рассказал ему о болезни настоятеля. Благолепный старец повелел ему: «Иди и скажи ему, да призовет на помощь Пресвятую Богородицу и начальника места сего, старца Савву и получит здравие. Ты же, брате, отвори мне двери церковныя, чтобы мне войти в церковь». Гурий усомнился отворить двери прежде благовеста, но не дерзнул спросить старца, кто он и откуда. Явившийся старец, не говоря ничего более, подошел к дверям церковным, которые сами собою отворились, старец вошел в храм. Гурий со страхом возвратился в келью к своему товарищу и упрекал его, говоря: «Почто не запер с вечера дверей церковных, вот я видел незнакомаго человека, который вошел отверстыми вратами в церковь». Товарищ с клятвой уверял, что запер крепко двери с вечера. Зажгли свечи, пошли к церкви, двери тщательно затворены и заперты, как товарищ Гурия затворил и запер с вечера. После утрени Гурий поведал всем виденное им и слышанное, и все

говорили, что явившийся старец был преподобный Савва. Игумен, услышав об этом, велел нести себя ко гробу преподобного и, помолившись прилежно о своем исцелении Пресвятой Богородице и преподобному Савве, получил здравие.

Игумен Афанасий (1542–1550 годы) был муж благочестивый и крепко верующий. «Приспела память преподобного отца нашего Саввы, — говорит Маркелл, жизнеописатель преподобного, — келарь Геронтий взял благословение у игумена и пошел сказать, чтобы готовили такую-то пищу для братии в день памяти преподобного. Когда принесли большой сосуд с маслом, вдруг с потолка свалился деревянный брус прямо на сосуд и сосуд разбился. Келарь тотчас поведал о сем игумену Афанасию. Игумен спросил его, нет ли в монастыре еще масла в других сосудах. Масло есть, отвечал келарь, но его слишком мало и никак не станет на пищу. Тогда игумен сказал ему: «Во всем этом, брате, нужно возлагать нам упование на Господа Бога и Его угодника, великаго, преподобного Савву, ибо он может и малое умножить. Ты пока вели готовить пищу, и что Бог даст, то и предложим братии на трапезе». Келарь пошел и велел готовить. Пищу приготовили, и на всякую снедь не только достало масла, но даже и оно оказалось в избытке, по молитвам преподобного Саввы чудотворца».

В другом рассказе повествуется о том же Афанасии, что однажды в великий пост предложил ему один князь (вероятно, Федор Дмитриевич Звенигородский, современный Афанасию) вкусить свежей рыбы. Афанасий уклонился к чревоугодию и вкусил рыбы. Тотчас же отнялись у него рука, нога и язык. Когда привели его ко гробу преподобного Саввы, он со многими слезами просил святого простить ему грех. Милосердный Бог, ради своего угодника, даровал здравие игумену, уста его отверзлись, рука и нога утвердились. Прославив Бога и его угодника, Афанасий дал обет впредь никогда не нарушать поста. Во время сего игумена много совершалось чудес при гробе преподобного Саввы; и вероятно, сам описатель их Маркелл был свидетелем некоторых из них, ибо он при Афанасии был в обители преподобного Саввы, и *здесь писал его житие, и составлял ему службу*. Маркелл говорит, что и келарь Терентий исцелился однажды по молитвам преподобного от глазной болезни.

Чудодейственная целительная сила, истекавшая от гроба преподобного, его благотворный явления довольно рано убедили священноначалие церковное в том, что игумен Савва «божественного света светило незаходимое, чудес лучами всех просвещающее». Есть известие, что при игумене Каллисте (1505 год) у гроба преподобного служили молебны. В рукописи Троицкой лавры, писанной между 1534 и 1547

годами, значит, что третьего декабря совершалась память преподобного Саввы. «В той же день, — сказано там, — Саввы Сторожевского: славословие». — В одной грамоте 1539 года Савва назван чудотворцем. В половине XVI века, по поручению Всероссийского митрополита Макария, инок Маркелл написал житие и службу преподобного Саввы. В этом жизнеописании преподобного Саввы и службе на день его памяти Маркелл употребляет выражения: *святая рука, честные мощи*, и упоминает о покрове: «иже есть на гробе *святаго*».

Наконец, в царствование Алексея Михайловича, при патриархе Иосифе, архимандрите Саввинском Гермогене, обрелись святые мощи преподобного Саввы.

Этому предшествовало умножение чудес от преподобного. Так, в 1651 году Андрей Шахов, царский надсмотрщик за постройкою каменных стен монастырских, впал в лихорадку столь опасную, что отчаивался в своей жизни. Но ему во сне явился преподобный Савва и исцелил его. В том году Саввинский ризничий Филарет пересказал Шахову, что братия часто видит в монастыре преподобных Сергия и Савву, которые ночью ходят по кельям и будят братию к утрени. Одному каменщику монастырскому, унывавшему по случаю смерти матери, около того же времени явился ночью некий юноша и сказал, что он послан преподобным Сергием в монастырь преподобного Саввы помочь тому работнику и утешить его в горе. Много было и других чудес и явлений самого преподобного Саввы, то одного, то вместе с Сергием; — и это было пред самым обретением мощей преподобного.

Относительно самого царя Алексея Михайловича, который, с начала царствования своего, обнаруживал особенное усердие к обители Сторожевской, хранится в обители следующее предание: царь Алексей Михайлович, в свое декабрьское путешествие в монастырь, незадолго до открытия мощей, ходил на охоту в окрестные леса Звенигородские. Когда свита его рассеялась по лесу для отыскания логовища медведя и он остался один, медведь внезапно выбежал из лесу и бросился на него. Царь, видя невозможность защищаться, обрек себя на верную смерть. Вдруг около него явился старец и, с его явлением, зверь бежал от царя. Вопросенный об имени, старец отвечал, что его зовут Саввою и что он один из иноков монастыря Сторожевского. В это время собрались к царю некоторые из его свиты, а старец пошел к монастырю. Скоро пришел в обитель и сам Алексей Михайлович и спрашивал архимандрита о монахе Савве, думая, что это какой-нибудь еще неизвестный ему подвижник, поселившийся в монастыре. Архимандрит отвечал, что в монастыре нет ни одного

монаха, именем Саввы. Тогда царь, взглянув на образ преподобного, уразумел, что это был сам он, велел отслужить молебен и свидетельствовать гроб его.

Открытие мощей совершено торжественно, в присутствии государя, царицы Марии Ильиничны, патриарха, митрополита Новгородского Никона (будущаго патриарха), 19 января 1652 года. Мощи, обретенный нетленными после 245-летнего пребывания в земле, положены на правой стороне в соборе, у южных врат, ведущих к алтарю.

Сопровождавший Антиохийскаго патриарха Макария в Россию диакон его Павел говорит, что в 1656 году, празднуя воспоминание открытия мощей преподобного, царь Алексей Михайлович подвел Антиохийскаго владыку к раке преподобного, отворил ее и показал ему нетленное тело. Государь был поражен этим зрелищем и сказал: «Посмотрите, что за чудный цвет этого чела: самая естественная желтизна и крепость». Он присовокупил: «Когда я вынул святые мощи из земли, чтобы переложить их в раку, я заметил, что выронил зуб, и до тех пор не успокоился, пока не нашел его. В промежуток этого времени я страдал от зубной боли. Отыскав потерянный зуб, я потерял им больно свой зуб, и боль мгновенно прекратилась» (и).

В 1680 году, 7 сентября царь Федор Алексеевич, исполняя обет родителя своего, переложил святые мощи в серебряную позлащенную раку, в которой и доныне они почивают. В 1847 году устроена над ракою новая сень из накладная) серебра, 17 июля 1847 года святые мощи преподобного Саввы, по обнесении их в крестном ходе вокруг собора, поставлены под новою сению. Торжество перенесения и поставления их совершено Филаретом, митрополитом Московским и епископом Дмитровским Иосифом. День 17 июля после того присоединен к числу дней, празднуемых в обители. К этому дню вера сзывает многочисленных поклонников, или благодарящих преподобного за помощь в духовных и телесных нуждах, или просящих и ожидающих сей дивной помощи от богодарованнаго источника исцелений. — В этот день бывают трогательный минуты, когда в продолжение крестнаго хода между монастырем и новою обителью (i) при пещере преподобного, припев: «преподобие отче Савво моли Бога о нас», непрестанно повторяемый клиром и народом, разносится далеко по лесу, где стоят еще некоторые дубы, которые могли служить тению своею для преподобного. Но и кроме этого дня, по времени года особеннаго удобнаго для богомольцев, и других праздников обители, и в простые дни, и летом и зимою, в этой, от больших путей удаленной, обители находятся христороубцы, по желанию которых

гробовой иеромонах служит при мощах молебны, и ежедневно своды древняго храма оглашаются умилительными словами тропаря преподобному, в кратких чертах обнимающими великую духовную жизнь подвижника благочестия: «Пустыни явился еси доброе прозябение преподобие: от юности бо изволил еси чистое житие, духовному твоему учителю последуя, и того учением ум к небесным вперив, и стаду твоему премудр наставник показался еси. Тем и Христос, яко пресветла ты светильника, чудесы обогати: Савво, отче наш, моли спастися душам нашим».

Примечания:

а) Из слова м. Филарета на освящение храма препод. Михея, ученика препод. Сергия.

б) Таким князь Юрий изображен в послании к нему препод. Кирилла Белозерского.

в) Видно, что Юрий и Анастасия в одно и то же время послали одинаковые облачения в две обители, которым благодетворили.

г) По оврагу течет к монастырю речка Развадьня, впадающая в Москву-реку.

д) Князь Юрий родился в 1374 году, следовательно, ему было в эпоху открытия Саввина монастыря 24 года, а при кончине преподобного 33 года; скончался в 1434 году, в супружестве имел княжну Анастасию, дочь Юрия Святославича Смоленского; она скончалась в 1422 году. Дети: Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный.

е) Место ея видно в юго-западном углу.

ж) Преподобный Савва был одним из первых учеников преподобного Сергия, следовательно, пришел в Троицкий монастырь около 1340–1350 года. Если он при вступлении в иноческую жизнь имел около 15–25 лет, то при кончине пр. Сергия в 1392 году ему было более 60 лет; игумен Сторожевской обители сделался он, имея 70 лет, и скончался в 1407 году, приближаясь к 80-летнему возрасту.

з) Икона имеет 1 арш. 3 вершка вышины и 1 арш. ширины.

и) В 1812 г., с 31 августа до 15 октября, французский отряд занимал Звенигород и монастырь, грабительствуя; но в соборной церкви никаких не сделано похищений и повреждений; св. мощи остались неприкосновенными. Предание говорит, что начальник, Евгений Богарне *имел ночное видение*, после которого он запер церковь, запечатал ее своею

печатью и приставил к дверям военную стражу из 30-ти человек.

i) Устроенной иждивением Павла Григорьевича Цурикова.

Л. А. Мей

ИЗБАВИТЕЛЬ

Поэма

Талантливый и забытый ныне Лев Александрович Мей создал поэму под названием «Избавитель», которая была необычайно роскошно иллюстрирована цветными рисунками художника Николая Самокиша в неорусском «васнецовском» стиле в знаменитом издании Н. И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» (1892–1911). Самокиш во всех четырех томах «Царской Охоты» создал 173 иллюстрации! В наши дни это издание считается одним из самых дорогих на аукционах русских книг XIX — начала XX века.

Главной работой Самокиша стало оформление легенды-истории о спасении царя Алексея Михайловича преподобным Саввой Звенигородским.

Поэма Л. Мей подвигла художника на создание самостоятельной лицевой рукописной книги, в которой присутствуют уникальные инициалы, заставки, миниатюры и маргиналии — заметки-рисунки.

Для «Избавителя» были нарисованы 15 миниатюр-иллюстраций. Среди них изображения зверей, включая медведя, вид на Саввино-Сторожевский монастырь, интерьер храма обители с иконой старца Саввы, царский выезд в Звенигород на охоту, приготовления к охоте, а также поединок царя с медведем, чудесное спасение от зверя, монастырская братия и семья государя Алексея Михайловича.

Некоторые рукописные буквенные инициалы Самокиша явно напоминают о традиции Андрея Рублева в оформлении старинных книг.

«Избавитель», иллюстрированный Н. С. Самокишем, выходил также и отдельным изданием.

Как любил Государь, православный Царь,
Алексей-Государь свет Михайлович,
Как любил Государь — больно жаловал
Ту потеху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да любил Государь позабавиться —
Заоблавить в дуброве сохатого,
Аль расправить плечо неподатное

И медведя поднять на рогатину...
Вот и было к весне, о Грачевнике,
Приезжал Государь со боярами
В свою отчину, город Звенигород —
Помолиться Святому угоднику;
В келью стал к самому настоятелю...
Будет так, о полудне, на третий день,
Мужичок и приходит к келейнику:
*«Обошел я медведя для батюшки,
Для Царя Алексея Михайловича,
Там и там: матерой, да породливый,
Только Царской руке и угодливый».*
Доложили Царю — усмехается,
А с самим собой думу думает:
*«Аль пойти — в одиночку помериться,
В молодецкой удаче провериться».*
И пошел... За плечами рогатина,
А у пояса нож златокованный...
И пошел монастырскою пущею...
Видит — тропка проложена по снегу,
И промерзлые сучья надломаны —
«Быть сюда!» И пошел, не задумавшись,
По тропе снеговой, меж березами.
Что ни шаг, то нога оступается,
В снег уходит глубоко, а охабень^[2]
Заметает сугробы, а инеем
Вся бобровая шапка осыпана...
Засветилась полянка... Под соснами
Куча хвороста снегом надавлена,
Белый пар так и валит в отдушины;
Тут берлога... И Царь сноровляется:
У рогатины жало осматривал,
Поясок свой шелковый подтягивал,
С плеч спускал соболиный свой охабень.
И задумал загадку мудреную:
*«Быть — не быть, а свалить косолапого...
Не управлюсь — и Русь не управится,
А управлюсь — навеки прославится».*
И поднял он корягу из-под снега

И ударил корягой по хворосту:
И медведь заревел, индо дерево
Над берлогой его закачалось;
Показал он башку желтоглазую,
Вылез вон из берлоги с оглядкою,
Дыбом встал и полез на охотника,
А полез — угодил на рогатину.
Под косматой лопаткою хрустнуло,
Черно-бурая шерсть побагровела...
Обозлился медведь, и рогатину
Перешиб пополам, словно жердочку,
И подмял под себя он охотника,
И налег на него всею тушею.
Не сробел Государь, руку к поясу —
Хвать!., ан нож-то его златокованный
И сорвался с цепочки серебряной...
Воздохнул Государь — и в последнее
Осенил он себя Крестным знаменьем...
Вдруг скользнула с плеча его Царского
Стопудовая лапа медвежая;
Разогнулись когти и замерли,
И медведь захрипел, как удушенный,
И свалился он на бок колодою...
Глянул Царь — видит старца маститого:
Ряса инока, взгляд благовестника,
В шуйце крест золотой, а десницею
Опустил он топор окровавленный...
Поднялся Государь — нету инока;
Как во сне приходил — и никем-кого
На полянке и между деревьями,
Только зверь околелый валяется, И башка у него вся раскрыта.
Постоял Государь, поглядел кругом
И пошел в монастырь, призадумавшись.
А пришел, все сказал настоятелю
И велел привести честных иноков
Перед очи свои Государевы.
Все пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крепче того призадумался:

«Помощь свыше, десница Господняя!» —
Молвил он и пошел в церковь Божию.
Там на Царское место, у клироса,
Становился и начал молиться
Перед образом светлым Угодника;
Да как глянул на лик Преподобного —
Так и пал на чело свое Царское:
Понял — кто был его избавителем.
На другой день за ранней обеднею
Отслужил он молебен Угоднику
И вернулся к Москве белокаменной.
А вернувшись к Москве белокаменной,
Ко Двору своему златоверхому,
Приходил Государь — не откладывал —
В терема к Государыне ласковой,
Что к своей ли Наталье Кирилловне,
Слезно с ней обнимался-здоровался.
И сажал Государь, ухмыляючись,
На колени меньшого Царевича
Государя Петра Алексеича,
Целовал, миловал, приговаривал:
«Ох, ты, дитяtko, сердце строптивое!
Спозаранок в тебе, мое дитяtko,
Расходилася кровь богатырская —
На румяных щеках заалелася,
В соколиных очах загорелася...
Подрастешь ты, случится безвременье:
Разобидят завистники-недруги,
Аль наступят на Русь, на кормилицу,
И пойдешь ты войною на врагов, —
Не надейся на силу могучую,
А надейся на милость Господнюю
Да попомни ты слово отцовское:
Охраняют Святые Угодники
И Господь благодатью пожаловал
Дом честной Пресвятой Богородицы,
Вседержавную Русь — православную».

Герцог Георгий Лейхтенбергский СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

Этот необычный рассказ написан потомком реального участника событий, приемного сына Наполеона Бонапарта — принца Эжена (Евгения) Богарне. Он основан на семейном предании, передававшемся из поколения в поколение в семье герцогов Лейхтенбергских.

Существуют и другие версии событий, например, связанные с тем — где явился преподобный Савва Сторожевский генералу Богарне: в полевой палатке или в келье Звенигородского монастыря. Мы предлагаем читателю эту версию, тем более что она изложена в достаточно интригующей и доступной литературной форме.

Текст истории публиковался на страницах журнала «Русская старина» (№ 3, 1914). Здесь мы предлагаем его с сокращенной первой частью (о временах царя Алексея Михайловича) по отдельному изданию, вышедшему почти одновременно: Герцог Г. Лейхтенбергский. Семейное предание. СПб., 1914. Текст дается в современной орфографии и редакции.

Автору данной книги приятно отметить, что копия этой публикации начала XX века была прислана ему от матушки Елизаветы, в миру — герцогини Лейхтенбергской, ныне — монахини православного монастыря в местечке Бюси-ан-От, во Франции. К тексту прилагались слова: «Хочу Вас порадовать, что получила копию нашего семейного предания, составленного моим дедушкой, герцогом Георгием Лейхтенбергским, которую прилагаю к настоящему письму... Узнав об этом семейном предании, я была поражена тем, что мой предок Евгений де Богарне получил такое откровение, глубоко запечатлевшееся в его душе. С тех пор я горячо желала приехать когда-нибудь в Россию и поклониться святым мощам прп. Саввы». Сетую на некоторые неточности в современных российских публикациях о произошедшей в 1812 году истории, а также и обнародования текстов воспоминаний потомков герцога, матушка добавляет: «Надеемся, что историческая правда будет восстановлена».

Надежда об исторической правде подвигла и нас на публикацию этого предания в данной книге.

Настала тяжелая для России година нашествия двенадцати языков, началась Отечественная война. Прогредел Бородинский бой, запылала Москва, потянулись во все концы матушки России обозы спасавшихся от

француза жителей Белокаменной.

31 августа 1812 года к высоким, усиленным башнями, зубчатым стенам Саввино-Сторожевского монастыря, расположенного на возвышенном берегу Москвы-реки, после небольшой перестрелки с казаками подошел отряд неприятельских войск: то был авангард 4-го корпуса «великой армии», состоявшего под начальством вице-короля Итальянского, принца Евгения Богарне, пасынка и приемного сына Наполеона.

После Бородинского сражения 4-й корпус, простояв 28 и 29 августа в Рузе, которую авангард его и мародеры, несмотря на сопротивление жителей, жестоко разграбили, выступил оттуда 30-го, следуя к Звенигороду по большой дороге вдоль левого берега реки Москвы, продолжая, как и до Бородина, составлять левую из трех колонн «великой армии».

От Рузы до Звенигорода более 40 верст расстояния; следовательно, штаб корпуса с принцем Евгением, двигаясь не спеша, прошли этот путь в два перехода, и между Рузою и Звенигородом вице-король, несомненно, должен был иметь где-нибудь ночлег; где точно — к сожалению, нам установить не удалось.

Мы знаем только, что 29 августа он еще был в Рузе, где была дневка, и оттуда сохранились письма к его жене, а 31-го он ночевал в Саввином монастыре; следовательно, ночь с 30 на 31-е августа он провел где-нибудь между этими двумя пунктами, и, вероятно, на биваке. Предание, по крайней мере, упоминает, что всё последующее случилось в палатке.

Занимаясь вечером в ней, гласит оно, принц вдруг видит, как приподнимается полог палаточной двери и входит почтенный на вид старец в монашеской одежде, с длинной седой как лунь бородой. «Прими меры, чтобы охранять мой монастырь от разграбления, и тогда ты будешь одним из немногих, которые возвратятся на родину свою здоровыми и невредимыми, а потомки твои будут служить в России». Сказав это, старец исчез^[3].

Опомнившись от удивления, принц стал протирать себе глаза, думая, что заснул и все это было сном; потом вышел из палатки и строго спросил часового, стоявшего у его дверей, почему он впускает без доклада посторонних лиц? Солдат бессмысленно поглядел на своего начальника и ответил, что он никого не пропускал, да никто и не подходил к палатке. И даже угроза посадить его под арест, если он не сознается и не скажет правды, не могла заставить его изменить свое показание. Задумался тогда принц, и решив, что все это сон, он никому не сказал о причине своего гнева на часового, пошел в свою палатку и крепко, мирно заснул.

На утро следующего дня авангард корпуса, с адъютантом принца — Лабомом (*Labaume*) во главе, подступил к Сторожевскому монастырю и, войдя в него, застал там, кроме инок, открывшего ворота, еще только четырех старцев, молившихся в церкви у раки святителя и почивших настоятелей монастыря. На требование незваных гостей открыть свои тайники и выдать продовольствие старцы отвечали, что сами они бедны, едят такую пищу, которую и солдаты французские, вероятно, отказались бы получать, сокровищ у них никаких нет, кроме их церкви и гробницы их святых, и молили оставить им эти святыни, что и было им обещано. В это время прибыл и сам принц Евгений со своим штабом (*Labaume. Campagne de Russie. Livre V, page 156*).

Войдя в церковь (или, по другому варианту, идя к ней по коридору), принц остановился, пораженный, перед изображением старца с длинной белой бородой, в котором узнал своего ночного посетителя! На вопрос его, через переводчика: «чей это портрет», старцы ответили, что это — образ и изображение покровителя монастыря св. Саввы, бывшего некогда иноком их обители.

Удивился тогда принц и, вспомнив вещие слова, тотчас же велел приставить к монастырским воротам часовых, и никого, кроме чинов штаба, туда не пускать и принять строгие меры для наблюдения за тем, чтобы не было никакого грабежа, обид и утеснений обители.

А на следующее утро, приветливо простившись с монахами и оставив караул для охраны их монастыря, он двинулся в дальнейший путь к Белокаменной. И пока, вероятно, эта местность входила в район его корпуса, караул оставался там и охранял монастырь. Таким образом, пожелание ночного посетителя было исполнено. Так говорит предание.

А вот что добавляет в лице Лабомы история. Один из схимников, живущий в убогой землянке, ободренный любезным обращением Лабомы, сознался ему, что говорит по-французски и вступил с ним в разговор. При этом на вопрос посетителя схимник рассказал следующее:

«Французы в громадных силах пришли в русские владения, пришли разорять нашу родину и уже подошли к святому нашему городу, сердцу государства и источнику нашего благосостояния; но они не знают нашего характера и думают, что мы склоним шею под ярмо и что, поставленные в необходимость выбирать между нашими домами и нашей свободой, мы, как уже другие народы, предпочтем влачить оковы, отказавшись от нашей народной гордости, составляющей силу всякого народа. Но нет, Наполеон ошибается: мы слишком просвещены, чтобы ненавидеть его тиранство, и недостаточно развращены, чтобы предпочесть рабство свободе. Напрасно

он надеется понудить нас силою своих несметных армий заключить мир; и тут он ошибается: народ наш кочевой, и сильные царства нашего, имея возможность переселять целые народности, прикажут своим крестьянам бежать в пустыни и дебри, чтобы избежать нашествия и даже, если нужно, уничтожать города и села, скорее, чем отдать их истинному варвару, власть которого нам ненавистнее самой смерти.

Мы знаем также, продолжал он, что Наполеон очень сильно рассчитывает на прежние препирательства между монархом и дворянством; но любовь к родине заглушает все прежние несогласия: он еще надеется вооружить народ против дворян: тщетные старания! Народ, по вере своей, должен подчиняться господам своим и не поверит обманчивым обещаниям того, кто жжет его избы, убивает детей, опустошает нивы и оскверняет храмы; впрочем, не вся ли Европа имеет перед глазами разительные примеры его хитрости? Испания поверила в искренность его союза, и теперь она — одно громадное кладбище! Короновавший его первосвященник, посадивший скромного гражданина на первый в мире трон, получил ли что в благодарность за этот венец? Суровый плен! А ваша родина, которая нам, иностранцам, кажется забывшей породу св. Людовика, какую награду получила она за свою покорность? Лишь постоянные новые налоги для оплачивания царедворцев или для удовлетворения роскоши семейства, жадного на удовольствия. Сверх того у вас бесчисленные изгнания, тайные казни, даже сама мысль ваша окована; целые поколения людей поглощены войной, и матерям вашим остается, наконец, только проклинать свою плодовитость. Вот, сказал мне этот почтенный старец, положение, в которое поставил вас тиран; тиран тем более пустой и противный, что, родившись в темной среде, имея ли одного слугу, он ныне желает покорить под свои ноги весь мир, желает даже королей заставлять ожидать в своей передней. Ах! если бы я не боялся оскорбить величие нашего монарха, которого мы любим, как и он нас, я бы провел параллель между вашим императором и нашим... Но такое сравнение показало бы лишь разительную противоположность и значило бы противопоставлять преступление добродетели».

Затем схимник рассказал французу про пребывание Императора Александра Павловича в Москве, про энтузиазм, проявленный дворянством на его призыв к защите родины, про письмо митрополита Платона и про священную хоругвь Св. Сергия Радонежского, подаренную им армии (ополчению) и пр. Все это глубоко поразило Лабому, и он «проникся уважением к нации, проявляющей в несчастье столько величия, и сам себе говорил: непобедим тот народ, который, оставаясь твердым в своей

нравственности, не падает духом при виде опасности и в сохранении своей веры и обычаев видит собственное свое спасение».

«На следующее утро очень рано мы покинули этот монастырь. Удаляясь, я оглянулся назад и увидел, как первые лучи восходящего солнца осветили верхушки этих высоких стен, долженствовавших ограждать мир и тишину, и которые вместо этого после отъезда нашего подверглись ужасному грабежу»^[4].

Так совпадают в этом случае предание и история в отношении наружных фактов. Остальное известно: принц Евгений действительно один из немногих благополучно возвратился во Францию из гибельного похода, перенеся все ужасы отступления, и первая часть предсказания таинственного старца таким образом оправдалась.

Что касается второй части, то, казалось бы, обстоятельства того времени, и при тогдашней политической обстановке она имела весьма мало шансов оправдаться. Но случилось иначе.

После отречения Наполеона в Фонтенбло в марте 1814 года принц Евгений, сдав, на основании мирного договора с союзниками, Италию австрийцам, прибыл уже как частное лицо в Париж и Малмезон и здесь, у изголовья смертельно заболевшей матери своей, впервые встретился с Императором Александром I, которому очень понравился.

Их притягивали друг к другу взаимные симпатии, которые еще усилились во время Венского конгресса, где Александр Павлович не только поддерживал интересы принца и его семейства перед не расположенным к ним конгрессом, но и тесно с ним подружился: ежедневно можно было видеть обоих друзей гуляющими пешком в статском платье по улицам Вены или катающимися верхом в Пратере. Благодаря дружбе Александра судьба принца Евгения на конгрессе устроилась: он получил признание права на какое-нибудь княжество, в возмещение потерянной для него Италии. Тогда тесть его, король Баварский, предложил ему во владение, за предоставленную ему конгрессом сумму, княжество Эйхштедтское в Баварии, с титулом «герцога Лейхтенбергского» и прочими прерогативами.

Герцог Евгений Лейхтенбергский, поселившись в Баварии, не вмешивался более в политику и только при проездах Императора Александра I через Германию иногда виделся с ним. В 1823 году принц, всеми оплакиваемый, скончался в Мюнхене, и его царственный друг прислал вдове его прочувственное письмо, весьма лестное для памяти покойного.

В другом месте мне, может быть, придется выяснить отношения между Александром и Евгением, а теперь остается сказать следующее.

Старший сын последнего, герцог Август Лейхтенбергский, пробыл пять месяцев в супружестве с королевой португальской, донной Марией да-Глория, скоропостижно скончался от крупозной ангины, и единственным представителем герцогов Лейхтенбергских оказался его брат, герцог Максимилиан^[5].

Этот-то герцог Максимилиан, вступив в брак с дочерью Императора Николая Павловича, великой княжной Марией Николаевной, по желанию своего царственного тестя переселился в Россию, будучи причислен к Императорскому российскому дому. После кончины герцога Максимилиана княжество Эйхштедтское, по желанию Николая Павловича, было продано баварскому правительству, и внуки принца Евгения стали чисто русскими, будучи все уже православными. Так исполнилось вещее пророчество Св. Саввы.

Я не знаю, не помню, от кого я впервые в детстве слышал это предание, но знаю, что и у других членов семьи нашей оно сохранилось в общих чертах именно в приведенной выше форме. Говорят, оно до настоящего времени сохранилось и в преданиях Саввино-Сторожевского монастыря.

Странным может показаться лишь то, что ни сам принц Евгений в своих письмах, ни лица его свиты в своих воспоминаниях не упоминают об этом эпизоде, о котором говорит, кажется, только один француз, барон де-Бай, в одном из своих современных сочинений.

Не нашел я ни слова об этом и в большой переписке жены принца Евгения, принцессы Августы-Амалии, женщины в высокой степени верующей, и которая, надо думать, не преминула бы записать такой странный случай, разве что, будучи ревностной католичкой, находила неуместным вспоминать о православном святом.

Сам принц Евгений, как большинство французов времен революции и Первой Империи, едва ли был глубоко верующим человеком. Молчание его остается, следовательно, объяснить тем, что поверить видению ему было слишком трудно, а с другой стороны, реальность его была, вероятно, настолько велика и настолько подтвердилась виденной в монастыре иконой, что и совершенно отрицать его он не был в силах и поэтому ограничился тем, что рассказал, может быть, про этот случай только своим родственникам, детям и, может быть, лицам свиты, не желая подавать виду, что придает, или действительно не придавая ему особенного значения. Только сыну его, и в особенности внукам и правнукам, пришлось неоднократно вспоминать о необъяснимом видении, столь странно оправдавшемся.

ВНУТРЕННИЙ СКЛАД МОНАСТЫРСКОГО БЫТА НА РУСИ

Эта интересная и доходчивая для современного читателя публикация сделана по изданию: История Русской Церкви. Приложение. И. К. Смолич. Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность (988—1917). М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997. Автор — известный церковный историк, писатель, русский эмигрант начала XX века. Книга была написана им во время пребывания за рубежом.

По уставу, настоятель монастыря в XVI–XVII вв., как и раньше, в XIV и XV столетиях, избирался братией и утверждался епархиальным архиереем в так называемых ставропигиальных (подчиненных непосредственно Патриарху. — К. К.) монастырях, находившихся в юрисдикции патриарха, выбор настоятеля подлежал патриаршему утверждению. При выборе учитывались не только личные заслуги кандидата, строгость его жизни, образование, но и другие обстоятельства: боярское происхождение, способность к управлению имениями. Сохранилось несколько интересных документов, из которых видно, что, выбирая нового настоятеля, братия заключала с ним нечто вроде договора, или, лучше сказать, братия предъявляла ему свой «приговор», который он должен был подписать и впоследствии следовать ему. Часто настоятель был выходцем из другого монастыря. Во 2-й половине XVI и в XVII в. выборы настоятеля братией стали редкостью, обычай этот сохранился лишь в дальних или маленьких обителях. В больших и богатых, а также во всех московских монастырях настоятели назначались по указанию и по воле царя или патриарха. Такого рода вмешательство светской власти во внутреннюю жизнь монастырей случалось и раньше, во времена великого князя Василия III (1505–1533), но особенно укоренилась эта практика при царях Иване IV (1547–1584) и Алексее (1645–1676). Стоглав (глава 86) говорит об этом так: настоятель назначается митрополитом или епархиальным архиереем по прошению братии, с согласия царя. Из множества житий видно, как часто основатели монастырей назначались митрополитом, а впоследствии патриархом.

Хотя упомянутые выше уставы указывают монастырской братии на необходимость послушания воле игумена, в то же время они определенным образом ограничивают власть и инициативу настоятеля; ограничивается эта

власть собором монастырских старцев — советом наиболее опытных пожилых монахов, обычно из 12 человек. В уставе Евфросина этот собор вовсе не упоминается, напротив, в уставе прп. Иосифа собору монастырских старцев отводится важная роль в управлении обителью (главы 13 и 14). Из этих глав видно, что институт соборных старцев действовал параллельно с волей и властью игумена. Строго говоря, собор пока не ограничивал власть настоятеля, но в вопросах монастырской дисциплины имел почти такие же права, как и настоятель, ибо прп. Иосиф предоставляет собору право наказывать братий за нарушения устава и вообще осуществлять надзор за его соблюдением. Эта «конституционная» черта еще резче выразилась в уставе прп. Герасима Болдинского; как уже сказано, по этому уставу соборные старцы могли делать замечания и выговоры настоятелю. О праве соборных старцев указывать настоятелю на его ошибки говорится и в уставе архиепископа Макария, составленном для Свято-Духовского монастыря. Повиновение монаха настоятелю — это нечто совсем иное, чем безусловное послушание инока своему старцу. Может быть, это и было причиной того, что в XVI–XVII вв. старчество не нашло широкого распространения (особенно в киновийных монастырях).

Уравнение в правах настоятеля и соборных старцев несло в себе зародыш раздоров. Мы знаем немало примеров, когда игумен, пытавшийся бороться с нарушениями аскетических требований монастырского устава, терпел поражение, натолкнувшись на сопротивление братии, не желавшей следовать указаниям игумена и отказывавшейся от своих противоречащих уставу привычек. Старец Паисий Ярославов, несколько лет управлявший Троице-Сергиевым монастырем (1479–1482), был вынужден сложить с себя сан настоятеля и возвратиться в белозерские леса. Старец Артемий смог управлять этим монастырем лишь полгода (1551), а затем из-за непослушания монахов сложил с себя настоятельский сан. Прп. Иосиф тоже вынужден был ссориться с братией. Митрополит Даниил (1522–1539) в пору своего настоятельства в Иосифовом монастыре, через несколько лет после кончины Иосифа, тоже испытывал трудности в отношениях с братией и даже составил особое сочинение, в котором объяснял братии основы общежития и оправдывал свои распоряжения. О непослушании братии упоминают почти все сочинения, в которых речь идет о негативных явлениях в монастырской жизни XVII в. Замена выборов настоятеля его назначением, что стало обычным делом в XVII столетии, разумеется, упрочила его положение внутри монастыря, отчасти и за счет соборных старцев.

В соборе монастырских старцев, обычно состоявшем из 12 человек,

участвовали не только старейшие иноки монастыря, но и те монахи, которые несли определенные послушания по управлению монастырем. В первую очередь это был келарь. Его положение в монастыре было особенно ответственным и высоким, в его руках находились все дела, связанные с внутренним монастырским хозяйством, а если у монастыря были земельные владения, то и общий надзор за ними. В связи с таким надзором у келаря (уже с конца XV в.) была судебная власть над монастырскими людьми и монастырскими крестьянами, которую он осуществлял либо сам, либо через своих представителей. В митрополичьей уставной грамоте (около 1500 г.) келарь упоминается сразу вслед за игуменом. Документы Троице-Сергиева монастыря, относящиеся к 1495–1505 гг., говорят о том, что келарю вверено было управление монастырскими имениями, он занимался также приобретением новых имений, обменом и продажей старых. На документах Троице-Сергиева монастыря, касающихся управления или хозяйственных дел, в XVI в. ставилась даже особая келарская печать. Во 2-й половине XVII в. келарь Троице-Сергиева монастыря был одновременно дьяком Монастырского приказа. В больших монастырях всегда была должность келаря. В уставе прп. Иосифа келья келаря указывается в качестве места для проведения совещаний по самым важным делам. В царском указе суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю (1640) очень подробно перечисляются все обязанности келаря: управление внутренним хозяйством и монастырскими владениями, хранение монастырской казны, выдача и прием денег, надзор над своевременным поступлением оброка и исполнением всех повинностей монастырскими крестьянами, надзор над ведением монастырских расчетных книг, судебная власть над монастырскими людьми и монастырскими крестьянами, представительство монастыря в государевых приказах и присутственных местах и т. д.

Во 2-й половине XVI и особенно в XVII в. широко распространена была приписка малых и бедных обителей к большим и богатым монастырям — так называемые приписные монастыри; делалось это малыми обителями для улучшения своего хозяйственного положения и для того, чтобы стать под покровительство влиятельного монастыря, который стремился распространить свои привилегии и на приписанные к нему монастыри. Келарь главного монастыря был лицом, которому принадлежала административная и судебная власть в приписных монастырях, более того, к нему от настоятелей приписных монастырей переходило и право духовного суда.

Собственно ведение монастырского хозяйства — погреб, амбары,

кухня, конюшни, скотный двор — возлагалось на эконома, или ключника, он был ближайшим помощником келаря, которому и подчинялся. Это был пожилой, маститый монах, который избирался братией для этого послушания на определенный срок; вероятно, он тоже входил в число соборных старцев. Ему в свою очередь подчинялись монахи, отвечавшие за разные отрасли монастырского хозяйства: подключник, ведавший погребями и складами, хлебник, трапезник, конюший, ризничий, часто вместе с подризничим и т. д. Для управления монастырскими владениями у келаря тоже был целый штат помощников: подкеларник, посельские старцы, или приказчики. В больших монастырях число монахов, находившихся на определенных службах, было достаточно велико. Например, в XVII в. в Со-лотчинском монастыре (Рязанский уезд) их было не менее 46, в Савво-Сторожевском монастыре — 51, часть из них выполняла разные послушания, в том числе и связанные с богослужением.

В духовном окормлении братии ближайшим помощником настоятеля был духовник монастыря, а в некоторых обителях еще и духовные старцы; духовные старцы были наставниками и духовными отцами послушников и новоначальных иноков. Богослужение совершали в монастырях лишь иеромонахи и иеродиакон; приходские священники (белые попы, или бельцы) служили лишь в женских монастырях, как это установлено было Соборами 1503 и 1551 гг. За уставное совершение служб отвечал экклесиарх (уставщик), это был пожилой монах, искушенный в знании типикона (устава); ему помогали канонарх (головщик) — в больших монастырях было одновременно два или три канонарха, — а также псаломщик, парамонарь (пономарь); были еще будильщик — монах, который будил братию на ночные богослужения, свечник, или свечной старец, — монах, который распределял свечи для богослужений (например, в Страстную седмицу), церковный надзиратель, или церковный старец, который следил за благочинным поведением братии во время богослужения и за соблюдением чистоты в храме, просвирник, звонарь.

Ясно, что число монахов, занятых определенными послушаниями, в больших и малых монастырях было разным; в общежительных монастырях, особенно если они владели обширными вотчинами, довольно многие монахи заняты были в различных отраслях хозяйства. Если их к тому же посылали управляющими или надзирателями в дальние деревни или на предприятия (на мельницы, солеварни, рыбные тони, на вырубку леса), то они совершенно отрывались от внутренней жизни монастыря; хотя они по-прежнему крепко были привязаны к монастырю, но эта связь носила уже не духовно-религиозный, а чисто земной характер — заботы и

попечения об управлении монастырским хозяйством. В маленьких монастырях и пустынях в целом духовный уровень был выше и уставные правила нарушались реже, хотя обобщать это утверждение нельзя. Сама структура монашеского и монастырского быта несла в себе зародыши обмирщения, и возвышаться над общим духовным уровнем могли лишь отдельные подвижники.

Василий Великий

ИЗ ПОДВИЖНИЧЕСКИХ УСТАВОВ

ПОДВИЗАЮЩИМСЯ В ОБЩЕЖИТИИ

И ОТШЕЛЬНИЧЕСТВЕ

Глава 18

К соблюдающим подвижническое правило в общежитии

В сказанном пред сим рассуждали мы, сколько было можно, о подвижнике, взятом отдельно и возлюбившем жизнь одинокую: как ему, приобучая душу к доброму и направляя тело к должному, можно напечатлеть в себе для нас образец совершенного любомудрия. Но поелику большая часть подвижников живут обществами, изоощряя друг в друге мысли об усовершеннии себя в добродетели и чрез взаимное сравнение того, что делает для сего каждый, возбуждая себя к преспеянию в добром; то почли мы справедливым и им предложить словесное увещание. А прежде всего, выразумев великость и важность того блага, какое усвоят себе, должны они так принять сие увещание, чтобы показать в себе усердие и тщательность, достойную добродетели, в какой упражняются.

Итак, во-первых, возлюбив общение и совокупную жизнь, возвращаются они к тому, что по самой природе хорошо. Ибо то общение жизни называю совершеннейшим, из которого исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же общее, и души, и расположения, и телесные силы, и что нужно к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, в котором многие составляют одного, и каждый не один, но в радость многих.

Что равняется сему житию? Но что и блаженнее оно? Что совершеннее такой близости и такого единения? Что приятнее этого слияния нравов и душ? Люди, подвижнившие из разных племен и стран, привели себя в такое совершенное тождество, что во многих телах видится одна душа и многие тела оказываются орудиями одной воли. Немоощный телом имеет у себя многих сострадающих ему расположением; больной и упдающий душою имеет у себя многих врачующих и восстанавливающих его. Они в равной мере и рабы и господа друг другу, и с непреодолимую

свободою взаимно оказывают один перед другим совершенное рабство, — не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающею в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостию производится свободою произволения, когда любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет свободу самопроизволом. Богу угодно было, чтобы мы были такими и в начале; для этой цели и сотворил Он нас. И они-то, изглаждая в себе грех праотца Адама, возобновляют первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества. Они-то суть точные подражатели Спасителю и Его житию во плоти. Ибо как Спаситель, составив лик учеников, даже и Себя соделал общим для Апостолов; так и сии, повинующиеся своему вождю, прекрасно соблюдающие правило жизни, в точности подражают житию Апостолов и Господа. Они-то соревнуют жизни Ангелов, подобно им во всей строгости соблюдая общительность...

Глава 21

О том, что не должно отделяться от духовного братства

Надобно ясно увериться и в том, что однажды вступивший в союз и единение духовного братства не в праве уже отделяться и разлучаться с теми, с которыми стал соединен. Ибо, если вступившие между собою в связи по этой вещественной жизни часто не могут расходиться вопреки сделанным условиям, или поступающий так подпадает определенным за то наказаниям: то тем паче принявший на себя условия духовного сожительства, имеющего неразрывную и вечную связь, не в праве отделять и отторгать себя от тех, с которыми вступил в единение, или поступающий так подвергнет себя самым тяжким наказаниям свыше. Если женщина, которая вступила в сообщество с мужчиною и имеет с ним плотскую связь, как скоро обличена будет в неверности к нему, осуждается на смерть: то во сколько крат более делается виновным за свое отлучение тот, кто, при свидетельстве и посредничестве самого Духа, принят в духовное сообщество? Посему, как телесные члены, связанные между собою естественными узами, не могут отторгаться от тела, а если отторгнутся, то отторгнувшийся член сделается мертвым, так и подвижник, принятый в братство и удерживаемый в нем сочленением Духа, которое крепче естественных уз, не имеет власти отделяться от тех, с которыми стал соединен; или, поступая так, он мертв душою и лишен благодати Духа, как обративший в ничто условия, заключенные при самом Духе.

Если же кто скажет, что некоторые из братии худы (конечно, не

обвинит он всех, потому что не для худого чего вступают в сообщество, чтобы всем согласно быть худыми) — итак, если скажет, что некоторые из братии худы, без осторожности нарушают доброе, не радят о благопристойности, небрегут о строгости, приличной подвижникам, и потому надобно с таковыми разлучиться, то придумал он недостаточное оправдание своего удаления, потому что ни Петр, ни Андрей, ни Иоанн не отторглись от прочего лика Апостолов за лукавство Иуды, и никто другой из Апостолов не обратил сего в предлог к отступничеству, и злонравие Иуды нимало им не воспрепятствовало повиноваться Христу; напротив того, пребывая покорными наставлениям Господа, они ревновали о благочестии и добродетели, не совращаясь в лукавство Иуды. Таким образом, кто говорит: «ради дурных братии принужден я отделиться от духовного союза», тот изобрел неблагоприятный предлог своему непостоянству; напротив того, сам он есть та каменистая земля, которая, по непостоянству воли, не может возрастить в себе слова истины, но, при малом приращении искушения или от неудержимости страстей, не терпит целомудренного жития; и едва возшедший росток учения вскоре иссушается в нем зноем страстей. И он придумывает, по собственному убеждению, пустые и недостаточные предлоги к своему оправданию на суде Христовом, и сам себя легко вводит в обман, потому что всего легче обмануть самого себя; ибо всякий бывает снисходительным к себе судиею, рассуждая, что приятное вместе и полезно...

Глава 22

О послушании — полнее

Показали мы по возможности, что однажды вступивший в единение с духовным обществом должен хранить сие единение неразрывным. А теперь снова займемся словом о по-358 слушании, о котором прежде говорили мы кратко; теперь же изложим свои мысли совершеннее и покажем, какой благопокорности к настоящему требует от подвижников строгое учение, потому что меру сей благопокорности попытаюсь определить из самого Святого Писания.

Апостол Павел в Послании к римлянам повелевает всем властям предержащим повиноваться (Рим. 13, 1), то есть повиноваться властям мирским, а не духовным, что и дает он разуметь в последующем, где говорит об уроках и дани (7) и объясняет, что даже в самой малости противящийся власти противится Богу (2). Посему, если закон Божий требовал от благочестивых такого подчинения начальникам мира сего, получившим начальство по человеческому закону и притом жившим тогда

в нечестии, то какую благопокорность обязан подвижник оказывать начальнику, который поставлен Богом и принял власть по Его законам? Противящийся наставнику не явно ли противится Божию повелению...

Глава 31

О том, что настоятель должен соображать свои приказания с телесными силами подчиненных, и о скрывающих свои силы

Настоятелю нужно обращать внимание на то, чтобы не делать приказаний, превышающих телесные силы, и через это бессильного не довести до прекословия. Он должен, как отец, одинаково расположенный и близкий ко всем, смотреть на телесные силы каждого и сообразно с тем измерять и распределять свои приказания. Но величайшему осуждению подвергнутся те, которые, имея данную им от Бога телесную силу, отзываются, будто не имеют оной, и, бесстыдно обманывая начальников, не повинуются их приказаниям. Ибо, если настоятель навлекает на себя великую и нестерпимую беду, когда скроет талант слова и не будет наперед объявлять каждому о мече, грядущем на грех, то несравненно большую беду навлечет на себя тот, кто, получив от Бога телесную силу для пользы общей, не употребит ее в дело и скроет.

Глава 32

О том, что братья не должны огорчаться, когда слабосильным оказывается пощада

Братьям не должно огорчаться и досадовать, когда настоятель поручает слабосильным служение, соответствующее их силам, и по требованию нужды оказывает им пощаду: а напротив того, более сильным надобно щадить имеющих нужду в пощаде, как немощные члены, и таким образом исполнять долг духовной любви. Ибо и нога в теле не восстает против руки, не принуждает ее к своим делам, и целая рука не накладывает на мизинец тяжести своей работы: но каждый член действует тою силою, какую получил от природы, поддерживая члены слабые...

Глава 33

О том, что настоятели не должны давать воли подвижникам, оставляющим свое собрание, и принимать их в общежитие

Начальствующие над духовными обществами должны действовать в духе взаимного доброжелательства и, заботясь друг о друге, не разорять того, что устроено другими, и не принимать просто и без разбора тех, которые оставляют другие братства. Ибо это есть совершенное

замешательство, расстройство и разрушение духовного дела. Так, разумнейшие из братии твердо пребывают в добре, удерживаясь страхом Божиим; а ленивые и беспечные ведутся и направляются к добру стыдом человеческим и нуждою, налагаемою от людей: посему, если беспечный увидит, что ему можно без страха убежать от трудов, назначаемых в избранном им однажды обществе, перейти в другую обитель и жить там без опасения и невоздержно, то он легко оторвется от союза, и поспешно принимающий его будет виновен в его гибели. И когда это зло размножится, то и хорошо живущих нередко будет совращать с прямого и правого пути, и гибель всех их соберется на главу того, кто подает повод к таким поползновениям. Итак, чтобы не случилось сего, будем отступающих от своих братии вразумлять и возвращать туда, откуда они вышли; если же не послушаются нас, будем беречься и отвращаться от них, избегать встречи с ними, и это же внушать и всем братьям...

...Отлучка брата из обители тогда только остается непердосудительною, когда это бывает по определению настоятеля для устройства дел монастыря...

Глава 34

О том, что подвижник, живущий в братстве, не должен приобретать чего-либо мирского в собственное свое владение

Подвижник, вступивший в описанное нами общество, должен быть свободен от всякого приобретения в собственность вещей мирских. Ибо, если не исполняет сего, то, во-первых, нарушает строгость общежития приобретением собственности, а сверх того сам на себе представляет сильное доказательство своего неверия, как не доверяющий Богу, что Он пропитает собравшихся во имя Его...

Печатается по изданию: Творения свт. Василия Великого. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1911.

Павел Алеппский

ПУТЕШЕСТВИЕ АНТИОХИЙСКОГО

ПАТРИАРХА

МАКАРИЯ В РОССИЮ В ПОЛОВИНЕ XVII

ВЕКА

В 1656 году Россию посетил Патриарх Антиохийский Макарий III. Он был по происхождению араб. И был возведен на Патриарший престол в 1648 году. В Москве Макарий III участвовал в Московском Церковном Соборе. В процессе поездки сын Патриарха — архидиакон Павел Алеппский — вел записи почти всех происходящих с ними событий. Теперь это уникальный исторический документ эпохи, написанный талантливым хронографом. Записи сделаны были на арабском языке. В XIX столетии был осуществлен их перевод на русский.

Главное, что здесь отражены встречи гостей с царем Алексеем Михайловичем и посещение Саввино-Сторожевского монастыря. Они представляют большой интерес и для современного читателя.

Приводится по изданию: Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (М., 1898).

Этот царь (Алексей Михайлович. — К. К.) недавно отстроил заново монастырь, находящийся к северо-западу от города, в расстоянии сорока верст, на берегу реки Москвы. Он во имя святого Саввы Нового, одного из их святых. Царь всю душу положил на его построение, дабы сделать его подобным монастырю Троицкому, — и все это по любви своей к церквам, монастырям, монахам и всему священному чину. На этой неделе, в четверг 17 января, он отправился туда на богомолье со всеми своими боярами, чтобы отпраздновать там память этого святого и годовщину обновления монастыря, что приходится 19 числа этого месяца.

Еще перед его отъездом наш владыка Патриарх подал ему челобитную с просьбою о дозволении ему посетить некоторые монастыри, в том числе и его монастырь, и царь дал ему на это разрешение. Прибыв в Саввин монастырь в пятницу, он вспомнил о нашем владыке Патриархе и тотчас послал гонца к министру с приказанием — немедленно снарядить нашего

владыку в ту же ночь, в надежде, что он успеет к праздничной обедне в субботу. Министр назначил пять человек стрельцов, которые должны были ехать перед нами. Переводчики привели для нас подводы, а для нашего владыки Патриарха — царские сани, запряженные вороными лошадьми, и, кроме того, еще заводных лошадей. С нами было назначено ехать одному из переводчиков и толмачу. Мы выехали из города после четвертого часа ночи, надеясь успеть к обедне. Впереди нас ехали с фонарями. До рассвета мы проехали 25 верст и остановились в одном из селений, которые следуют одно за другим от города до монастыря, — остановились, чтобы немного согреться, так как был сильный холод и шел снег, и чтобы дать отдохнуть лошадям.

Затем мы поднялись и проехали остальные 15 верст, а всего сорок. Когда мы доехали до монастырского посада, отстоящего от монастыря на три версты, царь прислал одного из своих вельмож с несколькими людьми с поклоном нашему учителю и поздравлением с приездом, а спустя немного времени прислал с поклоном еще одного из своих приближенных.

Монастырские стрельцы, стоящие там стражей, были выстроены в ряд по обе стороны дороги на протяжении версты. Между тем царь беспрестанно присылал своих вельмож, одного за другим, с поклоном и приветствием от своего имени, пока мы не доехали до монастыря. Здесь перед воротами высадили нашего владыку из саней и, поддерживая его под руки, повели вверх. Навстречу к нему вышел архимандрит в облачении и митре, со всеми своими иереями и диаконами. Наш учитель, помолившись на надвратные иконы, поклонился кресту, который был у них на блюде, приложился к нему и благословил им архимандрита. Последний взял владыку под руку. Когда мы поднялись по лестнице ко вторым воротам, — ибо монастырь на вершине горы и окружен стеной, — вышел сам царь навстречу нашему владыке и поклонился ему, а наш учитель благословил его крестом. Царь взял нашего учителя под руку справа, а архимандрит слева, и они ввели его на монастырскую площадку, а затем в церковь. Между тем колокола гремели с самого нашего приближения к монастырю. Мы не застали обедни, ибо было около полудня. Войдя в церковь, наш владыка приложился, по их обычаю, ко всем иконам церкви и к мощам святого Саввы Нового, которые положены в серебряно-вызолоченной раке, находящейся в углу церкви, направо, в помещении, похожем на место, где хранится Риза Господня, с куполом и медной загородкой, со сквозной резьбой кругом и слюдяной подволокой. Потом он благословил царя вторично, и они приветствовали друг друга через переводчика. Царь, уходя, велел отвести нашего учителя в покои царицы, находящиеся насупротив

южной стороны церкви; помещение же царя находится против северной стороны ее. В царицыных покоях мы и остановились.

Царь поднялся в трапезную, чтобы лично угостить отцов монастыря по случаю праздника. Смотри, читатель, какие чудесные и удивительные дела Бог сподобил нас видеть и как необычайно смирение царя! Именно он сам до конца трапезы прислуживал всем монахам до последнего, а они сидели, ели и пили. Царь прислал одного из своих министров пригласить нашего владыку Патриарха и, когда мы поднимались по лестнице трапезной, сам лично вышел встретить нашего владыку наружу и поклонился ему; владыка благословил его, и царь, взяв его под правую руку, ввел в трапезную. Пропев, по обычаю, «Достойно есть» перед иконами, владыка помолился на них; царь подошел, поклонился, и владыка вторично благословил его. Они оба сели за одним столом, а вельможи и приближенные царя отдельно — за другим, с левой стороны; мы же с отцами монастыря — за особым столом справа. Был поставлен стол для нищих, слепых, калек и иных на полу перед царем, и он прислуживал им все время пищей и питием до последнего. Иереи пропели застольную молитву. Нашему учителю поднесли Панагию, и он поднял Ее, по их обычаю, в честь Святой Троицы, раздробил на части и дал от нее царю, а я, пишуший эти строки, обошел с блюдом, раздавая Ее всем вельможам и священникам. Когда благословили стол и сели, начали подавать блюда с яствами, часть которых царь передавал нашему учителю, дабы он роздал их, по обычаю, кому пожелает из государственных сановников.

В этот день царь много и дружески беседовал с нашим учителем, причем обнаружил подробное знакомство с его делами о причинах его отъезда из своего Престола и стремлении к нему, царю, вследствие большой нужды — как будто царь был свидетелем его обстоятельств с начала до конца. Всего больше удивили нас следующие его слова: «Я знаю, что главной причиной твоего отъезда из Престола были зло и огорчения, причиненные твоей святости злополучным митрополитом Миры, в воздаяние за твои благодеяния ему». Наш владыка Патриарх был очень изумлен этими словами, и мы потом подумали про себя: «Кто сообщил и сообщает царю об этих делах?» Но от царей не может скрываться никакая тайна...

От начала трапезы до конца царь не переставал беседовать с нашим владыкой. Под конец, жалуясь ему на смерть монахов этого монастыря во время моровой язвы, он сказал: «Дьявол позавидовал мне; по моим великим грехам умерли монахи моего монастыря, ибо раньше их было более трехсот, а теперь осталось только сто семьдесят». Посмотри, брат, на

этого царя и на эти слова: он горевал о смерти монахов и об их малочисленности! Какая благословенная душа! Какая чистая отрасль! Царь, столь высоко стоящий, оплакивал смерть монахов! Поистине, его ум и помыслы погружены в созерцание и пребывают в небесных, а не в земных делах. Какое счастье и какая радость нам, что мы видели и слышали эти чудесные, удивительные вещи, о коих потом будем рассказывать!

Затем стол убрали, и наш учитель опять поднял Панагию. Певчие пропели многолетие, и царь, по обыкновению, стал раздавать кубки с напитками всем присутствующим за здоровье Московского Патриарха (Никона), причем стоял на своем месте, а стольники подносили ему кубки. Все, получившие их, кланялись царю сначала и потом. Певчие пропели многолетие своему Патриарху. Наш учитель возгласил пожелание всех благ царю; ему пропели многолетие, и наш учитель первым выпил здравицу за царя из особого кубка и передал его царю. Стольники начали подносить нашему учителю кубки с медом, и он раздавал их всем присутствующим...

Когда наш учитель окончил раздачу кубков, пропели многолетие царю и потом нашему владыке, по приказанию царя. Царь начал тогда раздавать заздравный кубки за нашего учителя всем присутствующим, к большому удовольствию. Он подозвал и меня, чтобы дать мне выпить; по обычаю, я сделал ему земной поклон и, приняв чашу из его рук, причем поцеловал у него правую руку, вернулся на свое место, идя задом, и выпил вино, после чего вторично поклонился ему; он опять подозвал меня и много говорил со мной через переводчика. За это время я успел выучить по-русски ектению, то есть «миром Господу помолимся» до конца, «рцем вси» и пр. Не знаю, кто сообщил ему об этом, но он мне сказал: «Прошу тебя прочесть завтра для меня ектению и Евангелие по-русски», — ибо я уже начал читать русские книги. Я, тая в своем соку от смущения и великого почтения пред царем, обливался потом (обильным), как море, и мог ответить ему только: «Приказание царя будет исполнено».

Когда царь кончил раздачу кубков, пропели многолетие ему и Патриарху Антиохии и всего Востока. Также пропели многолетие и пили за здравие царицы, ее сына и всего царского дома, причем один раз наш учитель, пока не кончили, причем они, по обыкновению, стояли на ногах. В заключение наш владыка прочел «Достойно есть» и благословил царя, который, взяв его под руку, вышел с ним из трапезной и послал всех своих вельмож проводить его до келлий.

Вечером зазвонили в колокола, мы отстояли с царем малое повечерие и вышли. В десятом часу ночи ударили ко всеобщему бдению. Мы вошли в

церковь. Пришел царь, приложился к иконам и подошел к нашему учителю, который его встретил и благословил, после чего царь стал близ места, где рака святого; он не имел для себя сиденья, а только под ноги ему положили род подушки из соболей, по царскому обычаю. Он приказал разостлать ковер подле себя, и наш учитель стал с ним рядом, близ дверей церкви; я же стал по левую сторону от него сзади, а наши товарищи, по своим степеням, стали слева от церковных дверей. Начали пение вечернего псалма и прочих молитв неспешно и протяжно. После входа и прохождения архимандрита с прочими иереями и диаконами и после «Спаси, Господи, люди Твоя» наш учитель прочел положенную молитву. Затем кончили службу, и чтец начал первое чтение из жития святого, сказав по обычном начале: «благослови оче» («благослови, отче». — К. К.), как обыкновенно говорят настоятелю. В это время царь сидел на кресле, а наш учитель на другом...

Когда началось чтение, царь велел всем присутствующим сесть. С начала службы до конца он учил монахов обрядам и говорил, обходя их: пойте то-то, читайте такой-то канон, такой-то ирмос, такой-то тропарь, таким-то гласом. Если они ошибались, он поправлял их с бранью, не желая, чтобы они ошибались в присутствии Патриарха. Словом, он был как бы типикарием, то есть учителем Типикона, уставщиком, обходя и уча монахов. Он зажигал и тушил свечи и снимал с них нагар. Во время полиелея он попросил нашего учителя войти в алтарь и надеть полное облачение, по их обыкновению. Так он (Патриарх) и сделал: мы облачились, и его облачили в алтаре, и вышли.

После «Блаженны» наш учитель встал на возвышение, приготовленное для него в нарфиксе (притворе). Монастырские иереи, числом до пятнадцати, и десять диаконов вышли попарно; перед входом и после выхода (из алтаря) они кланялись царю и нашему владыке Патриарху и размещались кругом него в обычном порядке. Затем поднесли нашему Патриарху свечи, из коих одну вручили царю, другую — архимандриту монастыря, остальные царь роздал вельможам и прочим служащим, и начали пение полиелея. Наш владыка Патриарх, сойдя со своего места, совершил каждение. Когда окончили, вошли в алтарь и сняли облачения. Но царь попросил нашего владыку Патриарха не разоблачаться, пока не прочтет Евангелия утрени.

Так и было. Затем мы сняли облачения, и наш учитель, войдя, стал на своем месте. С начала службы и до конца царь не переставал вести с ним беседу и разговаривать. Потом царь, войдя в алтарь, попросил меня показать ему Служебник литургийный, который мы имели с собой. Он

дивился на его изображения и письмо, перелистывая его лист за листом, и, выйдя к нашему учителю, сказал ему с поклоном: «Прости меня, что я рассматривал твой Служебник и перелистывал его без твоего позволения». Затем царь опять позвал меня к себе; я поклонился ему сначала и потом поцеловал его правую руку. Он сказал мне чрезвычайно ласково и посмеиваясь: «ка-вари, кавари!» — то есть говори со мной. Я же, растопляясь в своем соку и трепеща пред его величием, отвечал: «ни знай бо руске» — то есть не знаю по-русски. Он был очень доволен мной и, ласково ободряя меня говорить, попросил прочесть Евангелие и ектению по-русски. Я отвечал ему с поклоном: «Все, что знаю, скажу». Он сказал: «Добро». Я поклонился и отошел назад, представляя из себя кладезь пота.

Мы вышли из церкви только на заре и поздним утром возвратились к обедне. Мы облачили нашего владыку Патриарха на упомянутом возвышении, и, когда пришел царь, владыка сошел встретить его. Царь, приложившись к иконам, подошел и поклонился владыке, а он осенил его крестом, и царь пошел и стал на своем месте. Начали Часы до отпуста; при начале (обедни) я произнес ектению по-русски таким образом, что привел (всех) в изумление: чтение московитов — басистое, грубое, а я возгласил ектению тонким греческим напевом, так что царь немало изумлялся и дивился на меня. Певчие при каждом прощении обыкновенно поют «Господи, помилуй». Царь не позволил им возвышать голос, дабы различать, что я говорю, и, как мне сказали потом присутствующие, кивал головою с видом удивления. Когда я кадил во время Апостола в Царских вратах крестообразно, то, не зная, что они имеют обыкновение кадить прежде всего месту, где мощи святого, я кадил сначала царю, а он показал мне пальцем со своего места, давая знать, чтобы я кадил сначала месту святого. Я смутился, сделал так, а ему кадил после. Затем я вышел и прочел Евангелие на воскресенье — Закхея, по-гречески, а святому, именно Евфимию Великому, — по-арабски. Я уже выучился передавать его по-русски, но, стесняясь царя, не мог (прочесть как они) по незнакомству с их басистым и протяжным напевом. Это случилось к лучшему, ибо царь очень дивился моему чтению на трех языках; потом (я читал) по-грузински. Я окончил чтение Евангелий. После этого архидиакон обыкновенно подносит Евангелие, чтобы приложиться, сначала Патриарху, а потом — царю; но я, в эту минуту смущения и трепета, направился прежде всего к царю, а он знаком показал мне, чтобы я шел сначала к Патриарху, что я и сделал, и, возвратившись к царю, поднес ему Евангелие приложиться, причем поцеловал его правую руку. Я с трудом мог нести Евангелие вследствие его тяжести и большого размера, при обилии золота и крупных драгоценных

каменьев: изумрудов, голубых яхонтов, рубинов, алмазов и пр. Отделка его приводит ум в изумление; говорят, оно стоит 3500 динаров (рублей). Когда я подносил Евангелие царю приложиться, то оробел пред его величием, и руки у меня не могли двигаться. Потом я возгласил ектению «Рцем вси» также по-русски, и все дивились на меня, что я в последовательном порядке произнес имя царя с его титулом, по их обычаю, имена царицы, их сына, трех царевен — дочерей царя, и трех царевен — его сестер, свободно, без запинки и без ошибки. Кончив, я вошел в алтарь...

Потир, все три дискоса, звезда и лжица, употребленные в этот день, были из чистого золота с резьбой, с черным, выжженным фоном (с чернетью), и осыпаны множеством драгоценных каменьев. Когда мы выходили на Великом входе, каждый из служащих поминал своего Патриарха, нашего и царя, а также всех нас (православных христиан). После обедни наш владыка вышел и подал царю ан-тидор и просфору, а также роздал его всем присутствующим. Затем мы вошли в алтарь, разоблачились и вышли.

Царь, взяв нашего учителя за правую руку, подвел его к раке святого, открыл ее и показал ему (мощи), и он приложился к ним; при этом царь с удивлением говорил: «Посмотри, какой прекрасный цвет этого черепа: истинно он желт и тверд»; и продолжал: «Когда я вынул мощи святого из земли, чтобы положить их в эту раку, я заметил, что потерялся один коренной зуб, и я не переставал искать его, пока не нашел. В то время у меня болели зубы, и я потерял им, и они тотчас исцелились».

В этот день произошел необыкновенный случай, а именно: диакон митрополита Миры, о заточении которого мы раньше говорили, сосланный царем в этот монастырь, где он пребывал в полном довольстве, — не знаем, в чем он провинился и за что Патриарх Никон запретил ему служить, — в этот день, поздним вечером, явился к царю, поклонился ему земно и просил дать ему разрешение служить обедню на другой день. Но царь отказал ему и ответил: «Боюсь, что Патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: «Возьми его и паси моих монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем же ты мне ставишь препятствия по отношению к монахам и священникам?» Услышав эти слова от царя, мы изумились и подивились такой вере, благочестию и почтению к архиереям.

Возвращаемся к рассказу. Когда мы вернулись из церкви в свои кельи, царь прислал через одного из своих министров приглашение нашему владыке Патриарху к столу в его помещение (покои). Царь вышел встретить его на площадку двора и, взяв под руку, ввел внутрь и посадил

подле себя. Он лично вышел наружу пригласить меня, назвав по имени, я же, архидиакон, трепеща из почтительного страха перед царем, стоял вне; он взял меня за руку, — а я, смущенный и дрожащий, поклонился и поцеловал у него руку; ввел меня и посадил насупротив себя вместе с иереями, нашими товарищами, за особым столом, причем непрестанно посылал нам кушанья и напитки до окончания трапезы. Наш владыка Патриарх, подняв Панагию, дал от нее царю и сам взял, я же роздал ее всем присутствующим. Мы оставались за столом недолго, только два часа; мясных яств вовсе не было, ибо, как мы сказали раньше, у царя есть обычай: когда он бывает в каком-либо монастыре и садится за стол с архиереями, то не вкушает мясных яств перед ними, но довольствуется рыбой и монашескими кушаньями.

Царь встал, роздал из своих рук кубки, по обычаю, причем называл меня по имени каждый раз, как подавал мне кубок, и вышел проводить нашего учителя на монастырский двор, поддерживая его под руку, и возвратился, послав с нами двоих из министров, чтобы показать нам весь монастырь.

Монастырь Святого Саввы меньше Троицкого, но построен по его образцу. Как тот я называл бы женихом, так этот — невестой, и поистине это так, как мы видели своими глазами.

В монастыре четыре церкви. Великая церковь (собор) в честь Рождества Богородицы, древняя, существует со времен святого Саввы. Первоначально монастырь был малый и деревянный, но царь прекрасно возобновил и отделал церковь. Она имеет с западной и северной сторон двери из чистого железа. В ней царские иконы, приводящие в изумление своей искусной работой, позолотой и превосходной разноцветной эмалью, в особенности, икона святого Саввы. Кругом вся из каменного хрусталя (слюды), в конце которой (церкви Рождества Богородицы), с южной стороны, есть (еще) небольшая придельная церковь, во имя святого Саввы. Купол собора и купол этой церкви покрыты удивительной блестящей позолотой. Третья церковь в большой башне, что над монастырскими воротами, также придельная, во имя святого Сергия, основателя Троицкого монастыря. Что касается четвертой церкви, то о ней расскажем потом в этом описании.

Возвращаемся (к описанию событий). После того как мы осмотрели все стены кругом, нас свели вниз во двор монастыря и повели в монастырскую трапезную, огромную, удивляющую своей стройной архитектурой, величиной, простором и обширностью своего изумительного свода; она не имеет подобной себе ни в описанном монастыре Святой

Троицы, ни в знаменитом Новгородском монастыре Святого Георгия. Она имеет кругом окна со стеклами; все углы ее связаны железом, и такие же связи идут от арки до арки. Вся она утверждена на одном столпе, но толщина ее фундамента и стен огромна. Удивительно искусство ее постройки и ее архитектура! Она построена посреди монастырского двора. Когда клали ее основание, то устроили в нижней ее части... погреб монастырских напитков, — это первый этаж; над ним — второй этаж, где помещается монастырская кухня, кругом которой идут келлии для служителей. В них множество печей, которые, равно как и трубы от кухонной печи, все искусно проведены по стенам и выходят в трапезную, которая поэтому зимой всегда бывает теплою. Третий этаж — помещение трапезной; переднюю часть ее занимает пятая малая церковь, еще не достроенная во имя святого царя (князя) Владимира. Потом повели нас в четвертый этаж, находящийся над всем остальным (помещением), одинаковой величины с трапезной; он называется монастырской казной и имеет кругом многочисленные окна. Утверждают, что если даже монастырь будет осаждаем несколько лет, то одежды, облачения, редкостные украшения, мебель, материи, ему принадлежащие, не пострадают от плесени, моли и пр., ибо под всем потолком здания сделан переплет из железных и деревянных балок, и на них расстилают одежды, ковры и облачения: воздух постоянно проникает в изобилии через окна, и вещи не портятся. В углу этого помещения есть тайник для сокрытия золота, денег, серебра, драгоценностей и пр. Одним словом, устройство этих четырех этажей не имеет себе подобного нигде; снизу доверху это как бы огромная четырехугольная башня или большая крепость. Потом повели нас вверх по лестнице, длиною около ста ступеней, на три новые колокольни, которые своей красотой, архитектурой и стройкой превосходят колокольню столицы. Помещение для часов находится близ колоколов, отдельно и выше их, а помещения для колоколов — друг над другом, но до сих пор еще ничего в них не повешено. Все эти строения скреплены железными полосами и стержнями от стены до стены и от угла до угла. Сойдя отсюда, мы осмотрели монастырские ворота. Как мы сказали выше, монастырь расположен на вершине горы, поэтому к нему ведет лестница, удивительно устроенная.

Затем царь прислал к нам других бояр, чтобы показать нам монастырское казнохранилище с его сокровищами. Слушай, брат мой, и дивись! Царь сделал прибавку к постройкам монастыря, в отличие от всех других монастырей, утроив новое здание, а именно: в одном углу монастыря он построил помещение в виде отдельного монастыря с

особыми воротами и многочисленными келлиями, кои сообщаются друг с другом и приспособлены для лета и зимы. Среди них церковь во имя святого Иоанна, сочинителя (монашеской) Лествицы добродетелей. Это помещение (то есть «отдельный монастырь») устроено для увечных, слепых, недвижимых и пораженных заразною болезнью из числа монахов этого монастыря, ради доставления им большего спокойствия и ухода. Царь поставил им игумена из их среды и такого же келаря, назначил служителей не из них, а иереев — из их числа, чтобы совершать для них службы. Нас привело это в изумление. Мы дивились святости царя, его смирению и любви к монастырям, священникам и монахам. Он назвал это место «успокоением больных», как сказано в синаксаре. При виде этого мы много плакали. Царь был в это время в церкви, где архимандрит служил для него молебен. Когда мы вышли, он прислал звать нас к себе и спросил у нашего владыки Патриарха, понравился ли ему монастырь и его постройки. Услышав от него похвалы и видя его большое удивление, он сказал ему: «Батюшка, всего удивительнее то, что вся эта прекрасная постройка была окончена в два года; это — большое чудо!» Царь очень любит этот монастырь: как он рассказывал, ему раньше было чудо от святого, и по этой причине он всецело предан устройению монастыря. Теперь я все разузнавал о стоимости его постройки, пока, наконец, не пригласил к нашему владыке Патриарху того вельможу, на которого была возложена постройка, и его секретаря, и с трудом они признались по секрету, что сумма, истраченная на постройку этого монастыря, составляет по записям 378 тысяч динаров (рублей), а постройка еще не кончена. И это неудивительно, ибо, как мы видели своими глазами, монастырь представляет большую крепость, которая поразила нас изумлением.

Возвращаемся к рассказу. Царь, взяв нашего учителя под руку, повел его, чтобы он благословил братьев Христовых и прочел молитву над ними, то есть над расслабленными и больными монахами этого монастыря. Они еще находились в прежнем своем помещении, насупротив дверей (соборной) церкви, в деревянных домах, и царь еще не перевел их в новый их монастырь, так как он недостроен. Царь ввел к ним нашего учителя. Войдя, мы от сильного отвратительного и зловонного запаха не могли оставаться в этом помещении и смотреть на больных, царь же попросил нашего учителя прочесть над ними молитвы, дабы они исцелились, а по прочтении молитвы благословил их. Всякий раз, как наш владыка благословлял кого-либо из них, царь подходил к нему вслед за ним (Патриархом) и — о удивление! — целовал его в голову, уста и руки, и так (всех) до последнего. Мы были поражены... при виде такой святости и

смирения, тогда как нам хотелось убежать отсюда.

Недостаточно было этого царю: он ввел владыку в келлию, находящуюся внутри этого помещения, где был больной, который, по словам его, уже восемь лет не владеет ногами: его ударило санями и разбило ему ноги. Он постоянно просит себе смерти; и когда царь, войдя к нему, спросил о его положении, тот стал молить о смерти. Царь с упреком прикрикнул на него и сообщил нашему учителю, что в этой келлии было трое страдальцев, (из коих двое) умерли на его глазах, и остался (один) этот. Царь попросил нашего учителя помолиться над ним, и он прочел над ним несколько молитв, прослезившись. Удивление царя к нашему владыке еще более возросло, и он потихоньку поманил рукою своих вельмож, обращая их внимание на святость нашего учителя, его слезы и смирение. Затем (Патриарх) утешал его (болящего) и успокаивал, говоря ему, чтобы он благословлял Господа за эту милость, ибо он испытал его и избрал, как испытывается золото в горниле и пр. Царь, коего восхищение еще более увеличилось, подошел к больному и поцеловал его в голову, уста и руки, к нашему изумлению. Нам не верилось, — когда мы вышли отсюда, — что мы избавились от ужасного запаха, который там господствует.

Царь, по-прежнему поддерживая под руку нашего учителя, вывел его наружу, выражая ему свою благодарность. Как нам сказал впоследствии его великий визирь (приближенный боярин), царь возымел великую веру к нашему учителю и почувствовал большое удовольствие; по словам визиря (этого вельможи), царь сказал: «Я желаю золотыми буквами написать на воротах этого монастыря время прибытия в него владыки Патриарха, освящения им монастыря и благословения царя».

В этот вечер царь вознамерился отправиться из монастыря, и все монахи стали на пути его в ряд до монастырских ворот. Его казначей приготовил уже копейки в бумажках, и царь собственноручно роздал иереям по шести динаров, диаконам — по четыре, а простым монахам — по три, не забыв и нищих. Простившись со всеми, он попросил нашего учителя прочесть над его головой молитву и преклонился перед ним, став на колена. Владыка много молился над ним, царь встал и, когда он благословлял его в первый раз, сказал ему: «другой» — то есть вторично, и он благословил его вторично, царь сказал: «три» — то есть третий раз, и он благословил его третий раз. Царь поцеловал его на прощанье и, уходя, сказал: «Поезжай, когда хочешь». Архимандрит и монахи проводили его за ворота, где он сел в экипаж и уехал, а мы вернулись к вечерне. Царь, проехав 15 верст, ночевал также в (другом) монастыре.

После вечерни явились архимандрит, келарь и казначей и поднесли от

имени царя милостыню монастырскую нашему владыке Патриарху в виде вознаграждения за его (молитвенный) труд и обедню, им отслуженную: четыре сорока соболей, золотой образ святого (Саввы), позолоченную чашу, атлас, большие хлеба, бочонки с напитками, соленой и свежей рыбы для дорожного запаса.

В понедельник, рано поутру, после заутрени, мы помолились на прощанье в церкви и приложились к мощам святого. Монахи простились с нами и проводили за монастырь, а двести монастырских стрельцов сопровождали нас на расстоянии около 30 верст. Мы ехали по Москве-реке, так как она течет с восточной стороны от монастыря, по направлению к столице, терпели холод, при ветре и обильном снеге, и видели на дороге замерзшего человека, который стоял на месте, — страшно было смотреть на него! Вечером мы прибыли в город.

Царь же приехал только во вторник, поздним вечером, потому что ездил на поклонение в третий монастырь. Что скажешь об этом человеке или, вернее, ангеле? Царь целый год находился в разлуке с женой и не стремился к ней, но весь свой ум и помыслы направляет на посещение монастырей, церквей и монахов. Я дивился, как он мог спать вдали от своего дома. Несомненно поэтому, что Творец исполнит все желания его сердца и вознесет его на высочайшую степень...

О КОЛОКОЛАХ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Полный перечень колоколов, которые, как известно, принадлежали Саввино-Сторожевскому монастырю в Звенигороде

1. Старинные колокола (не сохранившиеся):

весом 24 гривенки (9 кг 830 г) существовал до 1667 года. Его «променяли» на другой колокол весом в 26 гривенков;

весом 26 гривенков (10 кг 650 г), появился на звоннице в 1667 году в результате обмена;

весом 16 фунтов без четверти (6 кг 450 г), куплен для трапезной в 1667 году;

весом 10 пудов (164 кг), известен, как похищенный французами в 1812 году;

весом 13 пудов (213 кг), также похищен французами в 1812 году;

весом 16 пудов 22 гривенки (271 кг), был отлит в 1657 году в Москве «государевым пушечным и колокольным мастером» Александром Григорьевым;

весом 29 пудов (475 кг), отлит в 1620 году иждивением царя Михаила Федоровича, перелит из-за трещины в 1777 году по распоряжению Московского митрополита Платона с увеличением веса; новый вес — 64 пуда 10 фунтов (1052 кг);

упомянуты два колокола с неизвестным весом, отлитые иждивением царя Михаила Федоровича — в 1620 и 1636 годах (возможно, что мастером Кириллом Самойловичем); оба были перелиты в 1831 году;

повседневный колокол, весом 300 пудов (4914 кг), был отлит в 1672 году в Саввино-Сторожевском монастыре или в Москве Федором Моториным из металла, оставшегося от отливки Большого Благовестного колокола. Считается одним из лучших колоколов известного мастера;

воскресный колокол, весом 500 пудов (8190 кг), отлит также в 1672 году в Саввино-Сторожевском монастыре из металла, оставшегося от Большого Благовестного колокола;

весом 1344 пуда 24 фунта (22 025 кг), отлит в 1652 году в Москве на Пушечном дворе тогдашним «главным пушечным и колокольным мастером

Москвы» Гансом (Иоанном) Фальком. В документах тогда был назван Большим Благовестным колоколом (не путать с настоящим, появившимся позднее). Надпись составлена Алексеем Михайловичем: «Изволением всеблагого и всещедрого Бога нашего и заступлением милостивые заступницы пресвятой владычицы наша Богородицы, честного и славного ея Рождества и великого и преподобного отца нашего Саввы чудотворца, что в Звенигороде нарицаемый Сторожевский, при властех при честном архимандрите Ермогене да при честном келаре старце Вельямине Горскине...» (далее — перечисление братии). После отлива его дальнейшая судьба неизвестна;

Большой Благовестный колокол весом 2125 пудов 30 гривенок (34 822 кг), отлит в 1668 году в Саввино-Сторожевском монастыре «государевым колокольным и пушечным мастером» Александром Григорьевым. Поднят на звонницу в 1671 году. Сохранялся до 1941 года, когда был взорван.

2. Старинные колокола, изъятые по предписанию «Рудметаллторга» от 7. 01. 1930 г.:

кесарийский колокол весом 41 пуд (672 кг), был отлит 21 августа 1792 года в Москве на заводе Леона Струбовщикова; на колоколе — образы Казанской иконы Божией Матери и Николая Чудотворца;

весом 125 пудов 22 фунта (2047 кг? 2056,5 кг), отлит в 1831 году в Москве на заводе Николая Самгина; с изображениями Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского, а также Рождества Пресвятой Богородицы;

весом 261 пуд (4274 кг? 4275 кг), был также отлит в 1831 году в Москве на заводе Николая Самгина; также с изображениями Сергия Радонежского, Саввы Сторожевского и Рождества Пресвятой Богородицы;

весом 438 пудов (7174 кг), дополнительных сведений нет;

весом 600 пудов (9828 кг), известен и изготовлен после 1860 года. Находился в Саввинском Скиту;

также «Рудметаллторг» в предписании от 7.01.1930 г. упоминал и предполагал снять со звонницы 11 мелких колоколов общим весом в 70 пудов (около 1147 кг).

3. Единственно сохранившийся сегодня старинный колокол:

часовой колокол голландского литья. Трофей, вывезен из Смоленска, где украшал городскую ратушу. Отлит мастером Килианом Вегевартом в г. Камписе (?) в 1636 году. С латинской надписью: «Бог с нами, кто же на нас?» Украшен орнаментом из переплетенных цветущей ветвью фигурок

амуров и рогов изобилия. Диаметр основания — 1 м 5 см. Высота — 83 см. Вес — около 40 пудов (примерно 660 кг). Появился на звоннице в 1654–1655 годах после присоединения Смоленска к России в результате войны с Польшей.

4. Колокола современного производства (рубеж XX и XXI веков):

восемь колоколов разных по весу: 12 кг (ля второй октавы), 16 (фа диез второй октавы), 18, 30, 32 (ми второй октавы), 34, 52 (си первой октавы) и 96 кг (ля диез первой октавы);

весом 130 кг (фа первой октавы), отлит в 1998 году на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в г. Каменске-Уральском, с изображениями Покрова Божией Матери и Серафима Саровского. Затем заменен на такой же, с изображениями князя Даниила Московского и Алексия, митрополита Московского; с надписью: «Сей колокол отлит в г. Каменск-Уральском, на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в лето 1998 от РХ»;

весом 240 кг (15 пудов, ми первой октавы), был отлит в 1998 году на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в г. Каменске-Уральском; с изображениями Казанской Божией Матери и Спаса Нерукотворного; надпись: «Сей колокол отлит в г. Каменск-Уральском, на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в лето 1998 от РХ». Находится в Саввинском Скиту;

постный, весом 500 кг (31 пуд), отлит в 1998 году в АО «Литэкс» в г. Москве; с изображениями Троицы работы Андрея Рублева, Николая Угодника, Сергия Радонежского, Алексия — человека Божиего; с надписью: «Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию Славу»; начинается и заканчивается деисусным чином;

будничный, весом 670 кг (40 пудов, соль диез малой октавы), отлит в 1998 году на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в г. Каменске-Уральском, с изображениями Троицы Андрея Рублева, Николая Угодника, Сергия Радонежского, великомучениц Елизаветы Феодоровны и Варвары; надписи: «Сей колокол отлит в г. Каменск-Уральском, на заводе «Товарищество Пятков и К^о» в лето 1998 от РХ», «Слить сей колоколь въ домъ Пресвятыя Богородицы и отца нашего преподобнаго Саввы Сторожевскаго чудотворца иждиве-ниемъ раба Бож1я Васил1я Федорченко лета 1998 отъ Р.Х. весу 40 пуд»;

праздничный, весом 1640 кг (100 пудов), отлит в 1998 году в ОА «Литэкс» в г. Москве; с изображениями Креста и Страстей Господних, Спаса Нерукотворного, Рождества Божией Матери, Саввы Сторожевского,

Георгия Победоносца; надписи, сверху: «Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дний», снизу — «Изволением всемилостивого и всещедрого Бога нашего, заступлением Владычицы Пресвятой Богородицы, молитвами св. чудотворца Саввы Сторожевского при настоятеле обители Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Алексии II и при наместнике игумене Феоктисте, иждивением рабов Божиих Владимира Лаптева и Владимира Пекарева слит сей колокол в обитель сию святую в год ее славного 600-летия в лето 1998 от Р. Х. Весу 100 пудов»; в конце надписи — три небольших медальона с изображением Алексия, митрополита Московского, Российского герба и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

В подготовке перечня колоколов использованы материалы музея города Звенигорода и публикации В. А. Кондрашиной.

Как отливали колокола на Руси

Вот как описывает отливку колоколов и все, что связано было с этим событием, М. И. Пыляев в своем труде «Исторические колокола», написанном в конце XIX столетия:

«Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемониею. Хозяин завода до начала литья приносит в мастерскую икону, зажигает перед нею свечи и все присутствующие молятся. Хозяин сам читает вслух особую, соответственную случаю, молитву, а мастера и рабочие ее повторяют. После этого все двери затворяют и хозяин дает знак начинать дело. Несколько рабочих проворно и ловко берут наперевес рычаг и, раскачав его, пробивают в плавильной печи отверстие пода, откуда тотчас же огненным ключом вырывается расплавленная медь. В это время нужны все искусство и ловкость рабочих для того, чтобы медь лилась ровно, исподволь, по мере ее вливания в форму, и не переполняла бы желоба; в противном случае, она тотчас же выступает из него и половина ее выльется на землю, а если ее не достанет хоть на половину ушей колокола — вся работа пропадет и колокол надо вновь переливать. При литье колоколов, обыкновенно, литейщики распускали какой-нибудь самый нелепый слух.

На эти колокольные рассказы, известные под именем «литье колоколов», не раз полиция обращала внимание и брала с заводчиков подписки и делала им строгия внушения. Но с литьем колокола этот

освященный веками обычай снова восставал в самой нелепой форме...

По отливке, колокол оставляется в земле иногда несколько дней, до тех пор, пока совершенно остынет. После того как колокол остынет, его отрывают осторожно, снимают с него или лучше разбивают кожух и переносят в точильню. Там его обтачивают точилами, — и вся работа колокольно-литейного дела кончена. Когда колокол совсем готов, призывается священник для «Чина освящения кампана». В молитве, читаемой при освящении колоколов, церковь молит о ниспослании особенной благодати, вливающей в кампан силу, «яко услышавше вернии раби глас звука его — в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем дьявольским наветам сопротивно станут... да утолятся же и утишатся и пристанут нападающия бури ветряныя, грады же и вихри и громы страшные и молнии злорастворения и вредня воздухи гласом его» и проч.

Главное достоинство колокола состоит в том, чтобы он был звонок и имел густой и сильный гул; последнее зависит от относительной толщины краев и всего тела. Если, например, края слишком тонки, то колокол выйдет звонок. Но при лишней тонине звук его будет дробиться; напротив, при лишней толщине звук будет силен, но непродолжителен.

В звуке колокола нужно различить три главных отдельных тона: первый звон есть главный, самый слышный тон, происходящий тотчас же после удара; если звон густ, ровен, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колокол отлит превосходно. Такой звон зависит от математически-правильной и соразмерной толщины всех частей колокола и происходит от дрожания частиц металла, главнейше, в средней его трети. Второй — гул, который хотя происходит тотчас же за ударом, но явственно слышится спустя несколько времени. Гул распространяется не так далеко как звон, но держится долее его в воздухе, и чем он сильнее, тем колокол считается лучшим; гул происходит от дрожания частиц металла в краях колокола, или вернее в нижней его трети; от того-то чем толще края его, тем гул сильнее, хотя от излишней толщины их он разносится не так далеко. Третий тон есть тот, когда колокол не звонит, не гудит, а звенит. Это звененье происходит от дрожания частиц металла в верхней трети колокола; звук этот довольно неприятен; он тем слышнее, чем толще дно и верхняя треть колокола и чем массивнее его уши. В небольших колоколах звук сливается с звоном и потому едва слышен и то вблизи, но в больших он довольно силен и пронзителен; так, например, в московском большом колоколе в тихую погоду он слышен версты за две и не заглушается звоном всех окружающих колоколов».

Печатается по изданию: Пыляев М. И. Исторические колокола // Старое житье. СПб., 1897. С. 288–320.

О колоколе Саввино-Сторожевского монастыря

(из версии Г. В. Носовского и академика А. Т. Фоменко)

Мы приводим эти цитаты, исполненные чрезмерных эмоций, только для того, чтобы читатель убедился в повышенном интересе не только специалистов, но и внимательной общественности к тайнописи исторических колоколов Саввино-Сторожевской обители. Одновременно автор книги выражает надежду на то, что времена меняются, а значит — и вещи иногда возвращаются на свои места.

Включая и монастырские колокола.

Цитируется по изданию: Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология Руси, Англии и Рима. Гл. 7. Как писали на Руси до XVII века. Надпись на Звенигородском колоколе. М., 2004.

Читатель, воспитанный на скалигеровской истории, наверняка думает, что русская письменность до XVII века была обычной, хорошо знакомой нам кириллической письменностью. Может быть, с несколько иным начертанием букв, но не представляющей особых трудностей для специалистов. Нам показывают книги якобы XI–XII веков, русские летописи якобы XV века, которые без особого труда можно прочесть. За исключением, может быть, отдельных редких темных мест.

Однако это не так. Как мы сейчас увидим, до эпохи Романовых по-русски писали во многих случаях совершенно непривычными сегодня буквами. Причем этих русских азбук было много. Некоторые из них использовались в отдельных случаях и в XVII веке. Сегодня они требуют расшифровки, которая не всегда удается...

Большинство старых русских колоколов было перелито. А на некоторых из них надписи были испорчены, сбиты или заменены на новые. Сейчас уже трудно сказать, что именно и как именно было написано на старых русских колоколах... Нам известен один такой колокол XVII века, на котором, по-видимому, скопирована более старая надпись. Или же по каким-то причинам использованы старые русские азбуки. Это — знаменитый Звенигородский колокол, называвшийся Большим

Благовестным колоколом Саввино-Сторожевского монастыря. Он был уничтожен только в середине XX века...

Вторая половина надписи выполнена совершенно непривычными сегодня буквами. Причем здесь использовано сразу несколько азбук.

Разделителями между ними служат какие-то гербы. Двуглавые орлы и т. д.

По-видимому, эти гербы каким-то образом соотносятся с использованными тут видами русской письменности. Первые несколько строк этой части надписи расшифрованы. Последние строки не имеют надежного перевода до сих пор. Несмотря на то, что в последних двух строчках используются в основном привычные нам кириллические буквы...

Поясним, что историки считают, будто было два Звенигородских Благовестных колокола. Первый был отлит якобы в 1652 году и его судьба неизвестна. Второй колокол был отлит в 1668 году. Именно он сохранялся в Звенигороде вплоть до 1941 года, когда был уничтожен...

Скорее всего, картина здесь такова. Историки предлагают нам в качестве «перевода» надписи на Звенигородском колоколе некий текст, обнаруженный в архивах царской канцелярии. Причем неясно — к какому времени относится этот «перевод тайнописи». Может быть, этот «канцелярский перевод» был изготовлен в то время, когда старые русские алфавиты XVI–XVII веков были уже основательно подзабыты. Надпись на колоколе уже не могли читать так свободно, как раньше. В результате получился весьма приблизительный пересказ. Вероятно, таких попыток прочтения надписи было несколько. «Переводы» получились различными.

Некоторые из них дошли до нашего времени и были восприняты как «надписи с разных колоколов». В результате могла возникнуть легенда, будто было «два Звенигородских колокола». На которых будто бы были приблизительно похожие надписи. В одной перечислялись члены царского семейства и патриархи. А в другой — братия монастыря, старцы и монахи.

Подведем итог. Надпись на Звенигородском колоколе — это не тайнопись, а обычная запись, вполне естественная на колоколе. Предназначенная для всеобщего обозрения и для чтения, а не сокрытия каких-либо «тайн»...

Историки объявили все подлинные остатки старой русской письменности — загадочной и не очень интересной для серьезного исследователя тайнописью.

ВЕК XX. В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ **(из советской печати)**

Вниманию читателей предлагаются образцы публикаций советского периода (1919–1930 годы), характерные для того времени, но имеющие также любопытные сведения о «невидимом» житии Саввы Сторожевского. В первых двух — Акте о вскрытии и Воззвании — сняты некоторые наиболее оскорбительные слова. За грубыми действиями по вскрытию мощей преподобного старца мы видим, что на самом деле — они, эти мощи, удивительным образом сохранились более чем за половину тысячелетия! Хотя пропаганда в то время продолжала настаивать, что ничего в раке найдено не было.

АКТ

1919 года 17-го марта, согласно постановления Уездного С'езда Советов, Комиссией избранной С'ездом, в присутствии представителей всего С'езда, граждан г. Звенигорода, Верхнего Посада и духовенства от монастыря были вскрыты мощи Саввы Сторожевского, находящиеся в монастыре вблизи г. Звенигорода.

При вскрытии мощей Комиссией, вместе с представителями от врачебного персонала, обнаружено следующее:

1. Рака.
2. Две доски, обтянутые материей (квадр.).
3. Три пелены шелковые.
4. Одна пелена кисейная.
5. Череп без верхней челюсти.
6. Две скулы от них.
7. Один шейный позвоночник.
8. Одна-две или 1 г ключицы.
9. Три остатка разрушенных ребер.
10. Одна плечевая кость.
11. Одна локтевая кость.
12. Одна плечевая-локтевая кость (кость, пришедшая в разрушение).
13. Одно бедро.
14. Одна бедровая кость.

15. Четыре лодыжки.
 16. Две плоских стайных кости.
 17. Семь легких костей и пять немогущих быть определенными.
- Все эти кости потеряли свою форму.
- Всего 33 кости.
18. Подушка шелковая, заменяющая место ног.
 19. Пелена (покроец), прикрывающая ноги, подушки и живот.
 20. Ветхая мантия.
 21. Семь синих шнуров.
 22. Подушка с вырезом для головы.
 23. Кисея, в кот. была завернута и прикреплена голова.
 24. Вата (приблизительно ф. 2–3).
 25. Покрывало — одно.
 26. Доска кипарисовая.
 27. Лента белая, лежащая под доской.
 28. Одна денежная марка в 20 коп. и другая в 10 коп. (найжены в раке).
 29. Перекладина деревянная — одна.
 30. Доска, обтянутая бархатом с одной стороны и шелком — с другой.

При чем после осмотра всеми гражданами и сфотографирования, все вышеуказанные вещи были сданы духовенству монастыря в лице наместника игумена Иоанникия, ризничего иеромонаха Ефрема и духовника иеромонаха Саввы под их личную ответственность до распоряжения Звенигородского Уисполкома, в чем и подписуемся: Члены Комиссии (следующие подписи) С. МАКСИМОВ, М. КЛУБКОВ, М. ДЕМИДОВ, П. ПРОСТАКОВ, А. МУРАШЕВ, АФОНАСЬЕВ.

Духовенство: (подписи) Наместники Иг. ИОНА, иером. САВВА, ЕФРЕМ, иг. ИННОКЕНТИЙ.

Врач (подпись) ВОСКРЕСЕНСКИЙ. Председатель С'езда КУЛАКОВ.

Секретарь — КЕРЮШОВ. Председатель Комиссии: ЕМЫШЕВ.

Подписи присутствующих: от участвующих на С'езде — 70 подписей. Граждан — 6 человек. Красноармейцев — 1, представителей волост. — 12.

ВОЗЗВАНИЕ

Ко всем рабочим и крестьянам.

От Комиссии по вскрытию мощей в Савво-Сторожевском монастыре

Товарищи и граждане!

Прогнав от власти помещиков, попов... русский рабочий и крестьянин, избавляясь от религиозного дурмана, отделил церковь от государства. Однако это отделение еще не означает, что нельзя верить. Веровать никому не запрещено. Веровать можно свободно каждому. Но нужно, наконец, всем этим обманам... положить конец.

Всякий из нас, кто близко стоял к ионам (так оскорбительно автор текста называл игумена монастыря Иону. — К. К.) и монахам, видел все их гнусные проделки...

Звенигородский Уездный С'езд Советов от 17 марта 1919 года постановил: вскрыть мощи Саввы Сторожевского близ г. Звенигорода, что и было сделано в присутствии граждан г. Звенигорода, Верхнего Посада и др. деревень, представителей С'езда, от волостей, духовенства и медицинского персонала.

При вскрытии мощей оказалось: чучело набитое тряпками и ватой, голова этого чучела (мощей) была сделана частью из ваты частью из костей... Кроме того найдены в одной куче старые осколки костей... Далее при осмотре в раке найдены денежные марки.

Вот, граждане, краткое пояснение того, что сделано...

Подписи: Председатель Комиссии (Емышев). Секретарь (Керюшов).

Печатается по изданию: Фиалковский П. В. Из прошлого монастыря. Очерки по истории бывшей Саввино-Сторожев-ской обители. Звенигород, 1930.

<p><i>Попытки монахов восстановить монастырь и сорвать социалистическое строительство в деревне</i></p>
--

Со дня закрытия Савво-Сторожевского монастыря прошло почти 10 лет. На месте бывш. царских покоев расположился дом отдыха с ежегодной пропускной способностью до 20 000 человек.

В бывш. многовековом соборе, трапезе, организован Краеведческий Музей.

Не приезжают больше, под видом поклониться русским святыням... Давно уже не увидишь ни в одном монастырском здании монаха в рясе.

Но кончилась ли этим контр-революционная работа братии-монахов, которую они вели против рабочих и крестьян на протяжении пятисот лет и в период Октябрьской Революции, организовывая восстания против взятия рабочим классом власти?

НЕТ. Выселенные из монастыря монахи далеко от него не разошлись. Они расселились по 2–3 чел. в окружающих селах и деревнях и, под видом религиозной пропаганды, продолжают открыто, с помощью кулаков, вести контрре-волюционную работу.

В с. Каринском, в 8 вер. от монастыря, они в тихомолку объясняют крестьянам про закрытие монастыря, как факт совершившийся по пророческим предсказаниям Саввы. Якобы 500 лет тому назад, при своей жизни Савва в одно время заплакал и сказал своей братии: «придет время, на земле люди забудут Бога и будут над ним смеяться, к власти придет антихристова сила. Она выгонит меня из монастыря, но я совсем не уйду. Я переселюсь в другое место, где еще часть людей не забудет Бога и я буду за них молиться перед концом мира».

Таким местом, по объяснению монахов, является с. Каринское, куда уже Савва давно переселился и ходит невидимо среди людей по домам.

Для закрепления этой агитации, кулаки и монахи, совместно с попами, повели обработку массы за установление в честь Саввы нового престольного ежегодного праздника. Часть крестьянства, перепуганная рассказами о неожиданном появлении в их селе Саввы и наступлении расправы Бога за грехи, — согласилась на введение неожиданного праздника...

Отдельные монахи ходят по деревням под видом нищих-странников и проповедуют конец мира, смерть коммунистам и колхозникам. Кроме этого, для внушения религиозности дают детям по 50 коп. на пряники под видом милости от преподобного Саввы...

Кроме монахов в районе расселилось 140 монашек из ликвидированной Зосимовой пустыни. Они организуют церковные хоры из крестьянских девушек, привлекают население в церковь.

Печатается по газете «Октябровка», выпущенной к 12-й годовщине октябрьского переворота Звенигородским райкомом ВКП(б) в 1929 году.

В данном документе мы замечаем указания на чудеса, связанные с Саввой, продолжавшие происходить и в эти не простые времена. Так, даже на страницы официальной советской печати «проскальзывала» информация о «невидимом житии» старца и крепкой памяти о нем среди людей.

ДНИ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ, ЗВЕНИГОРОДСКОГО ЧУДОТВОРЦА

16.12 (03.12) — преставление (кончина) Саввы Сторожевского (1407 год).

01.02 (19.01) — обретение мощей преподобного (1652 год).

30.07 (17.07) — перенесение мощей игумена Звенигородского Саввы под вновь сооруженную сень (1847 год).

23.08 (10.08) — второе обретение мощей преподобного Саввы и перенесение их в основанный им и вновь открытый уже в XX веке Саввино-Сторожевский монастырь (1998 год).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САВВЫ СТОРОЖЕВСКОГО

Дата рождения — неизвестна (документально не подтверждена).
Гипотезы: до 1314 года, 1327-й или 1330-е годы. Место рождения (предположительно) — Смоленское княжество, в родовитой, возможно — боярской семье.

1340—1350-е гг. — принял монашеский постриг в Троицком монастыре и стал «одним из первых» учеников Сергия Радонежского.

1374, 26 ноября — рождение в семье великого князя Дмитрия Ивановича третьего сына — Георгия (Юрия), будущего духовного сына и покровителя Саввы.

1380 — победа русского войска в Куликовской битве.

1379—1382 — не подтвержденное документально предположение, что Савва становится игуменом и руководит до 1392 года основанным Сергием Радонежским Успенским Дубенским (Шавыкиным) монастырем. Но реальное появление данной обители именно в это время вызывает сомнение (так как со временем произошла путаница названий и имен). По источникам известно, что в то время Сергием был основан Успенский Дубенский Стромьинский (а не Шавыкин) монастырь, где игуменом он определил другого Савву — Стромьинского.

1380 — 1390-е гг. — Савва становится духовником братии Троицкого монастыря, предположительно — и самого Сергия Радонежского, а также супруги Дмитрия Донского — Евдокии и их сына Юрия.

1383 — спасшийся от литовцев епископ Смоленский Даниил переезжает в Москву и получает от Дмитрия Донского в епархиальное владение город Звенигород, а также именуется «владыкою Звенигородским»; возможное первое появление (его земляка — «смолянина») Саввы в Звенигороде.

1386 — гибель великого князя Смоленского Святослава Ивановича в битве с литовцами. Витовт Литовский захватывает Смоленск и сажает на княжение Юрия Святославича — будущего тестя сына Дмитрия Донского — Юрия.

1389 — кончина князя Дмитрия Донского, его сын Юрий Дмитриевич получает в наследство Звенигородский удел и становится князем

Звенигородским и Галичским.

Предположительно новое появление в Звенигороде духовного отца Юрия — Саввы.

Епископ Звенигородский Даниил сопровождает часть пути в Царьград (Константинополь) митрополита Пимена, пытавшегося сохранить за собой митрополичий престол в Москве. Пимена поддерживают «смоляне» епископ Михаил и автор известного «Хождения Игнатия Смольнянина». Однако «смоленская», отчасти «антилитовская» партия проиграла, в правах митрополита был восстановлен проводивший в жизнь идеи Литвы Киприан, который в ближайший год триумфально возвратится в Москву.

1391 — старший сын Дмитрия Донского, великий князь Василий, женится на дочери великого князя Литовского Витовта — Софье, мать которой Анна была сестрой Смоленского князя Юрия Святославича, будущего тестя князя Юрия Звенигородского. Начинается «пролитовская» страница в русской истории, продолжавшаяся почти полвека.

По неподтвержденной версии, в этом же году митрополит Киприан мог отстранить от должности епископа Звенигородского — Даниила, как одного из проводников «смоленских» идей, неугодных Литве.

1392 — кончина Сергия Радонежского.

Первое реальное историческое упоминание даты, связанной с иноком Саввой, будущим Сторожевским, который становится игуменом Троицкого монастыря (после временного отказа Никона Радонежского возглавлять обитель). При этом Савва продолжает влиять на обустройство новой Звенигородской епархии в уделе князя Юрия Дмитриевича.

Витовт сажает на Смоленский великокняжеский престол вместо Юрия Святославича — его более покладистого брата Глеба.

1392–1393 — великая княгиня Евдокия, вдова Дмитрия Донского, строит в Московском Кремле храм Рождества Богородицы в память о муже и о победе на Куликовом поле.

Сын Евдокии — князь Юрий — при покровительстве и участии Саввы предположительно начинает аналогичное строительство (в честь отца и Куликовской победы) деревянного храма Рождества Богородицы в своих владениях — на горе Сторожи у Звенигорода.

Василий и Юрий Дмитриевичи подписывают «братский договор» о том, чтобы «быти заодно... до живота», по которому Юрий обязан беспрекословно воевать с врагами по просьбе старшего брата и не выступать против него. Юрий совершит несколько победоносных походов и будет исполнять условия договора до самой кончины Василия, даже в ущерб себе.

1395 — поход Тамерлана (Тимура) на Волжскую Булгарию, а затем — в сторону Руси. Неожданное прекращение нашествия связывали с принесением из Владимира в Москву иконы Богородицы Владимирской, после чего был основан Сретенский монастырь на Кучковом поле (Б. Лубянка).

Благословение Саввой князя Юрия Звенигородского на быстрый поход в Волжскую Булгарию, в Закамье, вослед бежавшему князю Семену Дмитриевичу (по другой версии год похода — 1399-й). Взятие и разорение русскими дружинами столицы — города Булгар, крепостей Кременчуг, Джу-Кетау и великой Казани, победное и «богатое» возвращение войска в Звенигород. Часть добычи «по договору» Юрий отдает брату Василию.

Москва и Звенигород перестают платить дань Орде (до самой кончины Саввы в 1407 году).

Литовский князь Витовт полностью захватывает Смоленск и отстраняет от власти всех законных потомков великих князей Смоленских.

1395–1396 — предположительное начало строительства в Звенигороде (при участии и духовном руководстве Саввы) — Кремля, белокаменного кафедрального храма Успения на Городке (в честь побед русских дружин на реке Воже), а также белокаменного Рождественского собора на горе Сторожи (в честь победы на Куликовском поле), на месте возможно уже основанного в эти годы Богородице-Рождественского — будущего Саввино-Сторожевского монастыря (общепринятая версия основания обители — 1398 год).

Савва и князь Юрий приглашают Андрея Рублева со товарищи для росписи фресками обоих храмов. Рублеву заповедано писать для них также иконостасы, включая знаменитого «Спаса Звенигородского».

Зарождение идей «Звенигородской Руси» и «Русской Палестины — Небесного Звенигорода», которые будут воплощаться в жизнь князем Юрием и старцем Саввой.

1397 — скончался епископ Даниил, бывший Смоленский, а затем владыка Звенигородский — сподвижник и воплотитель идей Саввы в уделе князя Юрия.

1398 — Савва принимает решение окончательно переехать в Звенигород к князю Юрию, в основанный им монастырь на горе Сторожи, куда он прибывает со Смоленской иконой Божией Матери (так же как это сделал его учитель Сергей Радонежский при основании Троицкой обители).

Князь Юрий начинает чеканить собственные деньги (монеты) с изображением Георгия Победоносца (впервые на Руси), побеждающего

змия (змей был историческим символом покоренной им Булгарии), и именем хана Узбека (символом безграничной власти над «великой Евразией»),

1399 — в битве на реке Ворскле ордынская рать во главе с Едигеем на голову разбивает литовское войско, в рядах которого погиб Глеб Святославич Смоленский. Его брат — Юрий Святославич — остается единственным наследником Смоленского великокняжеского престола.

1400 — Савва благословляет женитьбу князя Юрия Звенигородского на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича — княжне Анастасии (которая также стала и духовной дочерью Саввы). Таким образом, кроме правовых претензий на Московский престол (по завещанию Дмитрия Донского), князь Юрий и его потомки становятся потенциальными претендентами и на великокняжеский престол Смоленска.

1401 — великий князь Смоленский Юрий Святославич с помощью своего тестя — князя Олега Рязанского (видимо, не без тайной поддержки и нового зятя — князя Юрия Звенигородского) возвращает себе Смоленск, изгнав литовцев, и начинает там управлять самостоятельно.

Великий князь Московский Василий I выдает митрополиту Киприану грамоту, освобождающую «церковных людей» от княжеского суда.

1402–1405 — завершение строительства Звенигородского Кремля, а также росписи Андреем Рублевым с учениками белокаменных храмов — церкви Успения на Городке и Рождественского собора в основанном Саввой монастыре (работы начались в 1395–1396 годах). Савва благословляет князя Юрия Звенигородского на строительство каменного храма Троицы в Троице-Сергиевом монастыре, где будут покоиться мощи его учителя — Сергия Радонежского, а также благословляет Андрея Рублева на написание икон для этого собора, включая будущую знаменитую «Троицу».

1403 — крещение Саввой родившегося в семье князя Юрия Звенигородского сына Василия (Василия Косого, в будущем — активного претендента на Московский престол по завещанию Дмитрия Донского).

1404 — Литва вновь захватывает Смоленск. Юрий Святославич Смоленский просит помощи у Василия I, но тот отказывает, не желая портить отношения со своим литовским тестем — Витовтом. Зять Юрия Смоленского — Юрий Звенигородский — не может ему помочь, так как у него «связаны руки» договором с братом Василием, по которому он «крест целовал», что не будет воевать без его приказа. Так Смоленск остается у Литвы — теперь уже на долгие десятилетия.

Май — Юрий Звенигородский дал жалованную грамоту Саввину монастырю, по которой передал ему несколько сел и деревень, освободил

от дани и пошлин всех, кто жил на монастырских землях, а право суда над ними перешло от местных властителей игумену Савве. Грамота явилась одним из уникальных примеров новых путей и возможностей духовно-светского управления на Руси.

1405— Феофан Грек, Андрей Рублев (после Звенигорода) и Прохор с Городца расписывают Благовещенский собор Московского Кремля.

1406 — кончина митрополита Киприана. До прибытия в 1410 году (другая версия — в 1409 году) из Константинополя нового митрополита — грека Фотия — в Москве наступает временное церковное безначалие. Преподобный Савва фактически становится одним из главных духовных лидеров, влиятельных авторитетов и почитаемых старцев на Московско-Владимирской Руси.

Ордынский правитель Едигей со своим сыном убивают злейшего врага Руси — хана Тохтамыш и уничтожают его войско. Через два года, сразу после кончины Саввы, он сожжет и разорит Русь.

1407 — князь Андрей Дмитриевич закладывает в соседнем от Звенигорода Можайске храм Рождества Богородицы, повторяя идею собора на горе Сторожи. Через год (сразу после кончины Саввы) он пригласит к себе с Белоозера старца Ферапонта.

Июль — кончина духовной дочери Саввы, матери князя Юрия Звенигородского, вдовы великого князя Дмитрия Донского — Евдокии, в монашестве — Евфросинии, главной попечительницы о русском престолонаследии.

Сентябрь — в монастырском покаянии скончался тесть князя Юрия Звенигородского — Юрий Святославич, с ним окончилось и прервалось наследие рода великих князей Смоленских.

3 (16) декабря — кончина (преставление) преподобного Саввы Сторожевского.

И Русь — как это часто бывало — опять пошла «другим путем»...

иллюстрации

Преподобный Савва Сторожевский.

Напрестольная пелена с Житием из ризницы монастыря в Звенигороде.

Фото начала XX в.

Преподобный Никон Радонежский.

Изображение на шитом покрове XVI в.

Монашеские подвиги.

Фрагмент древнерусской миниатюры

Воин-змееборец.

Белокаменный рельеф в честь рождения князя Юрия Дмитриевича. Около 1374 г.

Святой Григорий Палама.

Икона, современная Савве Сторожевскому. 1370— 1380-е гг.

Князь Юрий просит Савву основать монастырь у Звенигорода.

Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.

Монеты, выпущенные князем Юрием Дмитриевичем в Звенигороде. XV в.

Вид Саввино-Сторожевского монастыря.

Гравюра Милославского. 1843 г.

Великий князь Василий I Дмитриевич.

Из «Титулярника» 1672 г.

Договор князей Юрия Дмитриевича и Василия Васильевича.

РГАДА

*Изображение Георгия Победоносца на серебряном блюде, принадлежавшем князю Юрию
Звенигородскому*

Тамерлан (Тимур-ленг).

Реконструкция мастерской М. М. Герасимова

Великая княгиня Евдокия, супруга Дмитрия Донского.

Реконструкция С. А. Никитина

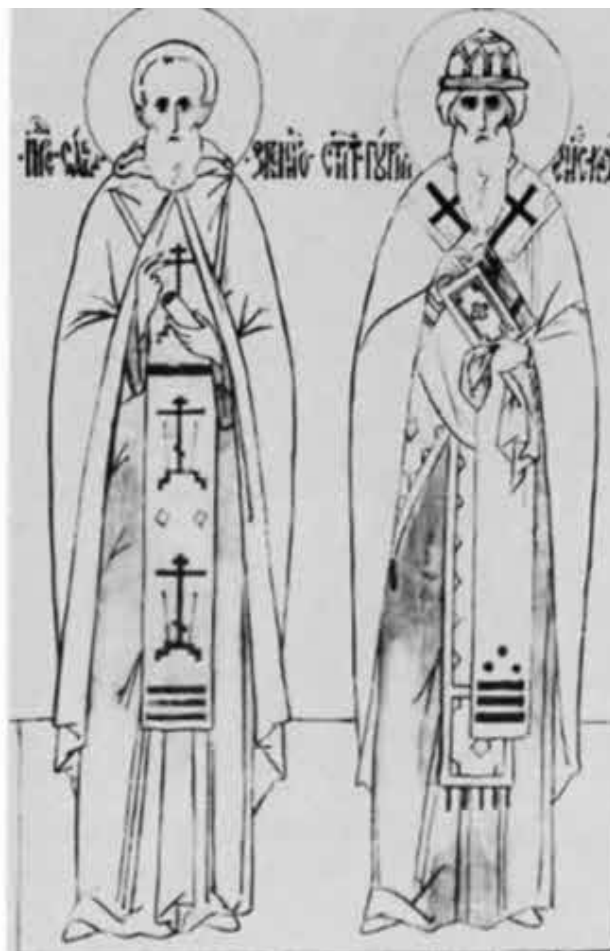

Житие преподобного Саввы Сторожевского.

Рукопись. Список с Жития Маркелла Безбородого. XVII в.

Фрагмент росписи на алтарной преграде Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря. XV в.

Слева — митрополит Киприан. Фрагмент миниатюры. Рукопись XVII в. Справа — преподобный Савва Звенигородский и святитель Гурий, епископ Казанский.

Прорись иконы работы монахини Иулиании (М. Н. Соколовой). 1950-е гг.

Большой Благовестный колокол Саввино-Сторожевского монастыря (35 тонн) с надписями и загадочными письменами. XVI! в. Был разрушен в 1941 году.

Фото начала XX в.

Зашифрованное послание («руническое письмо») царя Алексея Михайловича на Большом Благовестном колоколе Звенигородской обители

План Саввино-Сторожевского монастыря.

Из архивов Тайного приказа. XVII в.

Житие преподобного Саввы Сторожевского, написанное Маркеддом Хутынским.

Титульный лист печатного издания XVII в.

[illegible]

Начальный текст «Извещения о согласнейших пометах» старца Саввино-Сторожевского монастыря Александра Мезенца.

Автограф. XVII в.

Епископ Леонид (Краснопевков) — один из настоятелей Саввино-Сторожевского монастыря, автор житийных публикаций о преподобном Савве Сторожевском в XIX веке.

Фото 1870-х гг.

Святитель Дмитрий Ростовский, издатель одного из вариантов Жития преподобного Саввы Сторожевского.

Горельеф на памятнике «Тысячелетие России».

Эжен (Евгений) Богарне — принц, пасынок Наполеона Бонапарта.

Портрет работы А. Анпиани. 1800 г.

Видение генерала Евгения Богарне в Звенигороде.

С рисунка XIX в.

Привал французов у Саввино-Сторожевского монастыря.

Гравюра немецкого художника Адама. XIX в.

Коронационный мундир Эжена Богарне.

XIX в. Из собрания Эрмитажа

Скит преподобного Саввы

Саввинское подворье в Москве на Тверской улице (в глубине, справа). Было передвинуто в 1930-е годы на 50 метров и закрыто новым зданием. Построено в 1907 году архитектором И. С. Кузнецовым в новорусском стиле.

Фото начала XX в.

Кадр кинохроники тех лет иллюстрирует то, как вскрывались мощи святых

Монастырь в годы советской власти.

1920-1930-е гг.

Из монашеской жизни в Саввино-Сторожевской обители сегодня.

Чин освящения Артоса

Преподобный Савва Сторожевский.

Икона XVII в.

Троице-Сергиева лавра

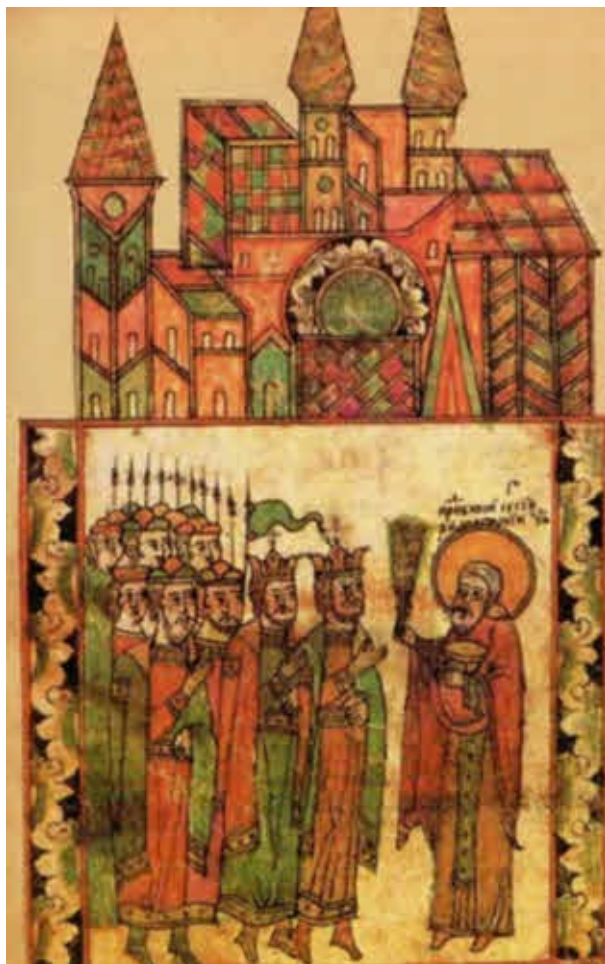

Часовня источника Саввы Сторожевского у Троице-Сергиевой лавры

Битва Пересвета и Челубея. Сказание о Мамаевом побоище.

Рукопись XVII в. ГИМ

Сергий Радонежский благословляет воинов на Куликовскую битву. Сказание о Мамаевом побоище.

Рукопись XVII в. ГИМ

Благословение Сергия Радонежского на игуменство в Дубенском монастыре. В рукописи обозначено имя будущего настоятеля — Савва

Преподобный Сергей Радонежский.

Покров. 1420-е гг.

Преподобный Андрей Рублев пишет икону Спаса.

С миниатюры лицевого Жития Сергия Радонежского

Преподобный Савва Стромьинский (Одноокий) — второй игумен Успенского Дубенского монастыря.

Фреска из Троице-Сергиевой лавры

Великий князь Дмитрий Донской.

Из «Титулярника» 1672 г.

Князь Юрий Звенигородский.

Роспись в Архангельском соборе Московского Кремля. XVII в.

Преподобный Савва Сторожевский благословляет князя Юрия на поход в Булгарию.

Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.

*На месте бывшей столицы Волжской Булгарии — города Булгар. Ханская усыпальница и
Малый минарет.*

Современное фото

Украшения болгарских женщин (серебро).

X–XII вв.

Звенигородский чин преподобного Андрея Рублева.

Конец XIV — начало XV в.

Вид на звонницу с часами в Саввино-Сторожевской обители

«Троица» Андрея Рублева

Панорама Саввиной обители времен Алексея Михайловича раскрывает царский замысел: справа он поставил свой дворец, слева — царицыны палаты, а духовным центром «Небесного Дома» стал Рождественский собор, где почивали мощи святого старца

Образец крюковых нот.

Рукопись XVI в.

Собор Радонежских чудотворцев. Справа — преподобный Савва Сторожевский.

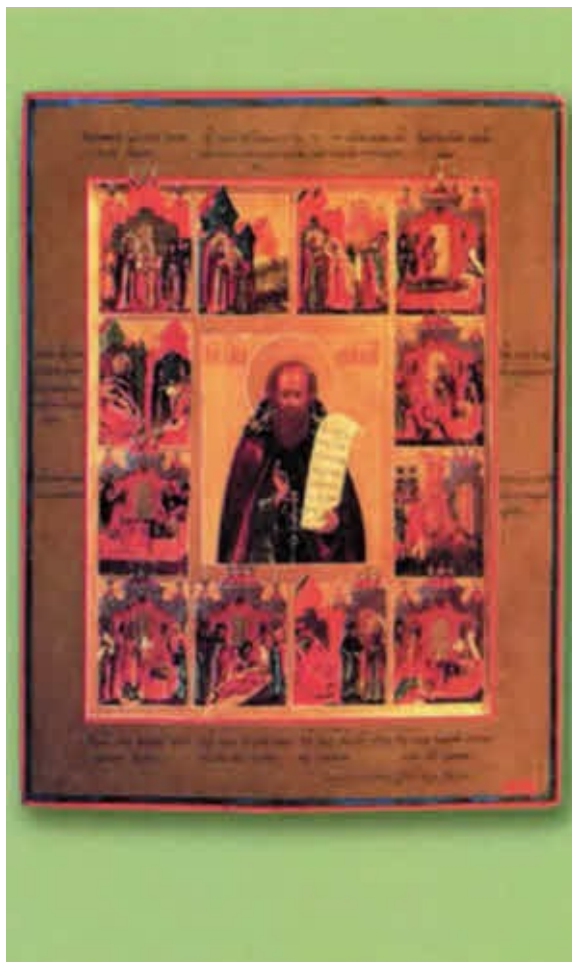
Финифть. XIX в.

Царь Алексей Михайлович

Супруга царя Алексея Михайловича Мария Милославская

Игумен Савва Сторожевский с Житием.

Икона XVII в.

Евангелие в серебряном окладе из ризницы Саввино-Сторожевского монастыря.

1644 г.

Л. А. Мей. Поэма «Избавитель».

Иллюстрации Н. Самокиша. XIX в.

Слева — потир — вклад в Саввино-Сторожевский монастырь архиепископа Смоленского Филарета. 1665 г.

Справа — Петр I

*Н. К. Рерих. Звенигород. 1933 г. На фоне храма изображены два старца, видимо, преподобные
Сергий Радонежский и Савва Сторожевский (держит в руках свиток с надписью
«Звенигородъ»)*

Преподобный Савва молится в пещере.

Икона XIX в.

Вид Саввина монастыря и герб Звенигорода 1781 года.

Хромолитография типографии И. Д. Сытина. 1888 г.

Некоторые почитатели преподобного Саввы Нового времени:

А. С. Пушкин, И. И. Шишкин, Ф. И. Шаляпин. Великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Александрович

Кончина (преставление) преподобного Саввы Сторожевского.

Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.

*Троицкий собор в Троице-Сергиевой лавре, где хранятся мощи преподобного Сергия
Радонежского. 1422 г.*

Современное фото

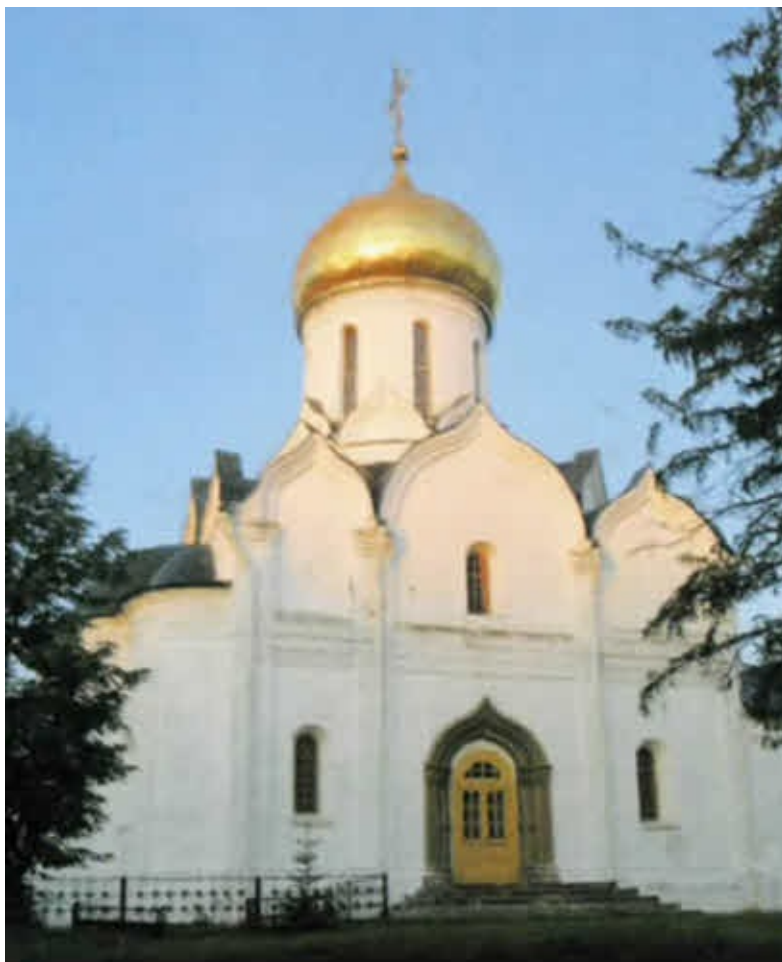
Храм Успения Пресвятой Богородицы на Городке, в Звенигороде.

Реконструкция облика конца XIV в. Б. А. Огнева

В. В. Путин в детском приюте Саввино-Сторожевского монастыря на праздновании Рождества Христова.

7 января 2004 г.

Собор Рождества Пресвятой Богородицы в Саввином монастыре.

Конец XIV в.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий у мощей преподобного Саввы

*Рака с мощами преподобного Саввы Сторожевского чудотворна в Рождественском соборе
Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде*

БИБЛИОГРАФИЯ

(не полная, составлена в алфавитном порядке по именам авторов трудов)

Необходимость приведения столь подробной (но все же совсем не полной) библиографии обусловлена тем, что фактически до сих пор не выходило книг, которые бы подробно раскрывали биографию Саввы Сторожевского. Только краткое его Житие, известное уже давно, заменяло общую картину истории. Специалисты не брались за работу над жизнеописанием, страшась, видимо, минимума современных той эпохе источников, а писатели — глубины образа. Но все же будущему исследователю или пытливому читателю может понадобиться более серьезное погружение во времена, когда жил Звенигородский прозорливец и чудотворец. Данный список литературы поможет в этом благом деле.

Абрамов А. В. Преподобный Савва Сторожевский и Успенский, Дубенский Шавыкин монастырь // Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Звенигород, 1998.

Абрамов А. В. К проблеме датировки кончины прп. Саввы Сторожевского. (Историография вопроса) // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7, 9.

Аверьянов К. А. Звенигородский удел в XIV–XV веках // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Аверьянов К. А. Звенигородский удел по духовной грамоте Ивана Калиты // Тезисы научной конференции «Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры». М., 1991.

Азарын Симон. Книга о чудесах пр. Сергия. Сообщил С. Ф. Платонов. — В кн.: Памятники древней письменности. Т. 70. СПб., 1888.

Азбука знаменного пения старца Александра Мезенца (1668-го года) // Издал с объяснениями и примеч. Ст. Смоленский. Казань, 1888.

Аймбетов К. Едиге. М., 1937.

Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. Сб. М., 1996.

Акафист преподобному отцу нашему Савве, игумену Сторожевскому, Звенигородскому чудотворцу. Звенигород, 1998.

Акафист преподобному Савве Сторожевскому: житие, акафист, чудеса. М.: Данилов благовестник, 2004.

Акты Археографической экспедиции с XIV ст. по 1683 г. СПб., 1853.

Акты исторические 1334–1700 г. СПб., 1842.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857.

Акты социально-экономической истории СевероВосточной Руси конца XV — начала XVI в. М., 1964.

Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению. 1670. Челябинск, 1996.

Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., 1860.

Алпатов М. В. Андрей Рублев. М., 1959.

Амвросий (Орнатский), еп. История Российской иерархии. В 6 т. М., 1807–1815.

Антоний (Ромадин), иеромонах. Новомученики Звенигородские // Материалы конференции «Преподобный Савва Сторожевский — «Забрало Москве, утверждение царствию, всем грешным прибежище». Звенигород, 2007. В печати.

Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 1. М., 1963. № 229.

Антонова В. И. Станковая живопись средневековой России. — В кн.: Триста веков искусства. М., 1976.

Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Архив А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1941. Т. 2.

Археологические известия и заметки. М., 1898. Т. 6. № 1—12.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

Афанасий (Сахаров), еп. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. СПб.: Сатись, 1999.

Афанасьев В. И. Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л.,

1979.

Бабин. О русских колоколах//Горный журнал. СПб., 1861. № 21. Ч. 4.

Балдин В. И. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры//Архитектурное наследство. 1956. № 6.

Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Некоторые проблемы топографии средневекового русского города. — В кн.: Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1. М., 1998.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т.1. М., 1952; Т.2. М., 1954.

Белоброва О. А. Посольство константинопольского Патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958.

Безсонов С. В. Архитектура Московского государства. — В кн.: Русская архитектура. М., 1940.

Белокурове. А. Дневальные записки Приказа Тайных Дел. 7165–7183 гг. М., 1908.

Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906.

Беляев Л. А. Древнерусские монастыри как городские кремли // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремли России». М., 1999. 26 нояб.

Белякова З. И. Романовы. Как это было. СПб., 1996.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бескровный Л. Г. Отечественная война в 1812 году. М., 1962.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–7. СПб., 1997–1999 (издание продолжается).

Благовещенская Л. Д. Звуковые спектры московских колоколов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1977.

Благовещенский И. Краткие сведения о всех церквах Московской епархии. М., 1874.

Богословский вестник. Сергиев Посад, 1910. № 3.

Богословский Н. Что было и чего не было: Из будущей книги того же названия // Вечерний клуб. 1992. 24 сент.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.

Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990.

Борисов Н. С. Сергий Радонежский (Жизнь замечательных людей). М.:

Молодая гвардия, 2004.

Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М.»1988.

Боровкова С. Н. Заповедная Звенигородская земля. М.: Московский рабочий, 1982.

Боровкова С. Н. Звенигород и окрестности. М., 1970.

Бояр О. П. К вопросу о «Звенигородском чине». — В кн.: Древнерусское искусство XV — начала XVI века. М., 1963.

Бояр О. П... Краснов Н. А., Краснов Ю. А. Звенигород. Путеводитель. М., 1974.

Брандт И. В. История Московского подворья Саввино-Сторожевского монастыря // Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Звенигород, 1998.

Брандт И. В. Первое и второе обретение святых мощей преподобного Саввы Сторожевского. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря, 2002.

Брунов Н. И. Русская архитектура X–XV вв. Сообщения кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 1. М., 1940.

Брунов Н. И. Собор Саввина-Сторожевского монастыря близ Звенигорода И Труды этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1926.

Брунов Н. И. Вопросы о раннемосковском творчестве // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928.

Брюсова В. Г. О времени построения Успенского собора на Городке Звенигорода. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Брюсова В. Г. Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // Вопросы истории. 1969. № 1.

Брюсова В. Г. Фрески Андрея Рублева в звенигородском Успенском соборе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. искусствоведческих наук. (Ученый совет Академии художеств СССР). М., 1951.

Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

Булыгин И. А. Монастырское хозяйство в России в первой четверти XVIII в. Ц Историческая география России, XII — начало XX в. Сб. к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975.

Булычев А. А. Об одном старопечатном издании // Федоровские чтения. 1982. М., 1987.

Быков А. А. Патриарх Никон (ЖЗЛ. Биографическая библиотека Ф. Павленкова). СПб., 1902. Ангарск: Формат, 1994.

Вагнер Г. К. О датировке памятников московского зодчества времени Андрея Рублева // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967.

Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

Васильев В. П. История канонизации русских святых. М., 1893.

Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладях. М., 1999.

Вейнер П. П. Беседы о бронзе. СПб., 1923.

Великие духовные пастыри России. М., 1999.

Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб.; М., 1868–1917.

Вереш С. В. Мастера иконостаса собора Рождества Богородицы // Московский журнал. 1994. № 12.

Верный месяцеслов всех русских святых. М., 1903.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вздорнов Г. И. Фресковая роспись алтарной преграды Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде // Древнерусское искусство XV — начала XVI в. М., 1963.

Винер А. Краски, применявшиеся русскими художниками в 11–17 веках в стенной живописи // Фресковая и темперная живопись. Вып. 2. М.; Л., 1948.

Виноградов А. Род Богарне // Родина. 1992. № 6–7.

Владимир (Соловьев), прот. Воспитание истинного патриотизма // Церковный вестник. 2005. № 17 (318). Сент.

Возвращение святых мощей преподобного Саввы Сторожевского. М»1998.

Воронин Н. Н. Зодчество СевероВосточной Руси XII–XV веков. Т. 2. М»1962.

Воронин Н. Н., Ильин М. А. Древнее Подмосковье. М., 1947.

Воронин Н. Н., Максимов П. Н. Каменное зодчество великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства. Т. 3. М., 1955.

Воскресенский Н., свящ. Святые архипастыри Русской церкви 19 в. 2-е изд. М., 1903.

Воспоминания архимандрита Пимена. М., 1877.

Воспоминания епископа Леонида (Краснопевкова) // Московские церковные ведомости. 1906, 1909, 1911, 1912, 1913.

Воспоминания о. Никодима Казанцева // Богословский вестник. 1910. № 1, 2, 3, 11, 12; 1911. № 7, 8, 9, 10.

Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нью-Йорк, 1988. Репринт: Н.-Новгород, 1907.

Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1988.

Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, всея России самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.

Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Т. 1. Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1978.

Геннади Г. Список книг о русских монастырях и церквях. СПб., 1854.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Глазунов А. А. Древнейшие фрески Богородице-Рождественского собора Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря // Светильник. М., 1915. № 9-12.

Годин Л. З. Звонкий металл//Знание-сила. 1974. № 10.

Голейзовский Н. К. О времени кончины и местной канонизации преподобного Саввы Сторожевского // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археография. 1998. М., 1999.

Голицын Н. Путешествие на богомолье в Саввин Сторожевский монастырь//Вестник Европы. 1821. № 18.

Голицын Н. С. Саввин Сторожевский монастырь. Странник. СПб., 1879. Т. IV.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. 1880–1917.

Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909.

Голубцов С. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999.

Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990.

Горский А. А. Идея защиты отечества в общественной мысли русского средневековья (XI–XV вв.)//Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века). Тезисы докладов. М.: Институт Российской истории РАН, 1992.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910. Репринт, 1996.

Горчакова Е. С. Поездка в Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевский монастырь и г. Дмитров. М., 1886.

Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649–1725). Очерк истор. — юрид. исслед. СПб., 1868.

Государственная библиотека СССР // Записки Отдела рукописей. Вып. 46. М., 1987.

Грабарь И. Э. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрац. работ 1918–1925 гг. — В кн.: Вопросы реставрации. Вып. 1 // Сборник центр, гос. реставрационных мастерских. Под ред. И. Грабаря. М., 1926.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Грекулов (Федоров) Е. Секуляризация церковных имений в России. М., б/г.

Греч А. К. Памятники Отечества. Венок усадьбам. Альманах. М., 1994.

Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Московский университет, 1990.

Г. С. О колоколах, достопримечательных по своей величине. СПб., 1833.

Губайдуллин А., Каримов И. Города Волжской Булгарии. Казань, 2003.

Гулин А., Шлеина О. Праздник обретения Родины. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. 1994 г.

Гуляницкий Н. Ф. Колокол в древнерусской архитектуре // Архитектурное наследство. М., 1988. № 36.

Гусейнова З. М. «Извещение» Александра Мезенца и теории музыки XVII века. СПб.: Государственная консерватория, 1995.

Даль Л. Историческое исследование памятников русского зодчества. — «Зодчий»//Архит. и худож. — техн. журн., издаваемый С.-Петербургским о-вом архитекторов. СПб., 1875, год 4-й, № 11–12.

Даль Л. Звенигородский Успенский собор. Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее / Под ред. Г. Филимонова. Кн. 1–3. М., 1874.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви. Кн. 6. Тверь, 2002.

Девятисотлетие русской иерархии. 988—1888. Епархии и архиереи/ Составлено по официальн. и история, данным Н. Н. Дурново. М., 1888.

Демина Н. А. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963.

Демина Н. А. Черты героической действительности XIV–XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга//Труды отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. Т. 12. М.; Л., 1956.

Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

Дестунис С. Жития святых, составленные по Четьям-Минеям и другим книгам. СПб., 1886.

Димитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых всею Русскою Церковью или местно чтимых. Вып. 1 (сент.) — 4 (дек.). Каменец-Подольск, 1893–1895; Вып. 5 (январь) — 12 (декабрь). Т. 6. Тверь, 1897–1902.

Дмитриев М. В. К проблемам истории русского монашества в XIV — начале XVI века (по страницам книги П. Гонно) // Вопросы истории. 1997. № 3.

Дмитриева Р. П. Маркелл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1989.

Добродомов И. Г., Кучкин В. А. «Казанская история» и основание Казани//Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI–XVI века. Ин-т мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. М., 1989.

Долгорукой В. Г. Путеводитель по Москве и ее окрестностям. М., 1872.

Долгорукой В. Путеводитель по России. Вып. I. М., 1872.

Донской Г. О. О церковном звоне. Новочеркасск, 1915.

Дополнения к актам историческим с конца X века по 1700 г. СПб., 1856.

Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1882.

Дорофей, преп. авва. Поучения. М.: Лепта-Пресс, 2005.

Древнейшая сторожа Москвы. О г. Звенигороде Моск. обл. Сборник. Звенигород, 1997.

Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М.: Старообрядческая Архиепископия Московская и всея Руси, 1956.

Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. Посвящ. памяти основателя Императорского Московского Археологического Общества и пожизненная его председателя Графа А. С. Уварова. Т. 3. М., 1909. Репринт. М., 1998.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882.

Духин И. Как били колокола // Московский журнал. 1995. № 10.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовлено к печати Л. В. Черепниным. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1950.

Душеполезное чтение. М., 1879, июль-август; М., 1892, № 1, 3–4.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. СПб., 1818. 2-е изд.; Т. 2. СПб., 1827.

Епифаний Премудрый. Житие Преподобного и Богоносного Отца Нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Литограф Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, 1853.

Естественно-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1978.

Ефрем, иеромонах. Торжество 500-летия Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря 4–9 сентября 1898 года. М.: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 1998.

Железнов В. Ф. Указатель мастеров русских и иностранцев, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907.

Женская Оптина // Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря. Сост. С. и Т. Фомины. М.: Паломник, 1997.

Живописная русская библиотека. 1856. Вып. 5. № 9.

Жизнеописание достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. М., 1992.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1906–1912. В 14 т. Репринт. М., 1994.

Жизнь и чудеса преподобного Саввы Сторожевского. М., 1891.

Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского. М., 1813.

Жизнь пустынных отцев. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. Репринт. 1991.

Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия Чудотворца // Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Ноябрь, день 17. Тетрадь I. Изд. Императорской Археографической комиссии. М., 1910.

Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского. Составлено С. Иеромонахом, ныне Архимандритом Никоном. 5-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904; Репринт: М.: Советский писатель, 1991.

Житие и чудеса преподобного Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря, 2002, 2005.

Житие и чудеса преподобного Сергия игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. М.: Православная энциклопедия, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Сергиев Посад, 1853.

Житие преподобного и Богоносного отца нашего Саввы, игумена Сторожевского и чудотворца. Составитель инок обители преподобного Саввы. М., 1903.

Житие преподобного Саввы Сторожевского. Великие Минеи Четьи. Декабрь. Дни 1–5. М., 1901.

Житие преподобного отца нашего Саввы, игумена Сторожевского, Звенигородского чудотворца // Жития святых святителя Димитрия Ростовского. М., 1998. Т. 4.

Житие преподобного отца нашего Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца Ц Избранные жития русских святых. М., 1992.

Житие преподобного Саввы Сторожевского. В переводе М. Г. Кротова (о. Я. Кротова) И В сб. «Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской». М., 1992.

Житие преподобного Сергия. Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством Преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях подвигом просиявших. СТСЛ, 1992.

Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII века) // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 3. М.: Археографический центр, 1994.

Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII в.) // РГАДА. Подготовка текста и предисловие Л. А. Тимошиной. М»1994.

Житие святителя Игнатия Брянчанинова // Жития русских святых. В 6 кн. Кн. 1. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.

Жития русских святых. Учебное пособие. Кн. 1–6. М., 1993–1999.

Жития святых: 1000 лет русской святости. Собрала монахиня Таисия. Джорданвиль, 1983. В 2 т.: Т. I. Репринт: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. Кн. 1—12. М., 1902–1911; Кн. 1 дополнит. М., 1908; Кн. 2 дополнит. М., 1917. (Репринт: Оптина пустынь, 1991–1993.)

Жития и творения русских святых. М.: Трифонов Печенегский монастырь. Ковчег, 2002.

Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901.

Завьялов А. А. Вопрос о церковных имениях при императрице

Екатерине II. СПб., 1890.

Заволока И. И. Родная старина // Древле-православный исторический вестник. 1933. № 13, июль.

Зайцев Б. К. Голубая звезда. М., 1989.

Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.

Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л.: Наука, 1987.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М., 1937.

Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. СПб., 1841.

Захотим и дом подвинем // Комсомольская правда. 1968. 9 июня.

Звенигород за шесть столетий. М., 1999.

Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Материалы науч. конф. 28–29 марта 2001 г. Звенигород: Звенигор. ист. — арх. и худож. музей, 2001.

Звенигородский краевед. Культурное наследие Одинцовской земли // История Отечества. М., 2003.

Звенигородский музей. Отдел фондов. Коллекция «Документы». № 3151.

Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. В 3 т. СПб., 1890–1897.

Здравомыслов К. Я. Биографический словарь иерархов Русской Православной Церкви с введения на Руси христианства до 1918 года // Огд. Рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 431–438.

Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.

Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М., 1975.

Зырянов Н. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.

Иванов П. Описание государственного архива старых дел. М., 1850.

Ивановский В. В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905.

Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI веке. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л.:

Наука, 1985.

Избранные жития русских святых. X–XV вв. М.: Молодая гвардия, 1992.

Ильин М. А. Монастыри Московской Руси XVI века как оборонительные сооружения // Исторический журнал. М., 1944. № 7–8.

Ильин М. А. Декоративные резные пояса раннемосковского каменного зодчества. — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.

Ильин М. А. Зодчество XVII века. — В кн.: История русского искусства. Т. 4. М., 1959.

Ильин М. А. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева // Вопросы истории. 1960. № 12.

Ильин М. А. Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. Проблемы, гипотезы, исследования. М., 1976.

Ильин М. А. К датировке «Звенигородского чина». — В кн.: Древнерусское искусство XV — начала XVI века. М., 1963.

Ильин М. А. Подмосковье. М., 1965.

Ильин М. А. Усадьбы Годуновых. — В кн.: Сборник общества изучения русской усадьбы. М., 1928.

Иннокентий (Смирнов), преосв. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века. СПб., 1817.

Иоанн (Кологривов), иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.

Иоанн Мейендорф. Введение в изучение св. Григория Паламы. Париж, 1959.

Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. Пер. с фр. // Серия *Subsidia Byzantinorvssica*. СПб.: Byzantinorossica, 1997.

Иосиф (Баженов), епископ. Монастырский вопрос. СПб., 1872.

Иосиф (Левицкий), архим. Подробное оглавление Великих Четых-Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892.

Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей. СПб., 1825.

История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов. Каталог архивных документов. М., 1988. Вып. 3; М., 1990. Вып. 5.

История православного монашества в СевероВосточной России со времен преп. Сергия Радонежского. В 2 ч. Ч. 1–2. Составил диакон Матфей Кудрявцев. М., 1881. Переиздание: М., 1999.

- История московских районов. Энциклопедия. М.: Астрель-АСТ, 2006.
- Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
- Казанский П. История православного русского монашества от основания Печерской обители преп. Антонием до основания лавры св. Троицы преп. Сергием. М., 1855.
- Камер-фурьерский журнал. 1775.
- Канонизация святых в XX веке. М.: Изд-во Московской патриархии, 1999.
- Канонизация святых. Троице-Сергиева лавра, 1988.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1989–1990.
- Карамзин И. М. Отечественные достопамятности, или Изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России. Ч. 3. М., 1823.
- Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006.
- Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992.
- Карташев А. В. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. 1. Париж, 1928.
- Касаткин И. Сборник законоположений о порядке приобретения церквами, монастырями и учреждениями Духовного ведомства недвижимых имуществ и о мерах к охране церковных земель. Н.-Новгород, 1904.
- Киприанов В. Описание Московской губернии в строительном отношении. СПб., 1856.
- Киселев А. Московский тип исторически самый крепкий // Родина. 2003. № 12.
- Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990.
- Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского // Избранные труды. Т. 1. М. 1998.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; М., 1988.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн.: Кн. 2. Лекции XXXV–LXV. Ростов н/Д. 1998.
- Кнаббе В. С. Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. Т. 4. Ч. 6. СПб., 1900.
- Книга, глаголемая описание о Российских святых. М.: В

Университетской типографии (М. Каткова) на Страстном бульваре, 1887. Репринт: М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

Ковалев К. П. Имена и лица русской культуры. М., 2005.

Ковалев К. П. Любовь к отеческим гробам? // Русская мысль. Париж, 1991, 20 дек.

Ковалев К. П. На Соколиной горке // Куранты. Историко-краевед. альм. М., 1987.

Ковалев К. П. Старец Саввино-Сторожевского монастыря Александр Мезенец (XVII в.) и его азбука крюкового пения // Материалы конференции «Преподобный Савва Сторожевский — «Забрало Москве, утверждение царствию, всем грешным прибежище». Звенигород, 2007. В печати.

Ковалев К. П. Утверждение Царствию и защита Москве. К 600-летию преставления преподобного Саввы Сторожевского. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального монастыря, 2007.

Ковалев К. П. Что было — то не прошло // Вече. Вып. 45. Мюнхен, 1992.

Козлов В. Ф. История закрытия Саввинского подворья в Москве // Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Козлов В. Ф. Монастыри в России в первые годы после революции // Журнал Московской патриархии. 1993. № 4.

Козлов В. Ф. Трагедия монастырей. Год 1929-й // Московский журнал. 1991. № 1.

Колокольные звоны. Практическое руководство для православных звонарей. М., 1997.

Колобов В. М. Археологические памятники на территории Звенигородского района//ЗИАиХМ, НВФ 862, 1948.

Колобов В. М. Звенигородский художественно-исторический краевой музей. Путеводитель. Звенигород, 1929.

Комиссаренко А. И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа. 20—60-е гг. XVIII в. М., 1985.

Кондратьев И. К. Преподобный Савва Сторожевский. М., 1913.

Кондратьев И. К. Преподобный Савва, чудотворец Звенигородский и основанный им Саввин Сторожевский монастырь. Ист. описание монастыря по док. и преданиям со времени его основания по настоящее время. М.: И. А. Морозов, 1899.

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 1894. Репринт. М., 1996.

Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев. — В сб.: Колокола. История и современность. М.,

1985.

Кондрашина В. А. Иконостас Саввино-Сторожевского монастыря работы царских изографов середины XVII в. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Кондрашина В. А. Обучение колокольному ремеслу на Московском Пушечном дворе во второй половине XVII века // Колокола. История и современность. М., 1990.

Кондрашина В. А. Прославление прп. Саввы Сторожевского в XVII и начале XX века // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Кондрашина В. А. Саввино-Сторожевский монастырь. 600 лет основания обители преподобного Саввы. Фотоальбом. М.: Лето, 1998.

Кондрашина В. А., Шашкина Т. Б. Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси// Памятники науки и техники. М., 1981.

Коненкова А. К. Подворье Саввино-Сторожевского монастыря в Москве. Саввино-Сторожевский монастырь 600 лет. М., 1997.

Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1993.

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906.

Коробкин С. С. Саввин Сторожевский монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1898; 3-е изд. М., 1904. Репринт. М., 1998.

Корсунский И. Н. Саввино-Сторожевский Звенигородский монастырь. М., 1899.

Корсунский И. Благовест. Ярославль, 1887.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1997.

Косточкин В. В. Саввино-Сторожевский монастырь в XVII–XVIII вв. (По запискам современников и неопубл. арх. чертежам) // Сообщения Ин-та истории искусств. Вып. 12. М., 1958.

Котельников В. А. Православные подвижники. М.: Прогресс-Плеяда, 2002.

Крамаровский М. Великая Орда Златая // Родина. 2003. № 11.

Красная Н. Новомученики Звенигородской земли. М., 2004.

Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным // Советская археология. 1964. № 1.

Кривцов Д. Ю. Значение общежительных монастырей для формирования нравственно-этических основ великорусской нации в период

образования централизованного государства (XIV–XV вв.). Автореферат дис. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1994.

Кротов Я. Г. (Кротов М. Г.) Росписи собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. М., 1988.

Кротов Я. Г. (Кротов М. Г.) Архивные материалы по истории Саввино-Сторожевского монастыря // Собр. на сайте в Интернете: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/ssm/_ssm.htm

Кудрявцев М. История православных монастырей в СевероВосточной России со времен пр. Сергия Радонежского. Ч. 1. М., 1881.

Кудрявцев М. История православных монастырей на северо-востоке России со времен преподобного Сергия Радонежского. М., 1881. М., 1999.

Кузнецов И. Д. Общественное значение монастырей. СПб., 1908.

Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980.

Кутузов М. И. Сб. документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы И Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006.

Кучкин В. А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.

Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории СевероВосточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Дабом Э. Полная реляция русской кампании в 1812 году. Париж, 1820.

Лаврентьев С., священник. Путешествие учеников московской Мароновской церковно-приходской школы в монастыри Николо-Угрешский, Саввин Сторожевский и Сергиеву Лавру // Душеполезное чтение. Ч. 2. 1902.

Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966.

Лазарь (Гришунов), иеродиакон. Программа юбилейных торжеств 600-летия преставления преподобного Саввы Сторожевского // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Лейхтенбергский Г., герцог. Семейное предание. СПб., 1914.

Леонид, епископ Дмитровский. Преподобный Савва Сторожевский. М., 1885; 1891.

Леонид (Кавелин), архим. Звенигород и его соборный храм с фресками. — В кн.: Сборник на 1873 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее / Под ред. Г. Филимонова. М., 1873.

Леонид (Кавелин), архим. Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. М., 1878.

Леонид (Краснопевков), епископ. Слово в неделю по Воздвижении, сказанное в Саввине монастыре, что на Сторожах, сентября 16 дня 1873 года Леонида, епископа Дмитровского. М., 1874.

Леонид, архим. Святая Русь. Справочная книжка по русской агиографии. Издания Общества любителей древней письменности. СПб., 1891.

Ливанова Т. Очерки по истории русской музыкальной культуры. М., 1938.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987.

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Наука, 1985.

Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.

Лобанова Т. В. Усадебные коллекции в собрании первого Звенигородского музея в 1923–1927 гг. (по материалам ОПИ ГИМа и ГАРФа). — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Любавин А. И. Последний ризничий Саввино-Сторожевского монастыря — архимандрит Ефрем. Доклад к международной конференции «Подвиг монашества в отечественной истории». М., 1998.

Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900.

Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и XIX вв. Л., 1937.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 1–7. М., 1995–1998.

Макарий (Веретенников), архим. Русская святость в истории, иконе и словесности. Очерки русской агиологии. М., 1998.

Маковский В. Есть ли будущее у Звенигородского музея? // Звенигородские ведомости. Звенигород, 2001. № 68.

Максимов П. Н. К характеристике памятников Московского зодчества XIII–XV вв. И Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12.

Максимович Л. М., Щекатов А. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 5. М., 1801.

Мартышин В. С. Колокольные звоны России. М., 1990.

Марьино. Альманах. Вып. 2, 1997. Вып. 4, 1998. Вып. 1 (6), 2001.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937.

М. В. Житие св. Архиепископа Сербского Саввы // Православная жизнь. Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь». Джорданвилль, Нью-Йорк: Св. — Троицкий монастырь, 1969. № 1 (январь).

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1, 2 и 3. М., 1990–1994.

Машкова И. П. Путеводитель по Москве. М., 1913.

Мельгунов С. И. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. Пг., 1917.

Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М., 1996.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1860 (1861, 1862).

Михневич В. Очерк истории музыки в России в культурно-общественном отношении. СПб., 1879.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2000.

Монастырская традиция в древнерусском певческом искусстве. Нац. Свиридовский фонд. Фонд во имя свт. Димитрия Ростовского. СПб., 2000.

Московский областной краеведческий музей в городе Истре. Путеводитель. М., 1989.

Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков // Памятники музыкальной эстетической мысли. Вып. 5. М., 1973.

Муравьев А. Н. Жития святых Российской церкви. В 12 т. М., 1855–1858.

Муравьев А. Я. Жития святых Российской церкви. СПб., 1847.

Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. В 2 ч.: Ч. 1. СПб., 1846.

Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие

России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.

Набоков С. С. Общие потомки Евгения Богарне и Кутузова // Русская мысль. Париж, 1970. (подл.: С. Н.). 23 апр.

Невиль, де ля. Записки о Московии. М., 1996.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983.

Некрасов А. И. Города Московской губернии. М., 1928.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Кн. 2. Ч. 3. СПб., 2003.

Николаева Т. В. Древний Звенигород. Архитектура, искусство. М.: Искусство, 1978.

Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

Новиков Н. И. Сокровища российских древностей. Репринт. М., 1986.

Огнев Б. Л. Успенский собор в Звенигороде на Городке // Материалы и исследования по архитектуре СССР. М., 1955. № 44.

Одинцовская земля. М., 1994.

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1906.

Описание всех монастырей России, мужских и женских. М., 1875.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869–1921.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. В 50 т. СПб., 1868–1916.

Описание монастырей в Российской империи находящихся. 5-е изд. М., 1819. 8-е изд. М., 1834.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

О поименовании православных воинов // Панихида о православных воинах и о всех, за Веру и Отечество на брани убиенных. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2005.

Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XVII вв. М., 1952.

Осташенко Е. Я. Андрей Рублев. Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV — первой трети XV века. М.: Индрик, 2005.

Очерки истории СССР, период феодализма. XI–XV века. Ч. 2. М., 1953.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962.

Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.

Павлова Н. Ю. Судьба наследства герцогов Лейхтенбергских в России И Краеведческие записки. СПб., 1997.

Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по

монастырям и святым местам. Нижний Новгород, 1907.

Поломарчук П. Г. Сорок Сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. В 4 т.: Т. 2. М.: АСТ-Астрель, 2004.

Памятники архитектуры Московской области. М., 1975; М.: Стройиздат, 1998–1999.

Памятники архитектуры Московской области: Иллюстр. науч. каталог // Комитет по культуре администрации Моск. обл. Центр, науч. — реставрац. проект, мастерские Министерства культуры РФ, 1999 и (или) 2001.

Памятники литературы Древней Руси. В 12 т. М., 1976–1994.

Памятники Отечества. Венки усадьбам. Альманах. М., 1994. № 32.

Памятные места Московской области. М., 1960.

Парфентьев Н. П. Автографы выдающегося русского музыкального теоретика XVII в. Александра Мезенца (Стремоухова) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1990 г. М., 1992.

Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель русской музыкально-письменной культуры XVII века Александр Мезенец (Стремоухов) // Музыкальная культура Средневековья. Вып. 1: Проблемы древнерусской и армянской музыкальной письменности и культуры. М., 1990.

Парфентьева Я. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI–XVII вв. Челябинск, 1997.

Певческое наследие Древней Руси. (История, теория, эстетика.) Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 2002.

Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. М., 1999.

Петриченко А. М. Книга о литье. Киев, 1972.

Петров А. Свеча загорелась сама собой // Родина. 2003. № 12.

Петров А. Е. Сергей Радонежский // Великие духовные пастыри России. М., 1999.

Пимен (Мясников), архимандрит. Биографический очерк. М., 1998.

Письма духовных и светских лиц к митр. Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.). СПб., 1900.

Письма митрополита Платона к преосвященному Амвросию // Православное обозрение. Письмо от 7 июня 1788 года.

Письма французских офицеров 1812 года // Пер. А. А. Васильева. Архив Звенигородского музея. Оп. 1. 1987.

Платон, митрополит. Краткая российская церковная история. В 2 т. 1805.

Плугин В. А. Мироззрение Андрея Рублева. М.: Изд-во Московского

университета, 1974.

Платонов. Путеводитель. Москва и окрестности. М., 1896.

Погодин М. П. Простая речь о мудрых вещах. Эпизод из жизни принца Евгения, вице-короля Итальянского. М»1874.

Подмосковье. Культура, история, география. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2003.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей XIII–XVI вв. М., 1965.

Позов А. Логос-медитации древней церкви (Умное делание). Мюнхен, 1964.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. 4. СПб., 1876.

Полное собрание русских летописей. М., 1961–1995.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб.: Изд. П. П. Собакина, 1913.

Полуян В. П. Юрий Звенигородский: Племянник дяде не отец. М.; Астрель, 2003.

Попов А. Звенигородский Успенский собор. — «Древности. Труды имп. Моск, археол. о-ва». Т. 11. Вып. 2. Прил. 3. М., 1886.

Попов М. С. Арсений Мациевич и его дело. СПб., 1912.

Попов Н. А. Древнерусские жития святых как исторический источник// Православное обозрение. 1872, первое полугодие.

Поселянин Е. (Погожев Е. Н.) Русская Церковь и русские подвижники 18 в. СПб., 1905. Репринт: Сергиев Посад, 1991.

Поссевино А. Московия. Исторические сочинения о России. М., 1983. Правнучка Николая Палкина // КГ. 1929. 16 сент. (вечер, вып.).

Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Звенигород, 1998.

Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Материалы научных конференций, посвященных 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря, 17 декабря 1997 г. и 22 сентября 1998 г. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. Звенигород, 1998.

Православные монастыри и экология. Тезисы докладов // Международная конференция: Россия, экология, монастырь. 1994, июнь.

Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. Репринт: СПб.: Воскресение, 1994.

Праздник обретения Родины. М., 1994.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

Принц Евгений Богарне — вице-король Италии. 1781–1824. СПб., 1902.

Приселков М. Д. История русского летописания в XI–XV вв. Л., 1940.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.

Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.; 1916.

Проловович А. И. Сборник законов о монашеском духовенстве. М., 1897.

Протасов Н. Д. Лицевое Евангелие 1470 года Саввина монастыря близ Звенигорода // Светильник. 1915. № 9—12.

Протасов Н. Д. Фрески на алтарных столпах Успенского собора в Звенигороде. Религиозное искусство в прошлом и настоящем // Светильник. 1915. № 9—12.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987.

Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л.: Наука, 1978.

Проценко Н. Ф. Монастыри в России и соборы в Москве. М., 1863.

Пустовалов В. М. Архитектурный ансамбль Саввино-Сторожевского монастыря И Методический кабинет Звенигородского музея.

Пустовалов В. Дворец царя Алексея Михайловича в Саввино-Сторожевском монастыре. Царские и императорские дворцы. М., 1997.

Путеводитель по Москве и ее окрестностям. М., 1872.

Путеводитель по Москве и ее окрестностям. М., 1903.

Путеводитель по Москве и окрестностям. М., 1896; М., 1918.

Путеводитель по русским городам. М.: Паломник, 2002.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М., 1898. Репринт: М.: Саввин Сторожевский монастырь, 1998.

Пухначев Ю. В. Загадка звучащего металла. М., 1975.

Пухначев Ю. В. Русские звоны // Советская Россия. 1981. 22 марта. № 69(7520).

Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т.: Т. 1. М., 1974.

Пыляев М. Исторические колокола. — В сб.: Старое житье. СПб., 1892 // Исторический вестник. 1890. Т. XLII.

Пэнэжко О., прот. Звенигород, Саввино-Сторожевский монастырь и храмы Одинцовского района. Владимир, 2006.

Разумовская Л. П. А. С. Пушкин в Звенигородском крае. М.: ПКП «Бони», 1999.

Рассказы о Саввино-Сторожевском монастыре о. Савватия... // Душеполезное чтение. М., 1879. № 8.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. Репринт: М., 1999.

Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980.

Розанов Н. П. История московского епархиального управления. Ч. 1–3. М. 1870–1871.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1017–1945. Париж: YMCA-Press, 1977.

Ремизов А. Звенигород Скликанный. Николины притчи. Нью-Йорк: Атлас, 1924.

Рерих Н. К. Дневник Маньчжурской экспедиции//Ариаварта. 1999. № 3.

Розанов Н. П. Об архиве Московской Духовной Консистории. М., 1868.

Розанов Н. Саввинское подворье в Москве и московские преосвященные викарии. М., 1869.

Романов К. К. О времени построения звонницы Успенского собора в Звенигороде // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 1. М., 1921.

Рогозянский А. Страсти по мощам. Из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 1998.

Розанов Н. История московского епархиального управления. Кн. 2. Ч. 3. М., 1871.

Росов В. А. Николай Рерих — Вестник Звенигорода. М.: Ариаварта-Пресс, 2004.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1899.

Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

Рубцов Н. И. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962.

Рукописная и печатная книга. Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. М.: Наука, 1975.

Русская Историческая Библиотека. Т. XXIII. Дела Тайного Приказа. Кн. 3. СПб., 1904.

Русская старина. 1914. № 3.

Русские святые, подвижники благочестия и агиографы. Словник-указатель. М., 1992.

Русский архив. 1870. № 6.

Русский биографический словарь. Т. 1—25. СПб., 1896–1913. (Переиздание: М., 1992–1999; издание продолжается.)

Русское православие: Вехи истории. М., 1989.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12. С. 125; История Москвы. Т. 1. М., 1952.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.

Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. СПб., 1896.

Рындина А. В. Литургическая деятельность митрополита Киприана в предметном мире православного богослужения // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

Савва (Тверской), архиеп. Воспоминания о преосвященном Леониде. Харьков, 1877.

Савва (Фатеев), игумен. Божественного света незаходимое светило. К 600-летию преставления преподобного Саввы Сторожевского. М., 2007.

Саввино-Сторожевский монастырь. 600 лет//Сборник Академии славянской культуры. М., 1997.

Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. М., 1888; 3-е изд. М., 1904.

Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода в 17-е число июля. Издание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1887. Репринт: М., 1998.

Саввин Сторожевский монастырь в его прошлом и настоящем. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1904. Репринт: Издание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1998.

Саввино-Сторожевский монастырь // Воскресный досуг. 1863. № 48.

Саввин Сторожевский монастырь // Нива. 1878. № 48.

Саввинское слово // Журнал-газета Саввино-Сторожевского монастыря. 1998–2007.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сахаров И. В. Подданные французских королей — баварские герцоги — члены Российского Императорского Дома — граждане Германии, Франции, США, Канады: род Богарне за последние два века // Российская Национальная библиотека на Международных научных конгрессах по

генеалогии и геральдике. СПб., 1996.

Сахаров И. В. Семейное предание герцогов Лейхтенбергских: преподобный Савва Сторожевский и судьба потомков Эжена Богарне в России Ц Доклад на конференции «Выходцы из Франции и их потомки в Санкт-Петербурге», 11 июля 2002 г. СПб. В печати.

Сведения о существующих в России лаврах и монастырях, собрано из разных источников. М., 1850.

Святители-подвижники нового времени, прославленные в 18–19 столетиях. М., 1913.

Святитель Димитрий Ростовский. Жития русских святых. Кн. дополнительная первая. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1993.

Седов Д. Братия Саввино-Сторожевского монастыря накануне закрытия обители И Саввинское слово. 2003. № 2 (25).

Седов Д. А. Новые факты из биографий настоятелей Саввинской обители И Материалы конференции «Преподобный Савва Сторожевский — «Забрало Москве, утверждение царствию, всем грешным прибежище». Звенигород, 2007. В печати.

Селезнев Ю. Ответный удар // Родина. 2003. № 11.

Серафим (Веснин), иеромонах. Монастырский мужской общежительный устав. Т. 1–3. М., 1910.

Серафим (Веснин), иеромонах. Первый всероссийский съезд монашествующих 1909 года. Воспоминания участника. М., 1909.

Сергиевский Н. Преподобный Савва Сторожевский и его святая обитель. М., 1898.

Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901.

Сергий Радонежский. Сб. М.: Патриот, 1991.

Ситдииков А. Столица ханства // Родина. 2005. № 8.

Сказание о перенесении мощей преподобного Саввы Звенигородского чудотворца, из придельной в соборную церковь по случаю устроенной новой сени над ракою преподобного Саввы, и слово, произнесенное при этом случае. М., 1848.

Скворцов Н. А. Духовенство Московской епархии в XVII веке. М., 1916.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. Репринт: М., 1990.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1–2. Л., 1987–1989.

Служба благоверному великому князю Димитрию Донскому // Минея дополнительная. Вып. 1. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2005.

Служба и акафист преподобному отцу нашему Савве, игумену Сторожевскому, Звенигородскому чудотворцу. М., 1876.

Служба и житие Саввы Сторожевского. М.: Печатный двор, 1646.

Смирнов С. И. Как служили миру подвижники древней Руси? Сергиев Посад, 1903.

Смирнов С. К. Историческое описание Саввина-Сторожевского монастыря. 3-е изд. М., 1876.

Смирнова А. Е. Два безбородых Древней Руси: святитель Никита Новгородский и его агиограф Маркелл // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей в честь О. А. Белобровой. В печати.

Смирнова А. Е. Список Жития Саввы Сторожевского для Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Софийское собр., № 1492) и рукописная традиция памятника // Книжные центры. Кирилло-Белозерский монастырь... В печати.

Смирнова А. Е. Творчество гимнографа XVI века Маркелла Безбородого. СПб., 2005.

Смоленский Ст. О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. 1907. № 9—10. 4—11 марта.

Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. (История Русской Церкви. Т. 8. Ч. 1–2.) М., 1997.

Смолич И. К. Русское монашество (988—1917). Жизнь и учение старцев // Приложение к «Истории Русской Церкви». М.: Православная энциклопедия, 1999.

Снегирев И. М. Памятники Московской древности. М., 1842–1845. М.: Альфарет, 2006.

Снегирев И. М. Русские достопамятности. Т. 1–4. М., 1883.

Собор Радонежских святых // Жития русских святых. В 6 кн.: Кн. 3. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.

Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых / Сост. А. Ечменский. М., 1913.

Соколов В. Р. Тайна Москвы и Великого князя Руси Юрия III: Размышления по истории и демографии. М., 2002.

Сокольский В. Д. Участие русского духовенства и монашества в

развитии единогодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998.

Сочнее Ю. В. Русская Церковь и Золотая Орда. Автореферат дис. канд. ист. наук. СПб., 1997.

Спасский Ф. Г. Поэт XVI века, игумен хутынский Маркелл Безбородой И Православная мысль: Труды Православного богословского института в Париже. Вып. 6. Париж, 1948.

Спарбер А. С. Некрополь Саввино-Сторожевского монастыря // Архив Звенигородского музея. Оп. 1. Д. 433.

Сперанский А. Н. Очерки истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви // Сост. по достоверным источникам П. М. Строев. Издание Археография, комиссии. СПб., 1877.

Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834.

Станюкович А. К. Забытое путешествие в Звенигород. М., 2006.

Станюкович А. К. Иноземные монеты из округа Звенигорода. Интернет-публикация.

Станюкович А. К., Медынцева А. А. Наперсный крест с датированной надписью из Звенигорода Московского. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. Сб. статей. М., 1998.

Стефан (Гулинов), игумен. Почитание преподобного Саввы Сторожевского XV–XXI вв. (иконы и храмы) // Материалы конференции «Преподобный Савва Сторожевский — «Забрало Москве, утверждение царствию, всем грешным прибежище». Звенигород, 2007. В печати.

Страхов С., свящ. 501-е лето в жизни Саввина Сторожевского монастыря. М., 1899.

Страхов С. В. В каком году правильнее праздновать 500-летие со дня преставления Саввы Сторожевского. М., 1907.

Страхов С. В. Исследование вопроса о времени общецерковной канонизации преподобного Саввы Сторожевского. М., 1915.

Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Сытин П. Пушечный Двор в Москве в XV–XIX вв. // Московский

краевед. 1929. Вып. 2 (10).

Тавлинцева Е. Ю. Железный век на территории Москвы и Подмосковья. Дьяковская культура. М., 2000.

Татищев В. Н. История Российская. М., 1768. (Т. 5. М.; Л., 1965.)

Темушев В. Н. Юго-западные границы Владимире-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. 1(14) январь — февраль.

Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 2001.

Тезисы научной конференции «Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры». М., 1991.

Тимошина Л. А. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. Комитет по культуре администрации Звенигородской области. Федеральная архивная служба России. Российский государственный архив древних актов. М.: Изд-во УРСС, 1998.

Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.

Тихомиров Н. Звенигород. М., 1948.

Тихон, иеромонах. Архиерей. Ровно: Духовное наследие, 2004.

Тихон (Полянский), иеромонах. Путешествие в историю русских монастырей. М.: Русское слово, 2006...

Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. I. М., 1892.

Тишунина Т. Б. Введенское в переписке Шереметевых-Гудович. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о русских святых. М., 1888.

Толстой М. В. Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре // ЧОИДР. Кн. 1. Разд. 1. 1860.

Толстой М. В. Рассказы из истории Русской Церкви. М., 1899. Репринт: М.: Лествица, 1999.

Толстой М. В. Рассказы из истории Русской Церкви // История Русской Церкви. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре // Три века христианства на Руси (XII–XV вв.). Т. 2. М., 1998.

Торжество 500-летия Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1899. Репринт: М., 1998.

Троица Андрея Рублева. Антология. М.: Искусство, 1989.

Трубецкой Е., кн. Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Париж: YMCA-Press, 1965.

Трусова В. Восстановление Саввино-Сторожевского монастыря.

Рукопись.

Тютюнникова И. В. Звенигородский комитет помощи от наводнения в 1908 году. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Уваров А. С. Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников имп. Моск, археол. о-ва. Т. 3. М., 1909.

Ульянов О. Г. «Деисус Андреева письма Рублева» из Благовещенского храма Московского Кремля. М., 2005.

Успенская А. В. Звенигородские курганы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. Вып. 49. М., 1953.

Успенский А. И. Саввин Сторожевский монастырь: К 600-летию Саввино-Сторожевского ставропиг. мужского монастыря. М., 1998.

Успенский А. И. Саввино-Сторожевский монастырь // Художественные сокровища России. М., 1904. № 5.

Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910.

Успенский Б. А. Древнерусское богословие: проблема чувственного и духовного опыта. Представление о рае в середине XIV в. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана (Древность и Средневековье). Казань, 2000.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Нью-Йорк, 1959.

Федор Крестьянин. Стихирьы // Памятники Русского музыкального искусства. Вып. 3. М.: Музыка, 1974.

Федоров Г. Б. Деньги московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12.

Фиалковский П. В. Из прошлого монастыря. Очерки по истории бывшей Саввино-Сторожевской обители. Звенигород, 1930.

Филарет, арх. Жития святых, чтимых Православной Церковью. В 12 кн. Чернигов, 1861; 3-е изд. СПб., 1900.

Филарет, арх. Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Чернигов, 1865.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. Харьков, 1859.

Филарет (Дроздов), митр. Московский. Житие Преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. СПб., 1822.

Филатов В. В. Главные фрески Успенского собора в Звенигороде // Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

- Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1905.
- Флоренский П. А. Троице-Сергиева лавра и Россия. — В кн.: Троице-Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1919.
- Флоров С. В. Аношина пустынь и Саввино-Сторожевский монастырь. — В кн.: Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Звенигород, 1998.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1988.
- Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М., 1912.
- Хавский П. Указатель источников истории и географии Москвы. М., 1839.
- Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
- Хлебодар И. Ю. К вопросу о мастерах иконостаса Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря. Архив Звенигородского музея.
- Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. СПб., 1875.
- Холмогоровы В. и Г. Город Звенигород. Ист. очерк. М., 1884.
- Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах (Звенигородская и Загородская десятины). М., 1882; М., 1886.
- Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М., 1986.
- Художественный сокровища России. Ежемесячный сборник, издаваемый Императорским Обществом поощрения художеств. Год ГУ-й, № 2–4, 5. 1904 год. Редактор Адриан Прахов. Вып. 5: Саввин Сторожевский Монастырь. Достопамятности Саввина-Сторожевского монастыря. Исторический очерк Александра Успенского. Репринт: М., 1998.
- Хузин Фаяз. Место зверисто и рыбно // Родина. 2005. № 8.
- Цветаева А. И. Сказ о звонаре московском // Москва. 1977. № 7.
- Цветаева А. И. Сараджев Н. К. Мастер волшебного звона. М., 1988.
- Цветник священноинока Дорофея. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. 2005.
- Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997 (История Русской Церкви. Т. 9). М., 1997.
- Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.
- Человек и его время // Всесоюзная школа молодых историков. М.: Ин-т истории СССР, 1991.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства

в XIV–XV веках. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Чернецов А. Походили на мавров // Родина. 2005. № 8.

Чернов С. З. Из двухсотлетнего забвения // Наука в России. 1993. № 3–4.

Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь. в> свете, археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

Чин пострижения в иноки // Издание Общества любителей древней письменности. Вып. 24, 63. СПб., 1878.

Чижевский И. Л. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествах и монастырях. Харьков, 1898.

Шабульдо Ф. М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры? // «Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono (Литва и ее соседи. От норманов до Наполеона). Сб. Вильнюс, 2001.

Шашкина Т. Б., Галибин В. А. Памятники древнерусского литья (результаты химико-аналитических исследований) // Советская археология. 1986. № 4.

Шашкина Т. Б., Кондрашина В. А. Секреты колокольного ремесла // Природа. 1981. № 3.

Шеляпина Н. С. Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

Шеляпина И. С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. № 1.

Шереметев С. Саввин Сторожевский монастырь. СПб., 1891.

Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914.

Шеффер Н. П. Русская православная икона. Вашингтон, 1967.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти. Сб. научных статей. М., 2003.

Штаты монастырей и монашествующих и способы содержания монастырей // Странник. 1883. № 2, 3.

Штейн И. фон. Краткое родословие герцогов Лейхтенбергских // Новик: Ист. — родослов. журн. Нью-Йорк, 1955. Г. 19, отд 2.

Щедрина К. А. Архитектурный облик Саввино-Сторожевского монастыря: пути его развития в XVII в. // Материалы конференции «Преподобный Савва Сторожевский — «Забрало Москве, утверждение

царствию, всем грешным прибежище». Звенигород, 2007. В печати.

Щедрина К. А. К вопросу о библейском источнике монастырского предания о чудесном спасении царя Алексея Михайловича прп. Саввой Сторожевским // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Эйзен И. М. Колокол. Исторический обзор по поводу его 1500-летия // Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива». СПб., 1894. Ч. 2, май — август. Ч. 3, сентябрь — декабрь.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238–1505). Т. 1–2. СПб., 1889–1891.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902.

Юдин А. Лики добрые «богов» // Родина. 2000. № 7.

Юрьева И. Ю. Детские впечатления в творчестве Пушкина: реалии и сюжеты Саввино-Сторожевского монастыря в набросках к поэме о разбойниках // Троицкие чтения 2003–2004. Гос. ист. — лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. С. Большие Вяземы, 2004.

Юрьева И. Ю. Житие «преподобного Саввы игумена» Сторожевского и замысел поэмы Пушкина о братьях-разбойниках // Троицкие чтения 2003–2004. Гос. ист. — лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. С. Большие Вяземы, 2004.

Юшко А. А. Звенигород Московский и удел звенигородских князей // Ин-т археологии РАН. М.: Ин-т археологии РАН, 2005.

Юшко А. А. Раскопки в Звенигороде московском. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 91–92; Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Яшина О. Н., Доценко И. И. Саввино-Сторожевский монастырь. История: к 600-летию преставления основателя обители преп. Саввы. Звенигород: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2006.

Яшина О. Н. Саввино-Сторожевский монастырь. Шесть веков истории (XVIII–XXI). Ч. 2. Звенигород: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2003.

Яшина О. И. Скит преподобного Саввы. Звенигород: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2007.

К 56

Ковалев К. П.

Савва Сторожевский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы / Константин Ковалев. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 415[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1078).

УДК 94(092)(47)"14"

ББК 63.3(2)42

Ковалев Константин Петрович

САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ:

ФАКТЫ И МИФЫ, ПРЕДАНИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Книга издается в авторской редакции

Главный редактор А. В. Петров

Художественный редактор И. И. Суслов

Технический редактор В. В. Пилкова

Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 15.06.2007. Подписано в печать 09.07.2007.
Формат 84х108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж 15000 экз. Заказ 73968.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>.
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Сущевская ул., 21.

notes

Примечания

Здесь и далее все даты даются по старому стилю, а по необходимости, в скобках — переводятся на новый стиль.

Верхняя одежда.

Предание, к сожалению, не говорит, на каком языке объяснялись принц и старец, но известно ведь, что и во сне мы никогда не отдаем себе отчета, какие были сказаны слова, хотя смысл их нам всегда остается вполне памятным и понятным.

Labaume, page 170.

У них было еще четыре сестры.